

А РУССКАЯ ФРИКА

Русская Африка

Москва
«Вече»
2009

Н63 Русская Африка / Автор-сост. Н.Н. Николаев. —
М. : Вече, 2009. — 400 с. — (Русские за границей).

ISBN 978-5-9533-3477-8

Кто первым из россиян ступил на жаркую африканскую землю? Кем были эти люди и что заставило многих из них покинуть родные места и навсегда поселиться на африканском континенте? Для кого-то поездка в Африку была делом обычным: артисты выезжали на гастроли, художники — на этюды, археологи — в экспедицию. Но после революции 1917 года в Африку не ездили, а бежали. Большинство попавших туда россиян было изгнано не только из России, но и из Европы. О русских африканцах, или африканских россиянах, многие из которых в разное время заслужили уважение и известность в принявшей их стране, пойдет речь в этой книге.

ББК 63.3(0)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Русская Африка... Какое странное словосочетание! Другое дело — Русская Америка! Произнесешь вслух — и сразу представишь себе Аляску, староверов, Форт-Росс, Резанова с Хвостовым из «Юноны и Авось»...

И тем не менее русская Африка есть. И в жизни, и, главное, в душах сотен тысяч людей, навсегда или надолго связавших свою жизнь с Черным континентом. И о них, русских африканцах, или, если хотите, африканских россиянах, и пойдет речь в этой книге.

Сразу оговоримся: под понятием «россияне» мы понимаем людей не только с исконно русскими фамилиями и с чисто русской внешностью, но и всех тех, кто в разные века жил бок о бок с ними на территории России и позже в СССР и оказался в те или иные годы в Африке, но для самих африканцев все равно навсегда остался «русским»...

Кто первым из россиян шагнул на жаркую африканскую землю? Вряд ли мы ответим на этот вопрос. Да это и не столь уж важно. Главное, что об Африке знали, и знали довольно давно. Правда, до XVII в. сведения о Черном континенте на Руси были довольно смутными и связывались в основном с библейской историей. Однако уже с XIV—XV вв. русские паломники, ходившие к святым местам в Палестину, иногда попадали в Египет, а в Иерусалиме встречались с эфиопами-христианами, но принесенные ими на родину сообщения об Африке были весьма скудны и не могли существенно расширить представления наших соотечественников о далеком континенте.

Видимо, на сомалийском побережье кратковременно побывал в 1472 г. на обратном пути из Индии тверской купец и лазутчик Афанасий Никитин, хотя его упоминание о «земле Ефиопской» не дает возможности досто-

верно определить место остановки его судна. Еще раньше русские стали посещать Египет. Но об этом — отдельная книга.

Давние связи с Африкой сложились у народов Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа. В глубь Средних веков уходят, например, армяно-эфиопские контакты, основанные на близости армянских и эфиопских церквей. В XV—XVI вв. эти связи сыграли некоторую роль в распространении географических знаний о Северо-Восточной Африке не только в Армении, но и в ряде стран Европы, куда попадали образованные армяне, побывавшие в Эфиопии, и в некоторых сопредельных с ней странах. Об этом мы еще поговорим.

Вообще вплоть до последней четверти XVIII в. русские путешествия в Африку по-прежнему были связаны в основном с паломничеством, и личное знакомство наших соотечественников с этим континентом, по существу, ограничивалось знакомством с территорией Египта.

Голландская карта Московии XVIII в.

С началом эпохи петровских реформ первой четверти XVIII в. основным источником информации об Африке в России — иностранные карты и литература, которые довольно регулярно переводились и издавались на русском языке в течение всего XVIII столетия. Правда, рукописные переводы иностранных сочинений, содержащих сведения по мировой географии, включая Африку, существовали и в допетровское время. Но чаще всего эти материалы оставались достоянием лишь царской семьи или ее ближайшего окружения. Государственная деятельность Петра I коренным образом изменила это положение, выдвинув географическое изучение нашей родины и зарубежных стран на одно из первых мест в отечественной науке.

С середины XVII и до начала XVIII в. основным учебным пособием по географии в России были рукописные учебники «космографии», в основе которых лежали вольные переводы комментариев к различным изданиям атласа Меркатора, появившегося в Германии на рубеже XVI и XVII вв. В 1710 г. по инициативе Петра I в России выходит первый печатный учебник географии — «География или краткое земного круга описание», — переведенный с голландского и изданный в московской типографии. В нескольких строках, посвященных Африке, в этом анонимном учебнике упоминаются: Варварская страна (то есть Берберия, Северная Африка), Египет, Ефиопия, Мономотапа и другие — типичная номенклатура западных карт до XVII в.

Вскоре по велению Петра в Москве были напечатаны русские переводы еще двух западных учебников географии. В 1718 г. вышла иллюстрированная книга Бернарда Варения «География генеральная, небесный и земноводный круги купно с их свойства и действо в трех книгах», переведенная Федором Поликарповым. Впервые этот учебник был издан в Амстердаме в 1650 г. и затем неоднократно переиздавался в разных странах, а в России он перепечатывался до 90-х годов XVIII в., то есть спустя полтора столетия после появления первого издания. А. Гумбольдт считал Бернарда Варения великим геогра-

фом. Учебник Варения был, по существу, сводкой знаний по математической и физической географии, накопленных в Европе к середине XVII в.

Сведения об Африке в учебнике Варения были крайне скромны. В разделе, посвященном суше, Африка характеризовалась как один из «круглых полуостровов» в одной группе с Таврией (Крымом) и Пелопоннесом.

В России XVIII в. учебник И. Гибнера стал важнейшим источником информации для создания многих учебников географии, а принятая в нем система изучения материала (географической номенклатуры) по «ландкартам» сохранилась и в XIX в. В учебнике И. Гибнера под рисунком, символизирующим Европу, была подпись: «Сия трех частей солнцем, но черная есть телом, паче же грубым и гнусным своим делом». К сожалению, это нелепое изречение отражало суть изложения материала по Африке не только в этом, но и во многих других учебниках географии, которыми пользовались в России в последующие 100 лет и даже позднее. Неведомый континент представлялся нашим соотечественникам в искаженном свете...

Закавказское интермеццо

Одна из наименее изученных проблем африканистики — связи народов Тропической Африки с народами Закавказья, бывшей составной частью СССР. Армяне и грузины установили тесные связи с народами Северо-Восточной Африки еще со времен Средневековья, а единичные контакты существовали и раньше!

Древние греки с уверенностью утверждали, что эфиопские воины, находившиеся на службе египетских фараонов, поселились некогда в Колхиде. Эта легенда не подкрепляется историческими фактами, хотя абхазский ученый Дмитрий Гулиа в 20-е годы XX века написал специальную книгу в защиту родства абхазцев с эфиопами. Член-корреспондент АН СССР видный африканист Д.А. Ольдерогге выдвинул в свое время гипотезу, согласно которой в основу армянского алфавита легло слоговое эфиопское письмо.

Церковная легенда рассказывает, что Месроп Маштоц, изобретатель армянского алфавита, позднее принял участие в создании двух других алфавитов Закавказья, в основу которых было положено армянское письмо. Совместно со своим учеником грузином Джалаем Месроп Маштоц изобрел грузинский алфавит, а в соавторстве с другим учеником, родом из кавказской Албании (Азербайджан), создал старый албанский алфавит, ныне забытый. Таким образом, если гипотеза Д.А. Ольдерогге подтвердится (если этой темой кто-то наконец займется), можно будет говорить о связях трех национальных культур Закавказья с культурой Эфиопии. Однако большинство ученых считают, что в основу армянского, а следовательно, грузинского и закавказско-албанского алфавитов легло древнее арамейское письмо, некогда широко распространенное на Ближнем Востоке, в том числе и в Армении.

Как бы то ни было, наука пока не располагает бесспорными доказательствами столь древних связей народов Закавказья и Тропической Африки. Сведения о последней были получены в Закавказье из библейской, новозаветной и греческой литератур, произведения которых переводились на древнеармянский (грабар) и старогрузинский языки. Отсюда в основном черпали свои знания об Африке средневековые армянские географы.

В знаменитой «Географии» Псевдо-Моисея Хоренаци (VII в.) говорится об истоках Нила, Аксумском царстве в Эфиопии, блемниях Нубийской пустыни и о Восточном Су-

Памятник Дмитрию Гулиа, народному поэту Абхазии, у Летнего театра в Сухуми

дане. Другой армянский географ VII в. подробно описывал благовония, производимые в Тропической Африке: мирру, ладан, камедь; диких животных: слонов, в том числе белых, носорогов, жирафов, пантер, обезьян. Вместе с тем он причисляет к ним такие фантастические существа, как кабанов с головой женщин, дышащих пламенем, и саламандр, гасящих огонь. В Средние века были очень популярны рассказы о подобных «чудесах природы».

Первым армянином, причастным к истории Судана и Эфиопии, был Нарсес Камсар Персармен, знаменитый полководец Юстиниана. В 540 г. Нарсес запретил языческие богослужения Исида и Осирису в храме этих богов на острове Филэ на границе Египта с Нубией. Закрытие храма, на месте которого вскоре была открыта церковь, должно было помочь распространению христианства в Судане. И действительно, через несколько десятилетий все нубийцы и часть беджа приняли эту религию. Однако Нарсес этого не дождался: в 543 г. он погиб на родине, подняв восстание против Византии. Через столетие арабы захватили Египет и отрезали нубийцев от Византии и других христианских стран, кроме соседней Эфиопии. Таким образом, эти две африканские страны, Нубия и Эфиопия, оказались в изоляции от единоверных им государств Европы и Закавказья. Впрочем, имеются сведения о том, что большая группа армян-монахов бежала от наступающих мусульман из Палестины в Египет и здесь нашла приют на крайнем юге страны, на границе

Месроп Маштоц — создатель армянского алфавита, основатель армянской письменности, первый переводчик, основоположник армянской школы

нашла приют на крайнем юге страны, на границе

с Нубией. Возможно, они поддерживали связь с нубийскими христианами. Получается, что знаменитая армянская диаспора зародилась гораздо раньше, чем мы предполагали!

Те жители стран Закавказья, которые владели арабским и персидским языками, могли почерпнуть сведения о Тропической Африке из произведений арабской и персидской литератур; в VIII—XIII вв. эти литературы переживали период бурного расцвета. Кроме того, в раннее Средневековье было время, когда Армения и Азербайджан находились под властью арабов и даже в Тбилиси пребывал арабский правитель! Что касается связей Закавказья с Ираном, то они общеизвестны. Поэтому арабская и персидская среда долгое время служила главным передатчиком информации об Африке для народов Закавказья, а через него — и для России. Христиане Армении и Грузии особенно интересовались своими единоверцами в Эфиопии и Судане, где в Средние века процветали христианские государства.

В конце XII в. появилась книга армянина Абу-Салиха на арабском языке. В ней содержатся уникальные сведения об Эфиопии и Нубии того времени. Сам Абу-Салих в этих странах не был и всю информацию о них получил в Египте — частью из арабской и коптской литератур, частью устным путем.

В том же XII в. в Палестине образовались эфиопская и нубийская религиозные колонии, состоявшие из постоянно живших в Иерусалиме священников и монахов, а также паломников, ежегодно приходивших на поклонение святым местам. Эти колонии поддерживали тесные связи с подобными же религиозными колониями армян и грузин, а также с местными армянскими купцами. Позднее армяне даже обязались оказывать поддержку эфиопам в Палестине и бесплатно их кормить.

В XVI—XVIII вв., в период расцвета Османской империи, армяне-григориане достигли в Иерусалиме чрезвычайно почетного положения, соперничая с католиками и православными. Все остальные христианские секты были оттеснены на задний план. Африканские

христиане-монофизиты пользовались покровительством армян, которые придерживались общих с ними религиозных догм. В 1461 г. армянский католикос (патриарх) в Константинополе провозгласил себя главой всех монофизитских церквей Востока: не только армянской, но и сиро-халдейской, коптской и эфиопской, а также грузинской, хотя она являлась православной, а не монофизитской.

Со своей стороны грузинское духовенство в Иерусалиме стремилось поддерживать контакт с эфиопским духовенством. Нередко грузинская и эфиопская общины «святого града» действовали совместно.

Так было в 1510—1513 гг., когда в ответ на пиратское нападение венецианцев и родосцев на египетский флот мамлюкский султан Египта Кансух ал-Гаври приказал арестовать католическое духовенство в Иерусалиме, а также венецианских консулов и других европейцев, находившихся в портах Египта и Ливана. Венеция укрепляла связи с Персией для совместной войны с мамлюками (черкесами, абхазцами и выходцами из Золотой Орды и Туркмении, захватившими власть в Египте, Сирии и Палестине). Французский король Людовик XII, с которым Кансух вел переговоры, выражал недовольство преследованием своих единоверцев в Святой земле.

Конфликт был улажен благодаря вмешательству грузинской дипломатии. Царь Грузии, противник Персии и турок, направил в Каир посольство. В результате успешных переговоров грузинские и эфиопские священники получили от султана важную привилегию: для богослужения у Гроба Господня они входили в церковь Воскресения свободно и беспошлинно, на зависть грекам и другим христианам, вносившим входную плату мусульманским «сторожам». Целый год грузины и эфиопы одни пользовались этой привилегией.

Проникали ли в период раннего Средневековья, до XV в., жители стран Закавказья в Тропическую Африку? Вполне возможно, однако все известия об армянах и грузинах в Нубии и Эфиопии до XV в. носят легендарный характер.

Итальянский академик Энрико Черулли в своем докладе, прочитанном в 1963 г. во Франции, привел серию легенд о связях средневековых христиан азиатского Востока с их единоверцами в Эфиопии. Среди легенд, на которые Э. Черулли обращает внимание историков, есть эфиопские материалы о национальных армянских свя-
 тых Рипсима и Гаянэ и одна грузинская легенда. История ее сложна и очень типична для средневековых христианских литератур как Эфиопии, так и Закавказья. Греко-египетский писатель раннего Средневековья Кирилл Скифопольский написал биографию (житие) своего учителя — александрийского патриарха Кириака. «Житие св. Кириака» было переведено с греческого языка на арабский, затем с арабского на грузинский. Грузинский перевод обнаружил французский ученый Жерар Гаритт в грузинской рукописи IX в. И вот в ней Кириаку приписан поступок, о котором не говорит более ни один источник: вскоре после 479 г. он якобы назначил некоего грузинского монаха из Иерусалима епископом-митрополитом Эфиопии. Во всяком случае, эта легенда говорит о том, что в IX в. образованные грузинские монахи, которые перевели «Житие св. Кириака», испытывали интерес и симпатию к далекой Эфиопии. Сам перевод был, очевидно, выполнен в Иерусалиме, и, воз-

Италияне Зона	Звуковое значение	Ори- гина- л	«б»	«г»	«д»	«ж»	«з»	«и»
Hōi	h	ሀ	ሁ	ሂ	ሃ	ሄ	ህ	ሆ
Lāwī	l	ላ	ለ	ሊ	ላ	ሌ	ሎ	ሐ
Hāut	ḥ	ሐ	ሑ	ሒ	ሓ	ሔ	ሕ	ሖ
Mai	m	መ	ሙ	ሚ	ሜ	ሞ	ሟ	ሠ
Saut	š	ሠ	ሡ	ሢ	ሣ	ሤ	ሥ	ሦ
Rēes	r	ረ	ሩ	ሪ	ራ	ሮ	ሷ	ሸ
Sāt	s	ሰ	ሱ	ሲ	ሳ	ሴ	ስ	ሶ
Kāf	k (q)	ቀ	ቁ	ቂ	ቃ	ቄ	ቅ	ቆ
Bet	b	በ	ቡ	ቢ	ባ	ቤ	ብ	ቦ
Tāwī	t	ተ	ታ	ቲ	ታ	ቲ	ታ	ቲ
Harm	ḥ	ረ	ሩ	ሪ	ራ	ሮ	ሷ	ሸ
Nahās	n	ነ	ኑ	ኒ	ኑ	ኒ	ኑ	ኒ
Alf	ḥ (as-sin, Jamar)	አ	ላ	ሊ	ላ	ሌ	ሎ	ሐ
Kāf	k	ከ	ከ	ከ	ከ	ከ	ከ	ከ
Wāwī	u	ወ	ወ	ወ	ወ	ወ	ወ	ወ
Āin	ʿ (as-sin, al-ha)	ሀ	ሁ	ሂ	ሃ	ሄ	ህ	ሆ
Zai	z	ዘ	ዘ	ዘ	ዘ	ዘ	ዘ	ዘ
Jaman	j	የ	የ	የ	የ	የ	የ	የ
Dant	d	ደ	ደ	ደ	ደ	ደ	ደ	ደ
Geml	g	ገ	ገ	ገ	ገ	ገ	ገ	ገ
Tait	t	ተ	ታ	ቲ	ታ	ቲ	ታ	ቲ
Pait	p	ለ	ለ	ለ	ለ	ለ	ለ	ለ
Šadai	š	ሠ	ሡ	ሢ	ሣ	ሤ	ሥ	ሦ
Šappā	ḥ	ረ	ሩ	ሪ	ራ	ሮ	ሷ	ሸ
Alf	f	ፈ	ፈ	ፈ	ፈ	ፈ	ፈ	ፈ
Pj	p	ተ	ታ	ቲ	ታ	ቲ	ታ	ቲ

Алфавит эфиопских языков

можно, переводчики встречали там, у Гроба Господня, своих эфиопских собратьев.

В начале XIV в. завязываются прямые сношения Эфиопии с армянами.

Знаменитый Эвостатевос (Евстафий), зачинатель крупнейшего социально-религиозного движения в Средневековой Эфиопии, совершил в начале XIV в. путешествие на север — в Нубию, Египет, Палестину, королевство Кипр и Армянское царство в Киликии. В Александрии Эвостатевос встретился с армянским патриархом и решил непременно погостить в его стране. Он действительно поселился в земле армянской, умер здесь и был якобы похоронен самим армянским патриархом. Эфиопское «Житие Эвостатевоса» сообщает много интересных и достоверных сведений о киликийской Армении, даже о браках армянок с крестоносцами-франками.

В XV—XVI вв. в Эфиопию попадают первые армяне. В середине XV в. здесь жил армянин Геворк, иначе абба Гиоргиос, написавший книгу эфиопских гимнов в честь Богородицы. В 1512 г. эфиопский император Лебна-Денгель направил другого армянина, Матевоса, послом к португальскому королю Мануэлю. Путешествие Матевоса продолжалось девять лет (1512—1520). Он побывал в Индии при дворе португальского вице-короля, в Лиссабоне и Риме. Матевос стал первым эфиопским дипломатом в Европе. Его рассказы о далекой африканской стране были записаны историографом короля Мануэля Дамианом ди Гоишем. Гоиш включил сообщение Матевоса об Эфиопии в свое письмо к архиепископу Упсалы, тогдашней шведской столицы. Это письмо вызвало сенсацию. В Швеции его переписывали, а в Антверпене издали уже на следующий год после написания (1514 г.). Впервые образованное общество Европы, переживавшей эпоху Возрождения, получило столь достоверные сведения об Эфиопии, и они были оценены по достоинству.

В XVI—XVIII вв. европейские путешественники и миссионеры встречали в Эфиопии множество армян, принимавших активное участие в политической жизни страны. Через них поддерживалась связь Эфиопии с Ар-

мений. В Эчмиадзине известный русский востоковед Б.А. Тураев обнаружил фрагменты эфиопских рукописей XIV—XV вв. Это редкие образцы ранней эфиопской литературы. В самой Эфиопии в XVI—XVIII вв. делались попытки изучать армянский язык, очевидно, с помощью находившихся там армян. В двух рукописях Британского музея сохранились следы такого изучения — списки армянских слов с переводом на язык геэз.

При содействии находившихся в Эфиопии армян и сторонников учения Эвостатевоса в XVII—XVIII вв. в Эфиопию попадают армянские священники. Местные патриоты пытались противопоставить их западным миссионерам и египетским коптам, составлявшим высшую церковную иерархию. В конце XVII в. в Эфиопии был даже один епископ из армян; по его словам, император Йоханнес I (1667—1682 гг.) намеревался пригласить в страну митрополита-армянина вместо коптского митрополита, присылаемого по обычаю из Египта. Во дворце был мастер-армянин, наладивший в Эфиопии производство пороха; своему искусству он обучал эфиопов.

В окружении императора Иясу I (1682—1704 гг.) важную роль играл армянин Элияс: он выполнял дипломатические поручения эфиопского императора при дворе султана в Судане. Наиболее известен третий эфиопский дипломат-армянин — Мурад Челеби, который более 50 лет своей жизни отдал служению Эфиопии на дипломатическом поприще. Этот замечательный человек, несмотря на все превратности судьбы, прожил 102 года. В 1700 г. он был выслан императором Иясу I во Францию ко двору Людовика XIV.

В царствование Иясу I в Эфиопию и Судан совершали путешествия многие армяне. Одним из них был архимандрит из Харбарды Аствацатур по прозвищу Тымбук. Возможно, самое прозвище Тымбук ему дали в честь знаменитого тогда города Тимбухту в африканской империи Сонгаэ. Аствацатура сопровождал чтец из Тигранакерта по имени Аветик Багдасарьян, оставивший чрезвычайно интересное описание путешествия. Он рассказывал о главных провинциях Эфиопии — Амхаре и Тигре,

а также, и это особенно ценно, об окраинных областях Агау, Галла, Энарья, Аусса, о турецких владениях на севере Эфиопии и на востоке Судана, о кочевых племенах Нубийской пустыни, эфиопских и сахарских иудеях, неграх-гумуз и других. Возможно, город Тимбухту послужил крайним пунктом в Западной Африке, которого достигли архимандрит Аствацатур и Аветик Бадасарьян. Местность Текрур описал кратко, но выразительно: «Царем у них арап, имя ему Султан Махмет; у него 40 сыновей. Во время нашего пребывания в этой земле он убил одного из сыновей из-за одной своей жены. Народ Текрура статен, красив лицом и весьма храбр. Если за всякого другого араба предлагают 50 пиастров, то за раба из этого народа — вдвое больше. По происхождению они арапы, магометане по вере, но дружелюбно расположены к армянам. Покрой платья у них, как у османских турок».

Оброненное вскользь замечание, что в Западной Африке жители дружелюбно относятся к армянам, позволяет предположить, что армянские путешественники и до Аветика посещали Западный Судан.

Интереснейшие записки Аветика Багдасарьяна остались забытыми и до сих пор не используются учеными-африканистами.

Армянский историк А.Г. Туршян напал на следы деятельности в Эфиопии еще одного армянина — Товмаджана. В первой половине XVIII в. он был казначеем эфиопского императора и знал страну лучше любого из своих европейских современников. Товмаджан оставил интересные мемуары, дважды изданные в Венеции на армянском языке, но не переведенные ни на один из языков Европы и поэтому оставшиеся неиспользованными в африканистике.

Об отношении к армянам в Эфиопии XVIII в. свидетельствует следующий исторический эпизод, о котором рассказывают эфиопские хроники. В течение большей части XVIII в. страной правил энергичный и мудрый рас Микаэль. Он пережил шестерых императоров, которые были марионетками в его руках. Один из них, по имени Соломон, был отравлен, процарствовав всего несколь-

ко дней в мае 1779 г. Митрополит-абуна, императрицать и вассальные цари, князья и султаны периодически устраивали заговоры против раса, но всегда терпели поражение. Грузинские источники называли Микаэля царем Эфиопии, да он и был им в действительности.

Летом 1769 г. на Микаэля было совершено покушение. Резиденция раса в тогдашней столице Гондаре находилась вблизи императорского замка-дворца. Совершая суд, рас был хорошо виден из окон замка. Однажды Микаэль сидел на помосте суда и вершил правосудие. Карлик-слуга стоял рядом с ним и веером из перьев страуса отгонял мух с лица и век престарелого вельможи (расу Микаэлю было тогда больше 80 лет). Вдруг в одном из окон замка блеснул огонек выстрела, и карлик, выронив из рук веер, упал к ногам раса, смертельно раненный пулей.

Расследование показало, что стрелял один из императорских солдат, родом армянин. Убийца бежал под покровительство митрополита, но был выдан расу Микаэлю по требованию государственного совета. Однако мудрый вельможа ограничился тем, что приказал под конвоем доставить этого человека в портовый город Массауа и немедленно выслать его из Эфиопии. Будь на месте преступника не армянин, а эфиопский солдат, его ждала бы жестокая казнь.

Покушение на жизнь самого могущественного человека в Эфиопии не изменило отношения эфиопов к армянам. Когда в 1770 г. в Гондаре находился знаменитый шотландский путешественник Джеймс Брюс, он встретил при дворе императора молодого армянина...

Но вернемся в Россию XVIII в. Здесь в это время проявляли уже интерес к африканским языкам!

Изучение их в России началось именно в конце XVIII в. и связано с изданием Российской академией наук «Сравнительного словаря всех языков мира». Л.И. Бакмейстер, начинавший это издание, составил список из 286 слов, который был разослан представителям русского прави-

*Петр Симон Паллас — немецкий и российский
ученый-энциклопедист, путешественник*

тельства за границей с просьбой разработать на основании этих списков словари местных языков. Подобное обращение было направлено также президенту Соединенных Штатов Америки, который отдал распоряжение собрать сведения среди индейцев, живших на террито-

рии Соединенных Штатов. В пределах Российской империи вопросники для составления словарей были разосланы губернаторам с указанием дать сведения по языкам всех народов, населяющих губернии и края, находившиеся под их управлением. В результате появились ценные сведения по языкам Северной Америки и Сибири.

Под руководством академика П.С. Палласа в 1787-м и 1789 гг. были изданы «Сравнительные словари всех языков и наречий», в которые были включены многие языки Азии и Европы. В дальнейшем намечалось издание сведений и по языкам Африки, так как в материалах, собиравшихся для словаря и хранящихся в архивах, находятся списки слов различных африканских языков.

В архиве АН СССР в документах фонда почетного члена академии Ф.П. Аделунга упоминается, что среди бумаг академика П.С. Палласа находились списки слов языков «шилх, коптского, ялофского, фульского, мадагаскарского, кафрского и готтентотского».

Мы не знаем точно, почему первое издание словаря не было завершено. Несомненно одно: оно, по-видимому, не удовлетворило Екатерину II, которая, очевидно, желала получить от Академии наук не столько научное издание, каким являлся труд П.С. Палласа, сколько книгу, позволявшую легко производить сравнения различных языков мира, предназначенную не для научных исследований, но, скорее всего, для светских бесед о происхождении языков. Во всяком случае, академик П.С. Паллас был отстранен от работы над продолжением издания, а вместо него назначен новый редактор, чиновник, ведавший делами школьного образования, Федор Иванович Янкович де Мириево. Получив указания переделать словарь Палласа так, как желательно было императрице, он быстро и точно выполнил все, что требовалось. «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» был издан в течение двух лет в четырех томах. В этом словаре слова всех языков мира перемешаны и расположены в едином алфавитном порядке — в порядке русского алфавита. Этот весьма своеобразный принцип не позволяет легко выделить слова каждого от-

дельного языка, вошедшего в издание, так как для этого требуется внимательный просмотр всех четырех томов, что занимает много времени.

По-видимому, это издание осталось в Зимнем дворце как справочник для Екатерины II и ее приближенных. Часть экземпляров была передана в Академию наук и Императорскую публичную библиотеку.

Внимательный просмотр материалов второго издания «Сравнительного словаря» дает возможность установить, что в него были включены сведения по 33 языкам народов Африки. В их числе два языка народов Северной Африки, 23 — народов Западного Судана, по преимуществу Гвинейского побережья, шесть языков банту и готтентотский. Особо следует отметить язык, названный в словаре «арабским на острове Мадагаскар». И.Ю. Крачковский в работе, посвященной истории русской арабистики, упоминает о нем как о словаре арабского языка. Наряду с коптским этот словарь много полнее всех остальных словарей и содержит 313 слов. Вероятно, они были записаны на восточном побережье Мадагаскара, где немало арабских поселений, и, возможно, даже арабскими буквами. Однако дававшие сведения говорили не по-арабски, а на малагасийском языке. Сравнение со словарем Флакура (XVII в.) и языком современного населения Мадагаскара доказывает, что словарь, обозначенный в академическом издании «по-арабски на острове Мадагаскар», в действительности малагасийский.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что среди всех этих материалов отсутствуют сведения о языках Восточной Африки, и в особенности о языках Эфиопии, а именно о языке геэз, то есть о языке средневековой литературы, а также об амхарском, или, как тогда говорили, абиссинском языке. Между тем еще в 1784 г. по приказанию Екатерины II граф Безбородко отправил константинопольскому послу списки 286 русских слов с указанием достать (через патриархов Антиохийского и Иерусалимского) перевод их на «абиссинский» и «эфиопский» языки с различными диалектами. По каким-то причинам во второе издание словаря языки северо-восточного

утла Африки не вошли. Из 33 языков к языкам семито-хамитской семьи относятся языки шильх и коптский. Шильх (или шлех) — язык берберов долины реки Сус в Южном Марокко. В словарь включены 66 слов, которые записаны довольно точно, если учесть, что для записи использован обычный русский алфавит без дополнения его какими-либо специальными начертаниями или диакритическими языками. Словарь содержит основные термины родства, числительные от 1 до 100, несколько десятков имен существительных и глаголов.

Сличение материалов, опубликованных в «Сравнительном словаре», показало, что составители использовали французское издание словарей, помещенное в четвертом томе «Всеобщей истории путешествий», выпущенном в Гааге в 1747 г. Из словарей Барбота были выбраны те слова, которые предусматривались основным списком академического словаря. Словарик «по-фулски в Африке» записан среди фульбе районов Гамбии, Сенегала и Сьерра-Леоне; словарь ялофского языка содержит сведения о языке волофов населения Республики Сенегал. Запись слов «мандингинского языка» дает представление о языке мандинго района Гамбии.

Среди бумаг архива академика Палласа в перечне словаря африканских языков находим упоминание о сумейльском словаре CLIV Sumeilich. 543, Worter-Sammlung mitgeteilt von dem Admiral von Krusenstern. Словарь этот удалось обнаружить в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки среди бумаг Фридриха Аделунга. Он представляет собой немецкий перевод словаря языка суахили, который был записан в 1811 г. английским капитаном Сми (Smee) и опубликован в журнале *Naval Chronicle* за 1814 г., но остался не известным африканистам. Экземпляр, принадлежавший адмиралу И.Ф. Крузенштерну, включает записи на языках soowilee, sumauli, galla (суахили, сомали и галла) и содержит около 80 слов каждый. В отличие от словарей, записывавшихся по большей части миссионерами, они имеют чисто практический характер. В то время как первые обычно начинаются со слова: бог, небо, душа и т.п., словари, составленные

капитаном Сми, отражают потребности моряка — содержат прежде всего названия пищевых продуктов и животных, обозначения года, месяца, недели и т.п.; характерны для интересов составителя перечни глаголов в его словарях, которые начинаются со слов: убивать, красть, драться, бояться, пить, есть, быть пьяным, плавать и т.д. В числе названий предметов фигурируют: бинокль, пистолет, мушкет, пушка, корабль, компас и другие подобные слова, обычно отсутствующие в записях путешественников, коммерсантов и духовных лиц.

В общем, можно отметить, что записи капитана Сми — первый в истории изучения суахили словарь этого языка.

Украинское интермеццо

Первые украинские путешественники появились на севере Африки в начале XVIII в. Как и русские паломники, украинцы посещали эти места в основном по пути в Иерусалим, следуя на поклонение святыням Востока.

Украинская паломническая литература XVII—XVIII вв. тесно связана с соответствующей русской и сербской, в меньшей степени — с греческой и западноевропейской литературами, а также с православными славянской, греческой и арабской устными традициями. Об этом, в частности, свидетельствуют термины, которыми в украинской паломнической литературе обозначены африканские христиане: «кофτες» (греч.), «хабежи», «коптии» (серб. и русск.), «кофи», «копти», «кофти», «абесины» (последнее — западное).

У Ипполита Вишенского Эфиопия названа «Агавешской землей», что явно восходит к арабскому биляд ахабиш — «земля абиссинцев». Очевидно, это название почерпнуто в живом общении с арабами в Палестине или на Синае.

Надо думать, что в Египте и Иерусалиме находились в то время немало украинцев.

Прежде всего это были полоняники. Об одном из них, сыне бахмутского атамана из Слободской Украины, носившем в Египте имя Касум-бек, упоминает грузинский

источник XVIII в. О Касум-беке говорится, что он являлся «выдающимся беком в Египте» и что мамлюкские правители этой страны грузины Ибрагим-бек и Мурад-бек «весьма его почитают». Вместе с Касум-беком в мамлюкских войсках Египта находились 11 младших командиров (кашифов) и 860 рядовых воинов, не считая вышедших в отставку, — все из «русских» пленников (вероятно, в большинстве украинцы). Примерно в те же годы в Палестине женой местного турецкого паши была пленная украинка, имевшая на него большое влияние. Кроме того, в греческих православных монастырях Палестины в конце XVIII — начале XIX в. постоянно находились украинские монахи. В частности, они жили в монастыре св. Саввы, где временами находились и выходцы из Эфиопии.

Монастырь Святого Саввы Освященного в Иудейской пустыне

Первым дошедшим до нас памятником украинской паломнической литературы (кроме древнерусского «Хождения игумена Даниила») является анонимный западно-украинский «Путник о граде Иерусалиме», датируемый концом XVI — началом XVII в. Анонимный паломник в Египте не был, он побывал лишь в Иерусалиме, где наблюдал богослужение коптов.

Следующим по времени является паломничество северных иеромонахов братьев Макария и Селиверста. В 1704 г. по дороге в Палестину они посетили Нижний Египет и оставили любопытное описание этого уголка африканского материка. В Иерусалиме они также видели африканских христиан — коптов и эфиопов (хабежей).

Четырьмя годами позже в Палестину и на Синай совершил паломничество черниговский епископ Ипполит Вишенский. (Его здесь неверно информировали о том, что на африканских берегах Красного моря «аж до Агавешьской земли «свою Віру держать» копты.)

Наиболее выдающимся из украинских путешественников XVIII века был Василий Григорович-Барский, представитель поколения, которое не нашло на родине применения своим талантам. Родился Барский в Киеве в 1701 г., учился в Киевской академии, но из-за болезни не окончил ее, однако успел изучить старославянский и латинский языки. В 1723 г. вместе с другим студентом, Юстином Леницким, Василий Григорович-Барский тайком от родителей отправился во Львов, где надеялся продолжить образование. Назвавшись польскими подданными и унитами братьями Барскими, друзья поступили во Львовскую иезуитскую коллегию. Но вскоре обман открылся, и оба молодых киевлянина были изгнаны из коллегии.

Ларнака.

Рисунок Василия Григоровича-Барского. XVIII в.

В течение следующих двух лет Василий Барский исходил пешком Венгрию, Австрию, Словению, всю Италию, затем путешествовал по материковой и островной Греции, Сирии, Палестине, Египту, иногда подолгу жил в греческих монастырях. Литературный греческий (византийский) язык он изу-

чал в Венеции, ливанском Триполи, на Кипре и Патмосе, сам преподавал латинский язык Кипрскому архиепископу Филофею, стал доверенным лицом Антиохийского патриарха Сильвестра, переписывался с Симоном Тодорским, первым украинским знатоком арабского и эфиопского языков, поддерживал знакомства с греческими просветителями и на некоторое время поселился в Константинополе, откуда совершал поездки по европейским и азиатским владениям Турции.

Греческим и латинским языками Барский владел прекрасно, и это весьма помогло ему в голодной, нищенской и скитальческой жизни. Арабским языком он владел настолько, что смог исповедоваться по-арабски

арабскому православному священнику в сирийском городке Эдлибе, а позднее под видом дервиша, путешествуя с караваном мусульманских паломников, он даже проник в знаменитую Дамасскую мечеть, закрытую тогда для иноверцев.

К этому времени выходцы из других районов России понемногу осваивали и для себя, и в интересах Родины неведомый континент.

В 1824 г. Географическое общество в Париже опубликовало сообщение, что назначена премия, которая будет выдана первому путешественнику — французу или иностранцу, посетившему Томбукту. Условия получения премии оговаривали, что путешественник должен направляться в Томбукту из Сенегамбии, повторяя, таким образом, путь Мунго Парка. В протоколах общества говорится, что на заседании Центральной комиссии 3 декабря 1824 г. один член Географического общества, оставшийся неизвестным, пожертвовал тысячу франков, которые должны были быть выплачены первому путешественнику, доставившему точные известия о Томбукту, о течении рек в его окрестностях и о торговле этого города. Кроме того, он должен был собрать сведения о странах между Томбукту и озером Чад и о горных районах Судана. Узнав об этом, граф Орлов, русский сенатор, согласился с тем, что его взнос в тысячу франков, сделанный на общем заседании общества 26 ноября 1824 г. для поощрения географических открытий, должен быть использован с той же целью. Вслед за тем Морское министерство Франции внесло две тысячи франков, Министерство иностранных дел — еще две тысячи франков, а Министерство внутренних дел — тысячу франков.

По представлению комиссии Географического общества премия эта была присуждена 28 ноября 1828 г. отважному исследователю Рене Кайе — первому европейцу, побывавшему в Томбукту. На самом деле, хотя первое обстоятельное описание Томбукту сделал именно Рене Кайе, но не он был первым путешественником, проникшим в этот таинственный город, закрытый для неверных!

За год до Рене Кайе Томбукту посетил англичанин майор Александр Гордон Лэнг. Направляясь из Триполи через Сахару, Лэнг пережил множество опасностей. Весь израненный, он достиг Томбукту, провел там некоторое время, но в 1827 г. на обратном пути неподалеку от Аравана был убит туарегами. Кайе знал о судьбе, постигшей его предшественника, и посвятил ему несколько страниц в описании своего пребывания в Томбукту.

В XIX в. на честь первооткрывателя Томбукту претендовал и американский моряк Роберт Адамс. Его известия о странствованиях были опубликованы в 1817 г. Однако сообщения Адамса подверглись критике, которая обнаружила противоречия в его рассказах и заявлениях, сделанных им в Кадисе американскому консулу и в Лондоне географу Дюньюи. Знакомясь с его сообщениями, мы убеждаемся, что они крайне недостоверны.

Через пять лет после Адамса другой американский моряк, Рили, также потерпевший кораблекрушение у западных берегов Африки, рассказывал о путешествии в Томбукту Сиди-Хамета, рабом которого он был. Его сообщения также не отличаются достоверностью. Были и другие путешественники — предшественники Лэнга и Кайе. После них еще многие исследователи старались проникнуть в этот таинственный город.

На общем фоне истории всех этих путешествий и трагических попыток достичь Томбукту путешествие некоего Варги, уроженца г. Кизляра Астраханской губернии, представляется почти фантастическим! После долгих странствий на Востоке он отправился в Африку, в страны, населенные народом хауса: посетил Кано, Кацину, Замфару, Зарию, оттуда направился в Томбукту, затем в Дженне и Конг. Путешествие его завершилось у границ государства Ашанти, откуда он был доставлен в Кумаси, а затем препровожден на английскую территорию в Кейп-Кост.

Сведения о путешествиях Варги были опубликованы в «Королевской газете» Золотого Берега в выпусках от 31 декабря 1822 г. и от 7 января 1823 г. Издание это почти неизвестно в Европе. Во всяком случае, эти выпуски

отсутствуют даже в отделе периодики Британского музея в Лондоне. Однако сообщения о путешествии Варги под названием «Путешествия одного татарина» были перепечатаны из «Королевской газеты» Золотого Берега в другом периодическом издании — «Королевской газете и Вестнике Сьерра-Леоне» в № 250 и 251 от 8 и 15 марта 1823 г. и изданы во Фритауне.

Прибывший в Кейп-Кост-Касл путешественник был опрошен представителями гражданской службы Золотого Берега. Он сказал, что его зовут Варги и что он уроженец города Кизляра Астраханской губернии. Англичане, плохо понимая его сообщения, решили, что перед ними татарин из какой-то орды в предгорьях Кавказа. Однако есть много оснований сомневаться в этом. Дело в том, что в Кизляре в конце XVIII в. жили не только ногайские татары, но и армяне, причем число их было довольно значительно. Варги, рассказывая о своих странствиях, упоминает, что он сам не мусульманин, что существенно важно, так как ногайские татары — мусульмане. Следовательно, вполне основательно предположение, что он происходит из кизлярских армян. Имя его — Варги — также не татарское. Возможно, что мы имеем неточную передачу армянского имени Варген. В пользу армянского происхождения Варги свидетельствует также одно замечание нашего путешественника. Описывая свои странствия, он почему-то отметил, что капитаном турецкого судна, на котором он ехал, был армянин. Это единственное упоминание о национальности лиц, с которыми он встречался. Оно понятно в устах армянина, запомнившего встречу с соотечественником. Характерно также его нежелание говорить о первых годах своей жизни в Стамбуле, где ему, быть может, приходилось скрывать свое происхождение. Все это, конечно, не может считаться доказательством его армянского происхождения, но оно более вероятно, чем другие предположения.

Непонятно, почему имя Варги осталось забытым. О нем не упоминает почти никто из занимавшихся историей путешествий!

Есть сообщение о странствиях Варги издававшихся в Париже в «Новых анналах путешествий, географии и истории». В XX томе этого издания, появившемся в 1823 г., сообщается о странствии некоего муллы из Александрии, пришедшем из Египта через Сеннар, Кордофан, Кано, Дагомбо, Дженне до Сьерра-Леоне. «Это путешествие, — пишет автор заметки, — кажется достоверным, но путешествие татарина по имени Варгей (Wargey) представляется вымышленным».

Действительно, сообщение Варги могло показаться вымыслом: географы начала XX в. не имели возможности проверить его слова, так как Африка была почти не исследована и не было еще установлено течение Нигера. В те годы господствовало мнение, повторяющееся со времен Птолемея, что Нигер течет на восток, впадает в большое озеро и под землей соединяется с Нилом.

Читая описания пути, пройденного Варги, мы видим, что точность его сообщений подтверждается позднейшими путешественниками — Кайе, Бартом и другими исследователями Судана. Теперь мы можем судить о подлинности его путешествия с большим основанием, чем это было возможно в начале прошлого века. Описание Томбукту и обычаев его жителей, а также очень точно упоминаемые им местные названия и отдельные слова показывают его знакомство с языком хауса и другими языками Западного Судана.

В точности сообщений Варги не сомневался его современник, первооткрыватель Томбукту Александр Гордон Лэнг. В 1964 г. в Англии были изданы его письма и заметки. Среди них имеется записка о направлении течения реки Нигер. Готовясь к путешествию в Томбукту, Лэнг заручился всеми доступными ему сведениями о странах Западного Судана. В записке, помеченной «Гадамес, 28 сентября 1825 г.», Лэнг сопоставил сведения, полученные им от рабов, вывезенных из стран хауса, с сообщениями Варги. По-видимому, он располагал материалами, полученными непосредственно из официальных источников, так как сообщил фамилию английского чиновника, записавшего слова Варги: «Варги, татарин,

опрошенный министром Вильямсом в Кейп-Косте, пересек на своем пути две реки к югу от Томбукту, одна из которых — Джолиба — текла на восток, а другая — Кворра — на запад. Варги оказался весьма наблюдательным человеком».

Таким образом, у нас нет никаких оснований сомневаться в подлинности путешествия нашего соотечественника. Безусловно, во время своих странствий он не преследовал научных целей. Это был купец, по одежде и своим привычкам ничем не отличавшийся от арабских купцов, посещавших Томбукту и подолгу там живших. Хотя он и не был мусульманином, тем не менее никто не принимал его за иноверца, что облегчало его положение в странах Северной Африки и Судана. В этом отношении его судьбу нельзя сравнивать с судьбой европейских путешественников вроде Лэнга, Кайе или Барта, которым постоянно приходилось считаться с враждебным отношением к ним мусульманского населения. Варги не выделялся среди своих спутников — турецких купцов из Стамбула, ему не было необходимости подделываться под чужие обычаи, как это успешно делал Кайе или Бурхарт, он говорил по-турецки — Стамбул стал его второй родиной. Несомненно, он знал также арабский язык.

* * *

...В среде русской дворянской интеллигенции, где совершенное знание французского и других европейских языков считалось нормой, лингвистические познания этого человека казались феноменальными. «Я не Сенковский, чтобы знать все в мире языки!» — писал А.А. Бестужев-Марлинский. О том, насколько глубокими и обширными были эти знания, говорит следующий пример: в 1822 г., поступая на службу переводчиком в Министерство иностранных дел в Петербурге, О.И. Сенковский должен был держать специальный экзамен по арабскому языку. Экзаменовал его крупнейший арабист академик Х.Д. Френ, который нашел его знания классического арабского языка превосходными, а знание разговорного, народного арабского — не имеющим себе рав-

Осип Иванович Сенковский, востоковед

ных среди известных ему ученых, не исключая и самого экзаменатора.

Для одних он был прежде всего писателем, «бароном Брамбеусом» или «турецким критиком Тютюнджи-оглы», для других — журналистом и публицистом, профессором восточных языков Петербургского университета, переводчиком произведений арабской, персидско-таджикской, староузбекской, турецкой и многих других

литератур, автором ряда научных работ на французском, латинском, русском, польском, арабском, персидском и других языках. Но главное, что отличало О.И. Сенковского, — он был последним, завершающим, в плеяде русских просветителей периода крепостничества. Чтобы охарактеризовать творческую деятельность Сенковского, недостаточно было «собрать все, когда-нибудь написанное ученым ориенталистом, филологом, археологом Сенковским, который соединял в себе самый основательный специализм со всеобъемлющим энциклопедизмом, — писал о нем его ученик, известный востоковед П. Савельев, — лекции его не ограничивались языком и литературой, а были живой энциклопедией науки о Востоке».

Научный мир признал Сенковского, когда ученому не было еще и 30, — случай даже в те времена редкий. «Почести сыпались на него. Виленский и Краковский университеты, ученые общества Франции, Англии и Ирландии приглашали его в число своих членов. Иностранные ученые журналы отдавали полную справедливость отличному ориенталисту, который из своих путешествий вывез множество блестящих соображений, бросивших совершенно новый свет на самые запутанные вопросы», — вспоминала позднее его жена А.А. Сенковская.

В возрасте 23 лет Сенковский был избран действительным членом Общества любителей наук в Варшаве (1823 г.), затем — Ученого общества при Краковском университете.

Кипучая литературная, издательская и педагогическая деятельность в Петербургском университете, где он читал лекции и проводил занятия по арабскому языку начиная с 1822 г., не исчерпывали разнообразия интересов О.И. Сенковского, который в дополнение к знанию всех основных языков Ближнего Востока самостоятельно изучил монгольский, маньчжурский, китайский и тибетский языки, а исландский и староузбекский языки он изучил также самостоятельно и в самую горячую пору критической полемики со своими литературными противниками перевел записи уроженца Средней Азии великого индийского шаха Бабура.

С Востока О.И. Сенковский привез коллекцию рукописей и других древностей, которые сыграли выдающуюся роль в развитии русского востоковедения. В 1821 г. он даже собирался перевезти в Россию знаменитый дендерский зодиак, древнее изваяние на камне, вделанное в потолок дендерского храма, но этому помешал разрыв отношений России с Портой.

Уже в советское время известный арабист и эфиопист академик И.Ю. Крачковский, говоря о месте и значении Сенковского в истории русской арабистики, писал: «В арабистике капитальных трудов Сенковский не оставил, но все же его наследие заслуживает внимания и теперь, как заслуживает оно и специального исследования арабистов».

В 1830—1833 гг., находясь в самом расцвете творческих сил, О.И. Сенковский прекращает научную деятельность и отдает свои силы беллетристике и журналистике. Он издает «Библиотеку для чтения» — журнал, сыгравший значительную роль в культурной жизни России.

Сенковский много странствовал. Объездил все Средиземноморье: побывал в Греции, Турции, Египте.

В феврале 1821 г., наняв слугу-мальтийца Насра-Игнацио Портелли и переодевшись в турецкое платье, молодой востоковед отправился в путешествие вверх по Нилу. Он посетил Долину пирамид, где провел три дня, осматривая пирамиды и Сфинкса и собирая арабские предания о них, затем города Верхнего Египта и Нубию.

Поездка О.И. Сенковского на Восток имела целью знакомство с изучаемыми странами и совершенствование в языках. Путешествие вверх по Нилу продолжило эту поездку страноведа-туриста. Однако на земле еще малоизвестной Нубии она приобрела черты исследовательского путешествия. О.И. Сенковский вел дневник, где описывал селения, древние храмы и церкви, которые он посетил. Он первым скопировал греческую надпись нубийского правителя VI в. по имени Силко, сделал этнографические заметки.

Трудно сказать, как далеко на юг удалось ему проникнуть. Подлинные дневники О.И. Сенковского не сохра-

нились, но, судя по опубликованным материалам, крайним южным пунктом его путешествия была область Дар-Махас в Северном Судане. Отрывки из путевых дневников О.И. Сенковский опубликовал почти одновременно на французском и русском, причем русский вариант отредактировал и опубликовал в 1822 г. А.А. Бестужев-Марлинский в своем журнале «Полярная звезда».

Но вернемся на век раньше.

В России в начале XVIII в. картографический материал по Африке был весьма разнохарактерным. В числе широко распространенных в это время массовых лубочных картинок продолжался и выпуск лубочной «карты» Земли, изображенной на уровне средневековой космографии (в виде плоскости). Конфигурация не только Африки, но и Европы или Азии на этих лубочных картах не имела, естественно, даже отдаленного сходства с действительностью. В то же время с эпохи Петра I началось издание в России подлинных, гравированных карт, отвечавших нормам мировой картографии того периода. Так, в самом начале XVIII в. стараниями сподвижника Петра генерала Якова Брюса появилась карта полушарий с почти достоверными контурами Африки, а в 1713 г. с русским переводом названий — копия карты Африки Ф. Де Витта, выпущенная в оригинале в конце XVII в. в Амстердаме.

Эта карта была для своего времени одной из лучших, и, таким образом, в России быстро стало известным «последнее слово» в картографии Африки. В последующие десятилетия XVIII в. мировая картография этого континента мало продвинулась вперед. Поэтому уровень карты де Витта характерен и для большинства других карт Африки, издававшихся в XVIII в. в западноевропейских странах и в России. Они давали верное представление главным образом о форме и размерах континента, очертаниях его береговой линии. Правда, в середине XVIII в. французский картограф д'Анвиль на основе глубокого критического пересмотра всех известных сведений соз-

дал новую карту материка, уточнив его размеры и расстояния между показанными на карте объектами. Но и на карте д'Анвиля все еще было очень мало достоверных сведений о внутренних частях Африки, «открытие» которых лишь предстояло в XIX в. Детальный анализ русской картографии Африки в XVIII в. еще не был сделан, но вполне очевидно, что Россия в этом отношении мало отставала от всей Европы и также мало продвинулась вперед в картировании Африки, хотя XVIII век и дал науке путешественника, внесшего первую лепту отечественной картографии в уточнение карт Африки.

Речь идет о русском морском офицере Матвее Коковце. В конце столетия им были опубликованы две книги, одна из которых включала различные наблюдения М.Г. Коковцова во время пребывания в Тунисе, а вторая целиком посвящена Алжиру. Справедливо считать, что географическое изучение Африки в России началось с путешествий М.Г. Коковцова. Его книги содержат картографический материал, отражающий, в частности, личный вклад путешественника в картографирование североафриканского побережья.

К концу XVIII в. Африка уже была опоясана цепью европейских прибрежных колоний, фортов, факторий и центров работоторговли, но внутренние ее области оставались белым пятном. Путешественники-исследователи еще были исключением среди европейцев, попадавших на этот континент, особенно в его глубинные районы. К ним можно отнести, пожалуй, Джеймса Брюса, искавшего истоки Нила в 1768—1773 гг., или предшественников Мунго Парка, направленных Ассоциацией для содействия открытию внутренних частей Африки, основанной в Лондоне в 1788 г. И лишь на грани XIX в. находится важнейший рубеж в истории «открытия Африки» — переход к путешествиям для решения конкретных проблем географии континента. XIX в. стал периодом интенсивного географического изучения Африки и для России.

Хронологически первыми в XIX в. русскими исследованиями, имевшими значение для географического познания Африки, были путешествия наших соотече-

ственников в северную часть континента. Развернувшиеся в Северной Африке события, связанные с началом в 1830 г. французской военной экспедиции в Алжире, вызвали в России исключительно большой интерес к этой стране и вообще к Африке. Многих русских ученых заинтересовали, в частности, условия сельскохозяйственной деятельности в средиземноморских прибрежных районах Африки сравнительно с возможностями близких по природе субтропических районов «нового освоения» в Российской империи (в первую очередь на Кавказе). В 40-х годах XIX в. в русской печати появился ряд статей на эту тему.

Как вклад в географическое изучение Африки особенно ценно в рассматриваемый период путешествие по Алжирии в 1847 г. крупного естествоиспытателя, члена-корреспондента Петербургской академии наук и действительного члена Русского географического общества (РГО) Э.И. Эйхвальда (1795—1876). Наблюдения Э.И. Эйхвальда позволили ему выдвинуть новый и правильный взгляд на орографические особенности Атласской горной системы. Им было подвергнуто критике бытовавшее тогда противопоставление Большого Малого Атласа и тем самым подчеркнуто единство горной системы Северной Африки. Особенно много внимания он уделил изучению местной флоры и фауны, сделав на этой основе ряд подтверждений и выводов о геологически недавней связи Северной Африки с европейским континентом. Некоторые данные Эйхвальда о растительности и животном мире в определенной степени сохранили до наших дней значение ценного источника для восстановления облика естественных ландшафтов субтропической средиземноморской Африки до начала активной колонизации, резко усилившей деградацию ландшафтов и истребление животного мира.

В 1868 г. по Алжиру путешествовал другой член РГО — А.И. Макшеев. Ему принадлежит помещенный в журнале РГО большой очерк страноведческого характера об Алжире, написанный на основе данных, собранных во время этого путешествия.

Определенное значение для географического изучения Африки имело также путешествие по Алжиру одного из крупнейших русских зоологов XIX в. А.А. Штрауха, опубликовавшего в 1862 г. в Петербурге монографию о пресмыкающихся и земноводных Алжира. Помимо полного анализа всех предшествовавших источников по этому вопросу А.А. Штраух дополнил книгу сведениями о многих видах животных, увиденных им во время путешествия. Книга А.А. Штрауха была не только самой полной в то время сводкой о пресмыкающихся и земноводных центральной части Магриба, но и содержала ценные для науки выводы о происхождении и эволюции фауны Северной Африки. Очень важным явилось выступление А.А. Штрауха против существовавшего тогда упрощенного взгляда на общность фауны Северной Африки и европейской средиземноморской. Он убедительно показал, что, в отличие от европейского Средиземноморья, в фауне Северной Африки заметную роль играют элементы чисто африканской фауны. Эта работа Штрауха получила широкую известность в Европе, тем более что она была опубликована на французском языке.

Примерно с 70-х годов XIX в. и до начала Первой мировой войны русские путешествия по средиземноморским странам Африки, особенно по Египту, Тунису и Алжиру, сделались обычным явлением. Поездки в эти страны зачастую имели лишь познавательный или даже туристский характер, привлекая не столько ученых, сколько просто состоятельных и любознательных людей. Сообщения о таких поездках нередко появлялись в периодической печати и в отдельных изданиях в России, но только немногие из них представляли научный интерес. К их числу можно отнести путешествие по Алжиру Л.Ф. Костенко, объездившего не только прибрежные районы, но и углублявшегося в Сахару. В 1876 г. в Петербурге вышла его книга «Путешествие в Северную Африку».

В 1874 г. по Алжиру путешествовал капитан Генерального штаба А.Н. Куропаткин (1848—1925), будущий ге-

Библиотека Русского географического общества, 1916 г.

нерал и военный министр, печально прославившийся в русско-японской войне. В 1877 г. он издал книгу «Алжирия». Труд Куропаткина содержал много точных сведений о природе и населении этой страны и был высоко оценен Русским географическим обществом.

В 1877—1878 гг. по Алжиру и Тунису совершил поездку П.А. Чихачев (1808—1890), получивший как географ мировую известность в результате своих исследований в Европе и Азии. Его книга об этой поездке вышла в 1880 г. на французском языке, и поэтому некоторые из его наблюдений (в частности, по геологии, ботанике и т.д.) неоднократно использовались в зарубежных географических работах по Северной Африке, хотя в целом путешествие Чихачева не внесло значительных дополнений в уже существовавшие географические представления. О нем мы расскажем ниже, когда будем подробно говорить об Алжире.

К 80-м годам XIX в. относятся основные из пяти широко известных в нашей стране путешествий по Африке рано скончавшегося талантливого исследователя А.В. Елисеева (1858—1895). Наибольшее значение для изучения Африки имели антропологические и этнографические наблюдения Елисеева, но его заслуги в изучении этого континента были отмечены не только Большой золотой меда-

лью Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, но и серебряной медалью Русского географического общества. В трудах РГО публиковались отчеты о некоторых африканских путешествиях А.В. Елисеева, а его обширное литературное наследие завершилось посмертным четырехтомником «По белу свету».

Первое и второе путешествия А.В. Елисеева по Африке состоялись в 1881—1882 гг. и ограничились Египтом. Их научные итоги не были значительными. В 1884 г. Елисеев первым из русских исследователей совершил большое путешествие по северной окраине Сахары. Попытка проникнуть в Сахару из Триполи оказалась неудачной, и тогда Елисеев из Туниса добрался до алжирского оазиса Бискра, затем достиг Гадамеса и возвратился через оазисы Уаргла и Тутгурт на побережье Алжира. Антропологические и этнографические наблюдения кочевых племен Северной Сахары — главный итог этой поездки. Елисеевым были собраны и опубликованы некоторые новые данные о фауне Сахары, типах песчаного рельефа и т.д., но для более глубоких наблюдений и выводов о природе Сахары у А.В. Елисеева — врача по профессии и антрополога по призванию — не хватало специальной подготовки. Очень ценно, конечно, то, что А.В. Елисеев впервые в русской литературе дал подлинную, им самим виденную общую картину своеобразных ландшафтов величайшей пустыни мира.

Две последние поездки А.В. Елисеева не были удачными. В 1893 г. он намеревался исследовать в Судане районы Ливийской пустыни и плато Дарфур и Кордофан, но путешествие быстро прервалось. В Ливийской пустыне экспедиция А.В. Елисеева была начисто ограблена, и ему оставалось лишь выйти к Нилу и вернуться через Египет на родину. Короткая поездка в Эфиопию в начале 1895 г. осталась практически безрезультатной; в мае того же года Елисеев умер, не завершив отчета о поездке.

Эстонское интермеццо

Эстония и Африка... Они как-то плохо вяжутся — два этих слова. Что может следовать за таким на первый

Фридрих Крейцвальд, эстонский поэт, видный деятель культуры

взгляд странным сопоставлением? Может, рассказ о рыболовецком траулере из Пярну, посетившем Дакар или Луанду? Или об африканских дарах — бананах, орехах-кешью, кенийском кофе, — партия которых прибыла в Таллин...

Эстония и Африка... Контакты их начались достаточно давно — с конца XVIII — начала XIX века ведет свое

начало эстонская африканистика, оставившая немало имен и загадок в созвездии первооткрывателей Черного континента.

Самые первые сведения об этой части света и ее обитателях эстонский читатель мог получить из «Прекрасной книги рассказов и поучений» Ф.Г. Аврелиуса, вышедшей в Ревеле (так раньше назывался Таллин) в 1782 г. Но сведения те еще кратки и обрывочны: есть, мол, такая страна — Африка, и живут там люди с темным цветом кожи. Более подробно узнали эстонцы об Африке уже в 20-е годы прошлого века из «Ежегодника для селян», издававшегося просветителем О. Мазингом. Интересовался этой частью света и крупный деятель эстонской культуры Ф.-Р. Крейцвальд, он регулярно выписывал и читал книги о путешественниках, например, записки француза Лаба, повествующие о странствиях по Западной Африке в конце XVIII в. Первый том своих «Картин земли и моря» Крейцвальд в 1850 г. почти целиком посвятил Африке.

Поехать в Африку было тогда делом совсем не простым. Из Эстонии туда вела только одна дорога — через миссионерские школы Базеля, Лейпцига и Хельсинки.

И все же они есть — дошедшие до нас имена эстонских исследователей Африки, в какой-то мере явившихся первооткрывателями. Одни изучали языки, до сих пор неведомые европейцам. Другие собрали коллекции предметов быта, ставшие впоследствии украшением лучших эстонских музеев. И именно потому, что так не стыкуются эти два слова — Эстония и Африка, столь притягательны любые сведения, добытые на эту тему!

Расскажем об этих людях подробнее.

На хуторе Туйсу имения Алло Эстляндской губернии маленький Ханс Тийсман, крестьянский сын, впервые прочитал об Африке в «Эстонской еженедельной газете». Тогда же и зародилась в нем мечта о дальних странствиях. Но едва мальчик вырос, ему пришлось работать в имении хозяина. Потом аптека в Ревеле, служба в армии. Тийсману было уже за тридцать, когда он мог наконец поехать учиться в Базель. Любимым учителем Ханса

стал выдающийся знаток африканских языков путешественник Иозеф Людвиг Крапф, который основал первую миссионерскую станцию близ Момбасы, в прибрежном районе Кении.

В конце 1865 г. Тийсман впервые ступил на берег незнакомому континента. К сожалению, до нас не дошел архив исследователя, и мы не можем восстановить по кирпичикам африканский период жизни этого замечательного человека. Осталась написанная им книжка, изданная 17 лет спустя в Ревеле: «Цветок Африки, или Блаженные дни жизни одной девушки галла Паулийне Фатхм из Африки...»

«Та земля народа галла расположена в Восточной Африке. Та земля народа галла — это милая, родная и изоброжденная реками, и благодаря горам и долинам также очень красивая и здоровая земля». Вот они, исполненные теплотой и лиризмом строчки эстонского африканиста!

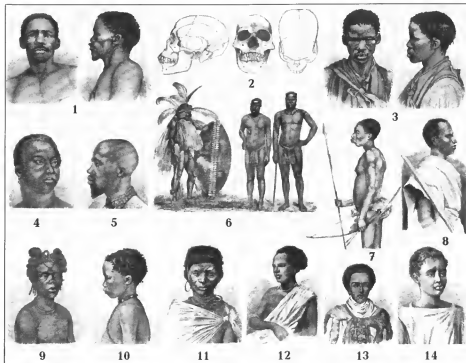
«По росту они люди хорошего высокого телосложения, с приятным лицом, высоким лбом, кротким характером, немного тонкими губами и мягкими, длинными, курчавыми волосами. У них суть мудрости — предприимчивая решимость и дружелюбие, но и гордость, читаемая сразу же в их характере, лице и взоре». Как не вяжутся эти строчки из книги Тийсмана с иными, более поздними свидетельствами первых европейцев, оставивших воспоминания о «кровожадных и безжалостных дикарях, не гнушавшихся никакими средствами ради убийства и насилия». Наверное, все дело в отношении. Вполне понятно — свободолюбивые и гордые галла не хотели терпеть наглых и предприимчивых визитеров, искавших наживы, и давали справедливый отпор.

Вышеприведенные описания племени галла, тексты на их языке и сведения о религиозных представлениях стали первыми в России того времени, а нотная запись песни галла — первой в мире.

Одна из глав книжки называется «Немного об охотниках и похитителях людей и о работоторговле». Это рассказ о деяниях арабских купцов, торговцев живым товаром, о караванах, тянувшихся к побережью из глубинных рай-

*Африканские
племена.
Гравюра XIX в.*

1. Готтентоты
племени кора (на юго-
западном берегу)
2. Черепа негров
3. Готтентоты
4. Негр Золотого берега
5. Негр Дарфура
6. Амазуду (зулусы)
7. Акка (средний рост
1,25—1,50 м)
8. Сомали или мерка.
9. Ниам-Ниам
10. Молодой бушмен
11. Бушмен
12. Сомали или геледи
13. Житель Тигре
(абиссинец)
14. Негр племени
багхирми

офов материка. «Рабов ставят в ряд, одного за другим, и приковывают цепью к длинному бревну, размещая на расстоянии 4—5 шагов друг от друга: возможность достать рукой до стоящего впереди или позади, таким образом, исключается». Тийсман был не одинок в наблюдениях за ужасными проявлениями эпохи работорговли и «охоты на чернокожих» (удачное выражение К. Маркса!). О них писали почти все русские путешественники, побывавшие в разные годы в Восточной Африке, — Аверинцев и Догель, Чикин и Булатович.

Как удалось выяснить в свое время советскому историку А. Дридзо, Тийсман был единственным человеком в России того времени, который владел тремя африканскими языками — суахили, киньяка и галла. Он же стал пионером коллекционирования предметов быта этих племен. Собранная им коллекция хранится сейчас в Государственном историческом музее Эстонии, а книга «Цветок Африки» — в библиотеке Эстонского литературного музея в Тарту.

Одновременно с Тийсманом в Африке побывал еще один эстонец — Юри Юрисон. Совершая кругосветное путешествие на корвете «Аскольд» в 1865—1866 гг., он три недели провел в Кейптауне. В своих южноафриканских зарисовках (их печатала газета «Ээсти Постимезс») Юрисон оставил интересные сведения о зулу и готтентогах. Он стал родоначальником жанра путевого очерка в Эстонии. Предполагают, что Юрисон писал и по-русски и что именно ему принадлежит статья в «Морском сборнике» за 1866 г., озаглавленная «От Лиссабона до Кейптауна» и подписанная «Молодой моряк». Тийсман и Юрисон не единственные эстонцы, связавшие свою судьбу с Африкой. Были еще четверо — Овийр, Блумер, Туттер и Рейш.

...Действительно, странно: идея написать об эстонских путешественниках по Африке родилась на Сааремаа, в средневековой замке Кюресааре, где сейчас расположен ультрасовременный краеведческий музей. Нет, там не оказалось ни документов, ни схем маршрутов, ни рисунков этих отважных людей. Но там есть кол-

лекция чучел перелетных птиц, гнездящихся на острове, — турухтан, вяхирь, саджа, дупель, галстучник. Большинство из них на зиму улетают в Африку. И — о чудо! — розовый фламинго! Его добыли однажды неподалеку в заливе. Стаи этих птиц окрашивают в нежный розовый цвет поверхность кенийских озер. Кения, знакомая эстонцам по запискам соотечественника Эвальда Овийра...

Питомец миссионерской школы Лейпцига, Эвальд Овийр избрал местом своей работы горный массив Килиманджаро, на склонах которого до сих пор живут племена джагга, занимающиеся земледелием. Летом 1895 г. он ступил на африканский берег и скоро проявил себя незаурядным лингвистом и этнографом. Используя любые возможности, он совершенствовался в языке суахили, опубликовав исследование о его глагольной системе, которое не потеряло значения до сих пор. Путевые дневники Овийры полны интереснейших наблюдений за природой и людьми. Он составил словарь языков банту, готовил сборник сказок и загадок. В августе 1896 г. он погиб вместе с другим исследователем при нападении неизвестного воинственного племени.

Прошло 11 лет. В 1907 г. в Африку прибыл другой эстонский миссионер — Леонхард Блумер, сын учителя из Куусалу. Он поселился южнее того района, где погиб Овийр. Прожив здесь 23 года, он изучил язык и нравы масаев. В распоряжении Блумера не было ни одного печатного издания. В Африке деревенский учитель из Эстляндии составил по образцу эстонской азбуки букварь на языке масаев. А. Дридзо в свое время предпринял поиски этой книжки Блумера, считавшейся безвозвратно утерянной: букварь не значился в каталогах ни одной из крупных библиотек мира, а тот, что хранился в одной из церквей Тарту, погиб во время фашистской оккупации. И вот обнаружили два экземпляра. Один из них — у раквереского учителя Л. Варика. А в букваре том есть такие географические названия: Эстония, Ревель, Россия, Вильна, Волга. Масаи знали о них...

Умер Блумер в 1938 г. на острове Сааремаа.

Рихарда Рейша, учителя из Тарту, изучавшего в Дерптском университете восточные языки, тоже поманила Африка. В 1930-е годы он составил на языке суахили учебники грамматики, арифметики и географии.

Хендрик Туттер стоит несколько особняком. Он жил и работал в Юго-Западной Африке. В 1903 г. он прибыл туда после окончания Хельсинкской миссионерской школы. Собранные им данные о быте и нравах народности овамбо разбросаны по брошюрам и журналам тех лет.

Вот эти люди, связавшие свою жизнь с Африкой. Далеко была Прибалтика от Черного континента. Отрывочные сведения о нем, крохи, в сущности, доходили до жителей эстонских городов и деревень. Эстонские африканисты — их конечно же было больше, не все еще поднято, исследовано — расширили географические горизонты эстонцев. Африка стала к ним ближе.

Кстати, на этом история эстонской африканистики не кончается.

Государственный музей этнографии в г. Тарту обладает богатейшим собранием предметов, отражающих все многообразие традиций национальной культуры и искусства как самой Эстонии, так и ... Африки!

Предметы материальной культуры африканских народов хранятся под номерами С24, С28, С32 и С46. Первые две коллекции были подарены музеем в 1934-м и 1937 гг. Дмитрием Соломенцевым. По сообщениям сотрудников музея, известно, что коллекция С24 была собрана его братом, Иваном Соломенцевым. Братья Соломенцевы окончили университет в Тарту и в 1930-х годах работали врачами во Французском Конго. Другие коллекции (С32 и С46) были получены по обмену из Берлинского музея народоведения в 1939 г. В отличие от коллекций Соломенцевых они особого интереса не представляют. Это разрозненные предметы материальной культуры из различных районов Африки: резная скамейка и керамическая головка трубки из Камеруна (народ бали), несколько корзинок и циновок, кинжал и ступка из Восточной Африки, челнок от ткацкого станка из Того, различные украшения, погремушки и т.п. (всего около 60 номеров).

Коллекции Соломенцевых содержат в основном скульптуру. Часть ее составляют современные поделки из черного дерева. Гораздо интереснее другая часть — традиционные фигурки и обрядовые маски. Кроме скульптуры, в коллекциях имеется несколько характерных керамических сосудов, серповидный нож, сабля, арфа с грифом из слоновой кости, женские набедренники и другие предметы.

* * *

Дважды ездил в Северную Африку, в 1884-м и в 1898 гг., известный русский географ, исследователь Дальнего Востока и Средней Азии М.И. Венюков (1832—1901). Он много путешествовал на средства РГО по всему миру и помимо Северной Африки посетил также острова Восточного побережья Африки. Поездки М.И. Венюкова дали материал для серии его статей в журнале «Русская мысль», имевших в основном культурное значение.

В начале XX в., в последние предреволюционные годы, в Северной Африке побывало особенно много русских ученых-востоковедов, географов, ботаников, почвоведов, зоологов и инженеров, каждый из которых внес тот или иной вклад в изучение узких вопросов географии Африки. На наш взгляд, среди них лишь наблюдения Д.А. Драницына имели действительно важное научное значение для географического изучения африканского континента. Молодой русский почвовед, погибший в начале Первой мировой войны, совершил в 1913 г. поездку в Алжир, где изучал почвы Северной Африки.

К проведенным им исследованиям сохранился интерес на многие десятилетия, они внесли в классические представления западных ученых поправки, основанные на взглядах докучаевской школы в географии и почвоведении. Труды Д.А. Драницына содержали также ряд оригинальных физико-географических оценок природы Северной Африки.

Первый серьезный вклад русских в географическое исследование этого региона связан с именем Е.П. Ковалевского (1811—1868) — геолога, географа, дипломата,

неутомимого путешественника и даровитого писателя. Яркая личность Егора Петровича, его богатая событиями жизнь и многосторонняя деятельность хорошо освещены в отечественной литературе — не только научной и научно-популярной, но и художественной (о нем написаны романы, повести, рассказы).

Состоявшаяся в 1847—1848 гг. экспедиция Е.П. Ковалевского в Северо-Восточную Африку была организована русским правительством по просьбе египетского паши Мухаммеда Али, нуждавшегося в специалистах для поисков и эксплуатации месторождений золота в Восточном Судане, незадолго до того присоединенном к Египту. В 40-х годах XIX в. Россия занимала по добыче золота первое место в мире, и поэтому вполне естественно, что именно к ней обратился за помощью правитель Египта. Для овладения русскими методами разведки и разработки золотоносных россыпей в 1845 г. в Россию прибыли два египетских инженера — Иса Дашури и Али Мухаммед. Руководителем их стал Е.П. Ковалевский, находившийся на службе в Министерстве иностранных дел и в то же время имевший большой опыт работы горным инженером, он сопровождал египетских инженеров на Урал, где познакомил их с технологией золотопромышленности. Он же был назначен начальником русской экспедиции в Африку, когда после долгих проволочек решение об организации такой экспедиции было наконец принято. Кроме Е.П. Ковалевского, в состав экспедиции вошли магистр ботаники Петербургского университета Л.С. Ценковский, штейгер И. Бородин и золотопромывальщик И. Фомин.

Перед отъездом в Африку Е.П. Ковалевский получил инструкцию от штаба Корпуса горных инженеров, составленную академиком Г.П. Гельмерсеном, и инструкции от академии, которые составили А.Я. Купфер и Х.Д. Френ; обрисованный в них круг задач экспедиции включал не только поиски золота, но и проведение географических и этнографических исследований. Позднее, при поездке Е.П. Ко-

валевского через Константинополь, русский посланник в Турции В.П. Титов дополнительно поручил ему собрать некоторые сведения, интересовавшие императорское правительство, в частности о работорговле в Египте и Египетском Судане.

В декабре 1847 г. Е.П. Ковалевский и его спутники прибыли в Каир и в январе следующего года начали свое путешествие в глубь материка. Поднявшись по Нилу на пароходе до Асуана и затем на парусных барках до Короско, они пересекли на верблюдах Большую Нубийскую пустыню и снова вышли к Нилу у Абу-Хамеда. Несколько выше по течению Нила, в Бербере, экспедиция опять пересела на речные суда, доставившие ее в Хартум. Дальше началось трехнедельное плавание вверх по Голубому Нилу до порогов у Эр-Росейреса, временами прерывавшееся небольшими исследовательскими экскурсиями Е.П. Ковалевского и А.С. Ценковского в сторону от реки. От Эр-Росейреса экспедиция продолжила путь на верблюдах вверх по долине Голубого Нила и затем — вдоль его левого притока Тумта. У поселка Кассан (на современных картах Гейссан) русских путешественников встретил генерал-губернатор Судана с большим военным отрядом, выделенным для охраны экспедиции. В составе этого отряда находились и бывшие ученики Ковалевского — Иса Дашури и Али Мухаммед.

Долина Тумата и была районом, намеченным для поисковых работ на золото. Смутные сведения о золотосодержании этих земель имелись давно, однако побывавший здесь в начале 20-х гг. XIX в. французский минералог Фредерик Кайо не обнаружил месторождений, пригодных для промышленной эксплуатации. То, в чем не преуспел его предшественник, удалось Ковалевскому: в долине Тумата им не только были открыты золото-содержащие россыпи (правда, не слишком богатые), но и налажена их разработка. Тем самым основная задача экспедиции была выполнена, причем с поразительной оперативностью.

Пока у Кассана под присмотром И. Бородина и И. Фомина строилась золотопромышленная фабрика, Е.П. Ко-

валевский совершил путешествие на юг, в область истоков Тумата, где европейцы до него еще не бывали. «Весело, с гордостью осматривался я вокруг, — вспоминал потом Егор Петрович. — Никто не проникал так далеко внутрь Африки с этой стороны». Обширную равнину к востоку от верхнего течения Тумата, между ним и другим левым притоком Голубого Нила, Дабусом, Ковалевский назвал Николаевской, а протекающую по ней небольшую реку, один из правых притоков Тумата, — Невкой. «Это название, — писал он, — может служить указанием, до каких мест доходил европейский путешественник и к какой нации принадлежал он».

По возвращении в Кассан Е.П. Ковалевский завершил строительство золотопромывальной фабрики и пустил ее в ход, после чего предпринял еще один исследовательский маршрут — на этот раз на юго-запад, к горной вершине Дуль на водоразделе между Туматом и правыми притоками Белого Нила (в этом районе им тоже были обнаружены месторождения золота).

Дальнейшим исследованиям помешали наступление сезона дождей и мучившая Ковалевского тропическая лихорадка. Оставив работавшую полным ходом фабрику на попечение египетских инженеров, Е.П. Ковалевский и его спутники отправились в апреле 1848 г. в обратную дорогу. От того пути, который привел их в долину Тумата, обратный маршрут отличался на участке между Хартрумом и Коромко: от Хартрума экспедиция проследовала через Малую Нубийскую пустыню, или так называемую степь Байюду, до Мероз и далее двигались вниз по долине Нила — частью на барках по реке, частью посуху. В Аусане русских путешественников ожидал специально присланный за ними из Каира пароход. Доложив египетскому правительству о результатах экспедиции, Е.П. Ковалевский покинул Египет, где в это время свирепствовала холера.

Вернувшись в Петербург, Е.П. Ковалевский представил канцлеру К.В. Нессельроде краткий отчет о своей экспедиции, к которому были приложены записки «Нынешнее политическое и торговое состояние Восточного

Судана и Абиссинии» и «Проект торговли России с Египтом и берегами Черного (то есть Красного) моря».

Научная общественность России узнала о результатах путешествия Ковалевского из его доклада на годичном собрании РГО в январе 1848 г., вскоре опубликованного в печатном органе общества — «Географические известия» (1849, вып. 1), а затем из вышедшей в свет в том же году его двухтомной книги «Путешествие во Внутреннюю Африку». Отдельные путевые очерки Ковалевского были помещены в журналах «Современник» и «Отечественные записки».

Занимаясь исследованиями в бассейне Нила, Е.П. Ковалевский не мог, разумеется, обойти вниманием давно волновавшую умы географов проблему местонахождения истоков этой великой африканской реки. К тому времени было уже осознано, что главной (по протяженности) ветвью Нила является не Голубой Нил, истоки которого были открыты португальским миссионером-иезуитом Педру Паишем в начале XVII в. и затем вторично обнаружены шотландцем Джеймсом Брюсом, посетившим Эфиопию в 1768—1773 гг., а Белый Нил, который в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. был прослежен египетскими правительственными экспедициями до 4 градусов 42 минут с.ш. Однако истоки Белого Нила оставались окутанными тайной. Участник египетских нильских экспедиций французский инженер Жозеф д'Арна склонялся к мысли о том, что Белый Нил начинается в горах на юге Эфиопии и течет вначале на запад, а потом уже поворачивает на север. К этому мнению присоединились французские исследователи Эфио-

Нил у Асуана

петскими правительственными экспедициями до 4 градусов 42 минут с.ш. Однако истоки Белого Нила оставались окутанными тайной. Участник египетских нильских экспедиций французский инженер Жозеф д'Арна склонялся к мысли о том, что Белый Нил начинается в горах на юге Эфиопии и течет вначале на запад, а потом уже поворачивает на север. К этому мнению присоединились французские исследователи Эфио-

пии братья Антуан и Арно д'Аббади; более того, они выступили с заявлением, что исток Белого Нила ими уже найден. Этим истоком они считали открытую ими в январе 1846 г. р. Гиббе в эфиопской области Энарея (в действительности речь шла о верховье р. Омо, впадающей в еще неизвестное тогда европейцам бессточное озеро Рудольф).

Из гипотезы д'Аббади следовало, что в своем дальнейшем течении Белый Нил должен проходить сравнительно недалеко от того района к югу от Голубого Нила, где побывал Е.П. Ковалевский. Двигаясь вверх по течению р. Тумат, Е.П. Ковалевский рассчитывал выйти к Белому Нилу, но не обнаружил его. «У меня не станет смелости положительно опровергать важное, можно сказать, великое открытие Абади, — писал русский путешественник, — но, достигнув почти широты 8 градусов и не найдя Бахр-эль-Абиада, настоящего Нила, даже не слышав о нем ни от кого из туземцев... я имею повод более чем сомневаться в предполагаемом открытии».

Е.П. Ковалевский пришел к выводу, что истоки Белого Нила следует искать гораздо дальше к югу и западу, чем их помещали братья д'Аббади. Подобные представления существовали в географической литературе и раньше, но после сообщения д'Аббади достоверность их была взята под сомнение. Е.П. Ковалевский же одним из первых способствовал их восстановлению.

Важным дополнением к исследованиям Е.П. Ковалевского явились работы молодого ботаника Л.С. Ценковского (впоследствии одного из крупнейших русских биологов).

К экспедиции Ковалевского он был прикомандирован Русским географическим обществом и Академией наук (инструкцию для него составлял академик К.М. Бэр). Вначале Л.С. Ценковский сопровождал Е.П. Ковалевского, в дальнейшем же отделился от основной части экспедиции, оставшись в Восточном Судане и после того, как Е.П. Ковалевский, И. Бородин и И. Фомин отбыли на родину. В очень тяжелых условиях, крайне стесненный в средствах, почти постоянно страдающий от лихорадки,

он проделал ряд самостоятельных маршрутов в бассейне Голубого Нила, Нубии и на юге Кордофана. Л.С. Ценковский провел в Африке в общей сложности два года, сделав много ценных естественно-научных (ботанических, зоологических, геологических, климатологических) и этнографических наблюдений. В его кратком, но в высшей степени содержательном отчете о путешествии в Северо-Восточный Судан, опубликованном двумя частями в изданиях РГО в 1850—1851 гг., даны глубокие физико-географические характеристики обследованных им территорий. «Ценковский был одним из первых путешественников, который подошел к изучению Африки как академический ученый, в лучшем значении этого слова».

В 1860 г. Географическое общество впервые награждало медалью за труды, посвященные Африке. Серебряную медаль получил член общества А.И. Макшеев за две статьи — «Очерк современного состояния Алжира» и «Заметки о современном Египте». О цели своего путешествия Макшеев сообщил в «Дневнике русского путешественника по Алжирии». Пробыв «шесть лет на юго-восточной окраине России в то время, когда только что началось непосредственное движение русских в киргизские степи и на Сыр-Дарью, я невольно увлекся вопросом об отношениях России к Азии и вообще Европы к Востоку. Теоретические занятия по этому вопросу нуждались, однако, в расширении массы личных наблюдений, и поэтому я с жадностью воспользовался предоставившейся мне в 1858-м и 1859 гг. возможностью посетить Алжирию, Египет и Сирию. Путешествия эти дали для моих занятий много новых материалов...» Макшеев собрал большой материал о природе, населении и хозяйстве Алжира и Египта.

Рижанин Георг Швейнфурт, известный натуралист-исследователь Африки, с 1868 по 1871 г. занимался изучением природы и населения западного притока Нила — Бахр-эль-Газала и достиг р. Узле. За блестящие исследова-

ния Центральной Африки Швейнфурт был награжден по ходатайству Географического общества и избран членом-корреспондентом Русского географического общества. В 1872 г. «Известия Русского географического общества» сообщали: «Недавно возвратился на родину в г. Ригу из далекого путешествия молодой естествоиспытатель доктор Швейнфурт, успевший уже составить себе громкое имя в научном мире своими путешествиями и работами, произведенными преимущественно в области естествознания на берегах Аравийского залива и в верховьях Нила».

Швейнфурт посетил «совершенно неизвестные местности Средней Африки, откуда он вывез богатейшие коллекции по всем частям естественной истории и в высшей степени любопытные сведения для географии страны».

Иллюстрация из фундаментального труда Георга Швейнфурта «В сердце Африки», изданного в двух томах в Лейпциге в 1874 г.

В 1881 г. мичман русского военно-морского флота поляк по национальности С.Л. Шольц-Рогозинский (1860—1896) выступил с проектом научной экспедиции в Западную Экваториальную Африку. Несмотря на молодость автора проекта, у него за плечами уже имелся опыт кругосветного плавания (на крейсере «Генерал-адмирал» в 1879—1880 гг.), во время которого он побывал на африканских берегах. Ареной будущих своих исследований С.Л. Рогозинский избрал Камерун — страну, которая тогда еще почти целиком оставалась неведомой: знакомство европейцев с ее территорией

ограничивалось лишь узкой полосой приморской низменности вместе с возвышающимся над ней вулканическим массивом Камерун, а также крайними северными районами между оз. Чад и р. Бенуэ, которые были в свое время частично затронуты маршрутами исследователей Центрального Судана.

Задуманное С.Л. Рогозинским исследовательское предприятие было взято под покровительство Русским географическим обществом, в распоряжение которого молодого моряка откомандировали сроком на два года (в дальнейшем, в 1882 г., он вообще оставил службу во флоте и свое путешествие в Камерун совершил уже как частное лицо).

Изыскать возможности для финансирования экспедиции РГО не смогло, и она была снаряжена С.Л. Рогозинским в основном за собственный счет, частично же — на средства, собранные по подписке (в их сборе С.Л. Рогозинскому активно содействовали известные польские писатели Генрик Сенкевич и Болеслав Прус). Вместе с С.Л. Рогозинским в Африку отправились еще четверо поляков; из них действительную помощь в исследовательской работе ему оказали геолог Клеменс Томчек и метеоролог Леопольд Яниковский, остальные же двое, Владислав Осташевский-Баранский и Юзе Гиршенфельд, вскоре по прибытии в Камерун устроились от участия в экспедиции.

В декабре 1882 г. С.Л. Рогозинский и его спутники отбыли из Гавра на купленном во Франции паруснике. По пути они посетили Мадейру, Канарские острова, Либерию, Берег Слоновой Кости, Золотой Берег. 16 апреля 1883 г. экспедиционное судно бросило якорь в порту Санта-Исабель на острове Фернандо По (ныне Масиас-Нгема-Бийого). В конце того же месяца путешественники перебрались на камерунское побережье и основали опорную станцию на острове Мондоле в бухте Амбас (близ современного города Виктория). Оставив там Л. Яниковского, С.Л. Рогозинский и К. Томчек предприняли в июле 1883 г. путешествие в глубь страны: они поднялись на лодках по впадающей в Камерунский залив реку Мунго до области Бакунду, затем двинулись пеш-

ком вверх по долине этой реки и открыли большой семиступенчатый водопад, который она образует неподалеку от Кумбы. Из-за травмы ноги С.Л. Рогозинский вынужден был на некоторое время задержаться в Бакунду, Томчек же проделал в сентябре 1883 г. самостоятельный маршрут к западу от долины Мунго; им были открыты текущая в западном направлении река Меме и небольшое озеро Слоновое. В ноябре оба исследователя попытались проникнуть в область истоков Мунго, но это им не удалось. Обратный путь С.Л. Рогозинского и К. Томчека к побережью проходил вдоль восточного подножия вулкана Камерун. На свою базу в бухте Амбас они вернулись 1 января 1884 г. Общим итогом этого путешествия было исследование довольно обширной территории к северо-западу и северу от горного массива Камерун, до того совершенно не известной европейцам.

Следующим этапом исследовательской работы С.Л. Рогозинского явилась инструментальная съемка камерунского побережья от бухты Амбас до устья Меме в феврале — марте 1884 г. В мае экспедиция лишилась еще одного участника: умер от тропической лихорадки К. Томчек. Последующие маршруты С.Л. Рогозинского были ограничены прибрежными районами: заслуживает упоминания совершенное им вместе с Л. Яниковским в декабре 1884 г. восхождение на вершину горы Камерун.

С.Л. Рогозинский собирался предпринять новое путешествие в глубь материка, но осуществлению этого замысла помешали материальные затруднения, болезни, а также конфликт Рогозинского с новыми хозяевами страны — немецкими колонизаторами (в июле 1884 г. Камерун был аннексирован Германией). В 1885 г. работы экспедиции были свернуты.

В своих исследованиях Камеруна С.Л. Рогозинский рассказал в книге «Под экватором», вышедшей в свет на польском языке в Кракове в 1886 г. В том же году в Варшаве было издано описание его морского плавания вдоль западного побережья Африки. Еще раньше несколько научных сообщений Рогозинского было опубликовано во французской и немецкой географической перио-

дике; эти материалы использовал, в частности, Э. Реклю при подготовке своего фундаментального труда «Земля и люди». С.Л. Рогозинский послал письменные сообщения о своих исследованиях также в адрес Русского географического общества. К сожалению, они не попали в печать, ввиду чего результаты этой экспедиции остались практически не известными русской общественности.

В 1886 г. С.Л. Рогозинский вновь отправился в Африку, на этот раз вместе с женой Хеленой, урожденной Богуской (впоследствии она получила некоторую известность как писательница под псевдонимом Гайота). Поселившись на Фернандо-По, он находился там до 1891 г. и изучал внутреннюю часть острова. В эти же годы бывший спутник его Л. Яниковский занимался исследованием Хрустальных гор в Габоне.

* * *

В апреле 1887 г. в Географическом обществе состоялось чрезвычайное собрание, посвященное возвращению из путешествия по Центральной Африке выдающегося русского путешественника В.В. Юнкера. В докладе о своем семилетнем путешествии по Экваториальной Африке Юнкер сказал: «Моя цель состояла в исследовании стран, орошаемых рекой Узле, и в определении течения этой реки возможно далее на запад. Я надеялся при этом окончательно решить научный спор, принадлежит ли эта река к системе Конго или же к системе реки Шари и, следовательно, к озеру Чад».

...Среди собрания предметов материальной культуры народов Африки, хранящихся в Музее антропологии и этнографии СССР, самое видное место занимает коллекция В.В. Юнкера. Она была подарена Российской академии наук собирателем по возвращении из первого путешествия в 1879 г.

В.В. Юнкер совершил два длительных путешествия по Африке — в 1875—1878 гг. и в 1879—1886 гг. Как видно из этих дат, его путешествия приходятся на период непосредственного колониального раздела Африки. Разделу предшествовала длинная эпоха постепенного географи-

ческого исследования береговой полосы материка и его внутренних районов, начавшаяся еще в XVI в. Исследование внутренних областей Африки, особенно со второй половины XIX в., с одной стороны, имело научное географическое значение (уточнялись различные координаты, решались проблемы истоков и течения крупнейших рек и т.п.), с другой — объективно служило политическим, колонизаторским целям западноевропейских держав. Многие путешественники и исследователи вольно или невольно оказывались разведчиками, а собранные ими сведения использовались затем при колониальном разделе материка.

Определение роли того или иного путешественника по Африке и отнесение его к числу бескорыстных исследователей или же к пионерам колониализма — дело трудное, требующее сопоставления многих разнообразных материалов. Необходимо внимательное отношение ко всем сведениям, на основании которых можно более или менее отчетливо представить, как складывались интересы исследователя, в какой стране и в какой среде прошла его жизнь, предшествовавшая путешествиям, какое образование он получил. Не менее важны и сведения, какими возможностями он обладал, кем и на какие средства были организованы экспедиции, в которых он участвовал.

Юнкер родился в Москве 18 апреля 1840 г. в лютеранской семье и при крещении получил имя отца — Иоганн Вильгельм, но, как принято в России, его называли либо Вильгемом Вильгельмовичем, либо Василием Васильевичем. Его отец, уроженец Геттингена, в 1818 г. приехал в Россию, где, начав с переплетной мастерской, впоследствии основал банкирскую фирму «И.В. Юнкер и К°». Мать, родом из Шварцбурга (Тюрингия), с 17 лет жила в Москве. Ее брак с Иоганном Вильгельмом Юнкером был вторым. В августе 1844 г. отец покинул Россию и уехал с женой и детьми в Геттинген. Там В. Юнкер сначала учился в школе, а затем, после смерти отца в 1847 г., был отдан опекуном в учебно-воспитательное заведение в Висбадене. Позднее мать получила от опекуна разрешение уехать с детьми в Швейцарию, и мальчик поступил в пан-

сион в Лозанне. В 1855 г. было решено вернуться в Россию. В Петербурге В. Юнкер окончил Петропавловскую гимназию. Поскольку его не привлекала перспектива продолжать банкирскую деятельность отца, он в 1860 г. поступил в Дерптский (ныне Тартуский) университет, но ушел из него и продолжил образование в Геттингене. По-видимому, изучая в университете медицину, В.В. Юнкер еще не совсем ясно представлял свой будущий жизненный путь. Во всяком случае, нет никаких сведений, что он собирался посвятить себя профессии практикующего врача. В то же время, как утверждали знавшие его люди, В.В. Юнкер обладал таким характером, который не позволял ему, несмотря на имевшиеся возможности, вести праздную жизнь.

Направление полученного им образования в целом можно назвать естественно-научным. А наиболее яркими событиями того времени, связанными с этим направлением, были исследования отдельных земель, путешествия, маршруты которых пересекали разные области Африки, Азии, Австралии, Южной Америки. Возможно, поэтому В.В. Юнкер сначала намеревался совершить путешествие на Северный полюс, об исследовании которого тогда много писали, особенно в Германии, а в 1869 г. предпринял поездку в Исландию, чтобы заняться орнитологией. Это было не самостоятельное, а скорее учебно-тренировочное путешествие. Если верить его биографу Л. Хевеши, В. Юнкер собирался предпринять второе путешествие на север — на Шпицберген, когда случай изменил его планы: в Берлине он получил приглашение принять участие в сборе римских надписей в Северной Африке для известного историка античности Т. Mommsen и с этой целью в июле 1873 г. выехал в Тунис.

Работа в Тунисе в 1873—1874 гг. рассматривалась В.В. Юнкером как подготовка к большому путешествию в Африку. Здесь он серьезно занимался техникой картографирования, изучал арабский язык. Картографическую подготовку он продолжил в 1874—1875 гг. в Берлине, работая у известного географа Г. Киперта. Таким образом, заинтересовавшись географической наукой,

*Василий Васильевич Юнкер, исследователь Африки,
участник этнографических экспедиций Русского
географического общества*

В.В. Юнкер начал последовательно и обстоятельно готовить себя к роли путешественника-исследователя в полном соответствии с требованиями своего времени.

В августе 1875 г. В.В. Юнкер наряду с некоторыми русскими географами принял участие в работе Международного географического конгресса в Париже. В результате личных контактов с известными географами-путешественниками по Африке того времени — Г. Швейнфуртом, Г. Нахтигелем, Г. Рольфсом — определилась область его непосредственных географических интересов — районы Внутренней Африки, прилегающие к Египту, прежде всего присоединенный к Египту в 1874 г. Дарфур.

После тщательной подготовки, приобретя необходимое снаряжение в Берлине и усовершенствовав его, в октябре 1875 г. В.В. Юнкер прибыл в Александрию. Сначала по совету Г. Рольфса им была предпринята тридцатидвухдневная поездка с нанятым караваном верблюдов в Ливийскую пустыню. Целью ее было установить, имеются ли к западу от Александрии следы старого устья Нила, и определить точнее уровень понижения почвы, наблюдавшегося в 1869 г. Г. Рольфсом. Это небольшое путешествие, подготавливавшее В.В. Юнкера к дальнейшей работе в Африке, позволило ему категорически отрицать наличие древнего нильского русла. О полученных результатах он сообщил на ежемесячном заседании Каирского географического общества в докладе, имевшем большой успех.

Длительное время в Каире В.В. Юнкер дожидался разрешения египетского правительства на путешествие в Дарфур. Не получив его, он решил отправиться в Хартум. Но из-за египетско-эфиопского конфликта трудно было раздобыть судно для плавания по Красному морю, поэтому ему пришлось из Судана на английском пароходе добраться до портового города Джидда на Аравийском полуострове, а оттуда на барке переправиться в Судан. Из Суакина можно было за десять дней достигнуть Бербера, а затем по реке — Хартума. Но по совету двух путешественников по Африке — Г. Швейнфурта и Т. фон Хейглина — В.В. Юнкер пошел неизвестным маршрутом — из Токара вдоль высохшего русла р. Бараки до Кассалы. Исследование этой реки, позволившее точнее нанести на

карту ее нижнее течение и окружающие горы, — один из вкладов В.В. Юнкера в географическую науку. Из Кассалы он отправился в Хартум не обычным путем, через Бербер или Шенди, поскольку в сухое время года эта местность трудна для перехода, а через Гедарев и Абу-Хараз, «чтобы узнать новые дороги и интересную область рек».

В мае 1876 г. в Хартум прибыл небольшой караван В.В. Юнкера, в котором кроме бедуинов-проводников были двое слуг и нанятый в Каире препаратор (молодой человек по имени Копп, родом из Вюртемберга). Более четырех месяцев провел путешественник в Хартуме в ожидании разрешения на поездку в Дарфур. Это время он использовал для практики в арабском языке, изучения политической обстановки, обычаев, обрядов, торговли, внутренних и внешних дорог и т.п., а также для сбора коллекций. Тогда же он по предложению Р. Джесси, итальянца, находившегося на службе египетского правительства, совершил две пароходные поездки — по Голубому Нилу до Сеннара и по Собату, где первым сделал точную съемку реки до станции Насир.

Поняв, что разрешения на исследования в Дарфуре он не получит, В.В. Юнкер выбрал новое направление — в Ладо, центр Экваториальной провинции Судана, несмотря на то, что условия путешествия по этой провинции значительно усложнились из-за недавно изданного строгого приказа о повышении цен на продовольствие и носильщиков для любого путешественника в этом районе. 22 октября 1876 г. пароход со снаряжением Юнкера отправился из Хартума в Ладо, где Юнкер надеялся получить официальные бумаги для путешествия.

В.В. Юнкер был подданным далекой и, несомненно, неизвестной в Судане страны — России. Поэтому он не мог вызвать беспокойства у французских колониальных и политических деятелей — соперников англичан. Кроме того, по происхождению и по воспитанию он воспринимался скорее как немец, чем русский, хотя и не являлся немецким подданным. Именно этими фактами, а не только личным расположением можно объяснить заботу о нем такого ярого колониального деятеля, каким был Ч.Д. Гордон.

Гордон посоветовал ему начать с области Макарака, поскольку в южных районах происходили волнения среди местного населения. Это предложение полностью совпадало с намерениями самого путешественника.

В ноябре 1876 г. В.В. Юнкер прибыл в Ладо и вскоре вместе с караваном, состоявшим из 1200 человек, отправился в округ Макарака. Это путешествие можно считать началом его серьезной исследовательской деятельности в Центральной Африке. В результате путешествий по округу Макарака В.В. Юнкер собрал коллекции у народов авукайя, иьянгбара, ануак, бака, макарака, бомбе. Он сделал интересные этнографические записи, относящиеся к этим и другим народам округа, определил по возможности границы их расселения, отмечая «чрезвычайную чересполосицу племен различных народностей».

В дальнейшем путешественник намеревался добратся до южной части Экваториальной провинции, области Келико.

Поездка в Келико в 1838 г. дала В.В. Юнкеру возможность попасть в новые, ни одним путешественником не посещенные места и подойти к истокам р. Узле. Собранная им коллекция предметов материальной культуры келико, как и записи об этом народе, представляет большую ценность, поскольку о келико очень мало сведений в этнографической литературе.

В сентябре 1878 г. В.В. Юнкер вернулся в Петербург, где обработал собранный картографический материал. В начале 1879 г. он выступил с докладом в Русском географическом обществе, напечатал сообщение о путешествии в «Известиях» этого общества. Привезенную им коллекцию предметов быта различных африканских народов он подарил Академии наук.

Решение продолжить исследования в Африке, о которых он не думал по возвращении на родину, пришло зимой 1879 г., а в июле 1879 г. В.В. Юнкер вновь покинул Петербург. В Берлине он тщательно готовился к новому путешествию в Африку, учитывая опыт, приобретенный в первом, и закупал необходимое оборудование не только в Германии, но и в Париже, и в Лондоне.

В октябре того же года путешественник пароходом из Триеста прибыл в Александрию, а оттуда направился в Каир, где в течение полутора месяцев готовил снаряжение, отправляя его в Хартум.

Условия, в которых Юнкер совершал свое второе путешествие, значительно отличались от условий первого. Если в первом ему для прохождения маршрута главным образом приходилось следовать либо вместе с египетско-хартумским торговым караваном, либо с военно-грабительскими экспедициями и начальники правительственных станций обязаны были по распоряжению Ч. Гордона бесплатно предоставлять ему носильщиков, то во втором путешествии, после того как, направляясь на юг, В. Юнкер в мае 1880 г. оставил Дем-Бекир, последнюю станцию провинции Бахр-эль-Газаль, все выглядело иначе.

Во втором путешествии В.В. Юнкер исследовал внутренние районы Центральной Африки южнее тех мест, где действовали представители египетского посольства и суданские торговцы и где влияние египетской администрации если и было, то формальным. Пройденные им местности вовсе не представляли собой заросшее непроходимыми джунглями безводное пространство, но и дорог в европейском понимании этого слова также не было. Районы расселения занде, мангбегу и других народов связывали неустойчивые торговые пути, проходившие далее, в глубь Африки — на юг и к восточному побережью.

Обследовав огромный район, сделав ценнейшие географические, метеорологические, гидрографические, этнографические и другие записи, собрав огромные экологические и этнографические коллекции, измученный болезнями и лишениями, В.В. Юнкер счел задачи своего второго путешествия выполненными и был готов в мае 1883 г. возвращаться в Европу. Однако начавшееся в Судане восстание махдистов отрезало путь в Хартум. До ноября 1883 г. путешественник находился на своей станции у Земио, надеясь на окончание волнений в провинции Бахр-эль-Газаль. В ноябре 1883 г. ему пришлось отпра-

виться в центр Экваториальной провинции Ладо. Но парохода, который мог бы отвезти его в Хартум, В.В. Юнкер тщетно прождал там два года. С большими трудностями в 1886 г. он смог пройти через Буньоро, Уганду, проплыть по озеру Виктория до Таборы и, примкнув к каравану известного восточноафриканского торговца Типпу-Типа, достиг Занзибара. Этот путь занял у путешественника 11 месяцев. Лишь 9 января 1887 г. В.В. Юнкер прибыл в Каир, где оставался до середины марта, а в апреле вернулся на родину.

Таким образом, второе путешествие В.В. Юнкера продлилось более семи лет. За эти годы, невзирая на трудности и болезни, он проделал огромную работу, ежедневно тщательно ведя свои дневники (восемь объемистых томов) и составляя различные карты, в том числе и карты расселения народностей этого региона. Невозможно переоценить его огромный научный вклад во всестороннее изучение области водораздела Нил — Конго — географическое, климатическое, ботаническое, зоологическое, орографическое, гидрографическое. Не меньшее (если не большее) место в его наблюдениях отводилось и различным сторонам быта населяющих эту область народов. И хотя богатейшие коллекции из его второго путешествия погибли, великолепные записи о народах занде, мангбету и других могут служить важным дополнением для работы с коллекциями, привезенными из первого путешествия.

Результаты второго путешествия В.В. Юнкера были высоко оценены географами-современниками. Русское географическое общество избрало его своим почетным членом. Он был приглашен выступать в Берлине, Париже, Лондоне, Эдинбурге, Брюсселе, Стокгольме и других городах. Особую заинтересованность в исследованиях В.В. Юнкера проявил король Бельгии Леопольд II, глава Независимого государства Конго, дважды приглашавший путешественника к себе для бесед — в мае 1887-го и осенью 1888 г.

Однако В. Юнкера, человека скромного, видимо, не привлекала слава знаменитости. Он мечтал о тихом ме-

сте, где спокойно сможет работать над подготовкой к изданию многочисленных собранных материалов. Те небольшие сообщения и картографические материалы, которые появлялись во время его первого и второго путешествий в немецких журналах и изданиях Русского географического общества, не могли вместить в себя всех наблюдений. В России издать описание его одиннадцатилетних африканских наблюдений оказалось сложно, и по разным причинам. Одна из них — высокая стоимость научного издания и опасение, что оно не разойдется. Немаловажным оказалось и то обстоятельство, что официальные круги России не были заинтересованы в исследованиях на африканском континенте. Не следует забывать, что многие русские географы и ученые в то время публиковали свои работы за границей. По-видимому, В.В. Юнкер понимал, что написанные по-русски и изданные в России описания его путешествий, все его наблюдения надолго останутся неизвестными для мировой науки, и, вероятно, поэтому решил издать свой труд за рубежом и на немецком языке, который был для него родным. После некоторых поисков издателя и редактора В.В. Юнкер остановил свой выбор на Вене, где и провел несколько лет над обработкой материалов своих путешествий, предназначенных для издания. Его труд состоял из трех томов, вышедших последовательно в 1889, 1890 и 1891 гг. в Вене (более 2000 страниц, с 25 картами, многочисленными рисунками, фотографиями, планами и двумя генеалогическими таблицами).

Труд В.В. Юнкера получил высокую оценку специалистов, он до сих пор считается серьезным вкладом в научную литературу об Африке. На русском языке его работа была издана в кратком популярном пересказе Э.Ю. Петри в 1893 г. (Более подробный, но далеко не полный перевод вышел в Географизе в 1949 г.)

Закончив осенью 1891 г. работу над изданием последнего тома, В.В. Юнкер поехал в Петербург, к родным. Свирепствовавший там грипп не пощадил и его, спровоцировал взрыв всех приобретенных в Африке болезней. 13 февраля 1892 г. путешественник скончался. Все

его африканские труды остались в Вене и позднее попали в архив Географического института Юстуса Пертеса в Готе.

В отечественной науке В.В. Юнкер больше известен как географ, и еще не использованы те его материалы, которые касаются жизни, быта, хозяйства, материальной культуры народов, обитавших в исследованной им области Африки.

...Июльским утром 1885 г. из Курска в Петербург приехал худощавый молодой человек. Несколько часов спустя его уже видели в канцелярии Академии художеств. «Желая поступить в число вольнослушающих по отделу живописи, — гласило принесенное им прошение, — я имею честь просить академическое начальство о допущении меня к художественным испытаниям...» Писарь подшил к новому делу удостоверение курской мещанской управы о том, что «препятствующих причин для поступления Чикина в сказанную академию для продолжения наук со стороны сей управы не имеется». Он оставил в деле свидетельство, подтверждающее что «объявитель сего курский мещанин Александр Андреевич Чикин холост». Вскоре в списки занесено было имя еще одного вольнослушателя, рассказывает в своем очерке «Здравствуй, Африка!», опубликованном в журнале «Художник», А. Любарский.

Эти документы обнаружили в Ленинграде, в Центральном государственном историческом архиве СССР. А в архивах Географического общества хранятся другие бумаги... Оказалось, что Александр Чикин вскоре после поступления в академию совершил первое, а затем и второе путешествие на восток африканского континента, что он был одним из первых русских художников, воспевавших его красоту и величие.

Архивные материалы позволили установить, что Чикин родился 27 сентября 1865 г., что две страсти владели им еще с юности — к рисованию и к бесконечным странствиям. Первая привела его в Академию худо-

Александрия Египетская, колонна Помпея

жеств. А со второй он не расставался, даже став вольнослушателем.

В постоянной нужде проходили годы учебы художника. «Состояния у него, кроме необходимого носильного платья, другого никакого нет», — свидетельствовал петербургский градоначальник, подтверждая, что Чикин «помощи не получает, занимается рисованием картин, чем и существует», что «по крайне бедному своему положению он действительно лишен возможности платить деньги за право учения в академии». Отказывая себе буквально во всем, Чикин, однако, сколачивает скудную сумму. И на эти более чем ограниченные средства совершает первое далекое путешествие — в Египет.

На Васильевском острове, в крошечной комнате, где жил молодой художник, в кругу друзей — студентов академии — он делился своими впечатлениями о пирамидах Джосера и Хеопса, о храме в Карнаке и Луксоре, о гробницах фараонов.

В те осенние дни, на пути из Египта в Петербург, Чикин решил вскоре снова вернуться в Африку. Вернуться, чтобы на сей раз проникнуть в глубь континента, к самому его сердцу.

Во второй поездке Чикина сопровождал его друг Павел Щербов, тоже художник, участник кружка «Ревущий стан», «любящий все необычное, широкое, дикое». Друзья первоначально задумали ехать в Эфиопию, но там начались волнения. Возвращаться было уже поздно, и они подались в Кению.

В архиве Географического общества СССР удалось разыскать начертанную Чикиным карту своего нового путешествия. На ней — Занзибар, Момбаса, Килиманджаро — географические точки, через которые проложили на сей раз свой путь художники. Нашлась крошечная записная книжка Чикина с лаконичной надписью на переплете: «Немножко Африки»... С архивной полки извлечена и датированная 1888 г. толстая тетрадь — никогда не публиковавшийся африканский дневник Чикина.

Мы вчитываемся в мелкий бисер этих густо исписанных страниц, и яркие, красочные записи переносят нас

на палубу парохода, доставившего художника к далекому матерiku. «Перед нами лежала Африка, — восклицал Чикин, — Экваториальная Африка, полная чудес! ...С восторгом глядел я по сторонам на плывущие мимо нас панорамы (мы уже шли по проливу) на густо заросшие яркой зеленью берега, на чащи какого-то тростника с возвышающимися между ними там и сям мощными баобабам и широколистными бананами, на таинственно синеющие на далеких холмах бесконечные леса, на вулканические камни... Вот налево, среди зелени, мелькнул один домик, вот другой, третий, наконец, множество соломенных хижин... Пароход наш бросил якорь и грянул пушкой».

Чикин ступил на африканскую землю. Он шел по узкой улице между хижинами из пальмовых листьев.

— Ямбо! Здравствуй! — слышалось отовсюду. Это было первое слово на языке суахили, услышанное художником. И он тепло приветствовал всех, кто вышел ему навстречу. Может быть, гостеприимные хозяева этих хижин станут его друзьями, проводниками по джунглям?

Сохранилось несколько рисунков, сделанных в те дни Александром Чикиным. А на рисунках сам Чикин, сидящий в лодке рядом с мускулистыми гребцами.

Более зримыми становятся строки путевых записок русского человека: «Скоро пальмовые хижины Момбаса скрылись за рощей, окружающей город, и мы начали огибать остров... Лодка наша подвигалась медленно, и мимо нас тихо плыли то роскошные берега, покрытые самой пышной растительностью с царящими над яркими кустами удивительно типичными, чисто африканского характера, вилообразными пальмами, то густые заросли, из которых доносилось до нас веселое щебетанье невидимых птиц».

«Почему же на земле, где так бурно цветет природа, где все, казалось, создано для человеческого счастья, столько горя?» — часто задумывался Чикин. «Очень многие из них, — с горечью записывал Чикин, — не имеют вовсе постоянных жилищ, а довольствуются помещением между камней и в пещерах на горах... У некоторых

же нет даже и того. Вечером они располагаются целыми группами на песке, где и проводят ночь».

Много раз слышал Чикин в пути грустные и веселые мелодии, сложенные неизвестными музыкантами. Эти мелодии раскрыли ему душу его африканских друзей. Мы перелистываем путевой дневник художника и знакомимся с ними. Вот неутомимый Форган — проводник Чикина по тропическому лесу. На следующем листе — те, с кем бродил наш соотечественник по пустынной местности между озером Джипе и горой Угоно. «Дорога от самого берега, — записывал тогда Чикин, — шла, постепенно поднимаясь в гору; редкие зеленые деревья рассыпались по светлому ковру травы; вдали направо и налево синели вершины холмов... По узкой каменистой тропинке мы вступили в лес; многочисленные лианы переплетались между собой, пестрея яркими цветами на фоне темной, сочной земли... Скоро между колючими деревьями, которые стали редеть, показалось небольшое озерцо... Мы остановились и велели ставить палатку... Запылали костры... Я направился к озерцу... Усевшись на берегу, я принялся зачерчивать его, не упустив при этом и сидевшую на берегу недалеко от меня женщину». Этот рисунок, видимо, не дошел до наших дней. Нет в архиве и зарисовок, сделанных в предгорьях Тару. Но сохранилась запись, воскрешающая то серое, пасмурное утро. Клочья облаков быстро неслись тогда на север. Угрюмо смотрела гора сквозь легкий утренний туман. «Итак, — читаем мы в дневнике Чикина, — сегодня предстоит тот трудный переход до горы Маунту, о котором я уже слышал от словоохотливых носильщиков... Путь предстоит почти в семьдесят верст по безводной равнине...»

Далеко вперед уходил караван, а Чикин сидел на камне, бежал по бумаге его карандаш, и рождались в альбоме новые рисунки.

Всю ночь шел путешественник. Тускло светила луна, поминутно прячась за перистыми облаками. Исчезла в густой траве тропинка. Даже трубка не разгоняла его сон. И все же лишь ранним утром — привал. А затем снова —

тяжелый подъем, снова — исполинские деревья, снова — буйная африканская природа, восхищавшая Чикина.

Быть может, первым из русских людей Александр Чикин увидел таинственную, сказочную гору Килиманджаро, увидел ее скрытую в снегах вершину — самую высокую в Африке. «Передо мной открылась величественная Килиманджаро, — читаем в дневнике художника. — Громадным уединенным массивом поднимался этот фиолетовый двуглавый великан, увенчанный блестящей диадемой вечных снегов, сверкающей на голубом фоне неба. Сизые тучки ползали по его едва заметным утесам... «Так вот она, Килиманджаро!» — повторял я, глядя с каким-то радостным чувством на эту высочайшую вершину Африки. Я не спускал с нее глаз, и, когда мы после маленькой передышки снова двинулись, я все еще продолжал смотреть на нее, пока, наконец, ее девственные снега не скрылись за отрогом...»

На одном рисунке художник запечатлел женщин с колодками на шее. «С первого взгляда, — гласит дневниковая запись, — я не понял, что это такое, я недоумевал, за какую провинность нацепили на несчастных это варварское ярмо. Мне и в голову не пришло, что передо мной невольничий караван... Вид каравана произвел на меня тяжелое впечатление».

Женщин охраняли детины с английскими ружьями. Они гнали их издалека, на рынок. «Впоследствии, при проезде из Занзибара через Момбасу, — вспоминал Чикин, — я видел целую лодку, нагруженную невольниками и невольницами». Но на сей раз работоторговцам не повезло. Пленницам силой вернули свободу.

Из путевого дневника Александра Чикина мы узнаем о первых встречах художников с народом суахили, о посещении ими многих африканских деревень, о поездке на кокосовые плантации колониальной компании, жестоко угнетавшей коренных жителей страны. Дневник Чикина переносит нас на Занзибар, где Чикин столкнулся с омерзительными фактами грабежа континента европейскими державами. Заметки художника рассказывают о том, как английские, американские, немецкие, французские куп-

цы опутывали своими сетями Занзибар. Здесь, сообщал Чикин, можно купить что угодно, но «плохого качества и втридорога, так как сюда сбывается самое гнилое и всякий брак английских и немецких фабрик».

Мы закрываем толстую тетрадь. Как жаль, что его дневниковые записи до сих пор остаются неопубликованными!

А рисунки Чикина? Их тоже много лет никто не видел. На дорогах Африки, в деревнях, через которые держал путь художник, в непроходимых лесах и предгорьях Килиманджаро он сделал огромное количество зарисовок. Нашлись же сейчас единицы. И кто знает — сберегло ли время вообще то, что не удалось разыскать в архивах!

Толстая тетрадь в сером картонном переплете с путевыми записями, альбом рисунков — все это привез с собой Чикин в Петербург. Он вернулся из Африки тяжело больным, но превозмогал свои недуги. Он рисовал и днем и ночью. Его рисунки появлялись в журналах, в книгах. А часто, забрасывая дела, Чикин отправлялся бродить по свету. Его видели в горах Ирана, на площадях Парижа, в предместьях Лондона, на улицах Рима и Неаполя, в предгорьях Швейцарских Альп. Однако ничто не могло заглушить воспоминаний о днях молодости, когда он совершил поездку в Африку.

...Шел 1921 год. В одном из залов Петрограда, за кафедрой, стоял старый художник. Впрочем, только ли художник? Сидевшие в зале географы называли его путешественником. В школах его величали педагогом. Это был Александр Чикин. На закате своего жизненного пути (художник умер 25 июля 1924 г.) он решил выступить с докладом об Африке. Он вспоминал африканских друзей, с которыми расстался тридцать с лишним лет назад, вспоминал африканские джунгли, равнины, горы... Он говорил тихо, задумчиво, как бы прощаясь навечно с далеким континентом.

Вернемся в 1887 год. В мае на заседании отделения этнографии Географического общества был заслушан до-

клад А.П. Магнуса об Абиссинии. Он рассказал о своем путешествии в Эфиопию вместе с «вольными казаками» в 1885 г. Магнус охарактеризовал «правителей, духовенство и народ Абиссинии, коснувшись его племенного деления, наружности, одежды, жилища, образа жизни и религиозного состояния».

В 1891 г. в Географическое общество с просьбой снабдить его открытым листом и инструкцией для путешествия в Эфиопию обратился В.Ф. Машков. В первый раз он был в Эфиопии в 1889 г. в составе экспедиции Н.И. Ашинова вместе с черногорцем Сладо Златычаниным. (Об этом читайте в эфиопском разделе книги.) Тогда ему даже удалось побывать у негуса Менелика. Во время второго путешествия Машкова тоже сопровождал черногорец Сладо Златычанин. В архиве Географического общества сохранилась инструкция по изучению природы и населения Эфиопии, данная Машкову. О втором путешествии он опубликовал ряд статей в «Новом времени».

В 1891 г. по ходатайству Географического общества в Северную Африку был командирован инженер путей сообщения Х.В. Гельман для ознакомления с местной ирригацией и сбора сведений о «борьбе с летучими континентальными песками». «Эти вопросы, — писал Гельман, — имеют большое значение в смысле сравнения и применения их к нашим среднеазиатским владениям, где я провел почти 14 лет и ознакомился достаточно с положением дела». Гельман также интересовался методами и способами обработки сельскохозяйственных культур в Египте и Алжире, пригодными для Туркестана.

В 1893 г. в «Записках Географического общества» по отделению статистики была опубликована интересная статья российского генерального консула в Палермо А.С. Троянского «Эритрейская колония Италии», которая в 1894 г. была удостоена серебряной медали Географического общества. В предисловии редактор «Записок» В.И. Масальский писал: «Несмотря на то что африканские земли не входят в состав тех стран, коими по преимуществу интересуется Русское географическое общество, тем не менее ввиду обнаружившегося в последнее время вни-

мания к Абиссинии оно сочло не лишенным значения напечатать очерк Эритрейской колонии — важнейшего соседнего с Абиссинией владения одной из европейских держав. Труд А.С. Троянского при всей своей краткости дает полное понятие о предмете и представляет ценный вклад в нашу крайне небогатую африканскую литературу.

В мае 1894 г. на общем собрании Географического общества выступил выдающийся путешественник доктор А.В. Елисеев, о котором мы уже рассказывали ранее. Он поведал о неудачной попытке пройти в Судан в 1893 г., когда караван русского путешественника в Ливийской пустыне был разграблен кочевниками. Елисееву все же удалось собрать интересные сведения о народном восстании, принявшем религиозную окраску. Во главе восставших стоял Мухаммед Ахмед, объявивший себя посланником Аллаха на земле (Махди). Государство Махди просуществовало 17 лет, до 1898 г., когда оно было разгромлено англичанами, и Судан был превращен в англоегипетский кондоминиум, а, по существу, в колонию Англии.

Вскоре после этого доклада члены Географического общества организовали новую экспедицию в Африку. Начальной целью экспедиции было: «1. Проникнуть в область махдистов, недоступную уже несколько лет европейцам для изучения движения в Судане. 2. Попутное, по возможности всестороннее исследование Абиссинии». Экспедицию возглавил офицер Николай Степанович Леонтьев. Участниками ее были географ и врач А.В. Елисеев и отставной офицер К.С. Звягин. Перед отъездом в Африку, 12 ноября 1894 г., Елисеев написал в совет общества большое письмо: «Отправляясь в новое путешествие под авторитетным покровительством Русского географического общества, ввиду сложности задач, возложенных на меня нашей экспедицией, я никак не мог определить в точности времени, потребного для свершения путешествия в задуманных размерах. Зарабатывая себе хлеб тяжелым повседневным трудом и состоя на государственной службе без содержания, я при всех моих усилиях в последнее время никак не мог за-

работать столько, чтобы обеспечить свой дом и семью на время всего путешествия, срока которого определить невозможно. Ввиду того что мои товарищи по путешествию не особенно стеснены материальными средствами, предполагают пробыть в Африке 1 и даже 1,5 года, что было бы весьма желательно для целей нашей поездки, то я нахожусь в весьма затруднительном положении. Обеспечив свою семью всего на 8 месяцев, я должен по необходимости по истечении этого срока вернуться в Россию, даже оставив своих товарищей в Африке, потому что в противном случае в доме не осталось бы уже ни одной копейки.

Ввиду таких обстоятельств я осмеливаюсь обратиться с покорнейшей просьбой к совету общества, который, быть может, найдет возможным тем или другим способом поддержать мой дом по истечении 8 месяцев, если наша поездка продолжится более этого срока. Такая помощь сняла бы окончательно мои неизбежные заботы о будущем своих близких и позволила бы остаться в Африке столько времени, сколько потребовали бы задачи, поставленные нашей экспедицией. Субсидия в сто рублей ежемесячно начиная с 15 августа 1895 г. была бы вполне достаточной для обеспечения моего дома. Субсидия эта могла бы быть выдаваема г. секретарем общества одному из лиц, близких мне и известных лично А.В. Григорьеву».

Нельзя без волнения читать письмо Елисеева, написанное за полгода до его смерти, накануне экспедиции в Эфиопию, которая стала для него последней. В январе 1895 г. экспедиция прибыла в Обок и далее направилась в Джибути и Харар, где произошла встреча русских путешественников с Расом Маконеном и Менеликом. Русским был оказан такой горячий прием, что Леонтьев вынужден был направить Елисеева в Петербург для переговоров об отправлении в Россию из Эфиопии первой дипломатической миссии. 12 февраля 1895 г. Елисеев выехал из Харара, захватив с собой коллекции, собранные экспедицией в феврале 1895 г.

В начале мая Елисеев приехал в Петербург. 10 мая он выступил на общем собрании Географического об-

щества с докладом о путешествии в Эфиопию, уже тогда он был болен дифтеритом. 22 мая А.В. Елисеев скончался в возрасте 37 лет. Леонтьев и Звягин вернулись на родину вместе с первой эфиопской дипломатической миссией.

За большие научные труды и содействие в установлении дружественных связей между Россией и Эфиопией все расходы этой экспедиции русское правительство приняло на свой счет.

В январе 1896 г. Леонтьев вновь отправился в Эфиопию, где вскоре стал военным советником негуса во время итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. В сентябре 1897 г. он вернулся в Петербург вместе с эфиопской миссией и после короткого пребывания на родине вновь отправился в Эфиопию, где был принят негусом на постоянную службу. В 1898 г. Леонтьев был назначен правителем Экваториальных провинций Эфиопии. Экспедиция под его руководством исследовала огромную территорию по р. Омо и оз. Рудольф.

Последние годы жизни Леонтьев провел в Париже, где и скончался 17 июня 1910 г. «Питая глубокое уважение к Русскому географическому обществу, высоко ценя и любя его деятельность и считая себя как бы обязанным обществу за свои первые успехи, в особенности первые годы своих путешествий в Абиссинию», Леонтьев еще в 1908 г. составил завещание в пользу Географического общества.

По завещанию, его средства предназначались для снаряжения научной экспедиции его имени «из русских путешественников в Абиссинию» и смежные с ней местности.

Находящиеся в парижской квартире коллекции Леонтьев завещал Русскому музею, с тем чтобы музей перевез их в Петербург и «поместил отдельной группой под названием: Коллекция Н.С. Леонтьева».

В 1896 г., во время итальянской агрессии, из России в Эфиопию был отправлен санитарный отряд Российского общества Красного Креста, в составе которого работали активные члены Географического общества К.С. Звягин,

А.К. Булатович, Г.Г. Федоров, П.В. Щусев, Н.Д. Пацукевич; они собрали интересные сведения о природе, населении и хозяйстве Эфиопии, которые сообщили на заседаниях Географического общества.

Находясь в Эфиопии с осени 1896-го до весны 1897 г., А.К. Булатович исследовал огромную территорию, расположенную к западу от Аддис-Абебы. Результаты своих исследований он изложил в книге «От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи 1896—1897 гг.». (Мы расскажем об этом ниже.)

Второй раз Булатович посетил Эфиопию в 1897—1899 гг. в составе первой русской дипломатической миссии. Результаты своего второго путешествия он изложил в докладе «Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа», который прочитал общему собранию Географического общества 13 января 1899 г.

Третье путешествие Булатович совершил в 1899 г. по маршруту от Аддис-Абебы к Тумату, притоку Голубого Нила, где 50 лет назад путешествовал Е.П. Ковалевский.

Кроме Булатовича в составе первой русской дипломатической миссии в Эфиопию находился еще один выдающийся путешественник и географ — Л.К. Артамонов, известный исследователь Кавказа, Ирана и Средней Азии, член Географического общества с 1882 г.

По поручению негуса Менелика Артамонов в марте 1898 г. отправился в Аддис-Абебу к Белому Нилу и по пути исследовал огромное пространство на протяжении свыше 5 тыс. км. О ходе экспедиции Артамонов информировал совет Географического общества. В отзыве на труды Артамонова, написанном сотрудником Географического общества А.А. Большевым, дается описание хода экспедиции и ее важнейших результатов. Начиная от Аддис-Абебы, Артамонов вел маршрутную съемку, собирал коллекции и производил барометрические наблюдения. Обстоятельства путешествия, писал Большев, для Артамонова сложились весьма неблагоприятно. Менелик поручил Артамонову догнать корпус дадьязмача Тасама. Пройдя 700 км от Аддис-Абебы до Горе, Артамонов

узнал, что корпус Тасамы три недели назад оставил Горе. «Обстановка была такова, — писал Большев, — что возвращаться назад было немыслимо без ущерба достоинства русского имени, и он решил продолжать путь через совершенно неизвестные страны на соединение с Тасамой...» Вместе с корпусом Тасамы Артамонов продолжал путь к Белому Нилу, а когда движение стало невозможным, он с отдельным отрядом отправился вверх по р. Джубе до р. Собат и далее по ней до впадения ее в Белый Нил.

Из отзыва Большева видно, что Артамонов собрал огромный материал, зафиксированный в 22 книжках-дневниках. Он определил барометрическую высоту 2 тыс. пунктов, доставил коллекции насекомых, растений и большую этнографическую коллекцию. Маршрутные съемки Артамонова были сведены в один маршрут и напечатаны.

Подводя итог «посильным трудам» Артамонова «на пользу географии», Большев писал, что в бассейне Джубы Артамонов был первым европейским исследователем, а «на р. Собате, на развалинах крепости Наср, его работы примыкают к исследованиям русского путешественника доктора Юнкера, бывшего у Насры в 1876 г.».

28 апреля 1899 г., вскоре после возвращения на родину, Артамонов выступил в Географическом обществе с сообщением «об участии своем при весьма неблагоприятных условиях в походе абиссинских войск к Белому Нилу».

В том же году за географические работы на Кавказе, в Иране, Средней Азии и Эфиопии он был награжден золотой медалью им. Ф.П. Литке. В мае 1899 г. Артамонов обратился в совет Географического общества с просьбой наградить его ближайших помощников по экспедиции в Центральную Африку Василия Щедрова и Василия Архипова, оказавших «широкое содействие при сборе разного рода сведений о странах и населения и особенно в самом пути при сборе коллекций», ходатайствовал Артамонов также о награждении участника первой русской дипломатической миссии в Эфиопию К.Н. Арнольди.

Артамонов просил также отметить отставного казака Ивана Демченко и переводчика — галласа Ато Фаиса, сопровождавшего экспедицию к Белому Нилу. Он также хотел, чтобы Географическое общество наградило его со товарищей по путешествию к Белому Нилу — швейцарца Мориса Поттера, убитого копьем в стране Массанго, и француза Февра, оказавшего ему «посильное содействие в трудное время в пути».

Единственное, что удалось опубликовать Артамонову о путешествии в Эфиопию, — это краткий конспект своего сообщения в Обществе ревнителей военных знаний — «Русские в Абиссинии».

В 1903 г. Географическое общество оказало содействие экспедиции в Эфиопии под начальством Н.Н. Курмакова. (О ней вы прочитаете в главе об этой стране.)

После революции Географическое общество продолжало интересоваться изучением Африки. Следует отметить таких выдающихся деятелей общества, как Н.И. Вавилов, И.Ю. Крачковский, В.В. Струве, З.Ю. Шокальская и многих других.

В декабре 1955 г. в Географическом обществе была организована Восточная комиссия для всестороннего изучения стран и народов Азии и Африки и для распространения географических и исторических знаний о странах этих континентов.

Начать с того, что до Первой мировой войны поездка в Африку — чаще Северную — была делом житейским. Российские подданные всех сословий (располагавшие, разумеется, соответствующими возможностями) выезжали туда по самым обычным поводам. Артисты — на гастроли, художники — на этюды, журналисты — по заданию редакции, археологи — в экспедицию, охотники — на сафари, а молодожены — в свадебное путешествие. Для этих категорий россиян путешествие на африканский континент было, конечно, делом менее привычным, чем поездка в Западную Европу, но все же довольно обычным.

После 1917 г. в Африку не ездили, туда бежали. Большинство оказавшихся там было просто вышвырнуто и не только из России, но и из Европы.

Первый поток (около 10 тыс. человек) обозначился еще в декабре 1917-го — феврале 1918 г. Этих людей отправили в африканскую ссылку в наказание за непослушание французскому и русскому командованию. То были остатки Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте (Франция, Македония), направленного туда еще в 1916 г. царским правительством. Разместили бунтарей в Алжире.

Следующий заметный поток датируется 1919 г. Состоял он из раненых военнослужащих белых армий, работников тыловых служб и гражданских беженцев. Эвакуация, довольно поспешная, шла через Одессу и Новороссийск в различные страны Средиземноморья. После излечения в английских или греческих госпиталях некоторые военные могли еще успеть вернуться, скажем, из Александрии во врангелевский Крым и снова встать в строй, остальные встретили окончание Гражданской войны на чужбине.

Основная масса деникинских войск ушла, как известно, в Крым. Там она, будучи преобразованной в Русскую армию генерала Врангеля, сражалась до ноября 1920 г. Затем настал ее черед быть эвакуированной за пределы России. Эта эвакуация, в отличие от предыдущей, прошла более организованно. Войска, штабы, тыловые учреждения, госпитали, архивы, военно-учебные заведения, семьи военнослужащих и огромная масса гражданских беженцев — все это было вывезено на военных и вспомогательных судах в Турцию.

Как же выглядела российская диаспора на африканском континенте в том виде, как она сложилась к началу 20-х годов:

- россияне, постоянно или длительное время жившие в Африке и до 1917 г.;
- депортированные французами военнослужащие бывшего Русского экспедиционного корпуса (Алжир);
- военнослужащие Добровольческой армии, эвакуированные в связи с ранением и переправленные в британские госпитали в Египте; их дополняли гражданские беженцы 1919 г.;

— эвакуированные через Турцию врангелевские войска (и в особенности флотские экипажи) плюс гражданские беженцы из Крыма; именно этот поток (1920 г.) составил основную массу эмигрантов в Африке;

— прибывшие морским путем самостоятельно из трех стран, в том числе с Балтики и белого Дальнего Востока;

— безработные россияне, хлынувшие из Европы в связи с экономическим кризисом начала 30-х годов;

— советские «невозвращенцы», в основном моряки торговых судов (очень незначительное число);

— наконец, родившиеся в русских эмигрантских (или смешанных) семьях уже на африканской земле.

Картина, как видим, довольно пестрая. В итоге всех этих сложных перемещений и приращений в странах Африки, в основном Северной, к 1920 г. оказалось около 30 тыс. россиян.

Со временем от основных североафриканских русских анклавов (Египет, Тунис, Алжир) отпочковывались дочерние. Вместе с вновь прибывшими из других стран эти переселенцы рассеялись по всему континенту, оседали в виде малочисленных изолированных общин во всем ее обширном тропическом поясе. Что же касается южноафриканского региона, то российская диаспора сложилась там за несколько десятилетий до революционных катаклизмов 1917 г.; численный состав ее (по некоторым оценкам, в одной только Южной Африке в 1921 г. было 25 тыс. выходцев из России) сопоставим с числом эмигрантов первой волны в Северной Африке.

Общая численность российских изгнанников, оказавшихся под африканским небом, не идет ни в какое сравнение с сотнями тысяч соотечественников, осевших в крупнейших очагах зарубежья (Франция, Германия, Чехословакия, Югославия, Болгария, Прибалтика, Маньчжурия). Но не только это резко отличает российскую диаспору на африканском континенте от всех прочих.

Именно в Африке, в колониальной среде, россиянам пришлось столкнуться с трудностями особого рода. Здесь сложности адаптации, неизбежные в любом случае, независимо от страны пребывания, усугублялись.

Дело в том, что массы людей попадали в сферу одновременного воздействия необычного климата, принципиально иной политической культуры (и культуры вообще) и неведомой религии. Психологический шок, испытываемый при этом, был огромен. Африка книжная, умозрительная, худо-бедно, но все же знакомая по «Фрегату "Палладе"», путевым очеркам Александра Елисеева и Василия Немировича-Данченко, по стихам Николая Гумилева, не очень соответствовала Африке реальной, которая простиралась за оградой беженского лагеря. Египет, вне привычной экзотики, без пирамид и Сфинкса, подавлял и обескураживал. Пребывание на территории бывшей финикийской колонии в постоянных заботах о хлебе насущном не слишком располагало к размышлениям о великом карфагенском прошлом тунисской земли. А сыны Дона и Кубани, рассеянные после годичного лагерного пребывания на острове Лемнос по всему Средиземноморью, включая страны Магриба, теперь несколько иначе воспринимали некогда читанную книгу знаменитого атамана Петра Краснова «Казачи в Абиссинии». Одно дело — сопровождать в качестве почетного конвоя русскую дипломатическую миссию и совсем другое — оказаться в той же Абиссинии, или в Марокко, или в Алжире не только без коня и боевого снаряжения, но даже без куска хлеба.

Большинство изгнанников не было приспособлено к жизни в непривычной географической среде. Ядром диапсыры являлись военные. Среди них был высок процент офицеров, в общем, далеких, за исключением тех же казаков, от физического труда. Но на новом месте зачастую приходилось заниматься именно физическим трудом. Это означало работать землекопом, портовым грузчиком, кочегаром, шофером, садовником, сторожем. Жены офицеров, образованные женщины из обеспеченных семей, в свое время учившиеся в классических гимназиях, а то и в столичных институтах благородных девиц, в общем, ничего не умели делать по дому, как и их матери. Полагались на горничных, нянь, кухарок (как мужья их — на денщиков). В Африке все было иначе.

Как происходило обустройство в Африке десятков тысяч наших соотечественников? Что помогало изгнанникам выжить в новых, экстремальных условиях?

В наше время приходится сталкиваться с безапелляционными суждениями относительно слабовыраженной способности некоторых национальных меньшинств, преимущественно восточнославянских, к самоорганизации в условиях зарубежья. В обоснование этого часто приводятся зловещие «этнические русские» (очередная бездумная калька с английского) в странах СНГ и Прибалтики. Но разве этого достаточно для серьезных обобщений? Обратимся хотя бы к историческому опыту эмиграции первой волны. А он, этот опыт, говорит нам: когда возникала суровая необходимость, россияне — и славянского корня, и все прочие, попавшие в исключительно сложные условия, — проявляли способность и организоваться, и защищать свои интересы. Африканский ареал всемирной российской диаспоры дает немало примеров такой успешной самоорганизации.

Выдавленные за пределы отечества бывшие подданные рухнувшей империи помнили горькие слова приказа последнего главкома Русской армии, обнародованного в Севастополе за несколько дней до эвакуации: «Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает». После такого предупреждения все понимали: следует надеяться прежде всего на самих себя. Иными словами, сразу же возникла необходимость запустить некие механизмы саморегуляции, самоограничения и самодисциплины, которые только и могли обеспечить коллективное выживание на чужой стороне.

В условиях Африки делать это по указанным выше причинам было особенно сложно. Но не невозможно, что и доказали вскоре усилия тех, кому удалось переплавить первоначальную растерянность, даже отчаяние, в твердость и решимость.

Опорой изгнанников — и весьма существенной — были остатки прежних государственных и обществен-

ных структур Российской империи, в той или иной мере представленных и на африканском континенте. По крайней мере в его северной, средиземноморской полосе, где, собственно, и осели в массе своей эмигранты. Мы имеем в виду российские консульства в крупных городах (Каир, Александрия, Порт-Саид, Бизерта, Алжир). Функционировали они до середины 1924 г. Консульства располагали известными средствами, отпущенными в свое время еще царским и Временным правительствами, и скромным штатом служащих. Действовали они под контролем ежегодной конференции русских послов в Париже и, разумеется, под неусыпным наблюдением местной колониальной администрации. Консульские учреждения оказывали беженцам посильную материальную помощь, а также помогали по части трудоустройства, оформления правового статуса, разъяснения особенностей местного законодательства.

Помимо консульств каким-то чудом сохранились в той же Северной Африке местные отделения Российского Красного Креста и Всероссийского союза земств и городов (сокр. Земгор). Первые помогали инвалидам и сиротам, вторые — всем категориям беженцев (медицинская, материальная, юридическая помощь). Представительства Земгора отпускали средства и на культурно-просветительную работу.

Так обстояло дело с поддержкой со стороны. Более действенной была самопомощь в различных ее проявлениях. Беженцы, которым еще предстояло стать эмигрантами, были просто обречены на создание низовых, самодеятельных организаций и объединений. Именно базовые ячейки помогали изгнанным вживаться, встраиваться в новую географическую, этническую, социокультурную, конфессиональную реальность. Особенно важно это было на первых порах, когда обустройство в заморских краях только начиналось.

Но это в Северной Африке.

В колониях же с незначительным числом эмигрантов и точечным их расселением создание каких-либо объединений, кроме землячеств, исключалось. Зато в странах

компактного проживания значительных (по африканским масштабам) масс россиян эмигранты более или менее успешно группировались в рамках ветеранских, профессиональных, религиозных объединений. При таких организациях работали клубы, библиотеки, кружки различного профиля, ставились любительские спектакли.

Корпоративный дух, солидарность определеннее всего проявлялись в военной эмиграции, в особенности у военных моряков, и в казачьей диаспоре. Членство в ветеранских объединениях имело для «русских африканцев» огромное значение. Военные и полувойсковые организации располагали хотя и скромными, но собственными финансовыми средствами. Расходовать их они могли по своему усмотрению.

У живших в Африке выходцев из России не было могущественных покровителей, таких, как президент Чехословакии Тамаш Масарик или Александр, суверен Королевства сербов, хорватов и словенцев (так именовалась тогда Югославия). Оба были известны тем, что оказывали существенную помощь россиянам, обосновавшимся в этих странах. Но и в метрополиях, владевших обширными колониями в Африке, находились свои доброхоты. Так, беженцам из России покровительствовал генеральный резидент Марокко французский маршал Лиотэ. Посильную помощь оказывали прежним союзникам по Антанте бывший президент Франции Раймон Пуанкаре, бывший премьер Аристид Бриан, министр колоний Мариус Мутэ. От последнего зависела, в частности, очень важная вещь — утверждение квот на замещение вакансий в органах колониальной администрации иностранцами.

Пожалуй, наиболее благоприятное отношение к изгнанникам высказывали власть Бельгии, хозяева огромного колониального массива в Центральной Африке. На позицию бельгийского монарха повлияла, надо думать, явно выраженная симпатия и официального Петрограда и российской общественности к маленькой Бельгии, нейтралитет которой был грубо нарушен кайзеровской Германией в 1914 г. Во время Гражданской войны в России Бельгия до самого конца, вплоть до крымской эвакуации,

поддерживала Белое движение на официальном уровне. А вот что пишет об отношении короля Бельгии Зинаида Шаховская. Пишет со знанием дела, ибо жила в 20-е годы и в Бельгии, и в Бельгийском Конго: «Бельгийцы чрезвычайно тепло встретили первую русскую эмиграцию, к которой также благосклонно относились король Альберт, королева Елизавета и кардинал Мерсье».

Кому-то помогла служба в иностранных армиях. Вербовочные пункты Иностранного легиона действовали и между двумя мировыми войнами, и по окончании Второй мировой исправно и бесперебойно.

В наемники шли в основном неприкаянные, опустившиеся, лишившиеся нравственного стержня люди. В свое время писательница Наталия Ильина вывела в воспоминаниях некий своеобразный эмигрантский тип, обозначив его так: «мальчики неясных профессий». Таковые, увы, обретались и под созвездием Южного Креста, хотя Ильина-то, типизируя, вела речь прежде всего о завсегдатаях харбинских и шанхайских зланных мест. Об одном таком «мальчике» красочно живописует другая эмигрантская писательница — Нина Берберова: «В восемнадцать лет пошел к Шкуро и кого-то зарезал... Он шатался где-то, потом поступил в Иностраный легион и уехал в Африку (была война французская с Абд аль-Кримом) ...В Африке кого-то зарезал, вернулся через пять лет... И вот теперь он в немецкой форме, сражается на Восточном фронте, вернее, служил переводчиком у немцев в России. Сейчас вернулся в отпуск из-под Смоленска...» Эти строки — из дневниковой записи за декабрь 1942 г. Через полтора года автор дневника возвращается к судьбе своего парижского знакомого, отправившегося на родину в форме гитлеровского вермахта. Свидание бывшего легионера с землей предков заканчивается трагически — похоронкой из штаба германской армии, извещающей его родных о том, что в июле 1944 г. он погиб в бою под Черновцами. Да, очень разных людей выплескивала на африканские берега разбушевавшаяся российская революционная стихия. Были среди них и люмпены, и авантюристы, и маргиналы профашистского

толка. Одно их объединяло: все были озлоблены на большевиков. Одни больше, другие меньше.

Шли и другим путем. Свои знания, опыт, энергию вкладывали в орошение полупустынь, борьбу с саранчой и тропическими недугами, строительство железных дорог и причалов, освоение недр, прокладку авиатрасс, обучение африканской молодежи. Вот почему на российских медиков, преподавателей, горных инженеров, агрономов, топографов, геологов, гидрологов, портовых диспетчеров, авиаторов в колониях существовал довольно стабильный спрос. Но не все успели еще в России стать дипломированными специалистами. К тому же не всякий российский диплом признавался. В то же время в тропиках хронически не хватало квалифицированных медицинских кадров. Отсюда известный либерализм местных администраторов в отношении врачей. Впрочем, русский доктор, скажем, блестящий выпускник Санкт-Петербургской военно-медицинской академии или Харьковского университета, попавший по контракту в колонии, не всегда работал врачом. На месте, «в глубинке» ему могли предложить и должность «младшего врача», т.е., попросту говоря, фельдшера. А его непосредственным начальником подчас назначался какой-нибудь бывший военный медик колониальной службы, специалист средней руки.

На рубеже 40—50-х гг. XX в. в странах Африки, как и во всем зарубежье, произошла удивительная для обеих сторон встреча первой волны эмиграции со второй. Тех, кого называли «старыми эмигрантами», к началу Второй мировой войны в колониях оставалось гораздо меньше. Теперь, два десятилетия спустя, можно было говорить скорее о тысячах, но никак не о десятках тысяч. Старик уходили из жизни. Люди среднего возраста и молодежь активно мигрировали за пределы континента. В то же время диаспора росла за счет прибывавших в Африку россиян. Одни переселялись в тропики по своей воле, других привозили, не спрашивая их согласия. Так, в первые годы правления властей Виши в Алжире отбывали ссылку русские, депортированные из Франции, как и в

1917—1918 гг., за неблагонадежность. Но гораздо большее число новых поселенцев приходилось не на эмигрантов, а на недавних советских граждан.

Тысячи россиян, бывших советских военнопленных, пополнили собой русские общины в Африке в 1942—1944 гг. Одни служили у Роммеля и помогали солдатам вермахта сражаться против войск Монтгомери и Эйзенхауэра. Другие, напротив, бежав из концлагерей в Европе, сражались в войсках союзников против итало-германской армии в Северной Африке. Третьих привезли в Египет из Южной Франции: они служили в вермахте и были захвачены в плен американско-деголлевскими войсками при освобождении Прованса. Окончилась война, но не окончились мытарства новой волны скитальцев. В соответствии с ялтинскими договоренностями союзников о военнопленных все они — и сражавшиеся на стороне Гитлера, и воевавшие против него — должны были стать объектом репатриации. Тех, кого брали на учет советские миссии по репатриации, действовавшие от Египта до Алжира, принуждали вернуться в Советский Союз. Дальнейшая судьба этих репатриантов печально известна. Однако некоторым удалось избежать возвращения в родные края. На какое-то время они осели в британских лагерях военнопленных в Египте, затем, по мере их закрытия союзниками, стали переходить на положение беженцев, или, по терминологии тех лет, перемещенных лиц.

Постепенно они устраивались на работу, обзаводились семьями. Для иных спасением выглядел все тот же Иностранный легион. После 1947 г. в состав российских перемещенных лиц (Displaced Persons) в Африке (больше всего в Марокко) стали вливаться их собратья из беженских лагерей Европы.

Врастание «старых эмигрантов» и «дипийцев» (DP) в колониальную среду продолжалось в относительно спокойной обстановке до середины 1950-х гг. Затем сама эта среда в силу известных причин стала распадаться. Как же встретили русские в Африке кризис, а затем и крах колониализма? Часть эмигрантов дожила до провозгла-

шения колониями независимости и обзавелась новыми паспортами. Другая, и немалая, снова снялась с насиженного места, чтобы поискать лучшей доли в иных широтах. Иногда и на других континентах, как это сделали их земляки, жившие в Китае (после революции 1949 г. многие из них поспешили перебраться из КНР в Австралию или Калифорнию). Сохранившаяся часть диаспоры представлена вплоть до наших дней если не во всех странах, то уж, во всяком случае, во всех регионах африканского континента.

Понятное дело, зарубежная Россия в Африке не являлась неким культурным и этническим монолитом. Но было бы упрощением считать ее и бесформенным конгломератом с ностальгической доминантой в сознании изгнанников. Можно говорить о русском зарубежье как о самостоятельном, в известной мере всемирном, жизнеспособном социокультурном организме, о какой бы стране или городе ни шла речь — Шанхае ли, или Парагвае, Египте, ЮАР, или Тунисе.

Изучать его еще предстоит, и здесь исследователей ждет множество интересных открытий.

(По материалам книг: «Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.». — М., 1997; Российская диаспора в Африке. — М., 2001; Художники русского зарубежья (1917—1939). — М., 1999.)

ТРИКОЛОР НАД АЛЖИРСКИМИ ПЕСКАМИ

Передо мной фотография, которую сделал Н.Н. Степанов, бывший когда-то корреспондентом АПН в Алжире. На обелиске высечены звезда и надпись: «И. Остапченко — советский солдат 1943-го». Кто он, советский солдат, похороненный на военном английском кладбище Дели-Ибрахим? До сих пор не было сведений о том, что в составе 8-й английской армии во время североафриканской кампании против Роммеля сражались советские солдаты!

Правда, еще в начале 1950-х гг. советский писатель Сергей Александрович Борзенко, работая корреспондентом «Правды», случайно узнал, что в 1942 г. против полчищ Роммеля бок о бок с англичанами сражались советские бойцы. Они бежали из немецкого плена в первые годы войны, участвовали во французском Сопротивлении и попали в Англию, каким-то образом переправившись через Ла-Манш.

Работая в Индии, Борзенко неоднократно встречался с английским отставным генералом Клодом Охинленом, бывшим командующим 8-й армией в Египте. Из рассказов генерала стало ясно: русские и английские армии — не миф, а крепко забытая правда.

В октябре 1965 г. писатель побывал в Англии. Во время встреч с ветеранами войны ему удалось установить новые факты, которые весьма подробно освещали знаменитую битву под Эль-Аламейном. Англичане хорошо помнили, как они вместе с поляками, чехами, индийцами... русскими несколько дней удерживали крепость Тобрук, сковывая войска Роммеля. Преждевременная смерть помеша-

ла С.А. Борзенко довести дело до конца... Может, найдутся родственники или друзья И. Остапченко — советского солдата, могила которого находится в Алжире на английском военном кладбище Дели-Ибрахим?

Этот и некоторые другие подобные факты послужили поводом для долгого историко-публицистического поиска, который привел к удивительным, порой ошарашивающим результатам. Оказывается, наши соотечественники играли немаловажную роль в истории самых различных африканских государств! Итак, Алжир.

Вряд ли найдется исследователь, который рискнет заняться выявлением конкретных обстоятельств и точных дат установления первых исторических контактов между народами России и Магриба, а тем более Алжира. Нам остается лишь предположить, что истоки их восходят ко времени становления самой российской государственности, к периоду походов первых Рюриковичей к Хвалынскому, или Хорезмскому, т.е. к Каспийскому морю в первой половине X в.

Можно также допустить, что как эти, так и последующие военные столкновения у границ православного и христианского мира дали последнему немало пленных русичей, очутившихся затем по воле судеб в разных городах и весях халифата.

Уже к IX—XI вв. относятся первые упоминания о русах арабскими историками, географами и путешественниками (Ибн Хордабех, Ибн Фадлан, аль-Масуди, Ибн Хаукаль и др.). Можно с уверенностью сказать, что уровень и темпы культурного и информационного обмена в пределах огромного халифата примерно в этот же период сделали эти сведения о далеком северном народе достоянием читателя-мусульманина и на западе мусульманского мира — Магрибе и на Иберийском полуострове. К тому же североафриканские авторы внесли и собственный вклад в развитие средневековой географии. Около 1068 г. был завершен известный путеводитель с традиционным названием «Китаб аль-мамалик валь-масалик...» («Книга царств и путей...») аль-Бекри, а

*Эрвин Ойген Йоханнес Роммель,
немецкий генерал-фельдмаршал и командующий войсками Оси
в Северной Африке. Фотография 1942 г.*

около 1154 г. другой выходец с арабского Запада, Абу Абдаллах Мухаммед аль-Идриси, составил один из полнейших географических сводов своего времени «Китаб на-зхат аль-муштак фи-хтирак аль-афак» («Книга услады истомленного в дальних странствиях»), в котором описал для своего сюзерена короля Сицилии Роджера II, извест-

ного своими симпатиями к культуре арабов, Магриб, Андалусию и многие европейские страны.

В саму же Россию первые известия о Северной Африке стали попадать лишь с началом «хождений» русских паломников в Святую землю, в Палестину, на Синай, а также в Египет. Первые личные впечатления русских о Египте дошли до нас благодаря путешествиям, предпринятым в середине XV в. иноками Зосимой и Варсонофием, а позже, в XVI—XVII вв., купцами В. Позняковым, Т. Коробейниковым, В. Гагарой и другими.

К особому разряду контактов между Россией и странами Магриба можно отнести пребывание на службе турецкой администрации или в янычарских оджаках многочисленных выходцев из России, преимущественно из малороссийских областей, попавших в плен либо в эпоху Золотой Орды, либо позже, в период войн, которые Россия долгие годы вела против Крымского ханства и Османской империи. Роль же мамлюков — кыпчаков-половцев, а также черкесов, как в мусульманском мире называли практически всех выходцев с Северного Кавказа, в истории Египта, да и других, в том числе магрибинских провинций Османской империи, достаточно широко известна.

Важной особенностью социально-политической эволюции стран Магриба, начиная уже с античности и вплоть до нового времени, оставался пиратский промысел, служивший средством политического господства многих поколений местных правителей — от суфетов Карфагена и римских проконсулов до султанов Марокко, алжирских деев и беев Туниса и Триполи. Пиратство служило и орудием «джихада на море» от арабских завоеваний в VII—VIII вв. до войн эпохи реконсисты в XII—XV столетиях. В позднее же Средневековье оно все больше превращается из формы религиозно-политического сопротивления западного мусульманства европейской экспансии в весьма доходную отрасль хозяйствования — торговлю христианскими пленниками, в том числе и с целью оказания политического давления на западные державы, которые все активнее включались в развернувшееся на по-

роге нового времени соперничество за сферы влияния в Средиземноморье.

Так, невольники, наемники и даже «авантюристы-пираты» из разных областей государства Российского издревле попадали на далекие североафриканские берега, разнообразия и без того пестрый этнокультурный фон, на котором писалась история далекого от их родины Магриба.

Систематическое научное изучение мусульманского мира, языка, культуры и истории арабов началось в России с эпохи петровских преобразований, когда был заложен подлинный фундамент отечественного академического и университетского востоковедения.

Во многом подобный всплеск интереса к Ближнему Востоку и Северной Африке объяснялся перипетиями русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. и активными действиями русских эскадр на Черном и Средиземном морях. Признанный авторитет по истории отечественных ближневосточных штудий Б.М. Данциг отмечал в свое время стремительный рост интереса в России конца XVIII в. к различным сторонам жизни Османской империи. На страницах многих научно-популярных работ, в периодической печати все чаще появлялись всевозможные очерки, статьи и заметки о Египте, Сирии, Алжире и т.д.

Победе России в войне с Турцией 1768—1774 гг. в немалой мере способствовали действия первой так называемой Архипелагской экспедиции, отправившейся из Балтики в Средиземное море с целью отвлечения турецких сил с придунайского и черноморского театра военных действий. Одним из важных следствий этой экспедиции было, по существу, рождение новой для России военно-исторической литературы, содержащей, в частности, богатейшие сведения об отдаленных средиземноморских провинциях Османской империи.

Первым русским исследователем, свободно посетившим и изучавшим Алжир, был уже известный нам капитан М.Г. Коковцов, прадед известного русского семитолога П.К. Коковцова и участника бурных событий последней четверти XVIII в.

Выходец из старинной дворянской семьи, давшей России несколько крупных администраторов и ученых, Матвей Григорьевич Коковцов родился в 1745 г. В 1761 г., по окончании Морского корпуса, началась его служба на Балтике. В 1765—1798 гг. мичман Коковцов, «плавая волонтером на мальтийских галерах», а в 1769 г. уже лейтенантом, снова пришел на Средиземное море с одной из балтийских эскадр, посланных против турок.

«Г. Коковцов был на каждом из описываемых им островов, может похвалиться вероятным (т.е. заслуживающим доверия) писателем, яко свидетель очевидный». Так писал в 1786 г. Ф.О. Тумавский, член-корреспондент Российской академии наук, видный издатель и переводчик второй половины XVIII в., выпустивший в свет обе книги «флота капитана, что ныне бригадир я кавалер» Матвея Григорьевича Коковцова.

Туманский имел в виду прежде всего подробные описания греческих островов, сделанные Коковцовым, — это и понятно, если принять во внимание тот интерес к греческим делам, который испытывала читающая столичная публика в те годы. Но, несмотря на то что Коковцов, конечно, располагал несравненно большими возможностями для непосредственного ознакомления с Архипелагом, нежели со странами североафриканского побережья Средиземного моря, его записки об Алжире и Тунисе заслуживают не менее высокой оценки.

Дневники плаваний Коковцова в Тунис и Алжир в 1776—1777 гг. и его книга «Достоверные известия об Алжире: о нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и областных доходов; о положении варварийских берегов; о произрастании и о прочем; с верным чертежом», написанная на основании этих дневников, — одно из первых в русской литературе свидетельств очевидца о состоянии двух африканских стран Северной Африки в этот период. Не случайно статья М.О. Косвена о Коковцове была названа «Первый русский африканист М.Г. Коковцов»; точно так же рассматривал записки Коковцова и видный советский историк нашего востокове-

дения Б.М. Данциг в своей книге «Ближний Восток в русской науке и литературе».

После победоносного окончания войны, завершившейся Кучук-Кайнарджийским миром, русское правительство строило грандиозные планы расширения торговли и мореходства в средиземноморском бассейне. Здесь, в Архипелаге и прилегающих к нему морях, оставались значительные силы флота. Международная обстановка благоприятствовала таким планам: турецкий флот был уничтожен, а североафриканское пиратство, служившее одной из основ турецкого морского могущества, было ослаблено (хотя еще являло собой серьезную угрозу для мореплавателей европейских государств).

Расширение торговли и мореплавания требовало и хорошего знания торговых возможностей, портов, навигационной обстановки у берегов тех стран, с которыми собирались торговать. И если русские моряки «к тому времени уже достаточно хорошо знали страны Южной Европы, особенно районы Апеннинского и Балканского полуостровов и Архипелага, то о Северной Африке, а отчасти и о странах Пиренейского полуострова знали мало. Поэтому было совершенно естественно, что в 1776 г. капитан-лейтенант Коковцов, только что возвратившийся в Кронштадт со средиземноморской эскадры, получил задание посетить Испанию и ознакомиться с состоянием испанского флота. А по выполнении этого поручения Коковцов был командирован в Тунис и Алжир для ознакомления с портами этих стран.

По дипломатическим соображениям он не мог явиться туда на корабле под русским военно-морским флагом. Поэтому первое свое плавание в Тунис и Алжир в мае-сентябре 1776 г. капитан-лейтенант совершил на итальянском купеческом судне просто как «путешествующий российский дворянин» и в таком качестве и был представлен тунисскому бею. А на следующий год Коковцову пришлось поступить помощником капитана на французское судно и на нем совершить плавание в Алжир.

В 1779 г. Коковцов возвратился в Петербург, командуя кораблями «Америка» и «Св. Януарий», еще два-
— 95 —

ды ходил в Средиземное море. С Балтийского флота он и вышел в отставку в чине бригадира в 1785 г. В 1793 г., не достигнув пятидесятилетнего возраста, М.Г. Коковцов умер.

Обе книги Коковцова появились в свет уже после его выхода в отставку — в 1786 и 1787 гг. Основой для них послужили значительно расширенные и дополненные служебные отчеты, которые десятилетиями раньше автор направлял на имя тогдашнего президента Адмиралтейств-коллегии графа И.Г. Чернышева. Эти отчеты, хранящиеся в Центральном архиве военно-морского флота в Санкт-Петербурге, предельно кратки и носят в первую очередь характер навигационных и военно-морских справок.

Первая половина XIX в. в мире науки ознаменовалась формированием и быстрым ростом крупнейших центров академического и университетского востоковедения. Не в последнюю очередь это было связано с усилившимися тенденциями колониального проникновения Запада в страны Азии и Африки.

Безусловно, первенство как в военно-политическом и экономическом освоении Магриба, так и в систематическом изучении языков, культуры и истории его народов, их традиционных социальных и духовных институтов принадлежало Франции, приступившей после захвата Алжира в 1830 г. к выполнению здесь своей исторической «цивилизаторской миссии». В последующий период магрибистика, по мнению большинства специалистов, попросту превратилась во французскую «национальную научную дисциплину», которую прославили труды таких корифеев, как Э. Мерсье, Э. Мишо-Беллер, О. Бернар, Э. Леви-Провансаль, Л. Массиньон, Р. Ле Турно, Ш.-А. Жюльен и многих других выдающихся исследователей.

Между тем и в России в этот период происходил заметный подъем в развитии арабистики и исламоведения, причем самое активное участие в нем также принимали ведущие европейские ученые, работавшие в то время в различных российских университетах и в Академии наук: например, французы Ж.Ф. Деманж и Ф.Б. Шармуа,

немцы Г.-Я. Кер, Х.Д. Френ и Б.А. Дорн, финны Г. Гейтлин и Г.-А. Валлин и другие.

Следует напомнить, что с началом XIX столетия Россия оказалась втянутой в большую войну на Северном Кавказе, которая дала ей опыт, во многом близкий истории французских колониальных захватов на севере Африки в первой половине XIX в. Магриб — западная оконечность арабского мира и мусульманский Кавказ как северная периферия мира ислама — имели, как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, немало общего и с точки зрения истории исламизации обоих регионов, и с точки зрения чрезвычайной живучести местных доисламских культов и социальных институтов. Подобное сходство историко-культурных, а также природных и даже хронологических факторов — ведь проникновение Франции в Магриб и России на Северный Кавказ осуществлялось практически одновременно — позволяло исследователям сопоставить опыт политики двух держав на территориях, где так называемый «народный ислам» с преобладанием религиозно-мистической суфийской традиции имел особенно большое распространение.

Типичный для европейского романтизма на рубеже XVIII—XIX вв. повышенный интерес к Востоку имел в русской культуре особую почву, долгие столетия подпитывавшуюся через Великую степь прямыми контактами с народами Ближнего Востока и Средней Азии. «Восточные мотивы» поэтому столь органично звучали в творчестве Г.Р. Державина и В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и В. Кюхельбекера, М.Ю. Лермонтова и А.С. Грибоедова, П.А. Вяземского и многих других представителей русской литературы. Между тем романтика арабского Запада, обаяние «мавританской культуры» проникли в этот период в Россию главным образом окольными путями, через популярную западную литературу, а также благодаря весьма редким, в том числе и переводным, материалам на страницах российских журналов.

Лишь к середине XIX столетия публикации о Северной Африке, и в частности о Магрибе, приобрели в нашей стране достаточно широкие масштабы. Все чаще их мож-

но было встретить в самых читаемых изданиях: в «Современнике», «Отечественных записках», «Русском вестнике» и «Вестнике Европы», «Библиотеке для чтения» и т.д. Появились первые весьма значительные и самостоятельные сочинения русских ученых и путешественников, непосредственно посвященные странам Магриба.

Очерк о Танжере, быте и нравах его жителей, включил в свои «Письма об Испании» философ и литератор В.П. Боткин (1811—1869) — брат выдающегося русского врача, посетивший Марокко в 1845 г.

Не меньший отклик получили и публикации доктора А.А. Рафаловича (1816—1851) — преподавателя судебной медицины Ришельевского лицея в Одессе, побывавшего в 1846—1848 гг. в Турции, Сирии, Египте, Алжире и Тунисе с целью изучения эпидемий чумы и холеры.

В 1847 г. Алжир посетил известный русский геолог и естествоиспытатель Э.И. Эйхвальд (1795—1871). Для историка и востоковеда прежде всего интересны приводимые автором сведения о культуре, хозяйстве и, конечно, о социально-политической ситуации в Алжире в эти первые годы французской колонизации. Э.И. Эйхвальд описывает, в частности, развитие торговли и транспортной сети, введение французами новых административных структур, в том числе известных «арабских бюро» — органов колониального контроля и управления «туземной массой» на местах. Не менее любопытны попытки ученого сравнить действия Абд-аль-Кадира Алжирского с другим вождем антиколониального сопротивления мусульман — имамом Шамилем. «Абд-аль-Кадир, — писал Э.И. Эйхвальд, — водил в битвы сам фанатически преданных ему кабил, служа им примером мужества, между тем как Шамиль остается в арьергарде, воспламеняя мюридов молитвой и вымаливая победу у неба; поэтому кабилы, предводительствуемые Абд-аль-Кадиром, и одерживали победы» (Эйхвальд Э.И. Отрывки из путешествия в Алжир. — М., 1947). Безусловно, Э.И. Эйхвальд был первым из русских путешественников, кто не просто застал в Алжире последний этап антифранцузского сопротивления под руководством эмира Абд-аль-Кадира, но и попы-

тался самостоятельно проанализировать ход военных действий и перспективы колонизации, сопоставляя при этом как природные, так и этнокультурные условия в Северной Африке и на Северном Кавказе.

Гораздо более яркий пример подобной «колониально-аналитической» литературы дает вышедшая в 1849 г. книга профессионального военного историка полковника М.Н. Богдановича. Основанная на широком круге западных публикаций и документов, прежде всего французских и немецких, эта работа, по выражению В.Г. Кукуяна, фактически открыла «более или менее непрерывную алжироведческую традицию в России».

Последние десятилетия XIX века дали русской науке немало новых произведений, посвященных странам Магриба. Это были по-прежнему работы, основанные главным образом на личных путевых наблюдениях. Однако существенно расширился сам круг путешественников, к которым наряду с врачами и дипломатами прибавились многие известные ученые, писатели и журналисты, поэты и художники, составлявшие цвет русской культуры на рубеже XIX—XX вв.

* * *

Несомненно, особый интерес как в России, так и в Европе вызвала изданная в Париже в 1880 г. книга писем о поездке в Испанию, Алжир и Тунис выдающегося русского путешественника, геолога и географа П.А. Чихачева.

Эта область давно вызывала у него глубокий интерес: «За много лет до моего путешествия в Африку я беспрестанно перечитывал труды греческого историка (Проконпия) и горел желанием побывать в этих местах, столь красочно описанных человеком, любовавшимся лично их прелестью». Алжир, Тунис, Марокко, Египет и другие страны Северной Африки он впервые посетил в 1835 г., в период, когда работал при русском посольстве в Константинополе.

Второй раз он побывал в этих местах в 1846 г. Но эти поездки носили рекогносцировочный характер и научными трудами не увенчались.

Новое большое путешествие Чихачева, совершенное в 1877—1878 гг., проходило через Испанию. Из французского города Байонна он направился в Бургос, затем проехал Вальядолид, Авила, Мадрид, Толедо, Кордову, Севилью, Кадис, Гибралтар, Малагу, Гранаду, Мансанарас, Муссию, Картахену.

По замыслу автора, описание этого путешествия «Италия, Алжир, Тунис» (Париж, 1880) предназначалось для читателей, не обладавших специальными знаниями, и поэтому он старался избегать, насколько возможно, специальных терминов, а в случаях необходимости помещать их в виде сводных таблиц в конце книги. В этой работе П.А. Чихачев наряду с вопросами естественных наук, таких, как геология, ботаника, климатология, зоология, касался также вопросов социальных, общественных и много внимания уделял быту, культуре, религии и т.д. «Я стремился придать моему труду характер чего-то совершенно нового и оригинального, стараясь сочетать с некоторой гармонией требования ученого, литератора, искусствоведа и светских людей, часто также разнородные. При этом я учитывал, что, насколько мне известно, страны, о которых идет речь, еще ни разу не показывались читателю в популярной форме, охватывающей сразу человека и природу в их самых разнообразных проявлениях».

В Картахене Чихачев сел на пароход, 17 ноября 1877 г. достиг берегов Северной Африки и высадился в Оране. Затем он направился в местечко Сен-Дени-дю-Сиг, а первого декабря прибыл в город Алжир.

Затем он обследовал хребет Джурджура и установил его растительные зоны. Для средней зоны он установил 77 характерных видов растений, а для верхней — 67. Ученый описал семь видов до этого неизвестных и присущих только Джурджуру.

Весьма важным оказалось обнаружение нуммулитов на самой высокой части горной цепи на пике Лалли-Хадиджи (2038 м над уровнем моря). Это позволило ученому сделать заключение о времени образования Джурджура. Интересное геологическое исследование провел П.А. Чихачев в районе города Шершель.

Седьмого апреля после четырехмесячного пребывания в Алжире П.А. Чихачев отправился вдоль южного склона Джурджура через Полестро, Бордже-Буир, Бени-Мансур к портовому городу Бужи. На пути от Алжира до Бужи П.А. Чихачев вел геологическое и минералогическое исследование, сделал подробное орографическое описание местности, собрал гербарий, обследовал реки Иссера, Уэд-Джеди, Сахель, Уэд-Себац, Уэд-Агриуни. 16 апреля П.А. Чихачев из Бужи отправился в древнейший город, некогда мавританскую столицу Сетиф, а 19 апреля прибыл в город Константину и в его окрестностях исследовал ряд гор, в том числе Джибель-Уаш.

*Петр Александрович Чихачев,
географ, геолог,
путешественник*

23 апреля П.А. Чихачев направился к населенному пункту Батну, расположенному среди пустыни на высоте 1051 метр над уровнем моря. В окрестностях Батны он исследовал долины рек Ксур, Уэд-Федель и Кантары.

27 апреля П.А. Чихачев прибыл в Бискру, где 12 дней совершал почти ежедневно научные экскурсии по окрестностям города. Километрах в 40—50 южнее Бискры П.А. Чихачев достиг оазиса Заджа, населенного арабами. В его окрестностях он встретил развалины деревень, разрушенных французскими колонизаторами. «От деревни Заджа в наши дни, — писал П.А. Чихачев, — остались лишь части полуразрушенных стен, памятники героической борьбы, происходившей между арабами Заджи и французами в 1849 году. Последние, численность войск которых была около 8000, осаждали эту несчастную деревню в течение около двух месяцев, бомбардируя из 15 пушек ее жалкие домишки, выстроенные из кирпичей и ила. Деревню защищали пример-

но 2000 арабов, вооруженных плохим оружием... Неприятель занял Заджу, только когда все ее защитники пали смертью храбрых на поле сражения, когда дома их были совершенно разрушены».

10 мая П.А. Чихачев вернулся в Константинополь, а затем направился в Филинвилль, Жеманны, Бон. Дорогой П.А. Чихачев ознакомился со знаменитыми и в то время богатейшими в Северной Африке железными рудниками Мокра, находившимися в руках акционерного общества «Мокра-аль-Хабид».

Весьма значительными оказались результаты ботанических исследований П.А. Чихачева. Кроме многочисленных представителей флоры Алжира, он описал также растительный мир Киренаики, Триполитании, Марокко и Туниса.

Немалый интерес представляют замечания П.А. Чихачева о времени появления и исчезновения в Африке некоторых видов животных. Так, говоря о верблюдах, он пишет: «Это животное, столь необходимое в наши дни для сообщений в пустыне, по-видимому, было почти неизвестно в Северной Африке приблизительно накануне христианской эпохи. Не имеется каких-либо изображений этого жвачного животного ни на одном древнем памятнике ни в Египте, ни в Мероз. Полибий, указывая на слонов в карфагенской кавалерии, ничего не упоминает о верблюдах. Я уже давно настаиваю на том, что верблюды сравнительно недавно были ввезены на территорию Атлантического полуострова».

Он считал, что исчезновение в Северной Африке слонов, носорогов, жирафов, крокодилов не может быть приписано только деятельности человека, но также обусловлено изменением климата. Эти заключения Чихачева находят подтверждение большей части последующих исследователей и в основном считаются верными и в наши дни.

9 июня 1878 г. П.А. Чихачев после почти годичного пребывания в Северной Африке отправился морем на пароходе из Туниса в Неаполь, а затем во Флоренцию. В результате исследования Северной Африки

П.А. Чихачев окончательно убедился в правильности своих палеогеографических суждений, противоречивших господствовавшей в то время теории недавнего, послетретичного, поднятия Сахары. П.А. Чихачев еще в 1874 г. считал, что «за исключением некоторых пунктов, куда, возможно, море и могло проникнуть, оно уже не покрывало Сахару с нижнетретичной эпохи». Это заключение П.А. Чихачева остается в основном в силе и в наши дни.

Африка вызывала у П.А. Чихачева живой интерес и в дальнейшем. В 80-х гг. он издал ряд работ, в которых в той или иной степени отражались проблемы географии Африки. Особенно большое место этому уделяется в изданной в 1888—1890-х гг. работе «Пустыни мира».

В 1884 г. в Алжире, Тунисе, Триполи и ряде районов Сахары побывал замечательный русский путешественник, врач и антрополог А.В. Елисеев (1858—1895) — сторонник идеи «цивилизаторской миссии» Запада. Любопытны оставленные им заметки о поездке по восточным районам Алжира — в аль-Кантару, Бискру и т.д. А.В. Елисеев поражался «колоссальностью работ» колонистов, трудом которых за полвека французского присутствия были значительно преобразованы земля, леса и дороги Алжира. «Разумеется, при таких условиях быстро движущейся вперед цивилизации самобытность и оригинальность страны пропадают: полудикий номад заменяется трудолюбивым земледельцем, кровожадный хищник — мирным охотником, а туземный человек повсюду отходит на задний план перед могучим своей цивилизацией пришлым человеком Европы». (Елисеев А.В. В. Бискру. Африка // Иллюстрированный географический сборник. — М., 1911).

Сугубо академические наблюдения А.В. Елисеева, особенно этнографического и антропологического характера, получили высокий отзыв в России. Материалы его путешествий по Ближнему Востоку и Северной Африке издавались в «Известиях Русского географического

Город Бискра, столица одноименной провинции Алжира, его также часто называют финиковой столицей Алжира из-за обилия финиковых пальм

общества», в «Русском обозрении» и других журналах, а также неоднократно переиздавались как отдельными книгами, так и в различных сборниках.

В 70—80-х гг. XIX в. русских все чаще можно было увидеть в городах Алжира. Например, русский религиозный философ Н.О. Лосский в молодости отправился в Алжир, где собирался поступить в университет. Но здесь его обманном путем завербовали в Иностранный легион, и только симулировав сумасшествие, ему удалось вернуться к гражданской жизни и уехать на родину.

XX в. наложил совершенно новый отпечаток на историю отношений между Алжиром и Россией.

Первая мировая война внесла свои жесткие коррективы в международные отношения начала XX в. Как ни парадоксально, но и в эти тяжкие годы можно было проследить нити, соединявшие Россию с Магрибом. Во многих городах Алжира, Туниса и Марокко, с 1912 г. перешедшего под протекторат Франции и Испании, проживали выходцы из России, которых война застала на этой земле и по тем или иным причинам не дала вернуться домой. Русские в Магрибе по крохам собирали просачивавшиеся к ним, в основном со страниц французской прессы, сведения о положении на родине.

События 1917 г. в России во многом определили новую расстановку сил в мире, и в частности у порога Ближнего Востока и Северной Африки. В работе, посвященной роли ислама в международной жизни после окончания Первой мировой войны, известный английский историк А. Тойнби отмечал, что в результате происшедших перемен Россия, по существу, оказалась в антизападном лагере.

В свою очередь, патриотические силы во многих колониальных странах увидели в новом режиме России потенциального мощного союзника в их борьбе за независимость. Идеи социального и национального освобождения, которые были сформулированы уже в первых советских воззваниях, обращенных к народам мусульманского Востока, встретили поддержку и революционно-

работах. Их вернули на родину только в 1920 году. Но уже в 1922 году, после эвакуации белых частей из Крыма и Новороссийска, в порт Бизерты (Тунис) прибыла русская эскадра, на борту кораблей которой были солдаты и офицеры с семьями. Вскоре многие из них расселились по соседним государствам арабского Магриба, часть переехала в Алжир. Наши воины увековечили память павших товарищей, установив небольшой православный памятник на месте военного кладбища, который сохранился до сих пор.

В 1928 году русские эмигранты построили первый за тринадцать веков православный храм в Алжире. Назван он был во имя Святого Андрея Первозванного, покровителя русского флота и государства Российского, апостола, который принес свет христианской веры в пределы Руси. В течение тридцати лет — с 1930 по 1960 год — здесь служил протоиерей Василий Шустин.

Чуть позже был устроен в Алжире второй православный храм — в честь Святой Троицы. Здесь служил протоиерей Е. Логодовский.

После того как в 1931 году глава французских и североафриканских приходов митрополит Евлогий ушел в юрисдикцию Константинопольского патриархата, алжирский приход оказался в подчинении русской православной церкви. Несмотря на это, связь православной диаспоры с русским экзархатом в Париже, и особенно с устроенным там Свято-Сергиевским богословским институтом, продолжалась.

В 1936 году к Русской православной церкви присоединилась отколовшаяся от латинства «католическо-евангелическая церковь». Постановлением митрополита Сергия (Старгородского) и Временного при нем синода был установлен порядок присоединения католиков к православию, согласно которому в богослужении общине разрешалось сохранить западный обряд, однако исправленный в соответствии с восточной еврахистической традицией. Календарь должен был содержать только тех святых, которые канонизированы до 1054 года. Спустя немного времени в православие перешли десятки француз-

ских священников с приходами как в самой Франции, так и в Алжире. Перед Второй мировой войной русская колония в Алжире насчитывала около полутысячи человек.

После алжирской революции 1954—1962 годов почти все белые жители покинули страну, в том числе и православные (среди них был и писатель Владимир Волков, лауреат премии Французской академии и Международной премии мира). К 1968 году в Алжире оставалось всего 12 прихожан русской православной церкви за границей.

В конце 1987 года в справочнике, изданном Архиерейским синодом русской православной церкви за границей, упоминается только один храм в Алжире, который уже не имел настоятеля и непосредственно подчинялся председателю синода. Изредка приход навещало духовенство Александрийского патриархата.

Несколькими годами спустя приход совсем прекратил существование, вероятно, после начала гражданской войны 1991 года.

В 1998 году правительство Алжира передало России архив русского православного прихода за 1928—1956 годы в обмен на копии российских дипломатических документов, касающихся ситуации в Алжире в 1835—1917 годах, которые хранились в архиве Министерства иностранных дел РФ.

Кстати, в настоящее время официально в стране проживают 4500 христиан, действуют четыре католических епархий и протестантская церковь. Католики говорят о многих тайных христианах, число которых, по некоторым данным, доходит до 83 000 человек, встречаются цифры и в 150 000.

Также здесь действует «Ассоциация российских гражданок, постоянно проживающих в Алжире», объединяющая женщин, вышедших замуж за алжирских студентов, которые обучались в России, и переехавших на родину мужа. Таковых здесь более 500 человек (и еще примерно 140 гражданок из других стран СНГ). Часть из них неверующие, некоторые приняли ислам или посещают местные католические храмы, но часть все же осознает себя православными.

Многие православные скорбят об отсутствии возможности вести полноценную церковную жизнь. По их словам, когда несколько лет назад приехал священник и совершил православное богослужение в католическом соборе Божьей Матери Африканской, «храм не мог вместить всех духовно изголодавшихся».

Сейчас в стране действует единственный православный приход в юрисдикции Карфагенской митрополии Александрийского патриархата. Своего храма у прихода нет, службы совершаются в арендуемом молитвенном доме священником, приезжающим из Туниса.

(Сведения об истории приходов Русской православной церкви на Западе в Алжире взяты из работы игумена Ростислава (Колупаева) «Русские в Северной Африке».)

Но вернемся к концу XIX века, когда в 1891 году между Петербургом и Парижем был подписан «Консультативный пакт», по которому обе стороны обязались все-сторонне поддерживать друг друга в случае нападения на одно из двух государств третьей страны. Через год данный пакт был дополнен по желанию российского царя Александра III «Военной конвенцией». Оба документа носили секретный характер и хранились втайне. В последующем, уже при Николае II, в 1896 и 1898 годах данные соглашения двусторонне подтверждались. В 1907 году в Европе образовались два крупных противоборствующих военных блока — Антанта, что значит «согласие», куда вошли Россия, Франция и Англия, и Тройственный союз, состоявший из Германии, Италии и Австро-Венгрии. Мир замер в ожидании грандиозной войны. Она грянула 1 августа 1914 года.

Для России война началась крайне неудачно — из-за стратегических просчетов верховного командования в Восточной Пруссии почти полностью погибла 2-я армия генерала Самсонова. Но сейчас уже доподлинно известно, что своим самопожертвованием она спасла союзников, так как германский генштаб планировал снача-

ла захватить Францию, а уж потом все силы двинуть на Россию. Из-за дерзких же маневров Самсонова немцы вынуждены были перекинуть часть своих ударных соединений с центрального участка фронта на север, к русской границе.

У самой же Франции в первые месяцы войны сложилась катастрофическая ситуация с пополнением действующей армии живой силой. Уже осенью 1914 года командование Антанты начало понимать, что без посторонней помощи французы не смогут удержать фронт, и начинают предлагать целый ряд идей по спасению ситуации. Предложения были разные: от посылки во Францию добровольческих отрядов Японии или Америки до переброски на помощь этой стране трех-четырёх корпусов из России. Надо отметить, что первой к великому князю Николаю Николаевичу с предложением направить ограниченный контингент на Западный фронт обратилась Англия. Николай Николаевич ответил отказом, указав на то, что русскому солдату не важно, сколько перед ним врагов, но он спиной должен чувствовать родной дом и поддержку своего, а не чужого народа, пусть даже и союзнического. В штабе великого князя прямо указали англичанам, что не стоит рассматривать Россию как государство с бездонными людскими ресурсами.

Вообще солдат у России просили все кому не лень. В том же 1914 году Англия предлагала послать на ее фронт казаков, так как испытывала острую нужду в легкой кавалерии. Сербия и Черногория также хотели видеть на берегах Дуная русских воинов. В конце первого года войны уже сам царь Николай II решил послать морем из Владивостока к черноморским проливам сводную дивизию для помощи англо-французскому десанту. Но официальный Лондон не на шутку встревожился возможностью присутствия на берегах проливов русских войск, памятуя о важнейшем стратегическом положении Босфора и Дарданелл. В общем, идею пришлось отложить.

Летом 1915 года российское правительство начало зондировать почву на предмет посылки своих войск в Болгарию, но осенью Болгария выступила в войне на сто-

роне Германии. Российские части, предназначавшиеся для отправки в этот регион, решено было использовать в Сербии. В это же время, осенью 1914 года, российская армия столкнулась с острой проблемой нехватки стрелкового вооружения и боеприпасов. В дальнейшем ситуация лишь усложнилась.

Осенью 1915 года в Россию прибыло посольство из Франции во главе с сенатором Полем Думером. К этому моменту потери французских войск составляли 140 тысяч человек ежемесячно, и понятно, что весьма ограниченная в людских резервах Франция для достижения целей по получению дополнительных сил применила все доступные дипломатические методы.

Думер просил у России 300—400 тысяч солдат в обмен на винтовки. Из-за технической невозможности переброски такого количества войск к идее Думера отнеслись скептически как в самом Париже, так и в официальном Петербурге. Начальник Генштаба генерал М.В. Алексеев посчитал полным кощунством саму мысль «менять храброго русского солдата на бездушные винтовки».

Император Николай II к тому времени сам занял пост Верховного главнокомандующего и находился в Ставке. К нему-то в декабре 1915 года, не получив в Петербурге согласия на отправку на Западный фронт ограниченного контингента русских войск, двинулась делегация французов. Царь, в отличие от своих силовиков, смотрел на ситуацию шире, учитывая политическую и экономическую подоплеку обмена живой силы на оружие. Конечно, нельзя сказать, что император безропотно согласился на посылку своего экспедиционного корпуса за границу, беседа с французами была долгой. Просьбу французов удовлетворили, однако лишь частично. Официально было заявлено о посылке в порядке эксперимента одной десятитысячной пехотной бригады. В дальнейшем, после целого ряда переговоров, выработали соглашение об общем количестве российского воинского контингента за границей равном семи бригадам.

3 января 1916 года командующий Московским военным округом получил приказ от императора о формиро-

вании особой пехотной бригады для отправки на французский фронт. Командиром бригады стал генерал Н.А. Лохвицкий.

К формированию бригады российская сторона пошла с полной ответственностью: первый полк должен был состоять из сероглазых шатенов, второй — из голубоглазых блондинов (как в императорской гвардии), военнослужащие обязательно должны были быть грамотными, православными и высокоразвитыми как физически, так и морально. Основную нагрузку по комплектованию несли гарнизоны Москвы и Самары, хотя имелись представители и других регионов. Набирали личный состав из запасных полков, то есть тех воинских частей, где большинство солдат и офицеров не имели боевого опыта.

Лики истории

Лохвицкий Николай Александрович. Генерал-майор с 1914 года. В годы Первой мировой войны — командир Первой бригады Русского экспедиционного корпуса, воевавшего на франко-германском фронте.

Кавалер ордена Святого Георгия 3-ей степени. Награжден «за то, что после ряда произведенных предвзвешенно, с опасностью для жизни, разведок неприятельских позиций, во время которых был контужен, но строя не оставил, самоотверженно, под сильнейшим неприятельским огнем воодушевляя и руководя действиями 1-й Особой пехотной бригады, решительным и стремительным ударом овладел 3/16 апреля 1917 года назначенным ему участком немецких позиций и сильно укрепленной дер. Курси, отбил затем ожесточенную контратаку врага и закрепил за Францией отбитый от противника русской доблестью участок ее земли».

В Гражданскую войну стал активным участником Белого движения, воевал в Сибири и в Забайкалье. Эмигрировал во Францию. Скончался в Париже в 1933 году.

Надо отдать должное специалистам по кадрам: из роты претендентов только 10 человек допускались до медосмо-

Николай Александрович Лохвицкий, русский военный деятель, генерал-лейтенант. Участник Белого движения в Сибири

тра и лишь одного зачисляли в штат. Обмундирование на каждого солдата специально подгоняли в ателье, Николай II обеспечил бригаду великолепным духовым оркестром, а один популярный художник передал ей в дар походный иконостас. 25 января бригада уже погрузилась в эшелоны для отправки по Транссибирской магистрали

на Дальний Восток. Спешка, в которой шло формирование соединения, отразилась на его боеспособности. Бригада оказалась, что называется, «голой», то есть в ее составе не были предусмотрены подразделения боевого и тылового обеспечения — разведывательные, медицинские, саперные, артиллерийские.

Через три недели после отправки солдаты Первой особой бригады прибыли в порт Дальний. Их дальнейший путь представлял собой кругосветку: с Дальнего Востока корабли держали курс на Сингапур, после чего шли через Индийский океан и Красное море, проходили Суэцкий канал, а дальше по Средиземному морю следовали в Марсель. Путешествие оказалось изнуряющим. Суда были перегружены, и из-за ужасных антисанитарных условий в походе умерло несколько солдат. Сам морской маршрут составил около 20 000 морских миль. Более короткий путь через Балтийское море пришлось исключить ввиду действий немецких подводных лодок.

20 апреля корабли вошли в бухту Марселя. Военный атташе России во Франции граф А.А. Игнатъев убедил французское руководство о необходимости вооружить бригаду непосредственно в порту, вдобавок солдатам дали время привести себя в надлежащий вид. В результате горожане лицезрели на своих улицах то, что хотели: русские чудо-богатыри дружно маршировали по холмам Марселя, всем своим видом показывая, что нет на свете такого врага, который способен устоять перед их натиском. Русских встречали цветами, которые летели из всех окон, на балконах развевались флаги союзных держав, солдатам в руки совали угощение и вино. Колоду замыкал медвежонок по кличке Мишка, которого солдаты купили на одной из станций под Екатеринбургом. С легкой руки журналистов именно медведь стал символом всего русского корпуса.

Лики истории

Игнатъев Алексей Алексеевич. Граф. Участник Русско-японской войны. С 1907 года — военный агент

в Дании, Швеции и Норвегии. С 1912 года — военный агент во Франции, где оставался и после Октябрьской революции. В 1925-м передал Советскому правительству находящиеся в его распоряжении российские денежные средства. Позже работал в советском торгпредстве. С 1937 года — в Советском Союзе. Преподавал в высших военных учебных заведениях. Генерал-лейтенант Советской армии. Скончался в 1954 году в Москве.

Алексей Алексеевич Игнатьев,
русский, советский
военный деятель, дипломат,
писатель

Пунктом постоянной дислокации для бригады стал один из лагерей в Шампани, где она уже к концу апреля вошла в состав 17-го армейского корпуса генерала Дюма. Для русских военнослужащих это был очень напряженный момент — с одной стороны, они участвовали буквально во всех парадах и смотрах, с другой — занимались учебой, осваивая новые специальности телефонистов, саперов, снайперов, сигнальщиков. В полевом лагере в штат бригады ввели также разведывательное подразделение, усилили пулеметами; некоторые солдаты при этом отправились учиться артиллерийскому делу. Подчинялись бригады французскому командованию и русским законам.

В ночь на 17 июня 1915 года соединение заняло место на передовой в окопах, неподалеку от города Реймса. Характер войны на данном участке фронта был позиционный и разительно отличался от боевых действий на Восточном фронте. Наши солдаты не переставали удивляться офицерским блиндажам с бильярдными столами,

*В «Битве на Сомме» англичане испытали первый в мире танк Mark I в бою.
Русская экспедиционная бригада принимала серьезное участие в операции на Сомме*

обеду по расписанию, разнообразному меню, возможности кратковременного увольнения в тыл и прочим послаблениям, несвойственным царской армии.

Одеты наши военные были в форму, сшитую еще в России, оружие и снаряжение получили по прибытии, как и каски, отличительной чертой которых был изображенный на них двуглавый орел. Поскольку на участке бригады нейтральная полоса не превышала и 100 метров, немцы сразу же поняли, кто пришел воевать с ними.

В июле началась крупная операция на реке Сомма, длившаяся до самой осени. В ходе боев бригада зарекомендовала себя блестяще. Русские особо отличились в штыковых боях, разведывательных акциях, захвате языков, обезвреживании неприятельских часовых. Везде, где требовались выносливость, терпение и смекалка, русским равных не было. Бригаду отвели в тыл в октябре, потери составили 35 процентов личного состава, из которых не менее пяти процентов были безвозвратными. Большую часть военнослужащих наградили. Вскоре на смену им пришли товарищи из недавно прибывшей во Францию Третьей особой бригады.

Осенью 1915 года Антанте пришлось открывать еще один фронт — на Балканах. Французы планировали было отправить на него Первую русскую бригаду, но Ставка настояла на том, чтобы не менять первоначальные планы, а на Балканы послать Вторую бригаду.

В конце июня 1916 года бригада была сформирована, ее командиром назначен генерал М.К. Дитерихс. При этом учли многие упущения, допущенные при формировании предыдущего соединения: в штат зачислили даже группу конных разведчиков, а целый ряд военнослужащих имел боевой опыт. Однако совершенно не приняли во внимание особенности театра предстоящих действий. Русским солдатам предстояло воевать в горной местности, а с личным составом не провели даже теоретических занятий по альпинизму, не говоря уже о снабжении соединения горной обувью и специальной амуницией. При формировании этой бригады уже чувствовалась нехватка военного снаряжения, налицо было и общее финан-

совое истощение царской казны — ни оркестров, ни подогнанной формы для каждого солдата соединение не получило. Бригаду решено было отправить морем из Архангельска во Францию, потом по железной дороге на юг страны, а оттуда пароходами в Салоники. 3 июля солдаты покинули родные берега. В первой половине августа бригада заняла свой участок фронта.

Лики истории

Дитерихс Михаил Константинович. Генерал-майор с 1915 года. В годы Первой мировой войны — командир Второй бригады Русского экспедиционного корпуса, воевавшего на Балканах. В 1917 году — генерал-квартирмейстер Ставки, в ноябре — начальник штаба Верховного главнокомандующего, затем начальник штаба Чехословацкого корпуса, один из организаторов его мятежа. В 1919 году —

Михаил Константинович Дитерихс, российский военачальник. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны на Восточном фронте, правитель Дальнего Востока в 1922 г.

генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией и Восточным фронтом Колчака, военный министр Омского правительства, в 1922 году командовал земской ратью Приморья. Умер в 1937 году в эмиграции.

В июле 1916 года Россия приступила к формированию Третьей бригады, командиром которой стал генерал В.В. Марушевский. Комплектование шло по смешанному принципу: часть личного состава составили резервисты, часть — подразделения полков действующей ар-

мии. На пароходы в Архангельске бригада грузилась во второй декаде августа, а через месяц она прибыла в город Нант и в октябре 1916 года сменила на позициях франко-германского фронта Первую особую бригаду.

В середине сентября на Македонский фронт из Архангельска отправилась и Четвертая бригада под командованием генерала М.Н. Леонтьева. После этого численность Русского экспедиционного корпуса за рубежом составила 40—45 тысяч военнослужащих. Кроме этого как вспоминает Илья Эренбург, который в то время был корреспондентом в Париже, русские эмигранты, сотнями слонявшиеся по тыловой Европе, также поступали на службу в особые бригады.

Лики истории

Марушевский Владимир Владимирович. Генерал-майор с 1915 года. Участник Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны командир Третьей бригады Русского экспедиционного корпуса. В сентябре 1914 года награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за отличие в бою.

В сентябре 1917 года назначен последним в истории «старой армии» начальником Генштаба. После Октябрьской революции арестован по постановлению Совета народных комиссаров по обвинению в переговорах, направленных против советской власти, и саботаже перемирия с Германией. Заключен в тюрьму Кресты. Освобожден по честное слово и вскоре бе-

Владимир Владимирович Марушевский, генерал-лейтенант. Участник Белого движения

жал в Финляндию. В августе 1918 года переехал в Стокгольм. В ноябре 1918 года по приглашению английских и французских военных миссий прибыл в Архангельск, где был назначен командующим войсками Северной области. Сформировал Северную армию (около 20 тысяч человек). В августе 1919 года ушел с поста командующего и выехал в Швецию. Позже переехал в Югославию, где и прожил до 1952 года.

Главной проблемой всех бригад было полное отсутствие тыловых подразделений. Экспедиционный корпус до 1917 года не имел своих врачей и госпиталей. Граф Игнатьев в воспоминаниях пишет о том, с какими трудностями ему, российскому атташе, пришлось столкнуться, решая вопрос о приеме раненых русских солдат госпиталями Франции. В результате судьба каждого раненого российского военного зачастую зависела непосредственно от отношения к нему медицинских работников учреждения, в которое он попал. По свидетельству очевидцев, отношение это было отнюдь не братское — россиян обслуживали во вторую и третью очередь, используя для перевязки грязные бинты и откровенно экономя на препаратах и лекарствах, в том числе обезболивающих. Нередко наших тяжелораненых солдат размещали на полу холодных коридоров, когда в палатах находились всего лишь простуженные союзники. Понятно, что семена взаимного недовольства зрели непрестанно.

Вторая и Четвертая бригады, сражавшиеся на греческом фронте в районе Салоников, заслужили самые высокие похвалы со стороны командования Антанты и правительства Сербии. Немало военнослужащих и воинских частей получили награды. Бригады принимали самое активное участие во всех крупных акциях, их использовали наряду с сербами на особо опасных участках, тогда как англичане и французы действовали на вторых ролях.

В сентябре 1916 года соединение Дитерихса начало операцию по овладению важным стратегическим узлом — городом Бристоль. После боев в своем донесе-

нии, помимо прочих негативных моментов, командир впервые указал на недоверие к частям союзников, которые, отставая на флангах от русских, тем самым оголяли тыл наступающих. Сражение завершилось лишь в середине ноября. Первыми в город ворвались русские. Бригада понесла очень большие потери, после овладения Бристолем в строю осталось менее 50 процентов личного состава. Всего же в этом сражении союзники потеряли около 40 000 человек, большая часть из которых были сербами.

В середине августа 1916 года в лагере под Марселем был убит подполковник Краузе, временно занимавший должность комбата. В ходе расследования установлены две основные причины, подвигшие солдат на убийство командира: чрезмерная строгость офицера, часто граничившая с жестокостью, и... немецкая фамилия. Наказание не заставило себя долго ждать. Восемь нижних чинов после вынесения приговора были расстреляны, еще несколько солдат и офицеров отправлены в Россию.

С дисциплиной в экспедиционном корпусе становилось все хуже. Росло недоверие солдат к офицерам. Случались растраты солдатских денег, используемых командирами в личных целях, практиковались телесные наказания. Офицеры в большинстве своем были незнакомы с окопной жизнью, так как не являлись кадровыми военными, и, презрительно отзываясь о немецкой палочной дисциплине, сами весьма жестоко и по-хамски обращались с подчиненными, зачастую просто не зная, как себя вести с солдатами. Но если комбриг-1 Лохвицкий был сторонником рукоприкладства, то комбриг-2 Дитерихс за это строго карал офицеров, которые доставляли ему больше хлопот, нежели солдаты, напиваясь до потери человеческого облика в общественных местах.

Как уже упоминалось, бригады нередко пополнялись за счет выходцев из России, осевших в Европе в результате эмиграции из России по политическим мотивам. Именно эта разношерстная братия, в которой были и оголтелые монархисты, и притаившиеся до поры до времени социал-демократы, и прочие «революционеры» и

оппозиционеры существующему строю, надев шинели, хлынула в солдатские массы. Как и на Востоке, здесь, на Западе, они вносили своей агитацией разброд в умы и души военных. И если до открытого недовольства дело еще не доходило, то падение общей дисциплины было налицо: сплошь и рядом командование указывало на нарушение формы одежды, субординации, непристойное пьянство и даже воровство. В таком нездоровом состоянии Русский экспедиционный корпус встретил роковой для всей России 1917 год.

В начале 1917 года в войне начало складываться общее превосходство Антанты, но тыл с обеих противоборствующих сторон стонал от непосильных трудностей. В марте Третью бригаду, обильно потравленную зимой газами, вывели в тыл, ее место на фронте заняли военнослужащие Первой бригады. Общая обстановка в начале весны, после Февральской революции в России, была напряженной, а неразрешенные организационные вопросы только подливали масла в огонь. На все запросы Петроград упрямо не отвечал, прямого общения с родиной не было.

Об отречении Николая II наши военные узнали из французских газет. После этого наступила всеобщая растерянность, которой с выгодой для себя воспользовались многочисленные агитаторы, доступно объяснявшие ход событий в своих листовках. Офицеры не знали, как реагировать на создание солдатских комитетов. России при этом было не до экспедиционных войск. В апреле новый главком французов генерал Нивель затеял грандиозное наступление. Русские бригады, как обычно, оказались на самом острие. В результате все обернулось страшным поражением для Антанты, вошедшим в историю как «бойня Нивеля». Обе наши «французские» бригады потеряли около 5000 человек — таких ужасных потерь еще не было. «Разброд в умах» сменился неподдельной обидой за погибших товарищей и такой же откровенной злостью ко всему французскому и военному. Бригады отвели в тыл, где солдаты и офицеры начинали посещать митинги.

1 мая наши солдаты устроили демонстрацию с красными флагами и лозунгом «Верните нас домой». Союз-

ники не знали, как обуздать революционные настроения в русском корпусе и навести в нем порядок. Единственно, что удалось придумать, — слить четыре поредевшие бригады в две дивизии, по одной на Францию и Македонию. Это случилось в мае 1917 года. Первую дивизию разместили в лагере Ля-Куртин.

Командиром дивизии в то время можно смело признать не генерала Лохвицкого, а анархию. В конце июня группа солдат избила и арестовала штабс-капитана Разунова. Узнав об этом, бойцы его роты, выставив пулеметы, попробовали вернуть командира. Инцидент удалось уладить, но в дивизии наметился все более четкий раскол на два враждебных лагеря. Одни были готовы продолжать служить и подчиняться приказам Временного правительства, другие требовали немедленной отправки домой.

Генерал Занкевич принял решение разделить дивизию на две части и отвел группу лояльных к властям подразделений на несколько километров от Ля-Куртина, в лагерь Фельтен. На прежнем месте остались преимущественно военнослужащие из бывшей Первой бригады. Один из неформальных солдатских лидеров по фамилии Балтайтис подозревался французами в работе на немецкую разведку, однако от ареста его спас комполка. После разделения дивизии он и другие лидеры «неподчинившихся» получили полную власть в лагере. Официальный Петроград в это время не отмалчивался. Он, как и Париж, требовал от Занкевича наведения немедленного порядка всеми доступными средствами.

В августе 1917 года в лагерь Ля-Куртин направлялись всевозможные делегаты и комиссары, уговаривавшие перестать сопротивляться и подчиниться прежним командирам. Ответ у «куртинцев» был один: немедленная отправка в Россию и никакой войны более.

Лики истории

Занкевич Михаил Ипполитович. Генерал-майор с 1914 года. В начале 1917 года — представитель Русской армии во Франции (сменил генерала Лохвицкого) и ог-

новременно замещал военного агента (атташе) генерала Игнатьева. В Белом движении с 1919 года. Служил начальником штаба Ставки в армии Колчака. В феврале 1920 года попал в плен Красной армии. Содержался в Покровском лагере ГУЛАГа. Расстрелян.

После всех попыток мирного урегулирования инцидента французы полностью изолировали Ля-Куртин, а лояльные войска по железной дороге перебросили из Фельтена в глубь страны, под Бордо. Примерно в это же время из России в Грецию следовала артиллерийская бригада генерала Беляева. 3 августа соединение прибыло во французский Брест. Тогда же впервые на официальном уровне прозвучала мысль о силовом подавлении неподчиняющихся солдат. Артиллеристы несколько раз посетили митинги в Ля-Куртине, послушали, понаблюдали и обратились к митингующим соотечественникам: «Мы едем воевать, а вы хотите своими лозунгами просто-напросто в тылу отсидеться?» Из числа добровольцев бригады Беляева и лояльной части Первой дивизии было сформировано несколько батальонов, усиленных пулеметными ротами и артиллерийской батареей. Ударный отряд, состоящий из двух батальонов под названием «батальон смерти», возглавил имеющий в солдатской среде неподдельный авторитет подполковник Г.С. Готуа.

19 сентября вышел приказ о запрещении ведения огня по безоружным, с этого момента наступил «час икс». Уже на следующий день в лагерь не поступил и урезанный паек, а Занкевич издал последний ультиматум о добровольной сдаче властям. «Куртинцы» же, возглавляемые унтер-офицером Афанасием Глобой, в ответ разразились россыпью ругательств и угроз. Ультиматум истек утром 16 сентября. В 10 часов утра артиллерия открыла по лагерю огонь... К концу дня было выпущено 50 снарядов, что значительно отрезвило большую часть мятежников — более 8000 человек сдались. В осаде осталось около сотни непримиримых, решивших испытывать судьбу и дальше. Но к середине дня 20 сентября все было кончено... За это время по ла-

герю из артиллерийских орудий было произведено более 500 выстрелов.

О количестве потерь с обеих сторон до сих пор нет точных данных: Занкевич в донесении указывает такие цифры: 10 убитых и 44 раненых, однако другие источники говорят о двухстах погибших.

Наиболее активных зачинщиков сразу же отправили в местную тюрьму, еще часть личного состава сослали на остров Экс, и с началом зимы Ля-Куртин заняли американские войска.

Лики истории

Беляев Иван Тимофеевич. Генерал-майор. В годы Первой мировой войны — командир артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Гражданскую войну сражался на стороне белых. В августе 1918 года — начальник артиллерии 1-й конной дивизии генерала Врангеля. В ноябре 1918 года на той же должности в 1-м конном корпусе Добровольческой армии. После их поражения с группой офицеров перебрался в Парагвай, где в 30-е годы прошлого века прославился в войне с Боливией. После войны, в конце 30-х годов, возглавил правительственную миссию по землеустройству индейских племен и поселился в первой оседлой индейской колонии в Парагвае. Умер в 1957 году. Похоронен в Асунсьоне.

Тем не менее расстрел «куртинцев» мало повлиял на общее положение русского экспедиционного корпуса. Служить во французских частях наши солдаты отказались. Октябрьская революция и последующий декрет «О мире без аннексий и контрибуций», а далее, в 1918 году, Брестский мир вовсе отбили у большинства солдат и офицеров российских войск охоту участвовать в войне. В глазах же общественности государств Антанты русские из союзников превратились в предателей.

5 ноября Временное правительство успело принять постановление о невозвращении бригад в Россию до «урегулирования момента». Опираясь на этот документ,

французские власти ввели в отношении русских солдат систему трияжа, что дословно переводится как сортировка. В середине ноября генерал Клемансо издал приказ о разоружении Первой дивизии и применения к ней трияжа, предполагавшего добровольный выбор военнослужащими своей дальнейшей судьбы. Им предлагалось сражаться и дальше, но в частях Франции, идти работать на предприятия Франции или отправиться в колонии Франции в Африке.

В конце декабря генерал Занкевич переподчинил все русские части во Франции уставам местной армии. К сожалению, данные по количеству воинов, подвергнутых трияжу, разнятся, однако приведем их. В дивизии один батальон (менее 300 человек) изъявил желание сражаться дальше, 5000 человек предпочли фронт работе на гражданских предприятиях и около 1500 человек решили, что лучше ехать в неизвестную Африку, нежели продолжать воевать на стороне союзников в Европе.

На фронте под Салониками весной 1917 года Вторая русская дивизия также была взбудоражена событиями, происходящими на родине. Революционное брожение охватило весь фронт. В мае союзники провели наступательную операцию на реке Черная, где потерпели поражение. Русская дивизия потеряла около 1000 человек, но получила в полтора раза больше Георгиевских крестов.

Если бичом Первой дивизии была дисциплина, то у Второй главной проблемой стала нехватка личного состава. Осенью, когда стали известны события, произошедшие в Ля-Куртине и в России, моральный дух военнослужащих дивизии стал резко падать. Неверие ко Второй дивизии со стороны союзников выразилось в том, что в тылу у русских частей появилась французская артиллерия, в свою очередь, ухудшилось их снабжение. Командование Антанты решало и не могло решить, что делать с соединением дальше. Звучали даже мнения об отправке русских на Месопотамский фронт.

На рубеже 1917—1918-х годов на фронте наблюдалось братание православных по разные стороны окопов — русских и болгар. В ночь на Рождество Вторую дивизию

отвели в тыл. Наученное горьким опытом командование дивизии само приняло решение о триаже, которое было закреплено рядом приказов в январе 1918 года. Тогда же, в январе, вышел приказ, по которому все русские военнослужащие переподчинялись французским уставам и законам. Таким образом, к январю 1918 года воинские формирования Российской империи в Европе перестали существовать, личный состав бригад оказался, по сути дела, «собственностью» Франции.

Лики истории

Леонтьев Максим Николаевич. Генерал-майор с 1913 года. В годы Первой мировой войны командир Четвертой бригады Русского экспедиционного корпуса. До этого назначения с января 1911 года командовал 85-м пехотным Выборгского его императорского и королевского величества императора германского короля прусского Вильгельма II полком. После войны генерал опубликовал в Париже брошюру, где обвинил шефа полка — германского императора Вильгельма II — в том, что тот снабжал деньгами большевиков, то есть «вел себя не подобающим для императора образом». В 1917 году назначен военным агентом (атташе) в Греции. В начале 1918 года выехал во Францию как представитель Временного правительства. В 1920 году назначен военным агентом и представителем Русской армии генерала Врангеля в Праге, где оставался до 1923 года. В середине 1920-х годов переехал во Францию и поселился на Лазурном Берегу, открыл ресторан в Монте-Карло. В 1936 году уехал на остров Таити (тогдашнюю французскую колонию) и скончался там 9 июня 1948 года.

Дальнейшая судьба наших военных на чужбине складывалась трагично. Те, кто после триажа был направлен в Африку, очень скоро в этом раскаялись. Среди «африканцев» в основном оказались активисты солдатских комитетов, лица с определенными политическими взглядами и те, кто попал в немилость к военному командо-

ванию союзников. В общей сложности в Алжир попали около 9000 военных, 50 из которых — младшие офицеры. Нашим землякам, помнившим торжество их встречи в Марселе 1916 года, направленные на них в портах Алжира пулеметы сразу дали понять: никаких заигрываний с русскими больше не будет. Солдат разделили на небольшие трудовые отряды и команды, расселив далеко друг от друга, чаще в отдаленных и малозаселенных районах.

В Алжире, считавшемся отдельным военным округом Франции, главным военным начальником был генерал Нивель, сосланный в Африку дожидаться пенсии. В его штабе имелось «славянское бюро», которое курировало «русский вопрос». Как пишет наш видный востоковед А.Б. Летнев, силами бюро было возвращено на фронт около 800 человек.

Робер Жорж Нивель, французский генерал, главнокомандующий французской армией во время Первой мировой войны, сторонник агрессивной наступательной тактики

Подавляющее большинство русских испытывали большую нужду. Жить им приходилось в бараках, окруженных колючей проволокой. Питание было крайне скудным. Постоянный голод, бесконечный ручной труд на самых тяжелых работах и лишения стали привычными спутниками жизни русских солдат в Алжире. По стране русских перевозили в неотапливаемых вагонах для скота. Хуже всего приходилось тем, кто заболел: французские власти никаких поблажек им не давали. Малейшие правонарушения пресекались самым жестоким образом — избиение палками, заключение в карцер,

лишение продпайка. Особо ретивых, не подчинявшихся местным законам, ожидала штрафная рота.

По перехваченным французской цензурой письмам можно судить о том, что французы и их помощники арабы держали русских за арабов, напрочь забыв о том, что они даже не военнопленные, а союзники, хоть и бывшие. Сколько наших сограждан умерло под палками надсмотрщиков или от болезней, узнать теперь вряд ли удастся. Так же, как не удастся установить, сколько из них ушли воевать в Иностранный легион и в Европу на фронты Первой мировой.

Возвращение на родину для «африканцев» началось в конце 1919 года. Подавляющее большинство из них осело на территориях, занятых Белой армией. До весны 1920 года, таким образом, удалось отправить почти 50 процентов тех, кто совсем недавно составлял славу Русского экспедиционного корпуса. 20 апреля 1920 года большевистское правительство в Копенгагене подписало соглашение об обмене гражданами. Оставшаяся часть русских в Алжире пожелала вернуться в советскую Россию.

Однако Франция, оказывавшая помощь Деникину и Врангелю, большую часть пароходов с русским на борту из Африки отправляла в занятые белыми Одессу и Новороссийск. К концу 1920 года репатриация была завершена.

Сколько русских осталось в Алжире? На этот вопрос точного ответа нет. Однако перед Второй мировой войной русская колония в этом регионе насчитывала около полутысячи человек.

Наибольшее количество солдат Русского экспедиционного корпуса в ходе триажа записалось во вторую категорию. Это была наиболее безопасная и спокойная часть. Есть сведения о том, что некоторые солдаты обзаводились во Франции семьями. Впоследствии все они получили гражданство. Но многие все-таки вернулись на родину. Первые эшелоны из Франции в Россию потянулись весной 1919 года — это были составы с инвалидами, получившими увечья на войне. Следом стали отправлять

и «рабочих» — из общей массы солдат их выделяли объемные багажи и ухоженный вид.

Что же касается «бойцов», то есть первой части трияжа, то это была самая малочисленная и самая морально устойчивая часть военнослужащих, решивших для себя продолжать выполнять свой долг перед родиной, как они его понимали, то есть и дальше воевать с врагом — Германией и ее союзниками. На рубеже 1917—1918-х годов принимается решение о формировании так называемого Русского легиона. Идейними вдохновителями этого проекта были уважаемые в солдатской среде генерал Лохвицкий и полковник Готуа. Этим двум офицерам пришлось крайне тяжело — на Россию, после того как Советское правительство во главе с Лениным заключило с Германией Брестский мир, смотрели как на изменницу. Пресса Антанты выливали тонны помоев на тех, кому совсем недавно рукоплескала, восхищаясь мужеством и доблестью русских воинов.

Русский легион больше походил на усиленный пехотный батальон. В апреле 1918 года он был внесен в спи-

Русские бойцы французской Марроканской дивизии прощаются с товарищами

сок частей французской армии. После вооружения и боевого слаживания русские попали под командование генерала Догана, командира ударной марокканской дивизии. Марокканские стрелки, в отличие от французов, к русским отнеслись с неподдельным уважением — Доган издал приказ, по которому всем военнослужащим дивизии предписывалось первыми отдавать воинское приветствие русским. Всего было создано четыре батальона, составивших основу легиона, общая численность которого варьируется от полутора до двух тысяч штыков.

Официальная Россия в войне уже не участвовала, но Франция вручила «марокканскому» батальону знамя Русского легиона, и 25 апреля 1918 года в составе своей дивизии он убыл на фронт. На следующий день дивизия вступила в бой. Несмотря на тяжелые потери (около 100 человек), легион блестяще справился со всеми возложенными на него задачами. На боевом знамени легиона появился Военный крест, а многие офицеры были награждены орденами Франции. В конце мая в ходе стремительного наступления под Суассоном немцы настолько приблизились к Парижу, что до города оставалось не больше 70 километров. Спасать положение была призвана марокканская дивизия. Именно тогда Legion Russe покрыл себя неувядаемой славой. Ценой огромных потерь легион смог разблокировать попавшие в окружение французские части. После этого сражения пресса как ни в чем не бывало вновь стала отдавать должное доблести русских, назвав их «легионом чести».

Следующее выдвижение на фронт Русский легион совершил в ноябре 1918 года, в последний месяц войны. Легион вышел из лагеря в Лотарингии, прошел до Эльзаса, затем вышел к Рейну, а дальше направился в город Вормс, назначенный ему для оккупации, так как за время похода война наконец завершилась. Нетрудно представить удивление почтенных бюргеров, когда они увидели над зданием администрации своего городка российский триколор. Слово, данное себе и своему народу, эти люди сдержали до конца. Правда, уже не было страны, пославшей их «за три моря». Из 50 000 русских молодцов, при-

бывших в середине войны во Францию, под выгоревшим знаменем на прощальном построении в Вормсе стояли всего 500 человек.

Во Франции русская община увековечила память о пребывании четырех экспедиционных бригад. В их честь на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа был воздвигнут храм Успения Божией Матери работы архитектора А.А. Бенуа. Творением рук этого мастера является и храм Воскресения Христа на русском воинском кладбище Сент-Илер-Ле-Гран. Русские, оставшиеся в Алжире, также успели увековечить память павших товарищей, установив небольшой памятник на местном военном кладбище. Он сохранился до сих пор.

...Помимо бывших военных алжирская земля стала второй родиной и для сугубо штатских людей, к примеру ученых... Талантливые люди всегда оставляют добрый след в истории. Но жаль, если слава их множит славу не Отечества, а другой страны. Без преувеличения можно сказать: никто во Франции, да, пожалуй, во всей Европе, не знал лучше пустыню Сахара, чем французский гражданин, но русский до мозга костей человек Николай Николаевич Меньшиков. О нем корреспондент «Труда» В. Прокофьев в свое время узнал от российских выходцев, которые давным-давно волею судеб оказались в Париже и пустили там свои корни, находя душевную поддержку на православном Трехсветительном подворье. Николай Николаевич, глубоко верующий человек, долгие годы был там старостой, ну а в почтенном своем 90-летнем возрасте от хлопотных, так сказать, организационно-церковных дел отошел, уступил место тем, кто помоложе.

Не без душевного трепета шел В. Прокофьев в дом почетного профессора Сорбонны, носителя высочайшей академической награды Франции, которая присуждается высшим национальным советом по научным исследованиям и техническому прогрессу. Да и не без гордости за Россию, щедро одаривавшую на протяжении бурно-

го XX века Европу и Америку, Азию и Африку людскими бриллиантами наивысшей пробы. «Сухопарый, крепкий для своего возраста человек встретил меня на пороге небольшой, но уютной квартиры в доме по соседству с набережной Сены. В гостиной — картины с российскими пейзажами, шеренги книг, по преимуществу русская классика, научные труды. Память ровесника века крепка. Он хорошо помнит отцовское имение Додоровское в Калужской губернии, где прожил до 13 лет. В третий класс гимназии поступил уже в Москве, куда семья переехала на постоянное жительство. Яркие воспоминания 1917—1918-х годов, приезд на Брянский вокзал, ныне Киевский, и пушечная канонада — революционные отряды выбивали из Кремля засевших там юнкеров. Гимназию все-таки окончить успел и вместе с семьей отправился в Ростов-на-Дону поступать в эвакуированный туда из Варшавы в самом начале Первой мировой войны университет. Правда, на физико-математическом отделении успел отучиться всего лишь полгода, а весной 19-го его мобилизовали в белую армию», — рассказывал В. Прокофьев.

Неплохо разбиравшегося в технике студента определили инструктором в радиотелеграфную школу. Затем началось отступление под напором красных. Новороссийск, Крым. Там Меньшикова назначили на «Кронштадт» — военно-морской плавучий док, оборудованный по последнему слову тогдашней техники, на нем имелся даже литейный цех. Но дни Белой гвардии были сочтены, и это Меньшикову представляется закономерным.

— В начале Гражданской, во времена Корнилова, Алексеева, — делится своими мыслями Николай Николаевич, — настрой армии был высок. Но мало-помалу она начала разлагаться, пошли грабежи и прочие безобразия. К Перекопу Красная армия была уже многочисленнее и организованнее...

На борту «Кронштадта» через Константинополь 20-летний Меньшиков попал в Тунис, где находилось временное пристанище остатков Черноморского императорского флота. Так началась эмиграция. Перед тем как навсегда покинуть «Кронштадт», Николай получил кусок

армейского сукна защитного цвета и командирское напутствие: российское достоинство держи высоко, и Бог тебе в помощь. Сукно перекрасил в немаркий черный цвет и справил себе костюм у местного портного. Ну а напутствие пронес через всю жизнь. Лето и осень 1921 года отработал на сельхозмашинах на туниских плантациях, а затем «зайцем» на пароходе перебрался в Марсель. Оттуда — в Париж, чтобы продолжать прерванное войной дело — университетскую учебу.

— Записался я в Сорбонну на отделение естествознания, — рассказывал Николай Николаевич. — Денег практически не было, а надо было и жить, и что-то есть. А у меня ни родных, ни близких в Париже. Вопрос с одеждой на время учебы был решен — носил «кронштадтский» костюм. Но мир не без добрых людей. В те годы таким, как я, помогали князь Георгий Евгеньевич Львов, бывший председатель Временного правительства, и один из руководителей русского коммерческого флота Михаил Михайлович Федоров. Они выискивали деньги, где могли, чтобы русская молодежь в эмиграции имела возможность получить образование. Благодаря их стараниям был и у меня свой угол — маленькая комнатка со спартанской обстановкой и утварью: постель, железный стол, чашка и кувшин с водой. На день покупал себе багет (батон хлеба граммов 200—250) и самые дешевые яблоки. Утром съедал треть багета, одно яблоко и бежал в университет. Книг у меня своих не было. Поэтому после занятий оставался в читальне. Когда она закрывалась, мчался в соседнюю библиотеку, которая работа допоздна. Вечером доедал багетку с парой яблок. И так несколько лет. Время от времени удавалось перехватить бесплатный обед. Но, знаете, несчастным, ущемленным себя не чувствовал. Все шло в охотку. Молодость!

В 1924 году блестяще закончившему Сорбонну молодому геологу сделали предложение, которое определило всю его дальнейшую судьбу, — отправиться с группой военных топографов из географической службы в Сахару. Три месяца в бесконечных песках и потрясший его своей красотой алжирский оазис Бени-Аббес сделали свое

дело. Он был покорен величием пустынь, а стремление раскрыть их тайны стало главной страстью в его жизни. И когда подружившиеся с ним французские офицеры предложили совершить еще один поход, на этот раз в неизведанные юго-западные районы Сахары, он без колебаний согласился.

— Целью похода, — вспоминал Николай Николаевич, — было приструнить воинственных кочевников «рагибатов», которые добирались аж до Судана, грабили негритянское население, угоняли рабов, творили прочие безобразия. Под нашим командованием были так называемые «меаристы», сахарские роты, состоявшие также из кочевников, но свободных, скажем цивилизованных. Наподобие наших казаков. Им давали оружие, боеприпасы, а всем остальным — провиантом, верблюдами — они должны были обеспечивать себя сами. Долго мы странствовали, в конце концов настигли супостатов, проучили их как следует и отбили пленников. Я же попутно собрал редчайший геологический материал, который привез в Париж, чем весьма порадовал моих коллег по университету.

С тех пор, то есть практически с 1924 года, Николай Николаевич попросту пропадал в североафриканских песках, которые он тщательнейшим образом исследовал от Атлантики до Евфрата. И как заслуженный результат — опубликование ценнейших научных работ, докторская степень, членство в высшем академическом штабе Франции — Национальном центре научных исследований.

Где еще могла застать Меньшикова война, как не в Сахаре? Когда союзное командование в 1941 году решило переводить войска с запада Африки на север, встала проблема: морской путь был опасен из-за активно действовавших фашистских подводных лодок, сушей — свыше тысячи километров по пустыне. Требовалось срочно найти надежные источники воды по пути возможного следования колонн. С этой целью командование отрядило Меньшикова и его помощников. Теоретические расчеты ученого о наличии артезианской воды в меловых отложениях блистательно подтвердились.

Для войск пустыня стала открытой, а Меньшиков создал в полюбившемся ему еще в начале 20-х годов оазисе Бени-Аббес, что на территории нынешнего Алжира, научно-исследовательский центр по изучению Сахары. Там он и проработал вместе со своими коллегами вплоть до получения Алжиром независимости.

Благодаря настойчивым усилиям Николая Николаевича между учеными Франции и СССР был установлен обмен информацией о Сахаре, образцами пород, минералов и органических остатков.

* * *

Еще одну историю рассказал другой российский корреспондент — В. Шумилин.

— В районе мастерских города Аннабы их знают многие.

— Русские? Сверните в переулок и сразу их увидите, — подсказали мне. Виктор Петрович — глухонемой от рождения — сидит на стуле возле дома, подремывая. В солнечную погоду он всегда здесь: сидит, чтобы в отсутствие брата никто из посторонних не зашел в мастерскую. Всеволод Петрович чаще всего при деле — перебирает небольшой электромотор, заряжает аккумулятор... Собственно, оба брата Гусаковские — электромеханики, но работает теперь только младший. Ему 76 лет; старшему — без малого 82.

— Пришли взглянуть на последних из «могикан»? — говорит, слегка смущаясь, Всеволод Петрович на безукоризненном русском языке. — Добро пожаловать! Соотечественники у нас — гости нечастые. Меня интересует о них все.

— Отец наш, Петр Николаевич, потомственный дворянин из Харьковского уезда, революционером никогда не был, но своенравным вольнодумцем оставался до последних дней, — рассказывал Всеволод Петрович. — Поэтому и не окончил Морское военно-инженерное училище в Петербурге: отчислили с последнего курса в 1905 году. Поступил в политехнический институт, стал инженером-электриком. Во время Первой мировой вой-

ны был призван во флот и назначен директором Колпинского завода в Петербурге. Предприятие это принадлежало тогда военно-морскому ведомству. Рабочие Петра Николаевича любили. Но во время беспорядков в феврале 1917 года отцу посоветовали поостеречься: ведь семья, на руках двое детей. Однажды собрал он нас и подался в Мариуполь к родственникам.

Вопрос о том, грузиться ли нам на корабль в Севастополе или нет, практически не стоял. Время было такое: кругом голод, махновщина.

Одних корабли доставили в Константинополь, других — в Марсель, третьих — в Бизерту, один из крупнейших портов Северной Африки. В те годы там хозяйничали французы. Они и занимались размещением русских беженцев.

— Как мы оказались в Алжире? — продолжал Всеволод Петрович. — По самым разным причинам многие русские из Бизерты перебрались в другие портовые города контролировавшегося Францией побережья Северной Африки. Значительные колонии русских образовались в столице Алжира и в городе Аннабе. В Аннабе отец встретил еще одного русского эмигранта, специалиста по электродвигателям, с которым они и начали работать вместе.

Любопытно, что с середины 1920-х годов немало русских эмигрантов предпочитали оставаться в Северной Африке, не торопясь переезжать в Европу. Во-первых, здесь существовал облегченный паспортный режим — для проживания практически не требовалось никаких документов; и, во-вторых, проще найти работу — спрос на квалифицированных инженеров и техников был высок. Более того, с началом экономического кризиса 30-х годов обозначился отток из Франции французов и русских эмигрантов, надеявшихся пережить в Северной Африке тяжелые для Европы времена.

— Расставшись вскоре со своим компаньоном, отец остался чуть ли не единственным в городе квалифицированным электромехаником. Мы с Виктором начали ему помогать. Нас приглашали всюду: на французские

фермы чинить электромоторы оросительной системы, в Аннабу и в соседние городки — проводить электролинии.

В свою комнату в доме напротив мастерской братья старались никого не приглашать. Достаток у стариков оказался невысок — в последние годы и силы уже не те, да и клиентов все меньше. Денег не хватает, чтобы расплатиться за аренду мастерской, задолжали за несколько месяцев. Нехитрая утварь, пожелтевшие фотографии отца, матери. Книги, книги — много книг. Все на русском языке. Вывезенные еще из России да и собранные здесь: многие уезжавшие русские оставляли братьям книги. Есть даже семейный библиотечный каталог. Рассказывают, чтобы получить эту библиотеку, французы предлагали братьям переехать во Францию, были готовы предоставить гражданство. Но библиотеку братья не отдавали и сами остались в Алжире.

— А не пробовали ли вернуться на родину?

— Как же, пытались, — пояснил Всеволод Петрович. — Первый раз во время войны в 1939—1940 годы меня призывали во французскую армию, служил в Европе. После разгрома Франции вернулся в Алжир. В 1941 году после нападения Германии на СССР наш отец, тогда глава русской колонии в Аннабе, встретился с советским представителем при штабе союзнических армий в Алжире и обратился с просьбой разрешить русским эмигрантам служить в Красной армии, помочь своей Отчизне хотя бы на время войны. Хороший был человек, этот офицер. Долго беседовал с отцом, советовал, как лучше составить прошение. Направил бумаги в Москву. Но ответа мы так и не получили. Ясно, что нам не доверяли. Да и позже, в конце 70-х годов, беседовал я с сотрудниками консульства СССР в Аннабе. И тогда почувствовал, что, мягко говоря, симпатий у них не вызываю.

В годы войны братья помогали союзникам — англичанам и американцам. Чинили электромоторы. Говорят, любили их солдаты и офицеры. Уже после войны предлагали уехать с ними. Но остались братья, прижились уже в Алжире. Всеволод Петрович пошел учиться, окончил фа-

культет Алжирского университета по специальности физика и математика.

— Ну а как личная жизнь?

— Жениться мы даже не пытались, не хотели заводить семью вдали от родины.

Ничьего гражданства братья так и не приняли, чтобы остаться просто русскими.

Последние двое русских в Аннабе, последние из той эпохи. Нет-нет да и зайдет к ним кто-нибудь из советского консульства. Поговорить, помочь по мелочам. Но только в порядке личной инициативы. По официальным каналам нельзя: нет такой статьи расходов.

— А правда ли, — спрашивал Всеволод Петрович, — что не так давно умер в Париже один русский граф и его прах захоронен в России?

— Правда, — отвечаю. — И не один. Другие сегодня времена: то, о чем раньше нельзя было и подумать, становится самым обычным.

Да и сам Всеволод Петрович знает, что другие, — читает газеты из Москвы. Но до конца не может поверить.

— Неужели дадут визу? — переспрашивает. — А если дадут, то как быть? Ехать? Эх, если бы это случилось раньше!

НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕГО КАРФАГЕНА

Восточная часть Арабского Магриба, как и Алжир, стала прибежищем для российских изгнанников. Там, на земле легендарного Карфагена, был расположен еще один французский протекторат — Тунис.

Сегодня все туристы России знают о стране, которую еще в начале XX в. называли у нас Тунисией, а ныне — по названию ее столицы — именуют просто Тунисом.

В 1881 г. Тунис, населенный арабами и в меньшей степени берберами, формально считавшийся владением Османской империи, был захвачен Францией. Париж навязал тунисским беям сначала договор, а затем конвенцию, которая закрепляла установление французского протектората над страной. Уже в 80—90-е годы XIX в. в стране начали селиться выходцы из Европы.

В XX в. в странах Средиземноморья развивался туризм. Были среди туристов и россияне. В 1911 г. в Тунисе побывал поэт Андрей Белый, обстоятельно описавший свою поездку. В 1914 г., в самый канун войны, в Тунис приехал талантливый молодой художник Александр Рубцов.

Лики истории

Среди наших соотечественников, оставивших свой след в культуре Туниса, выделяется фигура Александра Рубцова. Он не был эмигрантом в буквальном смысле этого слова. Уроженец Петербурга, он учился в Императорской Академии художеств и как лучший студент был послан на стажировку в средиземноморские страны. Во время своего путешествия он попал в Тунис, в 1915 году поселился и жил в этой стране до своей кончины (в 1949 г.).

На тунисской земле бывший петербуржец нашел себе то, что искал в бесчисленных странствованиях по России и странам Средиземноморья, — идеальный уголок для творчества. «Яркость солнца, — как писал художник в своем дневнике, — изысканная световая гамма, сочетающая вечную зелень с охрой пустыни и бесчисленными оттенками морской бирюзы, пленили мое воображение».

Но не только красота и богатство природы притягивали россиянина. Пристроившись где-нибудь в сахарском оазисе под сенью пальм, он рисовал окружающих людей: бедуинов, торговцев, завсегдатаев старинных мавританских кофеен. Рубцов оставил целую серию народных, как критики называли — «этнографических» портретов. Под ними художник обычно подписывался по-арабски — «Искандер Рубцоф».

Исследователь его творчества Пьер Дюма указывал на важный аспект работ Рубцова — этнографический: по его работам можно изучать быт и нравы Туниса: «Счастливый Тунис, поскольку этот человек, пришедший из далекой России, так увидел твою живопись, твои нравы, твои дома, одежду, которую ты, Тунис, хранил тысячелетия, и все это теперь отражено, нарисовано».

Фанатически привязанный своей работой, Рубцов вел жизнь полуотшельника. Местным жителям, своим тунисским соседям, он запомнился как человек с окладистой бородой, одетый в черное зимой и летом, в сандалиях на босу ногу. За это его окрестили «русским дервишем».

После кончины Рубцова осталось около 3000 картин, рисунков, натюрмортов, портретов и других работ, в том числе большое настенное панно в Торговой палате города Туниса.

В современном Тунисе его считают тунисским художником.

В годы Второй мировой войны на долю Туниса выпали тяжкие испытания. В июне 1940 г. он оказался под властью правительства Виши, ориентирующегося на политику Гитлера и Муссолини. С ноября 1942 г. по май 1943 г. тунисская территория была полем ожесточен-

ных сражений между войсками держав «оси» и высадившимся в Магрибе в ноябре армиями союзников. Военные действия сопровождались страданиями и гибелью людей, разрушением хозяйств. Однако разгром итало-германских войск и их капитуляция в мае 1943 г. привели не к освобождению страны, а, наоборот, к восстановлению колониальной зависимости. Реформирование режима началось лишь после войны.

На таком историческом фоне формировалась русская община Туниса. А теперь вернемся к главному событию.

В 1920 году десятки военных кораблей Черноморской эскадры России под напором Красной армии ушли из Севастополя в свое последнее плавание. После скитания по средиземноморским портам они были приняты в Бизерте и нашли приют в местной гавани. Всего на их борту прибыло около семи тысяч беженцев, в основном военных, и более тысячи гражданских лиц.

Последний корабль русской Черноморской эскадры покинул Севастополь 14 ноября 1920 года в 18 часов вечера. Это был дредноут «Корнилов», на борту которого находились барон Врангель и градоначальник города генерал-лейтенант Кульстрем. В 18.45 была получена радиограмма с британского военного корабля, остававшегося на рейде Севастополя, о том, что в город вошли красные.

Адмирал Кедров, командовавший Черноморским флотом, вполне ориентировался в обстановке и, понимая, что оставление Крыма неизбежно, заблаговременно подготовил эвакуацию флота вместе с морским корпусом и армейскими частями. На корабли были погружены около 150 тысяч человек; от такой массы людей корабли едва держались на плаву. Переход из Севастополя по штормовому Черному морю был тяжелым испытанием, некоторые корабли затонули. Плавающий док «Кронштадт» под командованием не искушенного в морских переходах Мордвинова, тянувший на буксире миноносец «Жаркий», столкнулся с болгарским кораблем «Борис» и сильно повредил его. Константинополь беженцев

не принял, а под давлением англичан отказал в снабжении продовольствием и углем. На кораблях начались эпидемии. Англичане предложили французам, делавшим до сих пор ставку на Врангеля, заниматься русскими беженцами и флотом своими силами. Русские были пропущены в Средиземное море и направились во французскую Северную Африку, оставляя по пути остатки армии в Болгарии, Сербии и на Галиполийском полуострове. Таким образом, в тунисский порт Бизерту на 33 кораблях пришли 5200 человек, которые и образовали русскую колонию в Тунисе. По поручению французского правительства эскадру принимал маршал Петэн.

Встретили их африканский климат, чужой язык и образ жизни, настороженное отношение колониальных властей и местного общества. Так, руководитель службы безопасности в Тунисе в письме, адресованном местным властям, сообщил о своем подозрении, что «большинство прибывших из России пропитано большевизмом», и предлагал укрепить предписанную к Бизерте полицейскую службу политической безопасности.

Капризы Клио

Расположенный на самом севере африканского континента тунисский город Бизерта купается отражением своих белых домов в водах Средиземноморского залива. Рыбачьи шаланды приютились в его удобной бухте. Набережная города-порта плавно переходит в цепочку пляжей с золотистым песком и уютными отелями. Таким остается в памяти побывавшего в Бизерте этот один из древнейших городов Средиземноморья.

Он был основан финикийцами в IX веке до нашей эры, еще раньше Карфагена, под именем Гиппон. В римскую эпоху стал Диаритусом, арабы окрестили его Бензертой, при колониальном правлении Франции его называли Бизерт.

На протяжении всей своей истории город притягивал пришельцев выгодным географическим положением в центре Средиземноморского бассейна. Попутные ветры ча-

сто заносили в Бизерту с ее удобной природной гаванью корабли мореплавателей, торговцев и завоевателей.

Карфагеняне, греки, вандалы, арабские кочевники из Аравии, испанцы, мальтийцы, турки — все побывавшие здесь так или иначе оставили след в его истории. Прибрежный город кишел людским водоворотом, в котором, как в коктейле, смешивались разные языки и расы. Постоянные контакты с внешним миром выработали у местных жителей гибкость мышления, терпимость к разным верам, культурам и обычаям.

С конца XIX века — с началом французского протектората — население Бизерты стало пополняться европейцами. Новоотстроенный порт был открыт для международной торговли. Волею судеб в октябре 1897 года первый иностранный визит в новый порт Бизерты нанес русский крейсер «Вестник».

Кто бы мог тогда предположить, что это название станет предзнаменованием для российского флота, часть которого через 23 года встанет здесь на свою последнюю якорную стоянку?

Итак, 23 декабря 1920 года первые корабли бросили якоря в водах озера Бизерта, где размещалась французская военно-морская база Сиди-Абдалла. (Находящийся поблизости город носит то же название — Бизерта.) В начале января 1921 г. сюда пришли основные силы эскадры: два броненосца, два крейсера, десять миноносцев, пять канонерок, четыре подводные лодки, тральщик, девять вспомогательных и транспортных судов. Два корабля вообще не входили в состав Черноморской эскадры: «Якут» прибыл из Владивостока, «Китобой» — с Балтики. Во время перехода эскадры из Турции в Тунис ею командовали вице-адмирал М.А. Кедров и начальник штаба контр-адмирал Н.Н. Машуков (они же осуществляли командование и в Тунисе, но недолго). В число руководителей входили также контр-адмиралы П.П. Остелецкий, М.А. Беренс, А.М. Клыков, капитан 2-го ранга М.В. Копьев (отряд подводных лодок), генерал-лейтенант инженер-механик флота М.П. Ермаков (отдел вспомога-

Войска союзников, высадившиеся на берегу Алжира

тельных кораблей), другие высшие и старшие офицеры. Общая численность экипажей судов, членов их семей и не связанных непосредственно с флотом беженцев превышала пять тысяч человек.

Таким образом, в Тунис попало примерно в три раза меньше эвакуированных и бежавших россиян, чем в Египет. Но между беглецами из Крыма (и прочих мест), оказавшимися соответственно в Египте и Тунисе, была не только численная разница. В Египет прибыла дезорганизованная масса военных чинов и гражданских лиц. В Тунис же в боевом строю пришла эскадра, насчитывавшая 30 вымпелов, т.е. значительная военная сила. И если в первом случае все эвакуированные, в том числе военные, быстро оказались на положении бесправных беженцев, а вскоре и эмигрантов-апатридов, то во втором переход к статусу эмигранта проходил постепенно и растянулся на несколько лет. Такая постепенность придавала жизни русских на тунисской земле определенную специфику.

Лики истории

Ко дню рождения русской гордости Туниса — Анастасии Ширинской — муниципалитет города Бизерты принял решение переименовать одну из площадей, на которой находится православный храм, и назвать именем Анастасии Ширинской. Это единственная площадь во всей Северной Африке, носящая имя живой русской легенды — истинного патриота, мужественной женщины,

талантливому человеку, хранительницы памяти о русской эскадре и ее моряках. Больше никто и никогда из наших соотечественников не удостоивался такой высокой чести.

Судьба Ширинской — это судьба первой волны русской эмиграции. Она помнит слова отца, морского офицера, командира миноносца «Жаркий»: «Мы унесли с собой русский дух. Теперь Россия — здесь».

В 1920 году, когда она оказалась в Африке — во французской колонии, — ей было 8 лет. Только на этом континенте согласились приютить остатки армии барона Врангеля — шесть тысяч человек.

Бизерское озеро — самая северная точка Африки. Тридцати трем кораблям Императорского Черноморского флота, ушедшим из Севастополя, здесь было тесно. Они стояли, плотно прижавшись бортами, и между палубами были переброшены мостики. Моряки говорили, что это военно-морская Венеция или последняя стоянка тех, кто остался верен своему императору. Каждое утро поднимался Андреевский стяг. Здесь был настоящий русский городок на воде — морской корпус для гардемаринов на крейсере «Генерал Корнилов», православная церковь и школа для девочек на «Георгии Победоносце», ремонтные мастерские на «Кронштадте». Моряки готовили корабли к дальнему плаванию — обратно в Россию. На сушу выходить было запрещено — французы обнесли корабли желтыми буйками и поставили карантин. Так продолжалось четыре года.

В 1924 году Франция признала молодую Советскую республику. Начался торг — Москва требовала вернуть корабли Черноморской эскадры. Париж хотел оплаты царских займов и проживания моряков в Тунисе. Договориться не удалось.

Корабли пошли под нож. Настал, пожалуй, самый трагический момент в жизни российских моряков. 29 октября 1924 года раздалась последняя команда: «Флаг и гюйс спустить». Тихо опускались флаги с изображением креста Святого Андрея Первозванного, символ флота, символ былой, почти 250-летней славы и величия России...

Русским было предложено принять французское гражданство, но не все этим воспользовались. Отец Анастасии Александр Манштейн заявил, что присягал России и навсегда останется русскоподданным. Тем самым он лишил себя возможности официальной работы. Началась горькая эмигрантская жизнь...

Блестящие флотские офицеры строили дороги в пустыне, а их жены пошли работать в богатые местные семьи. Кто гувернанткой, а кто и прачкой. «Мама говорила мне, — вспоминает Анастасия Александровна, — что ей не стыдно мыть чужую посуду, чтобы заработать деньги для своих детей. Стыдно их плохо мыть».

Тоска по Родине, африканский климат и невыносимые условия существования делали свое дело. Русский угол на европейском кладбище все расширялся. Многие уехали в Европу и Америку в поисках лучшей доли и стали гражданами других стран.

Но Ширинская изо всех сил стремилась сохранить память о русской эскадре и ее морях. На свои скромные средства и средства немногих русских тунисцев она ухаживала за могилами, ремонтировала церковь. Но время неумолимо разрушало кладбище, ветшал храм.

И только в 90-е годы в Бизерте начали происходить изменения. Патриарх Алексей II направил сюда православного священника, а на старом кладбище установили памятник морякам российской эскадры. И среди африканских пальм вновь прогремел любимый марш моряков «Прощание славянки».

Первая книга Анастасии Ширинской с помощью мэра Парижа и российских дипломатов была вручена президенту Владимиру Путину. Через некоторое время почтальон принес бандероль из Москвы. На полученной в ней книге было написано: «Анастасии Александровне Манштейн-Ширинской. В благодарность и на добрую память. Владимир Путин».

Анастасия Александровна, всей душой любя Тунис, так и прожила в течение 70 лет с Нансеновским паспортом (паспорт беженки, выдаваемый в 20-х годах), не имея права покидать пределы Туниса без специального разре-

шения. И только в 1999 году, когда это стало возможным, она снова получила гражданство России и, приехав на Родину, навестила свое бывшее родовое имение на Дону.

«Я ждала русского гражданства, — говорит Анастасия Александровна. — Советское не хотела. Потом ждала, когда паспорт будет с двуглавым орлом, — посольство предлагало с гербом Интернационала, я дождалась с орлом. Такая я, упрямая старуха».

Она самая известная учительница математики в Тунисе. Ее так и называют — мадам учительница. Бывшие ученики, приходившие к ней домой за частными уроками, стали большими людьми. Сплошные министры, олигархи и мэры Парижа — Бертрано Делано.

«Вообще-то я мечтала писать детские сказки, — призналась Анастасия Александровна. — Но должна была вдальбивать алгебру в головы школяров, чтобы заработать на хлеб». Вместе с мужем (Сервер Ширинский — прямой потомок старинного татарского рода) она воспитала троих детей. В Тунисе с матерью остался только сын Сергей — ему уже далеко за 60. Дочери Татьяна и Тамара давно во Франции. Мать настояла, чтобы они уехали и стали физиками. «Только точные науки могут спасти от нищеты», — убеждена Анастасия Александровна.

Зато два ее внука, Жорж и Стефан, настоящие французы. Они совсем не говорят по-русски, но все равно обожают русскую бабушку. Степа — архитектор, живет в Ницце. Жорж работал у голливудского режиссера Спилберга, а сейчас рисует мультфильмы у Диснея.

У Анастасии Александровны прекрасный русский язык, великолепные знания русской культуры и истории. В ее доме простая, но очень русская атмосфера. Мебель, иконы, книги — все русские. Тунис начинается за окном. «Приходит момент, — говорит Анастасия Александровна, — когда ты понимаешь, что должна сделать свидетельство о том, что видела и знаешь... Это, наверное, называется чувством долга?.. Я вот написала книгу — «Бизерта. Последняя стоянка». Это семейная хроника, хроника послереволюционной России. А главное — рас-

сказ о трагической судьбе русского флота, который нашел причал у берегов Туниса, и судьба тех людей, которые пытались его спасти».

В 2005 году за воспоминания, вышедшие в серии «Редкая книга», Анастасии Александровне была вручена специальная награда Всероссийской литературной премии «Александр Невский», которая называется «За труды и Отечество». Именно этот девиз был выгравирован на ордене Святого Александра Невского, учрежденном Петром I. Тунисские кинематографисты в 90-х годах сняли документальный фильм «Анастасия из Бизерты», посвященный Ширинской. За вклад в развитие культуры Туниса она, истинно русская женщина, была удостоена тунисского государственного ордена «Командора культуры». В 2004 году из Московской патриархии пришла награда: за большую деятельность по сбережению русских морских традиций, за заботу о храмах и могилах русских моряков и беженцев в Тунисе Анастасии Александровне Ширинской был вручен патриарший орден «Святой равноапостольной княгини Ольги», которая сеяла на Руси семена веры православной.

И вот новая награда... Площадь в Бизерте, где стоит храм Александра Невского, который строили бывшие черноморцы в середине прошлого века в память о своей погибшей эскадре, названа в ее честь.

Численность русской колонии постоянно колебалась: увеличивалась, когда часть экипажей списывалась на берег, уменьшалась, когда многие в расчете на лучшую долю уезжали во Францию, Югославию, Чехословакию. Но и оставшиеся не считали Тунис постоянным пристанищем. Многие надеялись на скорое падение власти большевиков и возвращение к родным очагам. Короче говоря, текучесть диаспоры, постоянные миграции были в межвоенный период едва ли не самой характерной чертой эмигрантского существования. Если часть моряков и гражданских беженцев перебралась в Европу, то другие предпочитали соседние страны Магриба. Причем в обоих случаях не всегда по собственной инициативе. Квали-

фицированные специалисты были нужны и в метрополии, и в Алжире, и в Марокко. А таких людей среди морских офицеров всегда хватало. Вот и заманивали россиян французские вербовщики — и государственные чиновники, и доверенные лица частных фирм. Кого во Францию (временами, конечно), кого в иные места французской колониальной империи. Если говорить о русских общинах Марокко и Алжира, то картина здесь предельно ясна: обе неизменно прирастали за счет русской колонии Туниса.

Между тем корабли эскадры по-прежнему стояли на якоре на внутреннем рейде Бизерты. Сменялась ее командная верхушка, новым командующим стал контр-адмирал М.А. Беренс, начальником штаба — контр-адмирал А.И. Тихменев. Быстро прошла эйфория торжественной встречи, потекли однообразные будни. И вскоре начались разного рода неприятности.

Провиантом прибывших русских снабжали со складов французской армии. Некая часть снабжения осуществлялась стараниями американского и французского Красного Креста. Со временем количество французских пайков и их размеры начали сокращаться, а ассортимент — ухудшаться. Сокращение ударило по личному со-

Командование Русской эскадры

ставу эскадры. Его тоже пришлось уменьшать: к январю 1922 г. — до 1500, а к лету того же года — до 500—550 человек. Это означало перевод на берег многих моряков и ухудшение снабжения офицерских семей.

Списание на берег влекло за собой нехватку жилья. Проблема эта вскоре проявилась со всей остротой. Тогда в плавучее общежитие быстро переоборудовали бывший броненосец «Георгий Победоносец», где поселили семейных моряков. Как вспоминают участники событий, флотские острословы тут же окрестили броненосец «бабаносцем». Остальных разместили в лагерях, оборудованных под Бизертой и с самого начала предназначенных для гражданских беженцев. Со временем русские землячества возникли в разных местах — в самой столице протектората, г. Тунисе, в Сусе, Сфаксе, Гафсе, на рудниках, в сельских районах и даже в далеких южных оазисах на границе с Сахарой. В Тунисе на каждой улице можно было услышать русскую речь.

О жизни и быте обитателей лагерей сохранились яркие свидетельства. Возьмем наиболее известный из лагерей — Сфаят, в котором поначалу размещались семьи многих преподавателей и офицеров-воспитателей Морского корпуса (сам корпус располагался в одном километре от лагеря). В Сфаяте были возведены деревянные бараки под черепичными крышами. Семейным выделялись отдельные комнаты. Одиноким жили в помещениях казарменного типа, где каждая койка отделялась от другой занавесями из одеял. Женщины не только шили обмундирование для гардемарин и кадетов, но и ради заработка выполняли заказы французских интендантов. Мужчины в свободное от службы время тачали сапоги. Для дополнения продовольственных ресурсов Морского корпуса было создано подсобное хозяйство; в нем разводили птицу, свиней, коз, кроликов. В лагере имелась своя столовая, больница на 40 коек, гостиница, скорее ночлежка, богадельня и нечто вроде приюта для временных безработных. Позже были созданы мастерские — пошивочная, плотницкая, кустарных художественных изделий, а также мыловарня и прачечная. Располагал лагерь и

собственным магазином, торговавшим всем понемногу. Со временем в Сфаяте была открыта библиотека с книгами, журналами, газетами преимущественно на русском языке.

Остававшиеся на кораблях моряки продолжали нести свою, теперь вдвойне нелегкую, службу. Надо было содержать в порядке вооружение, механизмы, машины; зачастую это приходилось делать офицерам, ибо моряков не хватало. Надлежало проводить учения по боевой подготовке, осуществлять текущий и с помощью французов, доковый ремонт. Многие зависело от организации досуга моряков. В новых, непривычных условиях, вдали от родных мест проще простого было опуститься, спиться от тоски. Вот почему всячески поощрялись различного рода кружки, занятия спортом, чтение.

Для молодых офицеров командование организовало учебу. Функционировали артиллерийский класс, класс судовождения, подводного плавания. Особое внимание уделялось Морскому корпусу, в полном составе эвакуированному из Севастополя. Новый директор корпуса вице-адмирал А.М. Герасимов (он сменил на этом посту вице-адмирала С.Н. Ворожейкина) добился от властей выделения учебных помещений на берегу, в бывших казармах форта Джебель-Кебир (по-арабски — «Большая гора»; иногда его называют кратко — Эль-Кебир). В 1921—1922 гг. в корпусе обучались 235 гардемарinov и 110 кадетов. В штат преподавателей и офицеров-воспитателей входили 60 человек; обслуживающий персонал насчитывал 40 человек. С января 1921 г. по май 1925 г. корпус осуществил пять выпусков морских офицеров. Почти лишенный средств и учебных пособий, корпус, по мнению первоисследователей проблемы, сохранял в юношах веру, дисциплину и чувство долга.

Параллельно с сокращением личного состава эскадры упразднялись роты гардемарinov, заканчивавших курс обучения. К маю 1925 г. таких рот в Джебель-Кебire вообще не осталось. Большинство бывших гардемарinov уехало в Европу — во Францию, в Бельгию, Чехословакию. Некоторые из них были приняты на

службу в ВМС Франции, а также Югославии. Повезло и тем, кому предоставили возможность продолжать учебу как стипендиатам. Так, 26 гардемаринов выпуска 1922 г. были приняты на математический факультет Сорбонны (Париж).

Тем временем отношение французских властей к эскадре, ее экипажам и командирам ухудшалось. Не довольствуясь сокращением личного состава и упразднением гардемаринских рот, они взялись и за корабли. Прежде всего, полностью изъяли боекомплект к различным видам корабельного вооружения. Впрочем, не без основания. По сведениям врангелевской контрразведки, среди матросов сильны были пробольшевицкие настроения. Замечены они были еще до эвакуации из Крыма, и именно тогда командование в срочном порядке стало разбавлять кадровые судовые команды солдатами и офицерами, более надежными с точки зрения верности белой идее, но абсолютными профанами в морском деле. Были среди них и казаки, и юнкера, и гимназисты. Сам генерал Врангель не строил на этот счет никаких иллюзий.

В сентябре 1920 г. ему был совершенно ясен, по его собственным словам, «сборный, случайный, неподготовленный состав команд». Падение уровня морского профессионализма привело, в сочетании со штормовой обстановкой, к ряду серьезных аварий во время перехода эскадры через Средиземное море. Все это отнюдь не было секретом для французских спецслужб. Вот почему русским адмиралам трудно было спорить с командованием военно-морской базы Бизерты. А оно настойчиво требовало разоружения кораблей и списания экипажей (не только из соображений экономии флотских пайков) на берег.

Начали французы с малых кораблей. Чтобы восполнить недавние потери французского флота в мировой войне, отобрали транспорт-мастерскую «Кронштадт», ледокол «Илья Муромец», танкер «Баку», спасательное судно «Черномор». В порядке погашения царских долгов передали частным судовладельцам четыре канонерки, два транспорта, тральщик, буксир, посыльное судно.

Пока тогдашние хозяева Туниса не трогали боевых кораблей. Как вскоре выяснилось, их ждала иная судьба. Напомним, что 28 октября 1924 г. Франция признала СССР и установила с ним дипломатические отношения. Одним из пунктов на франко-советских переговорах о признании был вопрос о русской эскадре в Бизерте. Париж согласился передать эскадру Москве. И уже на следующий день после признания СССР правительством Эррио на всех судах эскадры Андреевский флаг был спущен. А 30 октября военно-морской префект Бизерты адмирал Эксельманс объявил о том, что французские власти протектората прекращают всякую поддержку эскадры. Одновременно в знак протеста против такого решения своего правительства он подал в отставку. Один эмигрантский автор горько прокомментировал незаурядный поступок французского военачальника: «...Нашелся лишь один адмирал, который посмел пойти на резкий протест, и адмирал этот, к нашему стыду, был французской службы, с которой он ушел». Французские власти нервничали. Они опасались реакции моряков, возмущенных резким поворотом Парижа в сторону Кремля. Нельзя было исключить актов саботажа: иные отчаянные матросские головы могли причинить судам ущерб, заминировать их, а то и открыть кингстоны и затопить. Но командующий эскадрой Беренс заверил французов, что ничего подобного не случится. Его поручительство было передано прибывшей в конце декабря 1924 г. советской технической комиссии во главе с известным кораблестроителем академиком А.Н. Крыловым.

После тщательного осмотра эскадры комиссия составила список судов, которые должны были быть переданы СССР. В него вошли броненосец «Генерал Алексеев», шесть миноносцев, четыре подводные лодки. Поскольку не все корабли были в технически удовлетворительном состоянии, комиссия потребовала произвести необходимые ремонтные работы. Франция эти требования отклонила. Тогда свои услуги предложила Италия.

Однако Москва так и не дождалась передачи обещанных кораблей. В Западной Европе поднялась волна

протестов против выполнения франко-советской договоренности по части передачи эскадры. Большинство государств опасалось, что это приведет к чрезмерной активизации советской внешней политики. Особенно были встревожены правительства причерноморских и прибалтийских стран. С ними соглашалась и Англия. Только Швеция и Италия занимали нейтральную позицию. Острая дискуссия развернулась в Лиге Наций. Да и в самой Франции, прежде всего в сенате и колониальных кругах, громко заговорили о советской угрозе французским заморским владениям и морским коммуникациям. От имени российской эмиграции с резким протестом выступил П.Н. Врангель.

Враждебная Советам кампания сделала свое дело. Франция уклонилась от выполнения соглашения по флоту. Корабли эскадры остались в Бизерте, но их судьба была незавидной. Лишенные необходимого повседневного ухода и с годами капитального ремонта, суда, несмотря на попытки консервации механизмов, ветшали, утрачивали мореходные и боевые качества. Одни из них французы успели продать тем или иным странам. Другие были обречены на демонтаж, продажу на металлолом. В обоих случаях экипажи снимали корабельные орудия, отсоединяли замки к ним, а затем сбрасывали те и другие в море.

Последним подвергся разборке броненосец «Генерал Алексеев». Незавидной была и судьба экипажей. Часть моряков покинула Бизерту, перебралась в Европу и на другие континенты. Другая осела в Тунисе на временное или постоянное жительство.

Говоря о русской колонии в Тунисе, историки, и особенно публицисты, обычно делают основной упор на трагедии эскадры. Более того, зачастую вообще ограничиваются военно-морским аспектом темы. Это не совсем справедливо. При таком подходе на первый план невольно выходят корабли, а люди, экипажи явно обделяются вниманием. Не будем забывать и о другом: помимо моряков в Тунис попали тысячи россиян, прибывших на кораблях в качестве пассажиров. Долгие годы

и даже десятилетия многие из них жили и трудились в этой стране.

Итак, что же происходило с местными русскими — и бывшими морскими чинами, и прочими — после спуска с флагштоков Андреевского флага? В беженских лагерях страны, а именно туда пришло в конце 1924-го — начале 1925 г. значительное флотское пополнение, было немало высокообразованных людей, специалистов широкого профиля, с хорошим знанием иностранных языков. Морские офицеры всегда входили вместе с верхушкой гвардейских кавалерийских полков в элиту русской императорской армии. Да и рядовой, и унтер-офицерский состав экипажей набирался обычно из горожан, в первую очередь из квалифицированных рабочих. Стало быть, моряки, решившие осесть в Тунисе, могли в принципе рассчитывать на получение работы. И они ее находили, правда, чаще не такую, которая отвечала бы их квалификации, поскольку они не являлись гражданами Франции.

Одним из условий постоянной работы была натурализация (отказ от российского гражданства и приобретение французского). Власти протектората даже поощряли в 20—30-е годы натурализацию европейцев, в том числе русских. Расчет был прост: они были заинтересованы в том, чтобы французская община, пополнявшаяся за счет натурализовавшихся, численно превышала бы итальянскую. Дело в том, что с приходом в начале 20-х годов к власти в Италии Муссолини итальянские притязания на Тунис, восходящие к последней четверти XIX в., получили новый импульс. А для проведения в жизнь своих экспансионистских замыслов в отношении Туниса Рим очень рассчитывал на местную итальянскую общину.

Со временем состав беженских лагерей менялся и сокращался; в основном в них оставались женщины и дети, инвалиды и больные. Работоспособные мужчины отправлялись на заработки. Найдя работу, они выписывали к себе родственников. Заключались браки, молодые семьи стремились создать очаг за пределами лагерей. Иные юноши и девушки отваживались на рискованные шаги:

уезжали на учебу или просто в расчете на удачу в Европу, благо она была рядом.

И в Тунисе нашим соотечественникам приходилось в поисках постоянного рабочего места забывать о самолюбии. Доставалось всем — дворянам, интеллигентам, простолюдинам. Просто первым было труднее переносить оскорбительные для самолюбия испытания. О прежних престижных профессиях и способах заработка приходилось забывать и привыкать к новым. Юристы и филологи вынуждены были становиться сапожниками или поварами. Появилась тунисская разновидность египетских «сигаретчиков» — «бисквитчики». Так называли здесь уличных торговцев. При этом считалось, что этим людям еще повезло. А неудачниками были, по мнению земляков, те, которые работали грузчиками, шахтерами, сельскохозяйственными рабочими на виноградниках, апельсиновых и оливковых плантациях и фермах европейских колонистов, трудились землекопами на прокладке подземных магистралей или тянули телеграфные линии через сахарские пески. Еще один немаловажный момент.

Соглашаясь на любые условия труда, русские невольно становились конкурентами местных тружеников (арабов и берберов, итальянцев) и тем самым вызывали к себе неприязненное, если не враждебное, отношение. Борьба за рабочие места, даже между мелкими торговцами, приобретала жесткий характер.

На первых порах все же можно было найти занятия, приносящие хоть какой-то доход. Со временем, однако, делать это становилось все труднее. В особенно тяжелом положении оказались высшие и старшие командиры бывшей эскадры. Люди преклонного возраста, не имевшие гражданских специальностей, не обладавшие крепким здоровьем а главное — тяжелее других переживавшие крах идеалов, служению которым была отдана еще со времен Порт-Артура и Цусимы вся жизнь, с большим трудом адаптировались к новой реальности. Надежды на то, что французские власти как-то позаботятся о них, не оправдались. Вице-адмирал Ворожейкин начал с разведения кроликов и коз, продажи молока, одно время был

даже кладбищенским рабочим, а в конце концов получил место бухгалтера в одном из учреждений общественных работ. Контр-адмирал Беренс шил и продавал женские сумочки, работал в типографии. Генерал-майор Завалишин трудился сторожем во французском лицее. Командир миноносца «Жаркий» А.С. Манштейн делал домашнюю мебель, мастерил на продажу байдарки, а его жена трудилась горничной.

Не могли найти достойного применения своим знаниям и многие гражданские беженцы. В силу объективных причин в Тунисе спрос на специалистов был вообще ограничен. Далее, большинство россиян не желало, как и в Египте или Марокко, расставаться с российским гражданством. Получить же должности в структурах протектората можно было лишь при условии все той же натурализации. И опять же они вынуждены были возвращаться к такому своеобразному работодателю, как Иностранный легион.

На тунисской земле через вербовочные пункты легиона прошло немало бывших пассажиров русских кораблей, прибывших сюда из крымских портов. В их числе были кубанские и донские казаки, бывшие студенты, чиновники. Для всех тех, кто не нашел работы, но мог носить оружие, оставался еще легион или другие части колониальных войск, например Французская африканская армия (ФАА). По некоторым оценкам, в Тунисе в легионе, а также в ФАА служили сотни русских. В составе легиона впервые сформировался кавалерийский полк, в котором только командир и его заместители являлись французами, а остальные бойцы — рядовые, сержанты, офицеры — все были казаками. Полк дислоцировался в районе г. Сус; его подразделения также охраняли конными разъездами границу протектората с итальянской колонией Ливией. Служба в легионе не могла, конечно, вызывать симпатий у коренного населения Туниса к тем русским, которые, как и легионеры иных национальностей, участвовали в карательных операциях. В тех самых, о которых Николай Туроверов, бывший донской подъесаул, а затем и известный поэт и легионер, скажет:

Нам все равно, в какой стране
Сметать народное восстание,
И нет в других, как и во мне,
Ни жалости, ни сострадания!

Как и в других африканских странах, беженцы пытались как-то сплотиться, создать собственные организации — залог выживания. Организации и объединения носили исключительно общественный и благотворительный характер. Правовой режим протектората не разрешал иностранцам основывать общества политической направленности. Впрочем, членам таких обществ не возбранялось публично выражать свои взгляды и мнения о положении в России и мире.

Еще на эскадре был создан Комитет защиты интересов беженцев в Северной Африке. Затем уже на берегу возникли объединения офицеров полков бывшей Добровольческой армии — алексеевцев, корниловцев, дроздовцев, марковцев. Затем организовалось Общество гардемаринов — выпускников Морского корпуса. Формировались, как водится, филиалы (отделы) ветеранских объединений, центры которых находились в Европе. Например, Союза русских комбатантов (ветеранов войны), его главой был вице-адмирал Ворожейкин, Общества русских офицеров (руководитель тунисского отдела — подпоручик Б. Шкунов).

Со временем в стране сформировалась общая организация военных — Союз русских офицеров, которую возглавил капитан 1-го ранга Лебедев. При нем был учрежден суд чести (председатель — генерал-майор В.М. Власов). Группировались и невоенные элементы эмигрантского сообщества. Так, возникло Русское собрание. Просуществовало оно недолго; здание, где размещалось собрание, уже в конце 1922 г. занял Студенческий союз.

В Тунисе, по сообщениям эмигрантских изданий, находилось до 600 бывших студентов. Правда, сюда по инерции зачисляли и студентов, служивших в Иностранном легионе. Формально же вступать в любые общественные и тем более политические организации легионер никак не мог: он подписывал на этот счет строжайшее обяза-

тельство. Союз установил связи со студенческими эмигрантскими центрами в Париже и Праге, примкнул к международной студенческой организации. В его руководство входили П.Т. Проценко (председатель), П.Г. Орсич, Г.В. Батурин и В.П. Сахаров. Бывший председатель Я.С. Яценков представлял союз в Париже. Таким образом, если исключить заочное членство легионеров (300—400 человек), то кажется, что в Студенческом союзе в Тунисе насчитывалось немногим более 200 человек.

Руководство эмиграции в странах Европы было обеспокоено судьбой студентов, попавших на африканский континент. В студенческой молодежи они усматривали будущее России. Отсюда стремление облегчить участь многих, а в перспективе добиться получения стипендий для продолжения образования во Франции, в Югославии, Чехословакии, Болгарии. В эмигрантских центрах рассчитывали при этом на субсидии не только отдельных правительств, но и Лиги Наций. Не пренебрегали и поддержкой международной студенческой общественности.

Известно, например, что практическими аспектами помощи русским студентам, находившимся в Африке, занимался Международный студенческий съезд, собравшийся в 1922 г. в Лейпциге. Серьезные усилия предпринимались для вызволения студентов из Иностранного легиона. Делать это было не так-то просто: студенты-легионеры служили как добровольные контрактники, и французский закон был отнюдь не на их стороне. К большому удовлетворению русской колонии в Тунисе, удалось уберечь от вступления в легион большинство гардемарин, закончивших Морской корпус в Бизерте. Почти весь выпуск 1922 г., более 80 человек, отправили в Чехословакию, где выпускники смогли продолжить учебу.

Нельзя не упомянуть эмигрантские издания, выходившие на тунисской земле. Ориентированы они были в основном на молодого читателя. Под руководством капитана 2-го ранга Н.А. Монастырева, командира подводной лодки «Утка», в Бизерте с 1921 г. выходил первый журнал русского морского зарубежья — «Морской сборник».

За пять лет вышло три десятка номеров. Сюда надо добавить еще четыре выпуска «Журнала Кружка Морского училища», издававшегося молодыми энтузиастами из числа военных моряков. В первые годы изгнания в стране пользовались популярностью и «гражданские» журналы общественного и литературно-художественного профиля. К ним относились «Студенческий листок» (издание Центрального бюро по объединению студенческих организаций в Северной Африке), «Скорпион» (юмористический, редактор — капитан Игнатьев, «Черная лилия» и «Жили-были» (редактор — А. Воеводин). Журналы издавались в трудных условиях; редакции испытывали постоянную нехватку денег, бумаги, множительной техники (шапирографы и гектографы).

И все же Монастыреву и его помощникам удалось развернуть небольшую типографию. В журналах начинали свою литературную жизнь молодые писатели и поэты; некоторые из них впоследствии снискали известность далеко за пределами Туниса.

Ветеранские, студенческие объединения, редакции журналов служили важными очагами общественной жизни.

Однако главным средоточием оставались православные приходы. Они создавались всюду, где существовали русские землячества. Самыми крупными являлись приходы в городах Бизерта и Тунис. Первый приход в столице организовал еще в конце 1920 г. протоиерей Константин (Михайловский), успевший завоевать симпатии не только соотечественников, но и местных арабов и греков. Начинал он с проповедей в греческом православном храме. Первый собственно русский православный храм был основан в начале 1921 г. в одном из помещений форта Джебель-Кебир. Иконостас перенесли с крейсера «Генерал Корнилов», а всю церковную утварь изготовили умельцы из прихожан. Церковными колоколами служили снарядные гильзы и судовые колокола. Нашлись и собственные иконописцы: «свою» икону выполнили в древнерусском стиле. О строительстве постоянного храма в первые годы еще не думали, ибо все зависело от дальней-

шей судьбы эскадры. Пока же многое оставалось слишком зыбким и неопределенным.

Православная паства гордилась своими духовными наставниками. Наибольшую известность получил протоиерей Георгий (Спасский). Отец Георгий родился в 1877 г. Окончил Московскую духовную академию, был законоучителем в Вильне, настоятелем собора в Севастополе, главным священником Черноморского флота; с ним и ушел сначала в Константинополь, а затем в Бизерту. Его отличали высокая образованность и ораторский талант. С прихожанами он общался во время постоянных перемещений по Тунису — с корабля на корабль, из лагеря в лагерь, пешком со странническим посохом в руках. Впоследствии о. Георгий описал в эпистолярной форме свои странствия; его письма были опубликованы в 1938 г., через четыре года после его кончины.

Его преемником и новым пастырем русской общины в Тунисе стал отец Константин. Последнему принадлежала главная заслуга в возведении постоянных православных храмов в городах Бизерта и Тунис. Это был высокообразованный, преданный своему делу и интересам верующих священнослужитель. Именно он стал одним из инициаторов строительства храма — памятника кораблям Русской эскадры. Храм-памятник, построенный на пожертвования, открылся в Бизерте в 1937 г. Ему присвоили имя св. Александра Невского. Его настоятелем был и оставался до своей смерти в 1942 г. о. Константин. Храм является действующим по сей день.

Храм производит сильное впечатление. Его фрески, иконы, украшения выполнены руками прихожан. Часть фресок написал игумен Пантелеймон (Рогов). Иконы иконостаса и фигуры двух евангелистов в верхней части свода были выписаны художником Г. Чапегой. На одной из стен храма помещена мемориальная доска с названиями кораблей, пришедших в Бизерту в конце 1920-го — начале 1921 г.

В 1953 году во время французского протектората русская православная община получила от французских властей право на строительство в городе Тунисе друго-

го храма — Воскресения Христова — и дарственную на земельный участок. Строительство храма завершилось в 1956 году.

Те русские, кто оставался в Тунисе, трудились, как говорили они сами, не за страх, а за совесть. И их труд, каким бы он ни был, даже самый простой и малозаметный, служил вкладом в развитие страны, в наращивание ее культурного потенциала. Отмечались и крупные достижения, достойные внимания и через много десятилетий после описываемых событий.

Один из примеров таких достижений — научная работа и практическая деятельность биолога, хирурга и терапевта А.Т. Васильева. Он открыл новые методы борьбы с чумой в условиях тропиков и субтропиков (помимо Туниса врач работал в Ливии и Сенегале). Благодаря применению его методов борьбы с чумой болезни пошли в Тунисе на убыль. Еще одно имя, которым гордится отечественная наука, — профессор В.К. Агафонов, один из авторитетнейших почвоведов своего времени. В Северной Африке он проработал не один год. Изучал местные почвы, составлял почвенные карты (в том числе Тунисе), которыми пользуются в странах Магриба до сих пор. Десятки лет трудились в Тунисе онколог и хирург А.Н. Поздняков, инженер А.В. Иванов и землемер В.С. Махров (бывший полковник Генерального штаба).

Лики истории

Наталья Маркова-Лагодовская, русская художница, которая была замужем за русским архитектором, жила в Тунисе. Ее картина экспонировалась на выставке «Антология тунисской живописи» и вошла в одноименный сборник. Она была частым гостем у Рубцова. По ее словам, когда он заболел туберкулезом, то лежал в военном госпитале на жесткой железной кровати в очень маленькой комнате и говорил только по-русски. Тогда мсье Фише, художник и президент тунисского Салона, позвонил ей и сказал: «Наташа, Александр в госпитале, но он говорит только по-русски, никто его не понимает». На-

талья Маркова пришла к нему и была с ним до последнего момента.

Гениальный музыкант А. Горчаков уехал вместе с остатками армии Врангеля из Крыма. Благодаря помощи своей матери, которая происходила из Бессарабии, и небольшому денежному довольствию, которое было определено для русских студентов в Тунисе, Горчаков сумел уехать в Европу, остановился в Марселе, где он занимался охраной кораблей. Затем он скопил денег и, став своеобразным Растиньяком, снова уехал в Париж. Там он встретил Прокофьева. Надо сказать, что великий русский композитор Сергей Сергеевич Прокофьев с 1923 по 1932 год жил во Франции. В течение десяти лет они работали вместе, играли, выступали в крупнейших концертных залах Европы, но, когда Прокофьев возвратился в Москву в 1932 году, Горчаков вернулся в Тунис. Как и Рубцов, он во время войны прятался от немецких оккупантов и являлся воспитателем в семье бея. В тот период дворец бея был единственным местом, в котором немцы не проводили обысков. Интересно, что Горчаков, как и Рубцов, старался игнорировать русскую колонию, и его ученики вспоминают его своеобразным аскетом в белой блузе, в круглых очках в металлической оправе. Это был удивительный человек: его энциклопедические знания, не конформистские, очень своеобразные, привлекали к нему людей. Он жил в старом дворце вплоть до 1980-х годов.

В первые месяцы войны к английскому военному корреспонденту, аккредитованному в Москве, прикомандировали молодую русскую девушку — Татьяну. Англичанин сделал ей предложение и увез в Каир, куда его перевели на работу. Затем она работала во Франции, потом — в Англии, где приняла английское подданство. В конце 1950-х годов ее мужа направили в Тунис по линии Би-би-си. Там он умер, а Татьяна осталась вместо него корреспондентом Би-би-си по Средиземноморью. С тех пор она жила в Тунисе, сохраняя английское подданство. Любопытно,

что у детей ее мужа не русское гражданство, а американское, английское и тунисское.

Татьяна Метьюз почти 40 лет работала корреспондентом Би-би-си (с начала 60-х годов) по Северной Африке и жила в Тунисе. Ежедневно она готовила материалы для английской, арабской и русской секций Би-би-си. В первые дни 1999 года по Би-би-си прошел материал о русской колонии в Тунисе, который подготовила Татьяна Метьюз. Она автор трех книг. В 1997 году ей в торжественной обстановке был вручен орден Британской империи. Она умерла в Тунисе в марте 1999 года в возрасте 86 лет.

В кругах творческой элиты Туниса отмечают и другого россиянина — Абдельмалека Коршакова. Оказавшись в Тунисе в послереволюционные годы, он благодаря небольшой стипендии поехал учиться в Европу. В Париже встретил композитора Прокофьева, которого знал еще на родине. Коршаков провел 10 лет вместе со знаменитым мэтром, играл с ним на концертах и гастролях по всей Европе.

Великий композитор вернулся на родину, а Коршаков решил не расставаться с Тунисом. Он поселился в одном из дворцов бея — правителя страны — и давал уроки для детей его семейства. Коршаков прослыл не только прекрасным исполнителем и сочинителем музыки, но и энциклопедически образованным человеком.

Накануне Второй мировой войны русская колония в Тунисе была все еще многочисленной, она насчитывала несколько сот человек. Ее составляли инженеры, техники, чиновники, владельцы небольших предприятий, ферм. Все они были людьми среднего достатка. Между тем старшее поколение, первопоселенцы 1920—1921-х годов, постепенно уходило из жизни. Все больше встречалось русских могил, разбросанных по всей стране, от средиземноморской прибрежной полосы до песков Сахары. В Сфаксе, Сусе, Гафсе, в городах Бизерта и Тунис оборудовали русские кладбища. Там погребены воена-

чальники, командующие эскадрой, руководители Морского корпуса, командиры кораблей. Они умерли вместе с эскадрой или от горя, вызванного ее гибелью. Там покоятся адмиралы Ворожейкин, Герасимов, Беренс, Тихменев, Подушкин, генералы Завалишин, Басов, Пржилуцкий, Лопатин, капитан 1-го и 2-го рангов Монастырев, Морозов, Афанасьев, Алмазов, полковники Чафыков, Андрушкевич, Унгерн-Штернберг, протоиерей Константин и многие другие. Как известно, 3 сентября 1939-го Франция объявила войну фашистской Германии. Между этими странами начались боевые действия, затронувшие и территорию Северной Африки.

В годы Второй мировой войны русская община в Тунисе пережила четыре режима: Третьей Французской республики, правителей Виши, оккупационных властей держав «оси» и, наконец, деголлевской администрации. Те из русских, которые успели стать французскими гражданами, были призваны в армию. Служили они либо в войсках метрополии, либо в ФАА, дислоцированной в Магрибе.

Движения Сопротивления на территории Туниса не было, так как немцы высадились там лишь в ноябре 1942 года и продержались всего шесть месяцев. На русских колонистов оккупанты особого внимания не обращали. В значительной своей части тунисцы приветствовали гитлеровцев как освободителей, видя при этом прелюдию к окончанию колониальной зависимости от Франции. Поэтому социальной базы для Сопротивления в стране не имелось. Но некоторые молодые русские, например Кирилл и Юрий Шаровы, записались в волонтеры с самого начала войны и воевали во французской армии. Кирилл был убит в Арденнах.

С началом формирования отрядов «Свободной Франции» некоторые русские из стран Магриба вступили в части Иностранного легиона. К сожалению, не удалось найти документов, свидетельствующих об их участии в боях на стороне союзников. Только в последние годы нашему читателю стали известны некоторые имена: Николай Румянцев, упоминавшиеся уже Кирилл и Юрий Ша-

*Значок французского
Иностранного легиона*

ровы, Александр Слюсарев, Николай Вырубов, Василий Франк, Андрей Лосский. Генерал де Голль высоко оценил заслуги русских офицеров на французской службе, участников всемирной борьбы против фашизма.

19 июня 1940-го по лондонскому радио было передано воззвание де Голля: «От имени Франции я твердо заявляю: абсолютным долгом всех французов, которые еще носят оружие, является продолжение сопротивления...

Прямой долг всех честных людей — отказаться выполнять условия противника». Среди честных людей, которые откликнулись на призыв генерала, были русские эмигранты.

Многие знают, что одним из воевавших с фашистами в Африке был Зиновий Пешков, старший брат Якова Свердлова (кстати, советская пропаганда отрицала наличие у него брата-эмигранта). Его крестный отец — Максим Горький. Командир батальона капитан Пешков участвовал в боях Иностранного легиона против гитлеровцев на территории Марокко. Бои с фашистами начались накануне объявления войны — 2 сентября — и длились еще почти два месяца после капитуляции Франции 22 июня 1940 г. До нападения Германии на Советский Союз оставался ровно год.

Русские сражались в составе французского Иностранного легиона, а вместе с англичанами создавали диверсионные отряды (говоря современным языком, спецназ). Из 1056 человек, награжденных орденом Освобождения (его учредил де Голль для награждения за особые отличия), девять — наши соотечественники.

Как известно, предки Пушкина родились в Африке. И там же погиб его потомок — праправнук по линии дочери Натальи Александр Уэрнер. Ему шел лишь 25-й год. Вармию он записался добровольцем, служил пехотинцем и погиб во время высадки английского десанта в Тунисе в 1942-м. А всего во Второй мировой принимали участие 15 потомков поэта.

В России знают книги французского писателя Романа Гари. На самом деле его имя — Роман Касев. Он добровольцем присоединился к французскому Сопротивлению, воевал летчиком в авиагруппе «Лотарингия». Роман, он же Ромен, стал известным романистом, дипломатом, членом Французской академии. В одном из своих романов он описал жизнь в Марокко при сотрудничавшем с немцами вишистском правительстве и свои африканские скитания перед побегом в свободный британский Гибралтар.

Русские эмигранты попадали на поля африканских сражений разными путями — это были и добровольцы из Франции, и те, кто волею судеб после революции оказался в Марокко и Алжире, и те, кто вместе с русской эскадрой пришел в Тунис в 1920 году (преимущественно морские офицеры). К этому «русскому фронту» присоединились и...советские граждане. По сведениям российского арабиста и востоковеда А. Егорина, во время Второй мировой в Северную Африку немцы перебросили более 20 тысяч советских военнопленных, которые в неимоверно трудных условиях занимались строительством дорог и фортификационных сооружений для частей генерала Роммеля, в том числе на линии Марет, под Энфидавилем и Хаммаметом, и на полуострове Кап Бон в Тунисе. Многие умерли от издевательств и побоев, были расстреляны немцами при отступлении, но часть из них смогла бежать из плена и встала под знамена союзников.

Одним из диверсионных отрядов в Африке была «русская армия Пеньякова». В ней вместе с русскими, англичанами и французами сражались арабы, берберы и туареги. Глава отряда, майор английской армии Владимир Пеньяков, родился в семье русских в Бельгии, до револю-

ции учился в Кембридже, работал в Египте. Свою военную эскападу Пеньяков объяснил так: «Я не питал никаких иллюзий, что могу повлиять на ход событий, но было как-то неловко оставаться в стороне...».

В конце 1941-го в возрасте 50(!) лет он чудом прошел в Англии медкомиссию и был отправлен в арабские подразделения, которые являлись частью британской армии. Так он оказался в Ливии, часть которой оккупировали итальянцы. Коньком Пеньякова была разведка — он смог создать в Сахаре целую сеть агентов. Майор использовал арабов, говорящих по-итальянски и прислуживавших фашистским офицерам, — те никак не могли заподозрить в оборванных слухах шпионов.

Проводила «русская армия» и диверсионные акции — подрывала танки, поджигала горючее. Устраивая набег, освобождали военнопленных из лагерей.

Деятельность Пеньякова очень помогла англичанам — как известно, их победа в битве при Эль-Аламейне определила ход войны в Северной Африке. Роммель отступил в Тунис. Следующее сражение произошло в этой стране, на укрепленной линии Марет, которую в тридцатые построили французы. Разведку этой линии проводил все тот же Пеньяков — он обследовал городок Матмата в пустыне и нашел проход для военных. Кстати, в Матмате, излюбленном месте наших туристов, где живут так называемые троглодиты — то есть обитатели домов, прорубленных прямо в природном известняке, — до сих пор можно видеть немецкие бочки времен Второй мировой, в которых местные жители хранят воду.

Владимир Пеньяков после войны работал в Вене связным офицером между союзными и советскими войсками и написал книгу о своих приключениях. У нас он совсем неизвестен. Пеньяков умер в Лондоне.

История еще одного нашего соотечественника, бывшего лейтенанта российского императорского флота Сергея Еникеева, вошла в легенду о наших морях в Бизерте.

Сергей Еникеев родился в Севастополе и оттуда же на подлодке «Тюлень», будучи корабельным механиком,

вместе с «обломками» русского флота прибыл в Бизерту. Работал в аккумуляторной мастерской, потом ему повезло — он стал начальником электротехнической службы порта... Сын Еникеева Пересвет служил лейтенантом на французском флоте, погиб в 1940 году на подлодке «Сфакс», ее потопили немцы под Касабланкой.

В Бизерте они появились в ноябре сорок второго. Однажды ночью жандармы вломились к Еникееву и повезли его в порт — новенькой немецкой подлодке потребовался ремонт. «Теперь мне известен ее номер — U-602, как известно и то, что лодку сына потопила U-37. Но тогда я решил: вот она, убийца моего Пересвета», — рассказывал Еникеев. В двигатели сумбарины попала морская вода, и потребовалось перебрать механизм.

«Делать нечего. Взялся за работу... и устроил я им межвитковое замыкание якорей обоих электромоторов, — вспоминал механик. — Причем сделал это так, чтобы замыкание произошло лишь при полной нагрузке. Полный же подводный ход лодка развивает лишь в крайне опасных ситуациях. 23 апреля сорок третьего года U-602 погибла «при неизвестных обстоятельствах» у берегов Алжира. U-602 — это мой личный взнос на алтарь общей победы».

Где вспомнить о русских, воевавших в Африке? Посетите в столице Туниса православный храм на авеню Мухаммеда Пятого в центре города. Иконы, подсвечники, хоругви и другие предметы — с русских военных кораблей. На стене — мраморная доска с именами русских патриотов, погибших во время Второй мировой. Звоните отцу Дмитрию (тел. 72 336429), он всегда будет рад соотечественникам.

Еще кладбище Боржель — в 10 минутах езды от храма. Спросите у охранников, где находятся «русские» Gange I и Gange II. Это захоронения моряков русской эскадры и членов их семей, а также могила уже известного нам художника Рубцова, который стал звездой тунисской живописи.

А еще на юге Туниса, на полпути между городом Габес и островом Джерба, находятся «линия Марет», руины

*Памятная плита на могиле М.А. Беренса, контр-адмирала
и последнего командующего Русской эскадрой*

дотов, защитных сооружений и музеев. Здесь в октябре 1942-го английская армия Монтгомери прорвала последнюю линию обороны, которую держал «африканский корпус» Роммеля. В плен к союзникам попали 250 тысяч солдат и офицеров Германии и Италии. Среди англичан сражались и наши соотечественники.

...Закончилась война, русских в Тунисе стало больше. Эмигранты первой волны, жившие в разоренной Европе, стремились к более спокойной и обеспеченной жизни. Они надеялись найти ее в Магрибе, менее затронутом войной. Так до Туниса докатилась новая волна россиян. На этот раз из Франции. Сюда приезжали «русские французы», имевшие гражданство Франции и поэтому надеявшиеся на легкое трудоустройство и более достойную жизнь. Об увеличении русских общин можно судить по некоторому росту числа прихожан в православных храмах.

Однако радужные для русских первые послевоенные годы пронеслись слишком быстро, а жизнь что-то не менялась к лучшему. Больше всего пугало всех европейцев неуклонное нарастание антиколониальной борьбы. Тунисский народ требовал от правительства Франции осуществления обещанных в годы войны реформ. Уже в 1946 г. национальный конгресс, созданный по инициативе левонационалистической партии «Новый Дустур» (с ним сотрудничал Всеобщий союз тунисских трудящихся), принял Декларацию независимости. Лидер партии Х. Бургиба настоял на переговорах с Парижем. Их срыв послужил сигналом к разворачиванию массового движения, которое порой принимало не слишком мирные формы. В 1954 г. нарастание антиколониальной волны вынудило Францию предоставить протекторату внутреннюю автономию, а через два года признать ее независимость.

Начался массовый отъезд из страны европейцев. Потянулись и русские семьи. О сокращении численности русской общины говорило не только уменьшение числа прихожан, но и священнослужителей. Так, в г. Тунисе прихожан стало в четыре раза меньше. Оставшиеся молились теперь в греческих церквях.

Русская диаспора в Тунисе прошла такой же путь, как и в других странах Северной Африки: путь тяжких испытаний, унижений, борьбы за выживание, путь несбывшихся надежд и разочарований. Любовь к России, преданность ей они пронесли через десятилетия и доказали в годы Второй мировой войны. И еще один существенный

момент: они не жили в Тунисе на чужих хлебах. Своим тяжелым трудом они заслужили право на благодарность нескольких поколений тунисцев. Недаром ведь считают ныне в Тунисе Александра Рубцова не только русским, но и тунисским художником. И недаром местный музей в Метлауи был назван именем Владимира Шумовича, флотского офицера, ставшего в Тунисе неутомимым исследователем местной фауны и флоры, организовавшего три зоологическо-ботанические экспедиции в Сахару.

Закончим мы небольшим эпизодом, тоже связанным с историей флота. На одной из недавних неформальных встреч московских ревнителей отечественной истории собравшимся был продемонстрирован подлинный Андреевский флаг, изготовленный в 1920 г. До конца 1924 г. он развевался над посыльным судном «Якут» (командир — капитан 2-го ранга Ульянинов), которое с невероятными трудностями пришло в Бизерту из Владивостока. Из поколения в поколение флаг хранился в семье командира «Якута» в качестве драгоценной реликвии.

НЕ ТОЛЬКО АПЕЛЬСИНЫ И САРДИНЫ

Россию издавна интересовали страны, расположенные на Ближнем и Среднем Востоке, ведь судьбы проживавших здесь народов тесно переплетались с историей русского народа... И Марокко было в числе этих стран!

Интерес передовой российской общественности к Востоку начал возрастать в середине XVIII в. За общение, развитие культурных и экономических связей с восточными странами ратовал видный русский ученый М.В. Ломоносов. О важности отношений с народами Азии и Африки писал русский просветитель Н.И. Новиков, историк Н.М. Карамзин, писатели А.Н. Радищев и А.С. Грибоедов. Любовью к Востоку проникнуто творчество великих поэтов России А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Восточное направление внешней политики традиционно находилось в центре внимания официальных кругов России. В XVIII в. первостепенной ее задачей являлось укрепление позиций на Черноморском побережье, обеспечение свободы государства через проливы, усиление присутствия на Балканах. Это направление внешней политики приобрело очертания так называемого «восточного вопроса». Стремление России развивать торговлю в Средиземноморье, расширить рынки сбыта российской сельскохозяйственной и промышленной продукции ставило на повестку дня и проблему налаживания отношений со странами Ближнего Востока и Северной Африки — Алжиром, Триполитанией, Тунисом, входившими в состав Османской империи. Конечно, Марокко — Дальний Магриб — формально не входило в сферу «восточного вопроса». В XVI в. марокканцам удалось избежать порабощения Турцией и вплоть до начала XX в. сохранять независимость на западной окраине Османской им-

перии. Однако трудно оторвать эту страну от Алжира и других стран Магриба, характеризующихся географическим единством, принадлежностью к исламской цивилизации, социально-экономической общностью.

Кстати

В России хорошо знали сочинения графа Яна Потоцкого, выдающегося польского историка, географа и писателя (1761—1815). Особый успех имел его роман «Рукопись, найденная в Сарагосе», принесший автору широкую известность.

Заслуженным авторитетом Я. Потоцкий пользовался как талантливый ученый. Его перу принадлежало до 24 больших научных трудов, не считая многочисленных статей и составленных им карт.

Русские читатели знали о путешествии Я. Потоцкого в Марокко в 1791 г. из путевых заметок под названием «Путешествие в Мароккскую империю в 1791 г. Восточный очерк», опубликованных в Варшаве в 1792 г. Материал этой книги широко использовал А. Дзюбиньски в его названном выше исследовании о Марокко в XVIII в. Любопытно, что в начале 90-х годов Я. Потоцкий являлся сотрудником Комиссии иностранных дел России. Вернувшись из Марокко, он, вероятно, рассказывал в коллегии о своем путешествии в эту отдаленную страну.

Разнообразные познания Я. Потоцкого, в том числе о Северной Африке, отразились и в «Рукописи, найденной в Сарагосе». Восстановите в памяти, например, «День шестьдесят второй», где говорится об «истории великого шейха Гомелесов» — истории мавров, великих владетелинов Иберийского полуострова, не сложивших свое оружие и после изгнания их в Африку».

Роман этот хорошо знал А.С. Пушкин, называя его «занимательным». Герой «Рукописи, найденной в Сарагосе» фигурировал в пушкинском стихотворении «Альфонс садится на коня». Кроме того, в «Путешествии в Арзрум», А.С. Пушкин ссылаясь на другое, известное произведение Я. Потоцкого — его исследование «Путеше-

ствие в Астраханские степи и на Кавказ. Первобытная история тамошних древних племен» (Париж, 1829). Возможно, что поэт был знаком и с марокканскими дневниками польского писателя и ученого, но сведения об этом не сохранились.

Развитие связей с Марокко, как и связей с Алжиром, Тунисом и Триполитанией в XVIII в., отставало от развития отношений с ближневосточными странами. Это объяснялось географической удаленностью Северо-Западной Африки от России, но в первую очередь — препятствиями в торговле и судоходстве в Черном и Средиземном морях, которые на протяжении столетия Турция чинила России. В XVIII—XIX вв. в ходе русско-турецких войн Россия добилась открытия Черноморских проливов, выгодных для себя условий мореплавания в Средиземноморье и возможности завязывать связи и осуществлять торговлю с североафриканскими странами. Еще в первой половине XVIII в. русские корабли заходили в порты североафриканского побережья, например в Алжир.

Марокко находилось в непосредственной близости от пути следования русских кораблей вдоль берегов Западной Европы, через Гибралтарский пролив, а также вдоль побережья Западной Африки. На карте Европы из «Атласа, сочиненного к пользе и употреблению юношества», опубликованного в Санкт-Петербурге в 1737 г., в северо-западном углу Африки отчетливо обозначено Королевство Мароккское. Пройдя Гибралтар, русские мореходы на своих кораблях, как правило, следовали в сторону итальянских портов, бросив взгляд на побережье Марокко.

В начале XVIII в. в Западном Средиземноморье российский дипломатический представитель был аккредитован в Мадриде, консульские представители — в Кадисе и итальянских государствах. В 1769 г. в связи с Архипелагской экспедицией русского флота появился нештатный русский консул в Гибралтаре Лидс Бут. Он сообщал сведения о внутривосточном положении, взаимоотношениях Марокко с иностранными державами и другое.

На основании этих сообщений в «Сант-Петербургских ведомостях» печатались заметки о Марокко. Значит, интерес был!

Миги истории

Когда-то берберы населяли всю Северную Африку и расположенные здесь страны. Марокко, Алжир, Тунис, Ливия назывались берберийскими, или варварийскими. Этот регион был поочередно завоеван римлянами, вандалами, византийцами, а в VII в. началось проникновение сюда арабов, дошедших вплоть до Иберийского полуострова. Арабские кочевники принесли с собой мусульманскую религию, определившую на века уклад духовной и повседневной жизни североафриканских народов, способствовали арабизации населения, которое стало неотъемлемой частью арабского мира.

В конце XV в. мавров изгнали из Испании, и они обосновались в Северо-Западной Африке. Но реконкиста на этом не закончилась. С Иберийского полуострова она, приняв форму колониальной экспансии, перекинулась на побережье Африки. В течение XV—XVI вв. Испания захватила ряд городов на Средиземноморском побережье Марокко (Сеута, Малилья, Алхусемас). Португалия заняла ряд портов и факторий на Атлантическом побережье страны.

В начале XVI в. Испания оккупировала города Оран, Бужи и Алжир и стала угрожать завоеванием всего алжирского побережья. Спасаясь от испанцев, алжирцы призывали на помощь известных корсаров Аруджа и Хайрааддина. Испанцы были изгнаны из страны, но новые правители объявили себя вассалами турецкого султана, и Алжир стал турецким пашалыком, который в Европе называли «регентством».

Испанский король предпринимал попытки восстановить свою власть над Алжиром и посылал туда экспедиции. С этого времени между берберийскими государствами, испанцами и мальтийскими рыцарями (союзники Испании) велись непрерывные войны.

В XVI в. мусульмане оставались самыми опасными пиратами. По мнению марокканского историка А. Аяша, пиратство — это форма войны из-за морских торговых путей между мусульманскими государствами — Турцией и зависимыми от нее Тунисом и Алжиром, с одной стороны, и христианскими Испанией и торговыми городами Италии — с другой. Эта морская война велась главным образом частными, вооруженными для пиратских набегов кораблями, которым выдавались каперские грамоты. Нападение корсаров, по существу, ничем не отличалось от обычных военных действий: они захватывали суда, изымали грузы, а пленные экипажи продавали в рабство.

Марокканские корсары действовали в районе Гибралтарского пролива и в Атлантике и зависели прежде всего от марокканского султана, повелителя правоверных Северо-Западной Африки, не подчинявшегося султану турецкому.

Западноевропейские страны активно потворствовали развитию пиратства. По свидетельству русского путешественника М.Г. Коковцова, совершившего, как нам известно, в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII в. путешествия к берегам Алжира и Туниса, произвол, вымогательства и грабежи, от которых страдали и европейцы, поддерживались не в последнюю очередь самими европейскими державами.

Россия, добываясь в противоборстве с Османской империей равноправия в торговле и мореплавании в Средиземном море, никогда не отождествляла Турцию с угнетенными ею народами. Российская общественность всегда сочувственно относилась к национально-освободительному движению арабских стран. Российский флот, как флот христианской державы, находящейся во враждебных отношениях с Портой, также терпел убытки от пиратства в Средиземном море, прежде всего у берегов Алжира и Туниса. Однако русской эскадре, находящейся в Средиземноморье в начальный период войны с Турцией 1768—1774 гг., предписывалось избегать сражений с алжирскими и тунисскими кораблями. В ин-

Св. Федор Федорович Ушаков, выдающийся русский флотоводец, адмирал. Канонизирован Русской православной церковью

струкции капитана 2-го ранга Т. Козлянинова, под командованием которого в 1777 г. в Средиземноморье находилось несколько кораблей, командиру фрегата «Св. Павел» Федору Ушакову, будущему прославленному флотоводцу, относительно рейса из Константинополя (Стамбула)

в Ливорно давались следующие указания: «Купеческих кораблей всех народов ни под каким видом не останавливать, а тем меньше осматривать или какие делать притеснения, но, напротив того, всякую благопристойность, ласку и в случае нужное вспоможение показывать, дабы и сим прославить Российский флаг, сколь славен он приобретенными победами. Известно, что в Средиземном море бродят морские разбойники, то вы имеете употребить от оных всякую осторожность и опасение; и содержать себя для защищения во всякой исправности и готовности, ибо вы с довольною обороною отправляетесь, однакож самим вам на них не нападать».

Россия стремилась решить проблему защиты своих судов от пиратства на двусторонней основе с Портой.

Нормализация отношений с Портой создала благоприятные условия для развития отношений России с североафриканскими странами — вассалами турецкого султана. Кючук-Кайнарджийский договор подтвердил право России «иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут удобными, назначить за благо рассудит». Турецкое правительство взяло на себя обязательство содействовать России при заключении «коммерческих трактатов» с Алжиром, Тунисом и Триполитанией и выступать их гарантом.

Наметились благоприятные условия и для развития отношений России с Марокко. Эта страна, отстояв свою независимость перед натиском Турции в XVI в., оказалась в политической и торгово-экономической изоляции на периферии Османской империи. В борьбе против европейского и османского экспансионизма марокканцы имели только два средства самозащиты: корсарский флот и проведение политики изоляционизма, т.е. закрытия страны от иностранцев.

При султани Исмаиле (1672—1727), представителе династии Алаутских шерифов, марокканцы изгнали европейских завоевателей из ряда морских портов, включая Танжер, и укрепили границу с Алжиром. В конце XVIII в. была предпринята попытка «открыть» Марокко для ино-

странцев, заключить договоры о мире и торговле с западными странами. Марокканский султан Сиди Мухаммед бен Абдаллах был первым правителем страны, который глубже, чем его предшественники, осознал необходимость вывода Марокко из изоляции и средневекового застоя. Ему удалось поставить под свой контроль действия корсаров, базой которых служили порты Сале и Рабат. В 1777 г. Сиди Мухаммед бен Абдаллах в разосланных циркулярных письмах к иностранным консулам сообщал, что корабли их держав «могут свободно входить в его гавани и пользоваться там всеми привилегиями, данными другим народам».

Циркуляр 1777 г. был доведен и до сведения российского правительства. Нештатный консул России в Гибралтаре англичанин Лидс Бут сообщил в Петербург о намерении султана Марокко подписать мирный договор со всеми теми европейскими державами, которые еще не имели консулов в Марокко. Среди этих держав была названа и Россия.

В 1778 г. Козляинов, тогда уже капитан 1-го ранга, будучи в Ливорно, вступил в переговоры с находившимся там марокканским посланником Мухаммедом бен Абд аль-Малеком. Последний подтвердил Козляинову дружеское расположение марокканского султана. Русский моряк, со своей стороны, сообщил о повелении российской императрицы Екатерины II дружественно относиться к марокканским судам. Обмен мнениями между марокканским и русским представителями состоялся через несколько дней через обмен письмами. Это первые официальные документы русско-марокканских отношений.

*Письмо капитана 1-го ранга командира фрегата
«Северный Орел» Т. Козляинова
послу султана Марокко в Тоскане
Мухаммеду бен Абд аль-Малеку
На борту российского фрегата «Северный Орел» —
на Ливорнском рейде.
5 апреля 1778 г.*

«Ея Императорское Величество моя всемилостивейшая Государыня Императрица и самодержица Всероссийская Екатерина Алексеевна по сродному человеколюбивому сердцу, Ея доброжелательству ко всему роду, человеческому, по особенной благоугодности пребывать в тишине со всеми народами, не устремляющимися нарушать спокойствие Ея подданных, и по желанию препрославленное столь победоносным оружием имя свое паче прославить еще кротостию и миролюбием, повелела мне, чтоб в случае встречи моей с судами Мароккской империи не только не оказывать им себя неприязнующим, но паче стараться наблюдать миролюбие и дружбу, вспоможествуя оным в случае какой-либо их надобности.

И хотя не имел я случая во все время плаванья моего по Средиземному морю встретить с судами нашими, оказать им повеленную мне ласку, однако ныне по приходе моем в Ливорну, имев честь по случаю найти тут вас, уполномоченно от Государя вашего Императора обою, не преминул во известие донести вам о сем Всеавгустейшей Монархини моей благоволении, уверяя при том, что и все наши мореходные корабли и суда в рассуждении сего равное со мною имеют поведение.

А как вы меня с нашей стороны словесно и письменно обнадежили, что Государь ваш Император Мароккской, Мухамед бен Абд сын Измаш, дал повеление во все места областей своей, чтобы для безопасного плаванья по Средиземному морю обоих наций, как Российской, так и Мароккской (хотя нет еще между оными положительного мира), суда Российския в случае зашествия в порты Его владения принимаемы были со всякой ласкою и со всеми теми преимуществами, коими пользуются союзные с ними народы. Того ради не сумлеваюсь я, чтоб о вышеписанной чрез меня объявленной миролюбивой воле Ея Императорскаго Величества Государыни моей не донесли вы Государю своему Императору, так как я, с моей стороны, не премину данное мне от вас письменное уверение представить к высочайшему Российскому Двору...»

Посол немедленно ответил.

*Письмо посла султана Марокко в Тоскане
Мухаммеда бен Абд аль-Малека
вице-президенту Адмиралтейской коллегии
Российской империи И.Г. Чернышеву
Ливорно, 13 апреля 1778 г.*

«Объявляю чрез сие Сиятельному Господину Кавалеру Тимофею Козляинову, командующему на фрегате Ея Величества Императрицы Всероссийской, что воля и желание Государя моего Мухаммеда бен Абдела — Бен Измаила (которому Бог да дарует победу) есть, чтоб наслаждаться миром вообще, а особливо со всеми главнейшими Европейскими державами, дабы подданные его и других дружеских Государей могли как морем, так и на сухом пути отправлять свободно купечество и чрез такой взаимный способ пользоваться возможными выгодами.

Но как между реченным моим Государем и Ея Величеством Императрицею Екатериною всероссийскою не постановлено еще таких условия, какия заключены с другими Европейскими Государями, и дабы сим способом наслаждаться совершенным миром, а обоюдныя подданные могли бы чрез торговлю доставить себе всякую льготу, для того и уведомляю я вас о повелении, которое имею я от Государя моего, и о Его в том желании, чтоб могли вы о том дать знать кому заблагорассудите, присовокупя к сему, что даже все под Российским флагом корабли, как военные, так и купеческие, могут безопасно во все гавани Королевства нашего, пользуясь преимуществами наравне с прочими Европейскими народами...»

Русские фрегаты «Св. Павел» и «Постоянство» доставили Мухаммеда бен Абд аль-Малека в Танжер. Л. Бут извещал из Гибралтара 14/25 мая 1778 г. о прибытии туда двух русских фрегатов из Ливорно. «На первом находился посол мароккский, бывший при испанском дворе со своей свитой, а на обоих судах насажены около 100 марокцев, бывших в полоне в Тоскане и которые теперь

возвращаются». Л. Бут сообщил, что «английский консул в Танжере представлял русских капитанов с прочими офицерами губернатору, коим весьма ласково приняты были».

В рапорте вице-президенту Адмиралтейской коллегии И. Чернышеву от 23 июля 1778 г. командир фрегата «Св. Павел» (подлинник найден в ЦГА ВМФ СССР) Н.С. Скуратов писал, что «7 мая 1778 г. фрегат с Мухаммедом бен Абд аль-Малеком и его свитой на борту, прибыв в Танжер, нашел повеление к танжерскому губернатору Его Величества мароккского императора о дружелюбном принятии и оказании нашим судам всевозможно ласки. А притом повелел дожидать его письма Ея Императорскому Величеству», а также графу И. Чернышеву: «Во время прибытия в Танжер и отбытия из оного была сделана честь пальбою из города из пушек, также показываемы всякие ласки, а на другой день, то есть 22 числа сего месяца, оттуда отправился и зашел... в Гибралтар — оттуда...отправляюсь по повелению господина Козлянинова для соединения с ним в Ливорно и по соединении означенные (письма) будут представлены... г-ну капитану Козлянинову».

Пока русские фрегаты стояли в Танжерской бухте, моряки вели подробные судовые журналы, описывая погоду, продовольственное положение, состояние судов, видимые происшествия и события на берегу. А погода была в основном ясная, матросы писали о «блистании звезд», о «тихом ветре», а также о том, что с берега получали, и еще о том, имелись ли больные и сколько их и от чего.

В вахтенном журнале фрегата «Св. Павел» Скуратов записал, что 21 июля ездил в Танжер, куда были доставлены письма Екатерине II и И. Чернышеву от султана Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха.

Дневники Н.С. Скуратова — это редчайший, наиболее ранний и подробный документ о Марокко XVIII в., обнаруженный в отечественных архивах. Из Танжера русские моряки увезли послание Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха Екатерине II, датированное 2 июля 1778 г. Сиди Мухаммед бен Абдаллах писал: «Мы посылаем к Вам нашу им-

ператорскую грамоту, во уверение Вас о нашем мире в дружбе на земле и на море, и когда Ваш посол приедет в наши области, мы тогда заключим и подпишем мирные статьи (с помощью божией) и ежели которые Ваши суда заблагорассудят приезжать в порты нашего владчества, то будут как приятели приняты, по верности нашего императорского слова. Вследствие чего и отправили мы уже наши императорские указы во все наши порты».

В архивах до сих пор не удалось найти ответного письма Екатерины II. Однако Л. Шенье в своих донесениях сообщал, что в августе 1780 г. марокканский султан назначил Мухаммеда бен Абд аль-Малека послом в Тоскану, Неаполь, Вену и Россию. В июне 1781 г. Шенье писал в Париж о возобновлении русско-марокканских переговоров, о планах направить посольство в Россию. Наконец, в июне же 1781 г. Шенье сообщил, что в мае 1781 г. султан получил письмо на арабском языке от императрицы Екатерины II из Леванта, извещавшее о прибытии посла, «уполномоченного заключить мирный договор и привезти консула для проживания в областях, подвластных марокканскому султану». Но затем эти сведения не подтвердились.

Известна более поздняя переписка русской императрицы с Сиди Мухаммедом бен Абдаллахом в 1782—1783 гг.

Миги истории

Копию грамоты императрицы Екатерины II султану Марокко Сиди Мохаммеду бен Абдаллаху подарил корреспонденту ИТАР-ТАСС известный в Марокко дипломат, в недавнем прошлом посол в ряде европейских стран Мохаммед бен Насер Ганнам. При встрече он сказал: «У меня есть для вас большой сюрприз». Им-то оказалась эта каллиграфически написанная грамота самодержицы всероссийской, опубликованная недавно в «Дипломатической истории Марокко».

В этом поистине бесценном документе, совершенном в Санкт-Петербурге и датированном 8 мая 1783 года, по-

сле перечисления титулов Великой Екатерины говорится, что «посол Ваш Мугамед Бен Абдыл вручил в Пизе нашему поверенному в делах статскому советнику графу Моцениго султанскую грамоту». «Усмотрели мы из оной с удовольствием, — пишет царица, — как благое ваше расположение сохранять всегда рачительно и твердо искренний мир и дружбу с империей вашею». Далее Екатерина II благодарит султана Абдаллаха за его высочайшее разрешение предоставить всем российским морским судам в марокканских портах режим наибольшего благоприятствования.

«Эта грамота, — сказал посол бен Насер, — один из тех бережно хранимых в МИДе документов, которые положили начало отношениям дружбы и сотрудничества между двумя странами и которые остаются таковыми по сей день». «Меня особенно радует, — продолжил он, — то, что у истоков этого благородного дела стоял мой прадед и полный тезка бен Насер Ганнам. Он был советником тогдашнего главы марокканского МИДа и чрезвычайного посла в России бен Слимана. Бен Насер в составе первого чрезвычайного посольства в Марокко в июле 1901 г. был принят в Большом Петергофском дворце российским императором Николаем II. И теперь я могу с гордостью сказать, что мой прадед стал чуть более ста лет назад первым «космонавтом», можно сказать Юрием Гагариным, который вышел на орбиту российско-марокканских отношений вместе с первой марокканской дипмиссией, посетив в 1901 г. Санкт-Петербург и Москву».

«Наша семья Ганнамов, андалузская по происхождению, — одна из старейших в Марокко, — отметил его правнук и потомственный дипломат бен Насер. — Прадед оставил своим потомкам, особенно моей семье, своеобразное наследство, восходящее к славным деловым связям двух монархий. Мы, Ганнамы, храним, например, несколько писем с российскими почтовыми марками, отправленными из Москвы и Санкт-Петербурга. В них прадед рассказывает о теплых приемах в далекой России, куда он добирался на пароходе, затем через Францию и

Германию по железной дороге в вашу страну. Но с особым тщанием мы храним российский самовар. Ведь мы тоже чаевники».

Бен Насер вынес в холл своей просторной с большим садом виллы на окраине Рабата и поставил на низкий арабский столик широкий, пузатый, серебристого цвета самовар из меди с длинным, как клюка, дымоотводом. На этой реликвии, высотой почти в половину человеческого роста, стоит чуть заметное клеймо: «Тула. Братья Петровы. 1850 год». Музейная редкость, да и только. Даже для сегодняшних туляков.

«Для моего прадеда и не могло быть лучшего подарка от императора Николая II. По наследству тульский самовар, — сообщил бен Насер, — перешел к нам. Но тоже не совсем просто. Когда умер последний дед лет сорок назад, детям осталось кое-что из имущества. Но одной из главных ценностей были три самовара. Два дорогих, скорее всего, французских из чистого серебра, и один медный — из России. Мне, как бы неприхотливому человеку, достался, на первый взгляд недорогой, зато настоящему царский самовар. И я, как видите, безумно счастлив». И бен Насер предложил посидеть у самовара за чашкой чая. Но только из традиционного марокканского железного чайника, из которого веяло ароматом зеленых листиков китайского чая с марокканской мятой.

Затем бен Насер достал из шкафа еще одну реликвию из России — миниатюрный Коран с позолоченной обложкой 1892 года. Она тоже из Санкт-Петербурга и тоже осталась от прадеда, с радостью сказал он. «Да хранит Вас и Вашу страну Аллах. Да пребудут долго добрые отношения с Россией. И уверен, они будут еще краше», — добавил с уверенностью правнук-дипломат прадеда-дипломата, верных друзей по жизни и истории.

Есть также ряд свидетельств, что между Россией и Марокко был подписан договор о мире и торговле. Так, признанный знаток русских архивов В. Уляницкий в книге «Русские консульства за границей в XVIII в.» указывал, что на пост нештатного консула России в Гибрал-

таре с 1787 г. был назначен Яков Симпсон. «От Симпсона донесение гр. Воронцову о заключении дружеского трактата с владельцем африканским для предохранения российского флага от опасностей, которым он ныне от барбарских (берберских. — *Ред.*) морских разбойников подвержен».

Эту версию поддерживает польский автор А. Дзюбиньский, считающий, что нет оснований не доверять сообщениям Симпсона. Вместе с тем, по мнению Дзюбиньского, договор о дружбе, подписанный Екатериной II и Сиди Мухаммедом бен Абдаллахом после переговоров 1783—1787 гг., в последующий период (по причине фактического отсутствия русского флота в Средиземноморье) не осуществлялся на практике.

Версию подписания русско-марокканского договора в 1791—1792 гг., т.е. после окончания русско-турецкой войны 1787—1791 гг., предлагал известный советский востоковед Б.М. Данциг. Поиски текста договора в архивах, начатые Б.М. Данцигом в 1950-х годах и продолженные в 1980-х годах, до сих пор не увенчались успехом. Упоминание о существовании трактата отсутствует в перечнях и списках договорных актов, заключенных Россией с иностранными государствами в XVIII в. О нем не говорится ни в одном из дипломатических документов об истории русско-марокканских связей, выявленных нами в отечественных архивах.

Имеются и некоторые соображения, доказывающие сомнительность факта подписания русско-марокканского договора, а именно шаткость положения российского торгового флота в Средиземноморье в конце XVIII — начале XIX в. и отсутствие политической стабильности в Марокко и вокруг него. В конце XVIII — начале XIX в. первоочередной задачей России на Востоке по-прежнему являлась нормализация взаимоотношений с Турцией. Частые вспышки враждебности между двумя странами в эти годы приводили к тому, что положения Кючук-Кайнарджийского договора о защите российских судов от пиратства и преимуществах в торговле на Средиземноморье постоянно нарушались.

Накануне вторжения Наполеона в Россию русскому правительству удалось выйти из войны с Портой; одна из статей Бухарестского мирного договора 1812 г. гарантировала России удовлетворение за убытки, причиненные подданным и купцам российского императорского двора корсарами правительств алжирского, тунисского и триполийского, а также рассмотрение всех жалоб, связанных с торговлей.

В 1815 г. на Венском конгрессе европейские державы решили силой оружия положить конец действиям корсаров. Исполнить это решение было поручено Англии. В мае 1816 г. в Петербурге получили сообщение о выходе эскадры адмирала Эксмаута в море к берегам Алжира. В мае-июне начались военные действия англичан против Алжира и Туниса. Эти события широко комментировались в отечественной прессе того времени.

Бей Туниса и Триполи подчинились требованиям Эксмаута, выдали пленных христиан и дали обещание запретить пиратство.

Алжирский бей ответил отказом. Он обратился за военной помощью к Турции. Пока Порта раздумывала, посылать ли ей свою эскадру, Эксмаут подверг бомбардировке Алжир, чем вынудил бея подписать договор, в силу которого воспрещалось пиратство, уничтожалось рабство христиан и даровалась свобода всем пленным.

Но, как утверждали европейцы, пиратские действия продолжались и в последующие годы, что послужило одним из предлогов для организации французским правительством экспедиции против Алжира. В 1830 г. французская армия высадилась на алжирском побережье и захватила Алжир.

Для России захват Алжира Францией означал дальнейшее осложнение в развитии связей с Северной Африкой. В начале 90-х годов XVIII в. внутреннее положение в Марокко изменилось. В 1790 г. закончилось царствование султана Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха. В 1790—1791 гг. усилились феодально-племенные междоусобицы, что приводило к беспорядку, грабежам, разорению, интригам, анархии среди племен. О внутренних

событиях в стране подробно сообщалось в Петербург русским консулом в Гибралтаре Я. Симпсоном в донесениях за декабрь 1791 — июнь 1792 гг. В 1792 г. на престол взошел сын Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха Мулай Слиман, правивший с 1792 по 1822 г. Новый султан, не в пример своему отцу, не проводил активной внешней политики. Пытаясь покончить с феодальной раздробленностью и отстоять независимость страны, он предпринимал попытки изолировать Марокко от внешнего мира. В период его пребывания у власти пришла в упадок торговля, ухудшилось финансовое состояние страны.

17/29 марта 1816 г. посол России в Лондоне Х.А. Ливен направил в МИД пространную записку о целесообразности установления прямых русско-марокканских отношений и учреждения в Марокко российского генерального консульства. Автором записки являлся некий Х. Кэйхилл, проживший 11 лет в Марокко, знавший местный диалект, а также государственных деятелей страны и утверждавший, что султан желает установить отношения с Россией. В сопроводительной депеше Х.А. Ливен писал, что, по его мнению, «изложенный в записке проект представляет значительный интерес для нашего департамента коммерции и заслуживает того, чтобы его довели до сведения правительства» его высочества императора. Предложение Х.А. Ливена вызвало интерес, о нем докладывали Александру I, но дальнейшего хода оно не имело. В письме Х.А. Ливену от 23 марта 1816 г. К.В. Нессельроде по согласованию с императором подчеркивал: «Швеция имела договоры с берберами и соглашалась платить им дань. Россия не согласилась и никогда не согласится на это, считая подобную уступку ниже достоинства великой державы». Наконец, в ответе на депешу Х.А. Ливена 12/24 августа 1816 г. К.В. Нессельроде отмечал: «...при таком положении император не может установить прямые связи с Марокко».

Пройдут годы, и русские дипломаты сделают вывод о том, что в 1830 г., в период начала колонизации Алжира, в сущности, на повестку дня международной жизни встал марокканский вопрос. Его основное содержание — со-

перничество между европейскими державами, прежде всего между Англией, Францией и Испанией, в завоевании Марокко.

Впоследствии история русско-марокканских связей в XVIII в. несколько раз напоминала о себе.

Любопытно, что екатерининский генерал А.В. Пущин, двоюродный дед И.И. Пущина, декабриста и друга А.С. Пушкина, имел среди всех своих регалий марокканские. Он не помнил, за что их получил, писал советский историк Н. Эйдельман, но очень гордился этими редкими в России наградами.

В 1907 г., когда Марокко оказалось на грани финансового банкротства, в казне не оказалось денег и нечем было платить жалованье солдатам, султан Мулай Абд аль-Азиз поручил слугам продать свою личную коллекцию монет. Русский поверенный в делах в Танжере писал тогда, что в ней имелись испанские дублоны 1808 г., всевозможные золотые монеты и даже... неизвестно каким образом очутившиеся несколько екатерининских золотых пятирублевого достоинства 1767 г.». Мы же видим в этом упоминание и подтверждение событий XVIII в., связанных с установлением дружественных связей между россиянами и марокканцами, символ нашей давней дружбы.

* * *

В любой истории прежде всего ценны и важны люди. Вот и в этом случае нужно обратиться к конкретным героям.

История русско-марокканских отношений немыслима без имени Александра Михайловича Горчакова (1798—1883), государственного канцлера и министра иностранных дел России. Того князя Горчакова, который был товарищем А.С. Пушкина по Царскосельскому лицей.

В бытность поверенным в делах России во Флоренции, А.М. Горчакова интересовала проблема средиземноморской политики России. Занимаясь вопросом обеспечения «национальных интересов торговли России в бассейне Средиземного моря», Горчаков обратил внимание МИД на выгоды от налаживания отношений и тор-

Александр Михайлович Горчаков, видный российский дипломат и государственный деятель, канцлер, светлейший князь, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного

говли в Марокко. Россия получила бы возможность опередить другие европейские державы и утвердиться на западной оконечности Магриба, у входа в Гибралтарский пролив.

В ту пору при флорентийском дворе находился Якоб Грабер де Эмсо, зять шведского посланника в Сардинии. В течение 15 лет он занимал пост консула Швеции в Триполитании, Леванте, Танжере. Грабер де Эмсо был широко образованным человеком, членом многих академий и научных обществ Европы. Его перу принадлежала книга «Скандинавия, отмщеная за обвинение ее в причастности к появлению варваров, сокрушивших Римскую империю», очерки об истории, политике и экономике средиземноморских стран. Книга о Скандинавии Грабера де Эмсо, присланная А.М. Горчаковым царю, была передана в библиотеку Азиатского департамента Коллегии иностранных дел России, в фондах которой, составляющих ныне один из отделов Центральной научной библиотеки МИД СССР, сохранилась и поныне.

В беседах с Грабером де Эмсо А.М. Горчаков неоднократно затрагивал проблему налаживания русско-марокканских связей. Установление отношений с Марокканским султанатом шведский дипломат считал необходимым условием будущего активного участия России в средиземноморской торговле.

Горчаков приложил к донесению составленную Грабером де Эмсо записку под названием «О необходимости и выгоде заключения мирного договора между Россией и Марокко, а также учреждения российского императорского консульства в Танжере».

Это объемистый, почти в 70 страниц, текст на французском языке, написанный стремительным неразборчивым почерком, мало похожим на каллиграфический почерк писаря.

Автор записки обращал внимание на то, что условия статей русско-турецких договоров, предусматривавших обеспечение безопасности плавания русского флота в Средиземноморье, не распространялись на Марокко. «Если бы не помощь и защита, оказанные одному русскому военному кораблю из Одессы, по полученному мною от султана в качестве консула государства, считающего Россию наиболее благоприятствуемой нацией, разрешению, то оно подверглось бы самым суровым ис-

пытаниям. Русские военные корабли с Балтики вообще не снабжены подобными фирманами (указами. — *Reg.*) и вследствие этого неминуемо подвергаются опасности, проходя дальше мыса Финистерре».

Грабер де Эмсо отмечал заинтересованность России в прямой торговле со странами Средиземноморья, а также неоднократные и небезуспешные попытки завязать эту торговлю.

В записке указывалось, что подписание договора о дружбе с Марокко и учреждение императорского российского консульства в Танжере необходимы не только для развития широкого экспорта российских товаров и для ввоза в порты Балтики товаров из стран, расположенных по побережью Средиземного моря.

В записке Грабера де Эмсо содержится множество ценных сведений. Он сообщал, что провел в Марокко семь лет, находясь на посту консула Швеции в Танжере. Он был уполномочен вести переговоры о заключении мирного договора между султанатом Марокко и королевством Сардиния. Зная все тонкости этого вопроса, а также изучив страну, шведский дипломат посчитал нужным «довести до сведения России ряд соображений и привести некоторые статистические данные на случай, если бы у русских возникло намерение прислушаться к его советам и установить официальные отношения с Марокканской империей».

Грабер де Эмсо уважительно отзывался о султани Марокко Мулае Абд ар-Рахмане — «подлинном наследнике престола и весьма способном управлять страной, обеспечить мир и спокойствие». Очевидно, достоинства Мулая Абд ар-Рахмана превозносились для того, чтобы убедить Петербург в стабильности внутреннего положения в Марокко, гарантирующей развитие нормальных консульских, а также торговых отношений с иностранными державами.

В заключительной части записки был помещен второй очерк для сведения правительства России, названный «Меры и расходы, требующиеся для заключения договора о мире с Марокко и учреждения российского императорского консульства в Танжере».

Записку Грабера де Эмсо называли «любопытным исследованием о варварской империи». Подробный анализ и истолкование ее содержания министерскими чиновниками свидетельствуют о том, что вопрос о Марокко в МИДе России рассматривался через призму русско-турецких отношений, а также о том, что в Петербурге знали о марокканской действительности пока еще немного и глядели на нее хотя доброжелательно, но через «русские очки».

Но какие бы старания ни прилагали в МИДе России, официальные власти Петербурга не сочли возможным поддержать предложение А.М. Горчакова.

С одной стороны, во внешней политике Е.Ф. Канкрин и некоторые другие представители российской дипломатии отстаивали австро-германскую ориентацию и не поддерживали активную политику России на Востоке, поощряя резко враждебное отношение Николая I к Турции. С другой стороны, состояние финансов и экономики феодально-крепостнической России в этот период не позволяло развивать широкую внешнюю торговлю. Российские промышленные товары не выдерживали конкуренции с товарами из Франции и Англии, в которых уже давно произошел технический переворот и полным ходом развивался капитализм. Россия проводила политику строгого протекционизма, Е.Ф. Канкрин не видел альтернативы этому курсу.

Потенциал морского флота России в начале XIX в. был еще слишком незначительным для того, чтобы осуществлять регулярные перевозки между Средиземноморьем, черноморскими портами и Балтикой. Россия вынуждена была ввозить товары из колониальных, в том числе и африканских, стран на иностранных судах. Такая политика хотя и не учитывала интересы России в перспективе, но приносила моментальные выгоды. А.М. Горчаков, напротив, отчетливо осознавал, что процветание российского государства в дальнейшем будет все больше зависеть от успехов России на Востоке, проявлявшихся не только в отношениях с Турцией, но и со странами Северной Африки. Понимание роли и значе-

ния восточной политики, в частности развития отношений с Марокко, Горчаков сохранил и в дальнейшем, когда стал министром иностранных дел и государственным канцлером России. Таким образом, А.М. Горчаков явился продолжателем политики Екатерины II, которая учитывала необходимость и полезность развития дружественных и мирных отношений со всеми, в том числе и малыми, государствами, а также большое значение, которое имело для России как великой державы развитие внешней торговли и мореплавания во всех уголках Средиземноморья.

Стране нужно было окно в Африку — такое же большое, как то, что «прорубил» Петр в Европу! Оно появится позже, а тогда, в 30—40-е годы XIX века, россияне читали книгу де Эмсо «Марокко: географическое и статистическое описание марокканской империи». Книга красочно иллюстрирована — это и гравюры с изображением Марракеша, Танжера, Рабата, Могадора, и портреты марокканцев. К книге была приложена большая, весьма четкая и подробная карта Марокко.

Книга о Марокко Грабера де Эмсо была широко известна в Европе в XIX в. В России долгое время она являлась единственным источником сведений об этой далекой стране. Подробное изложение ее содержания публиковалось в журнале «Библиотека для чтения» в мае 1836 г. Ссылки на нее имелись в журнале «Русский вестник», «Светоч» и в других.

Книга не утратила своей ценности и в XX в. Польскому исследователю Марокко А. Дзюбиньскому она служила одним из основных источников при написании истории Марокко в XVIII веке. Ее наверняка читали и следующие персонажи нашего повествования.

Кстати

В 40—50-е годы в России широко публиковались очерки и путевые заметки иностранных авторов, в том числе о Северной Африке. Печатались они в «Отечественных записках», «Современнике», «Морском сборнике», «Рус-

ском вестнике», «Вестнике Европы», «Библиотеке для чтения» и др. Так, в 1852 г. в «Отечественных записках» (т. 50—51) публиковались главы: «Путешествия Александра Дюма и компании в Тунис, Марокко и Алжир», впоследствии изданные отдельной книгой. Отец и сын Дюма в сопровождении художника Жиро и писателей Маке и Дебароля посетили в 1846 г. многие африканские города и населенные пункты. Путевые заметки А. Дюма отличались яркими зарисовками жизни и быта африканского населения и фольклорного искусства, включая самобытную музыку. В 1844—1845 гг. была опубликована книга об Африке французского писателя Жака Араго «Путешествие вокруг света» в двух томах. Л.Н. Толстой, находясь на Кавказе в 1858—1859 гг., прочитал африканские очерки А. Дюма и книгу Ж. Араго. Интерес к Африке, к арабским странам возник у Л.Н. Толстого в 40-х годах XIX в., в период учебы в Казанском университете на отделении арабо-турецкой словесности. Он начал изучать арабский язык, историю Африки, знакомился с книгами об арабских народах, их судьбе и культуре. Книга Ж. Араго разочаровала Толстого тем, что он не нашел в ней полной описания экзотики, достаточного уважения к местному населению. «Путешествие Араго очень не понравилось мне, — писал он в своем дневнике. — Оно проникнуто французской самоуверенностью как в ученом, так и в моральном отношении». К этому периоду относятся первые публикации в русской печати очерков и путевых заметок наших соотечественников, посетивших Северную Африку.

В 1845 г. поездку в Марокко совершил Василий Петрович Боткин, литературный критик и философ-западник (1811—1869), брат основоположника русской клинической медицины С.П. Боткина. Во время путешествия по Испании в августе — октябре 1845 г. Боткин воспользовался случаем, «завернул» из Гибралтара в Танжер, где остановился на четыре дня. В опубликованные им впоследствии путевые очерки под названием «Письма об Испании» был включен очерк о Танжере.

Письма об Испании и Северной Африке вызвали большой интерес у русских и зарубежных читателей. В 30 — начале 40-х годов XIX в. Испания, находящаяся на юго-западной оконечности Европы, была для большинства европейцев далеким экзотическим краем. Об Испании писали английские и французские писатели и путешественники. Их произведения были доступны русским читателям. Однако общей чертой публикаций являлось преувеличенно романтическое восприятие испанцев и их истории, прятавшее подчас недостаточное знание этой страны.

*Василий Петрович Боткин,
автор очерка о Танжере*

Путевые очерки Боткина выделялись на фоне испанистики тех лет. Он был представителем передовой творческой интеллигенции, человеком, наделенным тонкой поэтической натурой, счастливо сочетающейся с трезвостью и честностью суждений. В «Письмах» описаны не только туристические впечатления Боткина, но чувствуется его искреннее стремление понять испанскую и африканскую действительность, найти поэзию в гуще будней.

Испанские очерки Боткина удостоили высокой похвалы Белинский, Некрасов, Герцен, Гоголь, Тургенев, Дружинин, Чернышевский, Анненков, Фет и другие.

С восторгом отзывался о книге В.Г. Белинский. 4—8 ноября 1847 г. он писал Боткину: «Например, твои «Письма об Испании» были для нас находкою... Я скажу утвердительно, что их все хвалят, все довольны ими и нет ни одного против них голоса. Это успех. Ты теперь составил себе в литературе имя и приобрел в отношении Испа-

нии авторитет, пишет человек, выдавший Испанию собственными глазами, знающий ее язык, и пишет с умом, знанием и талантом, с умением писать для публики, а не для записных читателей и писателей».

Собственно, вдохновителем и заказчиком «Писем» был Н.А. Некрасов. В письме к В.П. Боткину 16 сентября 1855 г. он спрашивал: «Когда ты приедешь! Да не бросил ли ты опять в долгий ящик мысль об издании «Писем об Испании»? Нет, этого я не позволю. Привози книгу, готовую к печати, — надо выпустить к ноябрю. Я займусь этим делом с любовью, потому что уверен: окажу услугу публике». В другом письме от 16 июня 1856 г. Некрасов опять задал вопрос: «А что ж «Письма об Испании»? Сделай милость, пришли мне их... Чем тебя понудить?»

«Письма» стали первой серьезной русской книгой об Испании, ее охотно читали несколько десятилетий подряд как источник разнообразных сведений об испанцах, их обществе, нравах и культуре. В советское время «Письма об Испании» были высоко оценены Горьким, а также большими знатоками творчества В.П. Боткина академиком М.П. Алексеевым и филологом Б.Ф. Егоровым. Последнему, в сотрудничестве с А. Звигильским, мы обязаны переизданием «Писем об Испании» в 1976 г.

Если Испания была малоизвестна в России, то что же говорить о Марокко? В 30—40-х годах XIX в. эта страна была для русской публики, как, впрочем, и для многих европейцев, абсолютной *terra incognita*. Однако внимание передовой интеллигенции, представителей политических кругов все более и более привлекала активизация попыток Франции проникнуть в Марокко со стороны Алжира, широко освещавшаяся в русской прессе того времени. Автор «Писем» хорошо знал историю завоевания Алжира и был осведомлен о фактах бомбардировки Танжера и Мазагана, предпринятых французскими колонизаторами в 1845 г. Хотя отзвук этих событий и докатился до далекой России, откуда трудно было, не располагая нужными сведениями, понять, что же на деле происходило в Северной Африке: местный конфликт или очередной акт колониальной экспансии.

Танжерский очерк Боткина обогнал эту эпоху. Интерес к нему возрастал по мере вовлечения Марокко, других арабских стран в сферу международной политики и особенно проявился в России после испано-марокканской войны 1860 г., когда марокканский вопрос выдвинулся на авансцену европейской политики. Значение этого очерка в полной мере раскрылось в советский период, когда была исследована как социально-политическая сторона «Писем», так и система взглядов В.П. Боткина в целом.

После первого ознакомления с «Письмом из Танжера» складывается впечатление, что автор не собирался подробно анализировать мелькавшие перед ним картины. «Ведь он отправился в Танжер из любопытства», вызванного, прежде всего, тем сильным впечатлением, которое произвела на него арабо-испанская цивилизация, в частности Альгамбра. Он стремился увидеть во плоти и крови потомков древних властелинов Иберийского полуострова — мавров. «Вместо Малаги, — писал Боткин, — я попал в Африку. Танжер интересовал меня больше Алжира, который успел уже офранцузиться...»

От общих размышлений о Востоке Боткин перешел к марокканским впечатлениям. «Странное, горькое чувство охватило меня, когда я бродил по Танжеру, смотря на этих людей, полунагих, с печально-дикими физиономиями и величавыми движениями, запутанных в свои белые бурнусы, — на эту мертвенность домов и улиц, на эту душную таинственность жизни. ... Никогда не выезжая из Европы, я по этому одному клочку Африки предчувствую, что такие должны быть все эти города Турции, Египта, Персии, Аравии. Смотря на эту гордую осанку, на эти прекрасные лица, не верится, что находишься в стране беспощадной тирании. Попадались лица, которые трогали меня до глубины души своим грустно-кротким выражением. В этих глазах столько покорной печали, в этом долгом, задумчивом взоре Азии столько неги и глубины, что с недоумением спрашиваешь себя: за что же эти народы влачат такое тяжелое существование?»

Будучи поклонником эстетики романтизма, Боткин отдал дань зарисовкам экзотических сторон мароккан-

ской жизни, которыми в первую очередь увлекались европейские путешественники и которые стали типичными сюжетами литературы путешествий (в частности, Т. Готье, Э. Делакруа, А. Дюма и др.). Это мавританские легенды и сказки, описание жизни марокканских евреев, еврейской свадьбы, арабских скакунов, мусульманских праздников, дрессировщиков змей, андалузской и арабской музыки.

Но вопреки типичности сюжетов Боткин достиг примечательных стилистических и живописных удач, которые под силу только настоящему, талантливому писателю: «Никогда не забуду я этих величавых лиц мавров, в совершенном покое сидящих в своих маленьких лавках. При черных, лоснящихся бородах их прекрасные, белые, матовые лица имели в себе что-то прозрачное, как мрамор, когда сквозь него просвечивает солнце». Неповторимо по стремительному ритму фраз, их яркости и вместе с тем несовместимости описывает Боткин конную игру арабов «фантазию». Поистине мастерски нарисованы им картины природы: «легкая синева неба и моря»; «могучая» растительность окрестностей Танжера: «гигантские кактусы, алоэ, высокий тростник, индийские фиги, пальмы, гранаты, с пригорков, сквозь чашу зелени, просвечивала песчаная степь. Но как отрадно нежилась глаза темная зелень на ярком, золотистом фоне пустыни, облитой солнцем, без теней, на которой лазурною полоскою слегка обозначились далекие горы. Около городских стен находится сад, принадлежащий датскому консулу, весь из огромных апельсиновых деревьев, величиною с наши страны вязы». Русский литератор П.В. Анненков назвал боткинский стиль «замечательно умным и картинным».

В.П. Боткин был не единственным представителем этой известной русской семьи, посетившим Марокко. Пройдет более 60 лет, когда в 1908 г. в Танжер прибудет племянник В.П. Боткина — Петр Сергеевич Боткин. Это был сын его брата — известного русского медика. Петр

Сергеевич пробудет в Танжере на посту русского министра — резидента и посланника с 1906 до 1912 г. Безусловно, П.С. Боткину было хорошо знакомо творчество его дяди. Как знать, может быть, именно под его влиянием, а может, прежде всего потому, что еще муж его родной тетки, известный русский поэт Аф. Фет, находил у него способности беллетриста, племянник занимался литературной деятельностью. В 1930 году, оказавшись в эмиграции, он опубликовал в Париже книгу под названием «Картинки дипломатической жизни», где критично описал бюрократическую атмосферу царского МИДа, а также свои впечатления о работе в посольстве России в Вашингтоне, обмолвившись несколькими словами и о пребывании в Танжере.

В Танжере не раз побывал Анатолий Демидов (граф Сан-Донато, 1812—1870), отпрыск известного рода русских горнопромышленников Демидовых.

Не являясь самой выдающейся личностью в этой фамилии, граф привлек внимание как собиратель огромной коллекции, умножившей коллекцию произведений искусства, хранившуюся на приобретенной им знаменитой вилле Сан-Донато под Флоренцией. В Париже и во Флоренции он провел большую часть жизни.

Демидов совершил ряд интересных экспедиций, в частности в Крым, описанных в роскошно изданных им самим фолиантах. Путешествие в Танжер в сентябре 1847 г. запечатлено в двухтомнике «Морской путь вдоль берегов Испании», изданном в том же году на французском языке во Флоренции. Книга изысканно оформлена и иллюстрирована высококачественными гравюрами. В ней содержится живописное описание Танжера, видов на Сеуту с моря, марокканского побережья в целом. А. Демидов — это благополучный европейский турист, созерцающий природу и людей.

А сколько было русских писателей и других деятелей, мельком окинувших взором марокканское побережье, Танжер, проплывая на судах через Гибралтарский пролив в Средиземноморье или по Атлантике вдоль западного побережья Африки?

Такой мимолетный «взгляд», отмеченный легким живописным образом, описан в рассказе «Гибралтар» Н. Бестужева (1791—1855), вошедшем в его сборник, изданный в 1860 г. «Мы прошли в правой стороне Танжера; видели белые стены домов, минареты мечетей, вытасченные лодки...»

В 50-х годах И.А. Гончаров опубликовал обессмертившие его имя путевые очерки «Фрегат «Паллада», написанные во время его кругосветного плавания в 1852—1855 гг. Писатель рассказал о своем плавании от Испании вдоль Атлантического побережья Африки, не забыв, кстати, вспомнить и «Письма об Испании» В.П. Боткина.

* * *

Прошло без малого полвека с тех пор, как вышла книга Грабера де Эмсо, и вот в 1881 г. в Марокко совершил экспедицию известный русский путешественник, член Русского географического общества Константин Александрович Вяземский (1853—1909). Он оказался первым русским, побывавшим не только на побережье, в Танжере, но и во внутренних районах страны!

Вяземский путешествовал всегда верхом. «Если хочешь заехать в глубь страны, — писал он, — где только и можно увидеть нечто оригинальное, самобытное, то других способов передвижения нет, так как очень часто, кроме горных тропинок, никаких других дорог не существует».

Имя К.А. Вяземского до недавнего времени было почти забыто. Интерес к его деятельности как путешественника и исследователя вернули публикации В.А. Соколова. Он изучил дневники Вяземского, которые велись во время путешествия вокруг Азии. Часть из них нашла свое место на страницах журнала «Русское обозрение» в 1894 г. и в 1895 г., другая часть хранилась в архивах и была частично опубликована Соколовым. За два с половиной года Вяземский проехал всю Азию; начав путешествие из Монголии, он пересек Китай, Тонкин, Сиама, Кокхинину, Лаос, Бирму, Индию, Кашмир, Тибет, Туркестан, побывал в Самарканде, Бухаре, Тегеране и закончил пу-

тешество в Тифлисе. В.А. Соколову мы обязаны также изучением переписки К.А. Вяземского с Л.Н. Толстым, которая велась во время азиатского путешествия.

Но ничего практически не известно о его путешествии по Тунису и Алжиру. А ведь он проехал по маршруту из Турции в Сирию, Палестину, Синайскую пустыню, Египет и обратно через Кавказ в Россию. Он мечтал также в 1895 г. проехать всю Африку с севера на юг, от Египта до мыса Доброй Надежды, но не осуществил свой план. Сведения о жизни и деятельности К.А. Вяземского скудны. У него была довольно сложная судьба. Он относился к той ветви княжеского рода Вяземских, которая была связана с Тульской и Владимирской губерниями. «Цель своей жизни полагаю в путешествиях, в изучении земного шара в его разных частях во всех подробностях», — так определил свое жизненное кредо Константин Александрович. Такой жизненный настрой поставил его в конфликт с великосветским обществом, которое его отвергло. Он не получал поддержки со стороны Русского географического общества, членом которого стал, по-видимому, только в 1890 годах.

Научная деятельность К.А. Вяземского во многом связана с Европой, особенно с Францией. Он состоял членом Географического общества Франции, печатал свои работы во французской периодике, часто выступал с лекциями, в частности на международных конгрессах востоковедов.

Изнурительное путешествие по Азии, физическая усталость, нервные перегрузки, болезни, постоянные финансовые затруднения серьезно подточили его силы. В письме к своей кузине Н.М. Соллогуб из Аннама 10 мая 1892 г., написанном нетвердой рукой человека, страдающего лихорадкой, он сообщает о невероятных трудностях путешествия верхом по азиатским джунглям и просит прислать ему некоторую сумму, необходимую для того, чтобы довести до конца начатое дело.

В 1896 г. К.А. Вяземский поселился в русском Пантелеймоновском монастыре в Афоне, где и провел свои последние годы. Но и там его преследовали кредиторы.

Он продолжал вести переписку с Н.М. Соллогуб, сообщая ей о том, что определен библиотекарем в монастырскую библиотеку. Там, в хранилище бесценных рукописей, мог работать только высокообразованный человек. В эти годы Вяземский занимался и обработкой результатов своих экспедиций, публикуя статьи во французских научных журналах.

В «Известиях» Русского географического общества в рубрике «Журнал заседания Совета» 28 сентября 1891 г. сообщалось о поступлении от князя Вяземского семи рукописей «Путешествия в Марокко». Первые четыре рукописи были переданы на рассмотрение в отделение математической географии и физической географии, пятая и шестая — на хранение в библиотеку, а седьмая — в архив общества. Там она и находится до сих пор. Седьмая часть дневника называется «Путешествие в город Марокко» (Марракеш).

Марокканские впечатления и наблюдения русского путешественника необычайно интересны как едва ли не единственные в своем роде. Ведь туда, где проехал Вяземский, россияне не заезжали в течение нескольких десятилетий. Многие данные о Марокко, собранные путешественником, до сих пор представляют научную ценность.

Впоследствии во время путешествия по Азии Вяземский с теплотой вспоминал свои марокканские впечатления. А вид издали на марокканский город Мекнес с возвышающимися над ними минаретами напоминал ему Тулу с силуэтами церквей.

* * *

На протяжении всей второй половины XIX века Марокко продолжало привлекать русских путешественников. В 1860 г. в журнале «Библиотека для чтения» был опубликован очерк «Поездка в Могадор и Марокко» А. Сумарокова. Из Гибралтара он морем добрался до Могадора, пробыв здесь несколько дней. Сумароков описал свои впечатления от города и его окрестностей, природы, встреч с местным населением. Публикацию

очерка Сумароков объяснил стремлением удовлетворить растущий интерес русского читателя к «изучению далеких стран и их обитателей, к малоизвестным городам Марокко».

В 1883 г. очерк был переиздан в составе сборника «Картины Африки и Азии», имевшего также и второе название — «Мусульманский мир. От Марокко до Кульджи...» К этому времени А. Сумароков уже побывал в Алжире, Сахаре, Тунисе, получив, таким образом, возможность сравнить Марокко с этими странами.

Своими рассказами он опровергал бытовавшее в XIX в. утверждение о том, что Марокко является замкнутой страной. Это обычно отпугивало европейских путешественников и заставляло их объезжать западную оконечность Магриба стороной. «Вообще, — писал Сумароков, — здешний народ вовсе не так фанатичен, как о нем говорят, и даже ни в какой части Африки, не исключая и Алжирии, я не видел туземцев, дружелюбнее обращающихся с европейцами...»

Имеется в книге еще одна интересная деталь, дающая представление о дешевизне в Марокко 80-х годов. «Кстати, о здешней монете, — пишет автор. — Раз, желая дать около франка жиду, неотвязчиво пристававшему ко мне, я зашел в знакомую лавку и, не имея мелких денег, просил дать ему этот франк. Хозяин выдвинул ящик, полный мелкой туземной монеты, похожей на тонкие, неровно обрезанные и грязные кусочки меди, с едва видной надписью, и начал отсчитывать, пригоршнями насыпая их в поднятую полу рубашки моего жида, который был в восторге от такой щедрости. Зато и дешевизна здешних продуктов удивительна. Можно купить что-нибудь за два таких латунных кусочка, которые пригоршнями даются на серебряный франк».

В 1864 г. в журнале «Голос» был напечатан очерк поездки в Танжер за подписью «Вадим». Под этим псевдонимом публиковался Е.А. Салиас де Турнемир, писатель испанского происхождения, принявший в 1874 г. русское подданство. Будучи страстным путешественником, Салиас де Турнемир объехал всю Европу. В Танжер же

попал, вероятно, из Испании, т.е. обычным тогда для путешественников маршрутом. Отличительным свойством дарования этого писателя являлась бурная фантазия, порой разрушающая достоверность впечатлений. Это создает трудность в определении жанра путевых заметок, в которых попытка художественной прозы соседствует с точными наблюдениями. Писатель рисует сцены Танжера, марокканских базаров, экзотического быта европейского и арабского населения.

* * *

И еще несколько персонажей, уже упомянутых нами в предыдущих главах.

Известный русский путешественник, ученый-натуралист П.А. Чихачев совершил экспедицию в Северную Африку через Испанию в 1877—1878 гг. По материалам своего путешествия он написал большой труд «Испания, Алжир, Тунис», изданный на французском языке в Париже в 1880 г. Автор наряду с флорой Алжира и побережья Испании описал флору северного района Марокко.

Не менее знаменитый русский путешественник А.В. Елисеев останавливался в Танжере, возвращаясь из поездки по Африке в 1885 г. «Пароход пришел в Танжер, где Европа и Африка подходят так близко друг к другу, что с берегов Танжера и Сеуты видны не только скалы Испании, но и белые здания Тарифы. Танжер поднимается на склоны невысокого холма и весь утопает в садах и виноградниках». Александр Васильевич провел в нем только один вечер и отплыл в Лиссабон.

Таким образом, в художественной и мемуарной литературе, публицистике и ученых трудах России XIX в. накапливались знания и формировалось представление о далеком, но становившемся все более близким и понятным Марокко.

В последней четверти XIX в. Марокко посетил Василий Иванович Немирович-Данченко, русский писатель и журналист, брат Владимира Ивановича Немировича-Данченко, крупного советского театрального деятеля, одного из основателей МХАТа. Незаурядные личные ка-

Василий Иванович Немирович-Данченко, русский писатель и журналист, брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Автор многих работ по Африке

чества делали Василия Ивановича знаменитой фигурой в литературных кругах России. Его дарили своим вниманием А.П. Чехов, Л.Н. Толстой и другие русские писатели. А.П. Чехов называл его «талантливым писателем и превосходным человеком».

Лучшую же часть его творчества составляют очерковые произведения. Он обладал всеми качествами опытного журналиста, неутомимого путешественника, с гордостью называл себя русским glob-trotter'om. Исколесил всю Россию, побывал во всех странах Европы, на Дальнем и Ближнем Востоке, в районе Средиземноморья и в

Африке. В 1874 г. он был принят в члены Русского географического общества.

Владимир Иванович думал, что «у брата глаз, хватка, всяческая личность на подъем: и в буквальном смысле, ибо готов ехать за материалом, куда другой не соберется». Василий Иванович питал особую приверженность к Востоку. Возможно, он вынес ее из Грузии и Дагестана, где родился и где прошло его детство. Восточная тематика была всегда близка Немировичу-Данченко. Увлечение Африкой он отразил в книге «В Африке» — полиграфически превосходно выполненном издании с 300 рисунками. Путевые заметки служили основой для сюжетов сказок, легенд, повестей, в которых художественный вымысел тесно переплетался с реальными фактами и наблюдениями. Пример тому — его неоднократно издававшиеся сборники: «Под африканским небом. Очерки, впечатления, миражи и воспоминания» (СПб., 1896), «Под небом Африки. Путевые впечатления в садах Гесперид. Сборник очерков» (М., 1901), «Край золотого заката (очерки таинственного Магриба). 1. Львиные ночи. 2. В царстве солнца. 3. Африканские Афины» (М., 1912; Берлин, 1922) и другие.

Значительное место в этих книгах отведено Марокко, которое Немирович-Данченко особенно любил. Он побывал там дважды — при султанах Хасане I и Мулае Абд аль-Азизе. Осматривая достопримечательности Танжера, Рабата, Мазагана, Тафиальта, Феса, Мекнеса, Уаззана, Лараша, Тетуана, он не просто описывал то, что увидел. Он щедро использовал свое художественное мастерство и дар психологического проникновения, вдыхая поэзию, одушевляя историю и действительность великой исламской цивилизации Магриба. Жанр его произведений о Марокко — это художественный очерк. Находясь в эмиграции с 1921 г., Немирович-Данченко продолжал публиковать в русских эмигрантских и зарубежных газетах марокканские очерки: «В пустыне (из воспоминаний о крае золотого заката)», «Вечер в пустыне (из воспоминаний русского Glob-trotter'a)», «Песня белого Модагора», «Дворец Аль-Мансура (поэма-легенда)», «Тихий свет (из легенд марокканских евреев)» и другие.

«Край золотого заката» — наиболее интересная работа В.И. Немировича-Данченко о Марокко. Автор так объясняет выбор Марокко как цели своего путешествия: «Европа — будничная, давно утратившая оригинальные черты, знакома во всех подробностях. Удобная и скучная... Путешественники по так называемым культурным странам не знают глубоких и величавых, полных безбрежного спокойствия и царственной красоты впечатлений пустыни, океана, неизвестных, ненаследженных стран, медлительных караванов, ночлегов под открытым небом, под чужими созвездиями, пламенных закатов, странных городов и невиданных людей... Я, впрочем, неправильно употребил слово «путешественники». Какие же это путешественники? Пассажиры — да! Таинственные страны вечных миражей...».

Книга Немировича богата этнографическими зарисовками. Это и описания заклинателя змей, других фольклорных сцен, быта и нравов всех слоев марокканского общества. С каким лиризмом и задушевностью, как тонко и величаво описана красота марокканок и марокканцев, неповторимая природа этого края!

Несомненно, Немирович-Данченко внес свой вклад в распространение знаний о Марокко в России. Его художественные очерки способствовали — и, может быть, в большей степени, чем иные научные труды, — пробуждению в русской публике интереса к исламской истории и культуре.

Моссаки, москоу — так марокканцы называли россиян и Россию. Так называли и следующего нашего героя.

К. Скальский — русский путешественник, объехавший весь свет и опубликовавший десятки книг, посвященных путевым впечатлениям. В книге «Новые путевые впечатления (СПб, 1889) он описал свою поездку в Испанию с заездом в Танжер и Сеуту.

Скальский дал блестящую хронику будничной жизни обитателей бухты и города Танжера. «Никакого порта, разумеется, в Танжере нет, пароход останавливается за версту на рейде, и приходится по волнам, на «утлом челноке» ехать на берег. Теперь устроена маленькая

пристань, а то в отливе со шлюпки вытаскивали арабы пассажиров на плечах... Гостиница назначена для англичан, поэтому содержится в идеальной чистоте, в порядке и вообще очень удобна и даже недорого. Вид с балкона гостиницы — чудо. Это, пожалуй, самое интересное, что есть в Танжере. Горы красиво окаймляют залив, в гавани — оживление: сотни арабов и негров садятся в лодки для переезда на пароход, который подвезет их в Джидду, откуда они пешком проберутся в Мекку. На эту картину любуются жители и жительницы Танжера, сидящие неподвижно, как мумии, на корточках по стенам танжерских укреплений. Стены эти украшены старинными пушками и ядрами, достойными *pendant*, к той артиллерии, которая защищает испанские крепости и место коей скорее в военных музеях. Крутые скаты гор заросли кактусами, выше расположился город амфитеатром. Башни мечетей, покрытые майоликой и напоминающие архитектурой Жиральду (исп. Хиральда — всемирно известная башня собора в Севилье, сохранившая формы и лепные украшения старинного минарета, каковым она и была ранее), разноцветные флаги консульств, раздуваемые свежим ветром, и группы пальм оживляют белый фон городских зданий. На высоте помещается дворец императора»...

А вот картина базара в окрестностях Танжера, подобная той, которую описывал В. Боткин в своих «Письмах об Испании»: «Бедуины расположились со своими верблюдами, и женщины их, в белом, варят кускусу — род каши из проса; арабские декламаторы по целым часам распевают заунывно подвиги разных воителей; огромная толпа терпеливо слушает, но редко подает медные копейки; фокусники ловко фехтуют палками, а выстрелами из ружья разбивают пополам апельсины, воткнутые на высоких палках, всюду крики: балак! балак! (берегись), суэта, движение, торговля, в особенности водой, финиками, чесноком и дешевыми сладостями; ослы и водоносы кричат и режут на каждом шагу; столбы пыли покрывают все это, а солнечные лучи ярко освещают картину».

В Суете, писал К. Скальский, испанцы устроили место для испанских ссыльных. Тем не менее это достаточно привлекательный город. При благоприятных условиях он мог бы играть такую же важную роль в торговле, как и Танжер.

Вернемся на мгновение к творчеству В.И. Немировича-Данченко, чтобы узнать о другом русском страннике — Валерии И. Якоби. В книге «Край золотого заката», описывая рабатские «Врата правосудия», он отмечал: «От площади улицы пошире, в глубине одной что-то мерещится, сказочно величавое, белое на синем небе, в колоннах, от которых ложатся вперед голубые тени. Что это? Смотрю, знакомое. Боже мой, да ведь это наш Якоби когда-то так верно передал на своих, полных ярких красок тропического зноя, картинах Марокко. Неужели он был здесь, в Рабате, и зарисовал эту удивительную арку в путевой альбом? Колышется нежная зелень струящихся вниз веток с большими золотистыми цветами. Пряный запах их доносится сюда. На белой стене черный ворот колодца с длинной черной цепью. У входа сильные мавры, только не те, что на полотне у нашего художника. В волнах белого сквозного шелка, в зеленых чалмах...»

Лики истории

Подробных сведений о жизни и творчестве Валерия Ивановича Якоби (1834—1902), к сожалению, не имеется. В очерке В. Съедина «Якоби» говорится: «Почти каждый год художник совершал поездки в страны Южной Европы и Северной Африки (80-е годы XIX в.). В особенности его привлекали Испания, Алжир, Марокко, оазисы Сахары. Побывал он в Тунисе». К. Скальский в путевых заметках привел более веские доказательства того, что В. Якоби бывал в Танжере.

Якоби начинал свое творчество как реалист публицистического жанра. Это было в период 1850—60-х годов,

в эпоху зарождения и расцвета передвижников. Передовая русская интеллигенция высоко оценила его картину «Привал арестантов», возлагая на него большие надежды как на мастера жанровой живописи. В 1857 г. он был принят в Академию художеств, и его присутствие там, по словам художника В. В. Верещагина, приносило здоровое начало в деятельность этого консервативного заведения России. Под влиянием поездок в Западную Европу Якоби увлекся жанрово-исторической живописью в стиле классицизма. Он создал целую галерею полотен на темы истории Италии, Франции, а также России, что принесло ему мировую известность. Однако Якоби встретил резкую критику со стороны прогрессивной общественности России, объявившей его салонным художником и усомнившейся в истинности его художественного мастерства. «Задача, избранная Якоби, чисто художественная и сама по себе прекрасна, — писал Н. Ге, — но выполняет он ее без необходимого блеска». Современники считали, что изящное дилетантство характерно для всех его полотен.

Якоби мог посетить Марокко во время длительного пребывания на юге Франции и в Италии, куда в последние годы жизни его гнала болезнь легких. В Ницце он общался с В. И. Немировичем-Данченко и с А. П. Чеховым, по дружески относившимся к художнику — «милому человеку». Якоби обладал незаурядными качествами. Живой и подвижный, отличный ездовик и стрелок, он действительно занимался науками, сочинял острые, озорные эпиграммы и хлесткие сатирические стихи.

Отправляясь в Марокко, Якоби, возможно, испытывал нечто близкое к впечатлениям В. И. Немировича-Данченко, а также французского художника Э. Делакруа. Последний стремился в «Африку, к берегам, мечтая найти там первобытное чувство свободы, дикую и сумрачную грацию, отличающую людей, у которых легенды вместо истории, вместо гостиных шатры и вместо фиакров верблюды». Обуревавшие его чувства художник мастерски передал в своих знаменитых рисунках и живописных полотнах, посвященных Магрибу.

По свидетельству В. Съедина, в итоге поездок в Северную Африку Якоби написал много этюдов и полотен. Среди них «Каирская танцовщица» («Альмэ»), «Купальня тунисского бая», «Возвращение с охоты», «Нищие», «Свидание» и другие.

Художник собрал значительную коллекцию восточных костюмов, тканей, оружия, других предметов материальной культуры Востока. Все это вместе с работами Якоби хранилось в его мастерской в Петербурге и пошло с молотка после смерти художника. В каталоге аукциона значились: картины и этюды маслом «Голова верблюда», «Голова бедуина», «Всадник», «Палатка», «Пальма»; старинные арабские одежды, шитое по бархату серебром кабилское седло, «старинная палатка, шитая шелком по бархату Абделькадер», кабилская сбруя для лошади, марокканский кинжал, две марокканские шляпы, мавританский столик...

Большая часть коллекции и картин художника, по видимому, разошлась еще при его жизни. Последние годы Якоби провел за границей. Из переписки А.П. Чехова с Юрасовым, русским консулом в Ментоне, узнаем, что художник умер за границей в бедности. От него «ничего не осталось», и грузы собирали средства, чтобы поставить памятник на могиле.

31 октября 1897 г. А.П. Чехов писал из Ниццы А.А. Хотьинцевой: «Я гуляю, читаю, немножко пишу и много беседую с Немировичем-Данченко и с художником Якоби, который теперь здесь и в честь которого названа гие Ясоб». Возможно, под впечатлением воспоминаний своих друзей о поездке в Магриб Чехов загорелся желанием посетить этот удивительный край, ведь он всегда мечтал о далеких странствиях, много читал о путешествиях вообще, а в особенности перед поездкой на Сахалин в 1890 г. Готовясь к этой экспедиции, Антон Павлович подробно изучил множество исследовательских материалов, проштудировал все выпуски «Морского сборника», «Вестника Европы», «Русской старины» и других периодических изданий, где печатались научные и литературные

сочинения о путешествиях в Африку. Читал он и очерки кругосветного плавания И.Ф. Крузенштерна, Ю. Лисянского, А. Вышеславцева, в которых подробно описаны южные и другие районы Африки.

В 1897 г. в письме из Италии к друзьям и близким он упоминал о намерении отправиться в Африку. 24 ноября в письме А.С. Суворину он сообщал о его совместном с М.М. Ковалевским плане отправиться в Африку в январе 1898 г. 4 декабря в письме к В.М. Соболевскому писал: «Ведь в январе мы поедem в Алжир... Не приедете ли Вы? Поехали бы вместе в Монте-Карло, в Корсику, в Алжир». 27 декабря в письме Л.С. Мизиновой Чехов подтверждал: «В конце января или в начале февраля поеду в Алжир, Тунис», 4 января 1898 г. тоже сообщал А.С. Суворину: «Вот моя программа: в конце сего января или, вернее, в начале февраля я поеду в Алжир, в Тунис et Cetera». Но 9 января писал П.Ф. Иорданову о возникших проблемах: «Я рассчитывал уехать в Алжир и Тунис и пробыть там февраль и часть марта, но вдруг мои планы расстроились: вчера получил от своего спутника М. Ковалевского письмо (из Парижа: он там читает лекции); пишет, что заболел и не может ехать. Теперь не знаю, что делать».

В результате А.П. Чехов через Париж отправился весной в Россию. Зиму с 1899 по 1900 г. писатель провел в Ялте, в Ниццу приехал в декабре 1901 г. Но проект африканского путешествия не оставлял его воображения. 17 декабря 1900 г. в письме О.Л. Книппер Чехов подчеркивал: «Когда увидишь Льва Антоновича, то передай ему, что в Африку я не поеду теперь, а буду работать. Скажи ему, что Египет и Алжир я оставил до будущего года». Через месяц, 20 января 1901 г., в письме к жене Чехов признавался: «Меня уже потягивает из Ниццы, хочется уехать. Но куда? В Африку пока нельзя, потому что море бурное, а в Ялту не хочется». 24 января в письме ей же — опять об Африке: «Я все не еду в Алжир, потому что море бурно и мои компаньоны отказываются ехать... Пришел консул и советует в Алжир не ехать. Говорят, что теперь время мистраля». И, наконец, 26 января в письме

М.Ф. Андреевой: «Сегодня я уезжаю в Алжир, побуду там недели две, а потом в Россию».

Но все получилось по-другому. В начале февраля Чехов оказался в Риме, откуда выехал в Россию. Впоследствии он объяснил, что из Ниццы отправился в Италию, был во Флоренции и в Риме, «но отовсюду пришлось бежать, так как всюду неистовый холод, снег и — нет печей».

* * *

Совершенно особое отношение к Марокко и марокканцам сложилось у финского ученого с мировым именем Э. Вестермарка (1862—1934). Как русскоподданный, во время поездок в эту страну в 1898—1912 гг. он пользовался услугами генерального консула России в Танжере.

Э. Вестермарк был одним из крупнейших антропологов, социологов и философов своего времени. По определению видного западного антрополога К. Леви-Стросса, Вестермарк сыграл в области социологии в конце XIX в. такую же роль, как «мастера эпохи Возрождения в развитии мысли своего времени».

Диапазон научных интересов финского ученого был очень широк. Он считал, что должен заниматься не только кабинетными исследованиями, но находиться в гуще жизни. Вестермарк, начиная свою творческую деятельность, планировал многочисленные путешествия во все уголки света. Но, побывав в Марокко, он на нем и остановился, поскольку нашел здесь достаточно материала для подтверждения и развития своих гипотез. За три десятилетия научной деятельности Вестермарк пробыл в Марокко в общей сложности девять лет, проведя ряд исследований по проблемам антропологии, социологии, философии и психологии. Многие из них, проверенные на марокканском материале, оказались очень важными для понимания выработанной Вестермарком «концепции взаимосвязи между антропологией и фольклором, с одной стороны, и теоретическими взглядами к практическим исследованиям — с другой».

Вестермарк совершил первую поездку в Марокко в 1898 г., о чем упоминается в донесениях В.Р. Бахерахта. Ему было 36 лет, и ученый мир уже знал о его большой работе «История человеческого брака», опубликованной в Лондоне в 1891 г.

Лики истории

В апреле—июне 1907 года К. Петров-Водкин совершил двухмесячную поездку по Северной Африке (Алжир, Тунис), во время которой исполнил большое число рисунков, акварелей и этюдов маслом. В рисунках и акварелях пластические задачи порой отходили на второй план перед чисто практической целью — зафиксировать лица, типаж, облик арабов и негров, вид алжирских селений, интерьеры домов. За внешней свободой в этих листах чувствуется стремление к документальности, понятное для человека, попавшего в новый для него мир; отсюда некоторая их сухость. Этюды маслом живописны, хотя в большинстве своем решены в той же характерной для этих лет гамме оливковых, желтых, охристо-серых, коричневых, не вполне передающей яркое солнце юга. Есть среди них работы очень живые и сочные, показывающие, что во время этого романтического и не лишённого приключений странствия с этюдником по краю Сахары («...трудно описать тебе это величие и ужас пустыни») художник не только собирал материал для будущих картин и дивился на экзотику, но и с неподдельным воодушевлением писал желтую равнину песков, сочную зелень оазисов, незамысловатые жанровые сценки.

На основе привезенных из Африки этюдов и эскизов во второй половине того же и в начале следующего года Петров-Водкин создал несколько картин. Двумя из них — «Семья кочевников» (1907, собр. Н.А. Перфилова, Ленинград) и «Танец арабов» — он участвовал в парижском Салоне 1908 года. «Все время благодарю красавицу Африку за то, что она мне дала своей пустыней, пальмами и чернокожими», — резюмировал он в одном из писем по возвращении в Париж. Несмотря на успех этих

работ в свое время в Петербурге, теперь, в контексте всего творчества Петрова-Водкина, они не представляются особенно значительными, заметно уступая лучшим из африканских этюдов. Так, «Семья кочевников», «где среди кактусов дикарка-мать кормит своего ребенка, а отец работает вдали, где африканское солнце залило пальмы своим светом», кажется ныне прямолинейной по замыслу, несколько сырой по композиции и весьма нецельной в живописном отношении.

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, российский и советский живописец-символист, график, теоретик искусства, писатель и педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР

Как бы то ни было, поездка в Африку всколыхнула в Петрове-Водкине его всегдашний интерес к людям иной цивилизации, к иному характеру пейзажа.

Русские, заброшенные судьбой в Марокко, принадлежали к самым разным сословиям — от представителей «простого народа» до потомков самых знатных семей России: Шереметьевых, Толстых, Игнатьевых, Долгоруких, Урусовых, Оболенских... Офицеры Русского Императорского флота, разоруженного в тунисском порту Бизерте, разъехались оттуда по всей Северной Африке. Именно ими были построены все порты в Марокко в первые годы французского протектората. В 20—30-е годы только в Рабате проживало пять тысяч русских, а по всей стране их было более 30 тысяч.

В 1926 году небольшая группа русских православных города Рабата по почину бывшего капитана артиллерии Александра Стефановского основала общество под названием «Православная церковь и русский очаг в Марокко». В 1927 году сюда приехал иеромонах Варсоно-

фий (Толстухин), валаамец, назначенный на должность настоятеля здешнего прихода митрополитом Евлогием (Георгиевским). Русская колония в Марокко хранит предание о том, как вскоре после прибытия православного священника к нему явилась делегация от берберов, коренного населения страны, чтобы приветствовать служителя веры, исповедовавшейся их далекими предками.

Под руководством отца Варсонофия в Рабате началось становление церковной жизни. Богослужения совершались в деревянном бараке, принадлежащем муниципалитету. Собирались средства на постройку храма, однако приобрести землю никак не удавалось. И вдруг происходит чудо: в 1927 году араб-мусульманин Шериф Хусейн Джебли, женатый на православной русской, в благодарность за молитвенную помощь, оказанную ему во время его тяжелой болезни отцом Варсонофием, фактически подарил общине земельный участок на окраине района Баб-Тэмара, оформив купчую на символическую сумму в один франк. При поддержке всего русского зарубежья на этом участке был возведен храм, увенчанный куполом в мавританском стиле, а позднее, в 1931 году, и колокольня, сооруженная на личные средства бессменного церковного старосты Александра Стефановского. Осенью 1932 года митрополит Евлогий, приехав из Парижа, освящает храм, возведя иеромонаха Варсонофия в сан архимандрита.

Православная община в Марокко, помимо официального статуса религиозной организации, имела также статус культурно-просветительский, именуясь «Русский очаг в Марокко». Приходской хор устраивал концерты в разных городах страны, в которых участвовали и французы, тянущиеся к русской духовной культуре.

Долгие годы регентом хора был Петр Петрович Шереметьев — потомок славнейшей аристократической фамилии, после окончания учебы в Париже приехавший в Марокко в качестве специалиста по сельскому хозяйству. Его супруга, Марина Дмитриевна, восьмилетней девочкой вместе с родителями покинула пределы родины. Ее отец, генерал Левшин, командовал придворными кавалергардами. После октябрьских событий 1917 года

семья царского генерала оказалась на греческом острове Лемнос, где Левшины, по словам Марины Дмитриевны, «думали уже сложить свои косточки». Но помогла бабушка из знаменитого рода Голенищевых-Кутузовых, лично знавшая английскую королеву, благодаря которой семья смогла перебраться в Париж. Здесь Марина встретила Петра Петровича Шереметьева. На следующий день после свадьбы молодые уехали в Марокко. (Мы расскажем о них ниже.)

Большим другом семьи Шереметьевых был граф Михаил Львович Толстой. Когда-то отец этого скитальца, писатель Лев Николаевич Толстой, учась в Казанском университете, увлекался экзотическими африканскими странами. А вот сыну довелось обрести вечный покой в одной из них — Марокко. Он умер в 1944 году и похоронен на христианском кладбище в Рабате, где много русских могил: князья Долгорукие, Трубецкие, граф Владимир Алексеевич Игнатьев, ближайшие родственники освободителя Болгарии генерала Иосифа Гурко. Его внучка, монахиня Мария (Гурко), уроженка Рабата, является верной помощницей правящего архиерея Корсунской епархии в Париже.

После кончины отца Варсонофия в 1952 году в храме служили разные настоятели. Архимандрит Владимир (Багин), по воспоминаниям прихожан, был «общительный, жизнерадостный и деятельный человек, долгое время работавший в доме известного французского писателя и летчика Антуана де Сент-Экзюпери».

Кстати, сам Экзюпери неоднократно посещал

*Антуан Мари Жан-Батист
Рожер де Сент-Экзюпери,
французский писатель
и профессиональный летчик*

Воскресенский храм, о чем свидетельствуют архивные записи, — ему очень нравилось русское церковное пение. Сменил отца Владимира протоиерей Александр Беликов, до этого — профессор философии в Белграде.

Многие известные священнослужители окормляли православных верующих в Марокко, и среди них — архимандрит Лев (Церпицкий, ныне архиепископ Новгородский Старорусский), архимандрит Гурий (Шалимов), ныне также епископ. В мае 1997 года, в неделю женомироносиц, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл посетил храм в связи с 70-летием со дня его основания и совершил в нем Божественную литургию.

Сегодня православный приход в Рабате продолжает жить своей размеренной жизнью. Правда, русских прихожан осталось совсем немного. Но, в отличие от советских времен, и русские дипломаты, и сотрудники торгпредства посещают храм, и некоторые поют на клиросе.

На богослужения приходят также православные сербы, болгары и румыны. Есть даже православные ливанцы. Все они обретают утешение и отраду под сенью святого храма, воздвигнутого нашими благочестивыми соотечественниками, пишет протоиерей Геннадий.

Отец Геннадий (в миру Геннадий Николаевич Героев) рад каждому, кто приходит в храм, где он служит вот уже три с половиной года, находясь в Марокко, выражаясь светским языком, в командировке. До этого он окормлял православную паству в Бразилии, Чили, Аргентине. Знатор европейских языков, коренной москвич, батюшка по-современному подвижен, любознателен, эрудирован. По дороге на кладбище рассказывает всем желающим о культуре и традициях марокканцев и о русских, ставших неотъемлемой частью истории Марокко.

По рассказам коренных жителей, первая могила русского христианина появилась в Марокко почти сто лет назад в порту Танжер. Там и поныне покоятся останки скончавшегося от ран корабельного священника отца Афанасия, который служил на крейсере «Аврора», входившем тогда в состав Тихоокеанской эскадры.

Маленькая православная часовня в Рабате еще раз доказывает, что русская эмиграция — не абстракция. Здесь похоронены те, кого называют отцами-основателями русской общины, кто взял на себя подвижническую миссию — не только объединить диаспору, но и наладить ее быт, сделать жизнь в непривычной стране осмысленной и полезной. Они приобрели на свои личные сбережения землю в Рабате и построили храм, открыли Русский центр, где собирались все, кому была интересна богатая история загадочной России.

В 1930 году известный литературовед русского зарубежья Илья Фондаминский в одной из своих статей писал: «Неужели миллион русских людей, не добровольно, во имя личных интересов, покинувших свою родину, а насильственно брошенных в изгнание, не найдут в себе моральной крепости и стойкости не потерять своего лица, не рассыпаться на миллион пылинок, не слиться с народами, которые их в изгнании приютили? Воистину, если бы это было так, это свидетельствовало бы о культурной дряблости русского народа и его исторической обреченности. Разумеется, так не должно быть и так не будет».

Так и не случилось. Русские сохранили свое лицо в далекой Африке.

Кстати

Среди скромных могил вдруг вырос мраморный мавзолей, утопающий в цветах и пальмах. В прочитанное на плите не верилось — здесь похоронен печально известный заирский диктатор Мобуту, нашедший убежище в Марокко; король Хасан II слыл миротворцем. Чернокожий Мобуту был католиком, потому и похоронен на христианском кладбище. Но немилостивым оказалось Марокко для другой эмигрантской семьи — болгар Кавраковых. Каждый день вот уже седьмой год приходит на кладбище Яна, дочь фрейлины последнего болгарского царя Бориса, и Иван — инженер.

Отец Геннадий поведал трагическую историю своих прихожан. Их 20-летний сын — единственная надежда

и смысл существования — умер на операционном столе под ножом неумелого хирурга, но счет за операцию все же был выставлен — 120 тысяч долларов. Кавраковы не имеют права покинуть Марокко, пока не вернут долг.

Корреспондент ИТАР-ТАСС Л. Перкина еще застала в живых 92-летнюю графиню Марину Дмитриевну и ее 68-летнюю дочь Прасковью Петровну — отпрысков знаменитого рода Шереметьевых, живших в Рабате, столице королевства Марокко.

Потомственная графиня Прасковья Петровна принимала журналистов в особняке в небольшой сосновой роще на окраине Рабата. Прихожую украшают картины известных африканских и французских абстракционистов. 20 лет держала она эту галерею, а помогал ей муж, французский архитектор Патрис де Мазьер, построивший вместе с отцом и дедом лучшие здания в марокканской столице.

Хозяйка принесла фолианты в кожаных переплетах — переписку Петра Великого с полководцем Борисом Петровичем Шереметьевым. Показала графиня подлинные письма полководца Кутузова из Иерусалима о пребывании в святых землях.

Выросшая за пределами России, графиня Прасковья говорила по-русски свободно. «Мы, Петровичи, дети Петра Петровича Шереметьева, правнучки Сергея Дмитриевича, родились в Марокко, — рассказывала она. — Почему в Марокко... А вот так. Когда нашей бабушке пришлось оставить Москву в 1924 году, после того как их выселили из дома на Воздвиженке, где они жили под охранной грамотой Ленина, она навсегда уехала в Париж. Из Франции мой отец, учившийся в школе агрокультуры, отправился на практику в Марокко, да так и остался в этом королевстве».

«Русских здесь уже было много, — продолжала Прасковья Петровна, — и из разных сословий. Все это были талантливые люди, по достоинству оцененные султанами. Они строили морские порты, маяки, железные дороги. Ходили в построенную русскими в Рабате церковь и

молились за спасение России, в великое будущее которой мы верим. По праздникам ели борщ, который разливали священники, сидевшие во главе стола в садике при храме. И, конечно, дети всегда ждали с нетерпением Рождества и Пасхи.

В нашем рабатском доме много занимались музыкой. У мамы, в девичество Голенищевой-Кутузовой, был прекрасный голос. Папа играл на виолончели еще в Москве, где он учился в Гнесинском училище в одном классе со знаменитым Арамом Хачатуряном. Брат папы, Николай Петрович, был первой скрипкой в театре Вахтангова.

Вторую мировую войну встретили также в Рабате. В те годы отец был грустен. Затем, радуясь победам россиян, он передвигал флажки на карте.

И все же вокруг нас существовал другой мир. Мы жили во французской среде, окруженной арабской страной. Белые джалабы (халаты в виде длинных рубаш), цветастые женские кафтаны вперемежку с нашими кокошниками и сарафанами. Были всегда в ладу с арабами, мусульманские праздники перемежались с христианскими. Арабские слуги начинали говорить по-русски, а мы — по-арабски...»

«Так жили мы, поддерживая частичку русского духа, хотя, конечно, уже стали наднациональными, людьми нескольких миров, — заключила свой рассказ графиня. — Есть чувство некоторого одиночества. Но что ж горевать... Наша жизнь продолжается в думах о России».

По удивительному стечению обстоятельств графиня Прасковья Петровна Шереметьева вышла замуж за француза Патриса де Мазьера, из семьи известных в Африке архитекторов, 2 марта 1956 года — в день провозглашения независимости Марокко. В этом королевстве они 45 лет вместе шагали по жизни. Примечательно, что француз и русская не только родились и поженились в Рабате, но и очень много сделали для столицы Марокко.

Прасковья Петровна, выступая в качестве гида, говорила: «Да, удался союз Шереметьевых с де Мазьерами. Что-то французы дали мне и Рабату за годы счастливой жизни, что-то я им. Стремясь ввести меня в мир архи-

тектуры, Патрис в первые дни нашего знакомства подарил мне книгу великого русского Василия Кандинского о духовности в искусстве. Это произвело на меня сильное впечатление».

Непросто начиналась наша совместная жизнь, вспоминает графиня. Мать Патриса, мадам Берта, была против брака с «какой-то русской», тем более что я — православная, а де Мазьеры — католики. Но Патрис пошел мне навстречу, и мы венчались в Русской православной церкви Воскресения Христова в Рабате. Патрис после объявления независимости Марокко, в отличие от большинства французов, не уехал из Рабата, а много работал. Вместе с ним росло и строилось суверенное королевство, которое нуждалось в таких классных специалистах, как мой супруг, его отец и дед.

Нашла свою стезю и я, когда выросли дочери Екатерина и Наталья. До недавнего времени в Рабате была очень популярна моя художественная галерея «Ателье». В ней выставлялись известные африканские и французские художники. В новом комплексе, сооружаемом Патрисом, я задумала открыть первую в стране детскую библиотеку.

Еще хочется сказать, заметила графиня, что и мой отец Петр Петрович, ныне покойный, и я мечтали вернуться на родину. В первые месяцы вынужденной эмиграции в 1924 году думали, что поворот истории в России будет недолг и мы вернемся в свои имения. Но пришлось работать в Африке. Так, в Фесе, королевской столице страны, еще дед Патриса построил знаменитый колледж, из которого вышли почти все министры Марокко. Работают теперь они в зданиях, сооруженных Патрисом. А ведь мы могли бы потрудиться с пользой у себя дома, в Москве и Санкт-Петербурге. Я и Патрис, чьи предки строили железную дорогу в Крыму, горячо любим Россию».

Прасковья Петровна дожила до времени, когда появилась возможность вернуться в новую Россию, а вот Мария Дмитриевна скончалась в 2001 году, но незадолго до кончины, в 1998 году, Мария Дмитриевна получила российское гражданство, чем очень гордилась. В Ма-

рокко же друзья ее звали «красной графией», а причина тому простая — она успела дважды побывать в Москве и Санкт-Петербурге.

* * *

А теперь мы возвратимся к запискам советского дипломата Ю.В. Луконина, долгое время работавшего в Культурном центре в Марокко, собравшего интересный материал о русской эмиграции.

«В моей роте около сорока человек русских... У меня, между прочим, замечательный русский хор... Есть и солисты. Два у меня тут солдата, совсем не могут вклеиться в эту обстановку, один барон Т., нежный блондин, мягкотелый, никак даже до капральского чина достукаться не может, поет цыганские песни, а другой длинный и худой молодой господин в очках, сын помещика Орловской губернии, поет песенки Вертинского: «Твои пальцы пахнут ладаном, ты видишь эту картину... в горах Среднего Атласа, одетый в шинель legionера, закрыв глаза и раскачиваясь, кто-то с надрывом поет о пальцах, пахнущих ладаном...» Как вы думаете, кто мог написать эти строки». Ни за что не догадаетесь, их автор — Зиновий Пешков и адресованы они Максиму Горькому в феврале 1924 года... Но все по порядку.

Как мы уже говорили, автор записок в 1964—1967 гг. работал в Марокко в Советском культурном центре. Он имел возможность наблюдать изменение отношений советских официальных инстанций к выходцам из России, сравнивать с тем, что видел несколькими годами раньше в Египте. А изменения были заметными.

О запретах, ограничениях контактов с русскими эмигрантами больше не говорилось. Однако о каждом случае, о содержании разговора, характере встречи рекомендовалось сообщать соответствующему сотруднику посольства. Каждый, кто работал тогда в том или ином советском заграничном учреждении, знал, кому и что «положено», а кому и что «не положено». Более того, о таких «кадровых нюансах» в советских учреждениях в Марокко, похоже, догадывались и члены русской общины.

В силу должностных обязанностей автору неоднократно доводилось сталкиваться с эмигрантами из России. Многие из них навещали в Советский культурный центр. Обычно они приходили туда с просьбой дать им что-нибудь из новинок художественной литературы. В первую очередь просили толстые журналы — «Новый мир», «Знамя», «Неву». При этом высказывали удивительную осведомленность о том, что уже вышло или готовилось выйти в свет в Москве или Ленинграде, пишет Ю. Луконин. Получив в дар книги или журналы, они благодарили и приглашали в гости. Но тут срабатывало незримое табу: заведующий культурным центром, коим был пишущий эти строки, воспользоваться приглашением не мог, ибо не принадлежал к категории работников, кому было «положено» вступать в более тесные контакты с эмигрантами. В итоге так и не удалось поговорить запросто, по-человечески. Невидимая стена отчуждения продолжала существовать. Десятилетия взаимного непризнания и неприятия в то время не позволяли ее разрушить.

По случаю годовщины Октября посольство устраивало официальные приемы. На них приглашали и некоторых членов русской общины. Одной из наиболее колоритных фигур среди приглашенных был отец Владимир — настоятель небольшого православного храма, построенного на средства прихожан. Бывали на приемах и господа: Башкиров, владелец консервных заводов, Игнатьев (брат известного генерала), возглавлявший крупную строительную фирму, Полев, врач-офтальмолог, и другие местные русские. Советское посольство устраивало помимо основного также отдельный, как бы неофициальный, прием для эмигрантов — обычно 13 ноября.

На одном приеме присутствовал бывший штабс-капитан, воспитанник знаменитого Александровского военного училища, что на Знаменке, в самом сердце старой Москвы. Того самого училища, которое окончили в свое время Александр Куприн и Борис Зайцев. Запомнился рассказ штабс-капитана — живой, непосредственный, одобренный множеством бытовых деталей. Женат

он на француженке, дочери богатого дореволюционного домовладельца в Петрограде. В Гражданской войне не участвовал: уже в середине 1918 г. эмигрировал вместе с семьей во Францию, но жилось там трудно, особенно в пору экономических потрясений. В начале 30-х годов семья последовала примеру некоторых соотечественников, решивших перебраться из метрополии в Северную Африку. Поверили рекламе, изображавшей страны Магриба эдаким подобием земного рая, и остановили свой выбор на Марокко.

На месте все оказалось иным, чем рисовалось в воображении. Ведь в Марокко в то время ехали не только русские, но и французы, испанцы, итальянцы, греки, выходцы из других европейских стран, которых выталкивали из родных мест экономические неурядицы. Власти французской и испанской зон (страна тогда была разделена), естественно, оказывали предпочтение соотечественникам. Французы и испанцы были более обеспеченными в материальном отношении, являлись носителями культуры, которую обе метрополии насаждали на марокканской земле. К тому же они были лучше организованы (партии, ассоциации, землячества; например, в бывшей французской зоне и в 60-е годы все еще можно было наблюдать деятельность землячеств, объединявших выходцев из Нормандии, Бретани, Жиронды, Прованса, Бургундии). Если требовалось защитить свои интересы, оказать давление на местную администрацию и даже на парижские или мадридские власти, то французы и испанцы делали это, будучи уверенными в успехе. Что касается русских эмигрантов, то им приходилось вести самую настоящую борьбу за существование. В поисках работы они разбредались по всему Марокко — от Танжера и Уджды на севере и до Агадира и Марракеша на юге.

Бывший штабс-капитан сам заговорил о возможности возвращения на родину. Большая часть эмигрантов любила Россию, переживала за нее, особенно в годы Второй мировой войны. Некоторые участвовали в боях в рядах союзников и в составе Французской африканской армии (ФАА), освобождали Северную Африку и Францию.

Но многие, подчеркивал собеседник, не принимали советский режим, боялись его, хотя и не чувствовали себя в чем-то виноватыми. Да и родственные связи многие эмигранты утратили. Они опасались, что, вернувшись на родину, не справятся со многими проблемами экономического, социального да и психологического плана: жилье, пенсии, адаптация. А вечный вопрос об отцах и детях? Молодежь успела воспринять иные ценности, жила в другом мире. Молодые люди считали себя французами, испанцами и хотели ими оставаться.

* * *

Интереснее всего оказались судьбы русских военных. На них Ю. Луконин останавливается подробнее.

В 1918 г. остатки Русского экспедиционного корпуса (так называемый Русский легион, часто его путают с Иностранным легионом) были даже влиты в 1-ю Марокканскую пехотную дивизию французской армии и в ее составе в ноябре 1918 г. дошли до поверженной кайзеровской Германии. Но и другие россияне, например мирные жители Одессы и Севастополя, тоже сталкивались с марокканцами. Дело в том, что в 1919 г. несколько тысяч магрибинцев (алжирцев и марокканцев) были участниками недолговременной французской оккупации некоторых районов Причерноморья. Короче говоря, прибывшие в Марокко из вздыбленной революциями и войнами России осматривались, припоминали все могущие оказаться полезными сведения о стране и арабском мире и понемногу обустранивались на новом месте.

О русской колонии в Марокко, существовавшей и до Первой мировой войны, мы располагаем лишь отрывочными сведениями. Собственно, говорить о колонии до 1914 г. можно было с большой натяжкой. В Танжере, например, где располагались дипломатические представительства, жил всего один российский подданный — врач, работавший в местной французской больнице. К 1914 г. число подданных России несколько увеличилось. В Танжере жил сотрудник миссии, в Фасе — золотых и серебряных дел мастера, в Касабланке — еще несколько рос-

сиян. Вот почему петербургские власти поначалу спокойно доверяли защиту интересов Российского государства в Марокко дипломатам из Швеции, Испании, Франции.

Времена, однако, менялись, и в 1897 г. в Танжере появился генеральный консул России. В 1909 г. генеральное консульство было преобразовано в миссию и тем самым уравнивалось со статусом представительств других держав. До 1912 г. миссию возглавлял П.С. Боткин (племянник В.П. Боткина), имевший ранг посланника. Но в 1913 г., уже в годы французского протектората, ее снова объявили генеральным консульством. С этого года дипломатические отношения России и Марокко осуществлялись через российское посольство в Париже и Бюро генерального резидента Франции в Рабате. После 1917 г. между Россией и Рабатом долгое время не было никаких официальных отношений.

Первый поток беженцев, эмигрантов, противников большевистского режима и просто не согласных с новыми порядками на родине Марокко не достиг, остановившись в соседнем Алжире. Тем не менее уже в 1921 г. и в Марокко появились русские. Речь идет о завербованных в ряды французского (а позже и испанского) Иностранного легиона. Массовая вербовка бывших деникинцев и врангелевцев во французский Иностраннный легион началась в самом конце 1920 г. Проводилась она в Турции, куда устремился главный поток беженцев с Северного Кавказа, Украины, из Крыма. При заключении контракта сразу выплачивались 500 франков — сумма по тем временам значительная. Контракт сулил сытую и беззаботную, как казалось, жизнь и, будучи продленным, давал право на приличную военную пенсию и ряд других льгот. Минимальный срок службы устанавливался в пять лет; по обоюдному согласию он мог быть продлен до 10 и даже 15 лет. В январе 1921 г. первые завербованные были размещены в учебном лагере близ Константинополя, где провели два месяца. Затем их партиями стали отправлять в различные французские владения. Первая партия из 300 человек 23 марта 1921 г. отбыла в Алжир, где в городе Сиди-Бель-Аббес (департамент Оран) находился глав-

ный центр Иностранного легиона, дислоцированного в основном в Магрибе.

Позднее, в 20—30-е годы, Иностраннный легион (французский и испанский) пополнялся за счет русских военных, прибывавших из Западной Европы, с Дальнего Востока, а также из различных стран Африки. Спрос на бойцов бывших белых армий возрастал в те годы, когда в той или иной стране, находившейся под властью Франции или Испании, местное население поднималось на борьбу против иноземного господства. А подъем антиколониального движения наблюдался в то время во многих владениях обеих метрополий. Особенно активно повстанцы действовали в Сирии и Марокко, а также в Мавритании. В том же Марокко французские (и испанские) военачальники смогли завершить совместные операции по замирению воинственных берберов лишь к середине 30-х годов. Но и после этого колониальные власти чувствовали себя неуверенно. Требовалось постоянное присутствие мобильных воинских контингентов, в первую очередь Иностранного легиона, специально натренированных для боевых действий в колониях, в особенности в труднопроходимой горной и пустынной местности. Помимо профессиональных военных в легион вступали гражданские лица призывного возраста, в частности бывшие студенты.

В 1923 г. пражский эмигрантский журнал «Студенческие годы» писал, что в Иностранном легионе служило около 300 студентов. Служба в колониях проходила в тяжелых условиях. Легион, утверждал журнал, в большинстве своем состоял из деклассированных элементов многих наций. Порядки в них были близки к тюремным. В журнале с тревогой сообщалось об участии студентов-легионеров в боях, о первых жертвах.

Долгие десятилетия советский читатель питался мифологизированной информацией об Иностранном легионе. Причина проста: отсутствовал доступ к первоисточникам. Между тем уже в 30-е годы в эмигрантской прессе печаталось немало материалов о легионе и о русских в легионе, материалов, достаточно объективных.

В 1927 г. некий капитан М., бывший гвардеец, дал интервью «Иллюстрированной России». Сам он прослужил в Иностранном легионе пять лет. Ныне русских в легионе стало меньше, сообщал он. Срок контрактов у многих из них истекает в 1927 г. Иное дело — прежние годы: в некоторых полках было до 80% русских. Еще в 1921 г., продолжал капитан, началось «наше засилье». Беженцы в Галлиполи и Константинополе записывались в легион массами. Подавляющее большинство составляли бывшие офицеры (30%) и казаки. Русские, по словам капитана, пользовались отличной репутацией у командования, товарищей-легионеров, у местного населения. Некоторые русские офицеры прошли стажировку в Сен-Сире и занимали командные должности наравне с французами. В легионе поддерживалась дисциплина, но не более строгая, чем в царских гвардейских полках. Он отмечал изменения к лучшему в составе легиона, нравов легионеров, резкое сокращение числа авантюристических элементов. А.П. Лукин, один из первых историков военной эмиграции, подтвердил в той же газете некоторые факты, изложенные в интервью капитана М. Он назвал 1921 г. «историческим» в жизни Иностранного легиона в том смысле, что в него сразу вступили 6500 русских воинов — офицеров, солдат, казаков. Но и десять лет спустя в легионе все еще насчитывалось 2—3 тысячи россиян.

Почему в газетном интервью была опущена фамилия капитана-легионера? Надо думать, не совсем удобно было бывшему офицеру императорской гвардии, наверняка дворянину, афишировать факт платного наемничества. Но жизнь заставляла многих достойных людей забывать о гордости и идти в наемники.

Служили русские и в испанском легионе. Однако связанные с этим факты относятся скорее к политической жизни Испании второй половины 30-х годов, чем к нашей теме. К тому же они приводятся чаще писателями, нежели историками. Впрочем, у литературных героев всегда есть реальные прототипы. Так и в нашем случае. Тот же А.П. Лукин напечатал в 1933 г. повесть «Дон Мигуэль», в ней выведены два летчика русской морской авиации из

испанского Иностранного легиона. Прообразом одного из них считается Н. А. Рагозин, дослужившийся в испанской авиации до чина подполковника. В 1923—1926 гг. он участвовал во франко-испанской войне против мятежных марокканских племен — рифов. Кстати, в этой войне сложили голову десятки (а может быть, сотни) ее русских участников во французской либо испанской форме. В 1930 г. парижский журнал «Часовой» поместил фото памятника погибшим в Марокко legionерам из 1-го кавалерийского полка. На нем высечены 16 русских фамилий. Но ведь погибших было больше. Сколько именно? И всем ли поставлены памятники? Не знает никто. Писатель Лев Никулин, побывавший в 1929 г. в испанской зоне Марокко, посетил среди прочих мест военное кладбище в Сеуте. Поразили его выбитые на надгробиях имена legionеров: «...лежат рядом Мюллеры, Сидоровы, Дюпоны, Смиты».

Да, многие писали о легионе, и писали по-разному. Вспомним З. М. Пешкова. Получив французское гражданство, он несколько лет прослужил в легионе, в частности в Марокко и Алжире, имел чин капитана, командовал сначала ротой, потом батальоном. Весной 1925 г. его полк был брошен на усмирение берберских племен, не признававших власть Испании и Франции. Так, батальон под командованием Пешкова оказался в провинции Таза (Северное Марокко) для ведения боевых действий против армии независимой Республики Риф. В батальоне были представители 26 национальностей. Об умонастроениях Пешкова во время войны против рифов читатель сможет составить собственное мнение, ознакомившись с его книгой «Иностранный легион в Марокко», вышедшей в Париже в 1927 г. Полностью на русский язык книга не переводилась.

Но наш читатель перестроечной поры успел получить представление о ней по обширным фрагментам, которые ввел в оборот биограф Пешкова М. Я. Пархомовский.

Характерно письмо трех legionеров из Тадлы (2-й полк Иностранного легиона). Они писали: «Русские legionеры, оторванные от родины, заброшенные судьбой

в дикие пустыни Африки, с трудом получающие русское печатное слово, редко слыша родную речь, просят дорогих соотечественников откликнуться на их просьбу и помочь посылкой русской литературы. Также будут очень рады переписываться и делиться впечатлениями с русским людьми».

Несколько слов о жизни демобилизованных легионеров. У иных она складывалась благополучно, особенно у добившихся получения французского гражданства. Теперь они были обеспеченными пенсионерами и завидными, с точки зрения местных француженок и испанок, женихами. Но не всем жилось безоблачно. Были и такие, чья судьба бесхитростно изображена в стихотворениях тех лет:

Он в тревожном, глухом Марокко
Охранял чужие форты,
Расцветали, вяли надежды.
Но отчаяться — Боже упаси!
И теперь — все такой, как прежде, —
Он сидит за рулем такси!

Строго говоря, легионеров лишь условно можно считать частью русской общины тогдашнего Марокко. Ведь полки легиона не были привязаны к определенной территории, подвластной Франции. Они постоянно перемещались: с боевых позиций — в тыл; из Марокко — в Алжир, на кратковременный отдых; из Алжира — в новую «горячую точку» тех лет, скажем, в Сирию или Индокитай и т.д.

Иное дело — гражданская диаспора, обосновавшаяся в стране. То был гораздо более стабильный компонент русского присутствия. Численность гражданских эмигрантов определить довольно сложно. Ясно одно: число гражданских лиц измерялось скорее сотнями, нежели тысячами. Первая компактная группа русских прибыла в Марокко из Туниса в январе 1922 г. Заявки на гражданских специалистов рассылались из Рабата и в последние годы. Власти протектората и сам генеральный резидент Лиотэ покровительствовали техническим специалистам из числа русских, в особенности бывшим морским офи-

церам, и имели на это основание. По данным Земгора, приглашенные маршалом Лиотэ специалисты на новом месте устроились хорошо, нашли заработок и были, в общем, довольны своей жизнью. Но попытки организовать дальнейшие переселенческие акции закончились неудачей, ибо новых вакансий не предвиделось.

Среди длинной череды лиц, появлявшихся на марокканском горизонте, был человек, стоявший особняком. Это адмирал российского императорского флота Александр Иванович Русин. В исследованиях о русской эмиграции в Африке его имя почему-то не упоминается. Между тем...

Лики истории

Александр Иванович Русин в 1882 году окончил Морской кадетский корпус, получил звание мичмана, служил на броненосце «Петр Великий». В 1888 году окончил Гидрографическое отделение Николаевской морской академии, а в 1896 — Артиллерийский офицерский класс.

С 1899 по 1904 год был военно-морским агентом (атташе) в Японии. Принимал участие в русско-китайской войне 1900—1901 гг. Будучи в Японии, успешно работал по линии российской военной разведки. Направил в Россию большое количество важной документальной информации о японском военном потенциале. Эти материалы, и поныне хранящиеся в РГА ВМФ России, насчитывают многие тысячи листов. В силу инертности и косности тогдашнего руководства полученные от Русина материалы остались практически невостребованными (ну как не вспомнить Зорге!).

До самого последнего момента капитан 2-го ранга Русин направлял в центр тревожные телеграммы. В своем последнем сообщении он информировал руководство о сложившейся вокруг него «нервной обстановке», в частности об аресте японской контрразведкой его японского переводчика и верного помощника Тахакаси. Впо-

Александр Иванович Русин, российский военно-морской деятель, адмирал

следствии, вплоть до 1917 года, вдова Тахакаси получала пенсию от российского правительства.

События русско-японской войны полностью подтвердили выводы Русина, которого после начала военных действий выдворили из Японии. После прибытия в Россию А.И. Русин в знак признания его заслуг был сразу же назначен начальником морской канцелярии главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, а затем, вплоть до окончания бо-

евых действий, исполнял обязанности командующего миноносцами в Николаевске-на-Амуре. К тому времени ему присвоили звание контр-адмирала. В 1905 году имеющийся опыт Русина оказался вновь востребован. Русина включили в состав российской делегации на конференции в Портсмунте, где, по сути, стал советником министра иностранных дел Витте и его экспертом по военным вопросам. И в том, что из поражения с Японией Россия вышла с меньшими, чем ожидалось, потерями, есть и немалая заслуга Русина.

В 1905—1907 гг. он командовал линейным кораблем «Слава». В 1907—1908 гг. исполнял обязанности помощника начальника Главного морского штаба. В 1908—1913 гг. командовал отрядом учебных кораблей Морского корпуса, исполнял должности начальника Николаевской морской академии и директора Морского корпуса. В 1913—1914 годы он — начальник Главного морского штаба, а в 1914—1917 гг. — начальник Морского генерального штаба и одновременно помощник морского министра. А.И. Русин являлся ближайшим сотрудником адмирала И.К. Григоровича, руководил разработкой операций ВМФ России. Кроме того, во время войны (1916—1917 гг.) занимал пост начальника Морского штаба верховного главнокомандующего.

Звание адмирала было присвоено А.И. Русину 10 апреля 1916 года. Он явился последним «полным адмиралом» Российского императорского флота, получившим это звание от императора Николая II.

А.И. Русин сыграл важную роль в подготовке к Первой мировой войне. С его участием было обеспечено эффективное применение Балтийского флота с целью воспрепятствования с самого начала войны действиям противника против Петрограда и проникновению немецкого флота в глубь Финского залива. Адмирал лично руководил минированием наиболее важных участков акватории.

Будучи убежденным монархистом, Февральскую революцию 1917 года Русин не принял, чего не скрывал, и с 1 июня 1917 года вышел в отставку. После октября 1917 года эмигрировал во Францию. Был председате-

лем Всезарубежного объединения морских организаций и русской компании в Париже, почетным председателем Общества взаимопомощи бывших чинов императорской армии и флота. События в России после революций, в частности Гражданскую войну, гонения на церковь, интеллигенцию и крестьянство воспринял как личную трагедию. Объективно оценивал опасность военного усиления Германии, полагая, что только СССР может стать серьезным противовесом фашистской угрозе.

В 1939 году Русин переехал в Марокко, где обосновался в городе Касабланке. Последний период своей жизни он посвятил активному участию в деятельности русской православной общины города. В 1941 году овдовел. Жил весьма скромно. Пользовался авторитетом у представителей русской эмиграции первой и второй волны, французской администрации, марокканских властей. Много сделал для организации в г. Касабланке прихода Русской православной церкви, религиозного и патриотического воспитания подрастающего поколения, был старостой местной православной общины.

Здесь же, в Касабланке, он скончался 17 ноября 1956 года. Похоронен с воинскими почестями в христианской части городского кладбища Бен М'Сик. Дом в Касабланке, в котором жил и умер А.И. Русин, на ул. Д'Омаль, д. 3, был снесен в 1970-е гг. Каких-либо его родственников в г. Касабланке обнаружить не удалось.

Кто знает, может быть, кому-нибудь удастся найти в Марокко следы этого замечательного человека?

Прибывали беженцы и из других краев — Турции, Египта, греческих островов Эгейского моря. Сосчитать земляков первым попытался известный в эмиграции журналист Константин Парчевский. В 1937 г. он приехал в Марокко по заданию своей редакции для подготовки серии очерков. У него выходило, что русская община насчитывала 500 человек, т.е. несколько превосходила общины Египта и Алжира тех лет (350 и 300 человек соответственно).

Мастерству очеркиста и бытописателя из парижских «Последних новостей» мы обязаны дошедшей до нас точной, в деталях выписанной картиной межвоенного бытия русских в Марокко.

При расселении российских изгнанников в пределах Марокко обнаружилось их явное (и естественное) тяготение к наиболее модернизированной прибрежной зоне. Большинство обосновалось в двух самых крупных городах — Рабате и Касабланке. Остальные — маленькие группы и даже отдельные семьи — селились там, где имелаась работа: в Мекнесе, Марракеше, Хурибге (во французской зоне), Тетуане, Лараше (в испанской). Несколько семей осели в Танжере, номинально остававшемся под суверенитетом марокканского султана.

Жили русские тихо, никому не причиняли беспокойства. Для многих эмигрантов французские интересы в Марокко перестали восприниматься как нечто чуждое. Дело шло к добровольной ассимиляции, особенно молодого поколения. Молодые люди, заканчивавшие в Марокко или метрополии французские лицеи и университеты, уже ничем не отличались от французских сверстников. Русские родители часто одобряли смешанные браки, гордились тем, что их сыновья женились на «настоящих» француженках или их дочери выходили замуж за «настоящих» французов. Объединяло «русских марокканцев» в основном православие, с которого мы и начали наш рассказ об эмиграции.

Относительно благополучная жизнь в Марокко вела к тому, что изгнанники реже вспоминали о России. Эмигрантские газеты и журналы, пароходами доставлявшиеся из Европы, приходили с опозданием. Поэтому эмигранты чаще читали местные газеты на французском языке. На работе, на улице, при общении с европейцами и образованными арабами и берберами они разговаривали на том же языке. Все это приводило к постепенному психологическому и культурному отдалению от исторической родины, ко все большему приспособлению к жизни колониального общества.

Один из собеседников сетовал в разговоре с Парчевским: «...национального у нас остается лишь церковь да гастрономия». Приезжали в Марокко семьями. Но, бывало, создавали их и здесь. Нередко семьи распадались, а бывшие супруги разъезжались. Люди служили, растили детей, мечтали. Умирили: кто в бою с племенами, кто в своей постели, кто на больничной койке. Эмигрантская периодика пестрит сообщениями о кончине соотечественников. Память наиболее известных отмечалась некрологами.

Если полистать журнал «Часовой», выходивший с 1929 г. в Париже, можно встретить множество сообщений о завершении земного пути российскими поручиками и ротмистрами, есаулами и полковниками, генералами и адмиралами. И перечень мест последнего упокоения — Рабат, Мекнес, Касабланка. Были и безвестные могилы, затерявшиеся в пустыне или в горах.

Многие сыны России так или иначе познакомились с Марокко. Иные не были постоянными его жителями, а лишь транзитными пассажирами. Особенно много таких транзитников пришлось на 1940—1942 гг., пору вишистского господства. Переселенцы из Франции в США, случалось, задерживались на какое-то время (или их задерживали) в марокканских портовых городах. Среди них были философ Г.П. Федотов, писатель и врач В.Я. Яновский.

Лики истории

Родословные именитых семейств всегда интересны. Интерес возрастает, когда речь заходит о жизнеописании гигантов отечественной истории и культуры, их предков и потомков. В нашем случае он возрастает вдвойне: оказывается, в летописи прямых потомков Л.Н. Толстого имеется марокканская страница. Вернемся к Толстым и напомним: младший сын великого писателя, Михаил Львович (1879—1944), долго жил в Марокко и закончил там свои дни. Еще до того, как Михаил Львович перебрался вместе с сыном Сергеем Михайловичем из Франции в Марокко, там уже жили другие его дети —

дочь Татьяна, сыновья Владимир и Петр. Татьяна была замужем за А.К. Львовым, агрономом, служившим в министерстве сельского хозяйства Марокко. Владимир, дипломированный архитектор, работал на местной строительной фабрике «Буайе». Петр имел диплом топографа. Вслед за Михаилом Толстым в Марокко приехала остальная часть семьи — жена Александра Владимировна и дочери Александра и Софья.

Члены семьи Михаила Львовича не жили в Марокко безвыездно. Свое время они делили между Магрибом и Францией. Семья все более дробилась: одни уезжали в Европу, другие в Америку — Северную и Южную. Дочь Михаила Львовича Александра вышла замуж за Игоря Константиновича Алексеева (Станиславского, сына основателя МХАТа). Какое-то время после революции К.С. Станиславский, свекор Александры, еще переплывался с осевшим в Марокко сыном. Позднее Александра жила с мужем и дочерью во Франции. И.К. Алексеев владел имением в Сиги-Бетташе, близ шоссе Рабат — Касабланка. А управляющим у него работал А.В. Глебов, брат жены Михаила Львовича, бывший гвардейский офицер, затем шофер такси в Париже.

Дольше других детей рядом с Михаилом Львовичем находились Сергей и Софья. Но и они часто отлучались в Европу. В 1941 г. Софья вышла замуж за Р.Н. Лопухина и уехала с ним в Канаду. В октябре 1944 г. М.Л. Толстой умер в Рабате в клинике Дюбуа (эту клинику после установления советско-марокканских дипломатических отношений посещали обычно работники советских учреждений). Он оставил книгу воспоминаний «Мои родители». Сергей же Толстой был автором мемуаров и научных трудов в области медицины. Именно он издал в Париже в 1989 г. книгу «Дети Толстого», в которой и рассказал о жизни отца, его детей и внуков.

В 1937 г. Сергей Толстой женился на Ольге Вырубовой, которая намеревалась купить землю в том же Сиги-Бетташе, рядом с имением И.К. Алексеева (Станиславского). От их брака в мае 1938 г. родились близнецы Александр и Михаил, которые иногда приезжали в Марокко.

Осенью 1942 г. внук великого писателя снова оказался в Рабате. Там он стал свидетелем высадки союзников, а затем и участником освобождения Марокко от власти Виши и контроля держав «оси». Как врач, был мобилизован и работал сначала в военном госпитале в Рабате, а затем главным врачом гражданского отделения госпиталя в Мекнесе. Вернувшись после войны во Францию, он прожил там до самой кончины в 1996 г.

Помимо Толстых в Марокко жили представители не менее известных в отечестве славных фамилий — Трубецкие, Шереметьевы, Оболенские, Игнатьевы, Гагарины.

Французская актриса Маша Мериль, урожденная княжна Гагарина, вспоминала: «Однажды мой отец получил предложение от французского правительства возглавить экспериментальную фруктовую плантацию в Марокко (до революции усадьба Гагариных специализировалась на выращивании фруктов). Мой отец с радостью согласился: впервые за годы эмиграции он получил постоянную зарплату. И вся семья... переехала в Марокко».

Четыре десятилетия прожила в Марокко пианистка А.Н. Быкова, в замужестве Апраксина, правнучка А.С. Пушкина. В 1932 г. семья Апраксиных переехала из Франции в Касабланку. Глава семьи граф Н.Е. Апраксин работал на заводе инженером, затем открыл собственное небольшое дело. Дочь Апраксиных Мария какое-то время жила с мужем в Береге Слоновой Кости, затем вернулась в Марокко. По словам его советских собеседников, в последние годы жизни Н.Е. Апраксин приходил на все советские суда, заходившие в Касабланку, смотрел на борту советские кинофильмы и очень тосковал по родине. После смерти мужа А.Н. Апраксина переехала во Францию, где поселилась в доме для престарелых под Парижем. Скончалась она в 1986 г.

Трудясь в различных сферах экономической и культурной жизни Марокко, эмигранты, как уже отмечалось, вносили посильный вклад в развитие страны. Особенно много сделали в этом отношении ученые-геологи, гидрологи, почвоведы. Г. Шуберт некоторое время возглавлял

геологическое управление в администрации протектората. Г.О. Шероцкий долгие десятилетия работал в области гидрологии, преподавал минералогию и петрологию в горной школе Рабата. На горном отделении инженерной школы подготовил и опубликовал петрологический словарь. Заметный след в изучении Марокко оставили Г.М. Брысин и особенно Н.В. Гуськов, который с 1934 по 1940 г. проводил также разведку полезных ископаемых в Северном Марокко. Он же создал общую геологическую карту страны, которой пользуются до сих пор.

Жили в Марокко и другие специалисты. Какое-то время там работал врачом К.К. Лозино-Лозинский, выпускник Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии и медицинского факультета Флорентийского университета, участник экспедиций Н.К. Рериха в Индию и Тибет. Получал заказы инженер и архитектор В.Н. Литвинов. Историк и филолог Ю.Н. Завадовский готовил в начале 30-х годов к публикации древние арабские рукописи. По возвращении на родину в 1951 г. он был научным сотрудником ряда учреждений Академии наук СССР. Завадовский до сих пор считается лучшим специалистом по письменности племен Сахары.

Некоторые видные деятели культуры зарубежья вошли в историю российско-марокканских отношений весьма предметно — своими полотнами, акварелями, гуашью, графикой. Хранятся они в различных музеях мира и частных коллекциях. Дважды — в 1928 и 1932 гг. — в Марокко побывала З.Е. Серебрякова (урожденная Лансере). В обоих случаях ее поездки финансировал бельгийский меценат барон Броуэр. И делал это небескорыстно: ставил условие, что выберет и купит все, что ему понравится из написанного художницей.

Лики истории

Самое удивительное, что можно увидеть в Марокко, — мир этого североафриканского королевства глазами великой русской художницы Зинаиды Серебряковой. 120-летие со дня ее рождения отпраздновали сразу

в трех столицах — в Москве, где стены Третьяковской галереи украшают ее работы; в Париже, куда она уехала «на годик» в 1924 г., немного подзаработать и где осталась на всю жизнь, и, наконец, в Рабате. Марокканцы не случайно вспомнили о ней. Именно в двух ее древних султанских первопрестольных градах — Марракеше и Фесе — Зинаида Серебрякова подарила миру до сотни своих талантливых полотен.

В одном из своих писем из Марракеша художница вспоминала: «Меня поразило все здесь до крайности. И костюмы самых разнообразных цветов, и все расы человеческие, перемешанные здесь, — негры, арабы, монголы, евреи (совсем библейские). Я так одурела от новизны впечатлений, что ничего не могу сообразить, что и как рисовать».

Даже дорога сегодня из порта Касабланки до Марракеша, по которой едешь в этот экзотический южный город, по сей день своими пейзажами как бы восходит к воспоминаниям художницы. «Эта дорога, — пишет она, — напомнила мне даже нашу Курскую губернию. Но, подъезжая к Марракешу, вдруг начинается Африка — красная земля и пальмы, а вдали снежная цепь Атласа».

Да, именно так все выглядит и сейчас. Финиковые пальмы напоминают о близкой Сахаре, а Марракеша, как заметила Серебрякова, «весь розовый» (на одном из местных диалектов слово «марракуша» значит красный).

Первая шестидневная поездка в 1928 году, вслед за которой состоялась еще одна — в 1932 году, была плодо-

Зинаида Евгеньевна Серебрякова с детьми, русская художница, участница объединения «Мир искусства», одна из первых русских женщин, вошедших в историю живописи

творной. Парижане восторгались картинами Серебряковой, выставявшимися в магазине «Гришманов». Это и портреты марокканок, и натюрморты, и городские пейзажи. До сих пор как живые стоят в Марракеше написанные когда-то темперой типично марокканские прямоугольные минареты с зеленым обрамлением наверху. Все еще красуются белые и розовые кубики арабских домов. А по всему Марокко развлекают туристов водоносы с медными бляшками и чашками. Они тоже не ушли от цепкого взгляда Серебряковой.

Приятно ласкает глаз центральная площадь Марракеша — Джемаа-аль-Фна, недавно занесенная ЮНЕСКО в список памяти человеческой цивилизации. На картине русского мастера она почти прозрачна от потока солнечного света. Поражают бездонное голубое небо, кварталы с лабиринтами узких улочек, в которых Серебрякова терялась, и главное действо — бурлящая жизнь на площади с верблюдами, осликами, заклинателями змей и колдунами. А когда-то Джемаа-аль-Фна (в переводе с арабского — «сборище мертвецов») была лобным местом, где казнили мятежников и воров.

Знаменитый искусствовед Александр Бенуа, глядя Серебряковой и основатель объединения «Мир искусства», восторженно писал о своей племяннице: «Пленительная серия марокканских этюдов. Просто изумляешься, как в этих беглых набросках художница могла так точно и убедительно передать самую душу Востока. А сколько правды и своеобразной пряности в этих розовых улицах, в этих огромных базарах, в этих пестрых гетто, в толпах торгового люда, в группах зевак и античных геттер. Люди такие живые, что, кажется, точно знакомишься с ними».

Серебрякова поехала в Марракеш, а затем в Фес по заказу бельгийского богача, заработала, по ее словам, мало, ибо масса денег ушла на натурщиков, а в Париж она все же привезла бесценный груз своих трудов пилигрима-живописца.

Сравнительно недавно, рассказал российский художник Георгий Шишкин, чья выставка прошла в Рабате, он увидел в центре французской столицы плакат со слова-

ми «Марракеш. Серебрякова». Изображенный на нем город привораживал живым дыханием Востока.

Большой мастер обнаженных женских натур, Серебрякова мучилась из-за того, что ислам не позволял ей рисовать в жанре «ню». И все же ей удалось написать во время второй поездки в 1932 г. пастелью полуобнаженную лежащую марокканку-берберку с золотыми браслетами. Почти дышащий колорит, свойственный Серебряковой, удивителен. В нем запечатлена почти как живая человеческая природа королевства «вечерней зари», как называют иногда эту «страну заходящего солнца» Арабского Востока.

Когда в министерстве культуры Марокко увидели репродукцию картин Серебряковой, один из советников главы этого ведомства госпожа Мерьем сразу же дала указание сделать копии картин. Подолгу чиновники рассматривали кочевников, портретную галерею марокканок, пейзажи с до боли знакомыми местами. «Да, мы открыли целый мир. Теперь дело за нами. Мы тоже отметим достойно 120-летие гениальной Зины из России, — сказала советник министра. — В Марокко Зина тоже нередкое имя. Ваша же Зина — удивительная художница, ярко и своеобразно передавшая нашу жизнь. В нее нельзя не влюбиться».

З.Е. Серебрякова поддерживала переписку с В.И. Шухаевым — известным живописцем, сценографом, монументалистом, педагогом. Этот художник тоже побывал в Марокко в 1930 г. В поездке он выполнил множество этюдов и зарисовок; некоторые из них позже легли в основу больших полотен. Кисти Шухаева принадлежит портрет Пешкова, которым открывается упоминавшаяся книга об Иностранном легионе. В 1935 г. Шухаев с женой Верой Николаевной, декоратором и дизайнером, вернулся на родину. Но супружеской чете, в отличие от семьи Билибина, жившего в Египте, суждено было испытать всю тяжесть беззакония сталинской эпохи.

В 1937 г. в Париже состоялась выставка произведений молодой талантливой художницы О.М. Бернацкой. Ее ри-

сунки и гуаши тоже составили марокканский цикл. В самом Марокко художница выставилась в Марракеше; две ее картины («Торговые ряды в Марракеше» и «Площадь Джамаа-аль-Фна») находятся в марокканском музее. По отзывам специалистов, художнице мастерски удалось запечатлеть все очарование Арабского Востока. Бернацкая дважды побывала в Марокко, правда, когда точно — неизвестно. Самые яркие впечатления о стране оставило первое посещение; художница упорно стремилась снова поехать туда, чтобы поработать более основательно. И ей удалось впоследствии это сделать, воспользовавшись покровительством властей, которые даже предоставили в ее распоряжение студию.

Картины, сюжеты которых были навеяны встречей с Марокко, создал также А.Е. Яковлев, один из друзей Шушаева. В середине 20-х годов в течение полугода там жил и творил русский художник Н.В. де Сталь. Сам он об этой встрече с Марокко отзывался так: «Мне понадобилось шесть месяцев в Африке, чтобы понять, в чем именно заключается живопись».

О литераторах-эмигрантах, писавших о Марокко, мы уже говорили. Помимо Вас. И. Немировича-Данченко и К. Парчевского (он даже собрал свои газетные очерки о Марокко и выпустил их отдельной книгой) назовем еще несколько имен: Л.А. Фейнберг (выступал под псевдонимом Леонид Гребнев), Н.А. Альникин (псевдоним Борис Незлобил). Последний с 1927 г. жил в Касабланке, где, видимо, и завершил работу над поэтическим сборником «Сполохи» (издан в Париже в 1960 г.).

В начале 40-х годов жизнь в Марокко подвергла россиян новым испытаниям. Точные данные об участии в мировой войне эмигрантов, живших здесь, или сюда переехавших, или просто бежавших от «нового порядка» в Европе, к сожалению, отсутствуют. Имеются лишь разрозненные сведения об этом. Так, В.И. Алексинский писал, что на стороне де Голя выступало множество русских из Северной Африки. Свидетельство это тем более примечательное, что принадлежит одному из «русских марокканцев», добровольно примкнувших к войскам

«Свободной Франции» и прошедших с боями огненные дороги войны.

Два автора — один из них служил в авиации, другой во флоте — получили после победы над фашизмом громкую литературную известность. Особенно бывший летчик — Ромен Гари (Роман Касев). Он стал известным романистом, дипломатом, членом Французской академии. В автобиографической книге «Предчувствие зари» он воспроизвел тяжелую, тревожную атмосферу вишистского безвременья в Марокко, описал свои скитания по Мекнесу и Касабланке перед дерзким побегом в британский Гибралтар, навстречу боевым будням в одном из подразделений деголлерской авиации. Что же касается бывшего моряка, контр-адмирала запаса Алекса Васильева, то его перу принадлежит сборник увлекательных новелл «Неизвестные солдаты минувшей войны». В нескольких новеллах он запечатлел пережитое им в Северной Африке, в частности высадку мощного союзного десанта в Марокко и Алжире в ноябре 1942 г. К сожалению, эти книги до сих пор неизвестны российским читателям.

Многие русские вполне осознанно становились в Марокко на сторону антигитлеровской коалиции, включавшей Советский Союз (а для них Россию), и сражались с войсками «оси». Они по праву считали себя победителями над нацизмом и фашизмом и гордились этим, хотя хозяевами жизни себя там никогда не ощущали.

Неуверенность в завтрашнем дне усилилась после того, как в 1965 г. король Хасан II провозгласил политику «марокканизации», затрагивавшую все стороны жизни страны. Начался отток иностранцев, среди которых были владельцы земли, предприятий, доходных домов, фирм, туристских агентств. На глазах менялся состав населения, прежде всего городского.

Все это не могло не тревожить остатки диаспоры. Ведь новые марокканские власти не очень-то стали считаться и с местными французами, за которыми стояла бывшая метрополия, одна из ведущих держав. А им-то, российским изгоям, тем более помощи ждать было некуда.

И хотя Европа по-прежнему подступала своим испанским берегом почти вплотную — ведь марокканское побережье и скалы Гибралтара разделяют какие-нибудь 15 км, — самая родная для них часть этой Европы, именуемая Россией, была дальше любой дали. До нее, до России, пролегал путь в семь десятилетий.

Немногим довелось пройти этот неимоверно долгий путь и встретиться с возродившейся Россией.

И все же такие люди есть!

Среди них графиня Мария Шереметева, с судьбы которой мы начали наш рассказ, прожившая в Марокко 60 лет. В 1998 г. в газетах прошло сообщение: старейшей представительнице аристократического рода вручен в Рабате российский паспорт. Всю свою жизнь прожила эта женщина, покинувшая Россию маленькой девочкой, с «паспортом беженца», но так и не согласилась отдать свое гражданство ни одной из стран, которые предлагали ей сделать это.

«ГДЕ-ТО ЗА ВЫСЬЮ ЧУЖИХ ПЛОСКОГОРИЙ...»

Много это или мало — шесть тысяч километров? Именно столько отделяет сегодняшний Санкт-Петербург от Аддис-Абебы. Пустяк, несколько часов лету. А старый Петербург? Далеко ли он был от Аддис-Абебы — Петербург или Киев? Недели, а нередко и месяцы пути — сначала поездом до Одессы, потом пароходом через Черное море, Босфор и Дарданеллы в море Средиземное, затем Суэцкий канал...

А если еще дальше, в глубь веков?

Впервые выходцы из Средней Азии появились в Египте в конце VI—V в. до н.э. вместе с персидскими войсками Ахеменидов. В это время в Мемфисе трудились мастера из Хорезма и Ферганы, переселенные сюда по приказу персидских царей. Парфянские, кушанские, сасанидские монеты, найденные в Египте, Эфиопии и на Занзибаре, свидетельствуют о торговле древних государств, существовавших на территории Средней Азии (а также Ирана, Индии и соседних районов), с рядом африканских стран. Однако большие группы среднеазиатов осели в Северной Африке лишь в период Арабского халифата.

В 760 г., когда в Дамаске была свергнута династия халифов Омейядов, два омейядских принца бежали через Египет в Нубию и страну беджа (в Нубийской пустыне). По сообщению арабского географа и историка аль-Масуди, среди спутников принцев были уроженцы Хорасана — области, которая теперь входит в состав Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, Ирана и Афганистана. Беглецов преследовали другие хорасанцы — сторонники новой династии халифов Аббасидов.

Вскоре после описанных событий аббасидский халиф аль-Мансур (754—775) сослал на остров Большой Дахлак

у берегов Эфиопии сыновей своего хорасанского наместника Абд-аль-Джаббара, которых, вероятно, сопровождали в ссылку их слуги-среднеазиаты. В IX в. арабский географ аль-Якуби сообщал, что в сахарском городе-оазисе Завила (на юге Ливии) живут хорасанцы попеременно с «черными и арабами». Вероятно, отсюда хорасанцы ходили с торговыми караванами в Центральную Африку.

Хотя Средняя Азия — континентальная страна, некоторые из ее уроженцев совершали и далекие морские путешествия. Одним из таких путешественников был некий Абу Али аль-Хафиз аль-Марвази, хорасанец из Мерва (близ нынешнего города Мары в Туркмении). Почетный титул «аль-Хафиз» (хранитель) давался тем мусульманам, которые хранили в памяти все стихи Корана (к их числу принадлежал и великий персидский поэт Хафис). Об аль-Хафизе аль-Марвази известно только потому, что его попутчиком во время плаванья на корабле по Индийскому океану оказался арабский географ Шамс ад-дин аль-Мукаддаси (X в.).

Когда судно приближалось к Адену, Абу Али счел своим долгом наставить неопытного и любознательного араба в торговых делах и предостеречь его от неосторожных спекуляций. При этом хорасанский путешественник-купец ссылался на свой опыт торговли с зинджами Восточной Африки. Аль-Мукаддаси с величайшим уважением цитирует высказывания этого многоопытного человека.

Позднее (середина XI — середина XIII в.), когда в портовых городах Восточной Африки, от Далака на севере до суахилийских городов-государств на юге, образовались колонии иранских и мусульманско-индийских купцов, среди них было немало хорасанцев. Имена одного хорасанца и одного ширазца названы в арабских надписях из Могадишо 1217 г. и 1269 г. Хорасанца звали Абу Абдаллах ибн Райн ибн Мухаммед ибн Ахмед ан-Най-сабури аль-Хусрани.

Известны случаи, когда выходцы из Средней Азии достигали в африканских странах высокого общественного положения.

В позднее Средневековье и в начале нового времени в Египте множество туркмен и кыпчаков встречались среди феодального воинства и правителей страны, тогда как в мусульманском университете аль-Азхар преподавали ученые-таджики. Некоторые из них прославились и в соседних странах Северо-Восточной Африки. Во второй половине XVII в. в Судане трудились на ниве генеалогической науки два мусульманских ученых: шейх Мухаммед ас-Самарканди, прозванный Великим, и Абу Махмуд Абдаллах ибн Сайд ас-Самарканди, происходившие из Самарканда.

В то же время в соседней Эфиопии одним из приближенных императоров Фасиядаса (1632—1667 гг.) был выходец из Бухары Мухаммед ибн Муса аль-Бухари. Сведения о нем сохранил арабский ученый и литератор Хасан ибн Ахмед иль-Хаими аль-Кавкабани, посетивший Эфиопию в 1647—1649 гг. в качестве посла йеменского имама. Мухаммед ибн Муса исполнял обязанности переводчика с арабского на амхарский. По словам ученого-йеменца, арабским языком он владел «в предельной степени совершенства».

К сожалению, средневековые среднеазиатские путешественники по Африке не оставили описания виденных ими стран. Единственное исключение — знаменитый хорасанский поэт и прозаик Носир Хисроу (Насири Хусрау).

Будучи родом из Юго-Восточного Хорасана (нынешний Афганистан), Носир Хисроу большую часть жизни провел в Мерве (теперь Мары в Туркмении). В возрасте сорока с лишним лет он отправился в путешествие, во время которого посетил Иран, арабские страны и небольшой уголок Тропической Африки, населенный беджа. В Египте хорасанский путешественник прожил почти пять лет (1046—1060 гг.). Отсюда он совершил четыре паломничества в Мекку: трижды — через египетский порт Кульзум на Красном море и в четвертый раз — через Асуан, пустыню беджа и Айзаб. Во время этого путешествия он познакомился с темнокожими кочевниками-беджа.

Теперь о Закавказье. Выходцы из Грузии, Армении, Азербайджана тоже жили — и подолгу — в далекой африканской стране. И было это не в XVIII и даже не в XVI веке, а много раньше. Вот как глубоки корни! И еще — как велико желание «расширить жизненный кругозор путешествием» (именно так выразился один из русских странников по Абиссинии).

Мы уже рассказывали в начале книги о грузинах и армянах в Африке.

Теперь поговорим о связях Эфиопии и Закавказья. Родство абхазцев с эфиопами пытались обосновывать разные ученые, а крупный советский африканист, член-корреспондент АН СССР Д.А. Ольдерогге даже считал, что слоговое эфиопское письмо стало основой армянского алфавита.

В сочинении Псевдо-Варданета Вартана (XVI век) говорится о земле Хабашестан — несомненно об Абиссинии. А за семь веков до этого Псевдо-Моисей Хоренаци упомянул об истоках Нила, об Аксуме, Нубийской пустыне и Восточном Судане.

Распространение христианства на Ближнем Востоке, от Грузии и Северного Кавказа до Нубии и Северной Эфиопии, укрепило связи между этими странами. Одно отрывочное и очень интересное свидетельство позволяет предположить, что эти связи могли быть более тесными и разнообразными, чем принято считать. «Житие св. Кириака» сообщает, что вскоре после 479 г. Кириак, патриарх александрийский, посвятил в сан епископа-митрополита Эфиопии и отправил в эту страну некоего грузинского монаха. Сохранился грузинский перевод этого сочинения, сделанный с арабского перевода (подлинник «Жития» был создан египетским писателем Кириллом Скифиопольским на греческом языке).

Эта грузинская версия дошла до нас в рукописи IX в. Крупнейший эфиопист итальянский академик Э. Черулли считает, что известные нам факты культурной истории Аксума не противоречат правдоподобию этой версии. Во всяком случае, она свидетельствует об интересе

к Эфиопии и Египту в среде образованных грузинских монахов.

Главным местом встреч средневековых грузин, лавров и абхазцев с африканскими христианами-коптами, нубийцами и эфиопами был иерусалимский храм Гроба Господня. При нем очень рано (сравнительно) возникла грузинская монашеская община. В X в. арабский христианский писатель Сайд ибн аль-Батрик (он же православный александрийский патриарх Евтихий) привел в своем сочинении «Нанизанные драгоценности» эдикт халифа Омара от 15-го года хиджры. Этот эдикт относится к тому времени (617 г.), когда Иерусалим сдался мусульманам и иерусалимский патриарх Софроний вышел навстречу халифу Омару ибн аль-Хаттабу. Халиф Омар специальным эдиктом подтвердил подчинение греческому иерусалимскому патриарху большинства проживавших в городе христиан, в том числе коптов, но оговорил автокефалию грузинской и эфиопской религиозных общин. Возможно, Евтихий в пылу полемики с монофизитами-коптами привел текст эдикта Омара со значительными искажениями, но и в этом случае оговорка эдикта относительно выходцев из независимых христианских государств — Грузии и Аксума — остается правдоподобной.

Современником Софрония был александрийский патриарх Кир, известный своей нетерпимостью к «еретикам», составлявшим в то время большинство населения Египта. Кир считался родом из Колхиды. Есть сведения об отдельных грузинах или даже целых группах выходцев из Грузии в Египте арабского времени. Выше приведено сообщение Носира Хисроу о грузинских царевичах при дворе Фатимидов, где они находились вместе со знатью эфиопского, нубийского и североафриканского происхождения.

Нередко Грузия и фатимидский Египет действовали как союзники, несмотря на различие религий правящих групп в этих странах (впрочем, и в Египте до конца фатимидского периода численно преобладали христиане). Так было, в частности, в конце X — начале XI в., когда возродившаяся Византийская империя развернула ши-

рокую экспансию на всех своих границах, в том числе в Сирии, Армении и Западной Грузии (здесь она уже раньше владела Лазикой с Трапезундом).

Фатимиды, которым принадлежали Египет и Сирия, стали стремиться к союзу с грузинами. В 1001 г. грузины восстали против Византии, но вскоре это выступление было подавлено. Византийцы сумели заключить мир с Египтом, чтобы не дать арабам объединить свои силы с грузинами и болгарами, также сражавшимися против Византии. В 1102—1024 гг. правитель Абхазского (Грузинского) царства Георгий, стремясь отстоять независимость своей страны от Византийской империи, попытался заключить военный союз со знаменитым египетским халифом аль-Хакимом. Однако и на этот раз византийская дипломатия расторгла союз Египта и Грузии, в результате чего Западная Грузия была захвачена византийцами.

В конце X — конце XII в., в царствование поздних Фатимидов, Египтом правили армянские визирь и военачальники. В этот почти столетний период связи народов Закавказья и долины Нила продолжали укрепляться.

В эпоху поздних Айюбидов (первая половина XIII в.) в Египте появилось множество уроженцев Грузии и Северного Кавказа: последние султаны Айюбиды начали покупать восточноевропейских рабов, привозимых из Византии и с берегов Черного моря, для комплектования невольничьего войска. Другие отряды воинов-рабов формировались из уроженцев Тропической Африки. В 1250 г. предводители этих арабов-мамлюков захватили власть и начали выдвигать египетских султанов из своей среды. Большинство из них были половцами из южнорусских и украинских степей, но немало было и выходцев из Руси и с Кавказа. В 1265-м и 1281 гг. мамлюкские султаны заключили с Византией торговые договоры, по которым египетские суда получали доступ в Черное море и право на регулярную закупку рабов-мусульман в Крыму, где обосновались торговые агенты султанов (туджжар аль-хасс). Но уже в конце XIII в. поставка рабов-мамлюков в Египет переходит в руки генуэзцев и становится одним

из главных источников богатства Генуи. На протяжении почти двух веков генуэзцы сохраняли эту монополию.

В 1420 г. итальянский географ Эммануэле Пилота в трактате на старофранцузском языке сообщал, что генуэзцы вывозили из Кафы (Феодосии) рабов, происходящих из «татарских, черкесских, русских и прочих языческих народов». Под «черкесами», «черкесскими народами» подразумевались многие народности Северного Кавказа и Западного Кавказа. Нотариальные акты из Кафы называют в числе продаваемых невольников не только собственно черкесов-адыгейцев, но и абхазов, лавов, мегрелов и грузин.

Хотя среди египетских мамлюков вплоть до конца XIV в. преобладали представители тюркских племен, черкесы и выходцы из Грузии становились все многочисленнее; в 1380 г. они захватили власть, выдвинув из своей среды «черкесского» султана Захира Сейф-ад-дина Баркука. С 1380 по 1517 г. черкесские султаны правили Египтом и соседними странами. Они распространяли свою власть на Сирию, Нубию, Красноморское побережье Судана, эфиопский архипелаг Дахлак и открыли египетскому купечеству силой оружия и дипломатии важнейшие торговые пути в Индию, Закавказье, Месопотамию, Аравию, Крым, Восточную Африку, области Верхнего Нила, Западный Судан, Тунис.

Замечательным примером доблести мамлюков был поход их конницы в глубь Нубийской пустыни в 1317 г. Из Верхнего Египта отряд мамлюков совершил рейд в красноморский порт Айзаб, отсюда по берегу Красного моря — в Суакин, жители которого добровольно признали власть египетского султана. Из Суакина мамлюки двинулись на юго-запад, пересекли реку Атбару, вторглись в область Така и достигли отрогов Эфиопского нагорья и города Касалы. Здесь они разгромили ополчение народа халанка; затем вдоль берегов Атбары и Нила, через Донголу, возвратились в Египет. Власть мамлюкского Египта распространилась до Эритреи и Среднего Судана. В результате кавказские мамлюки стали соседями эфиопов и народов Центральной и Восточной Африки.

В 1311 г. король Кипра из французской династии Лузиньяков, сообщая римскому папе Клименту V свой проект завоевания Египта крестоносцами, недаром выдвигал главным условием успеха строгий осмотр христианских кораблей, перевозящих рабов в Египет, с целью захвата находящихся на них юношей-невольников; таким путем он рассчитывал помешать генуэзцам из Крыма пополнять мамлюкское войско. В это время Грузия и Египет нередко действовали как политические союзники в борьбе против общих врагов — турок и монголов.

Не случайно мамлюки оказывали почти постоянную поддержку грузинам в Иерусалиме. Когда в конце XIV в. нубийцы, перешедшие из христианства в ислам, потеряли свои святые места в Палестине, наследниками их на полтора столетия стали грузинские монахи, а позже — армяне. Среди мамлюков имелось немало грузин и абхазов, поэтому политические отношения Египта и Грузии были исключительно дружескими.

К XVI в. относится первое свидетельство эфиопского источника о пребывании грузин в Эфиопии. Летописец эфиопского императора Галавдевоса (1533—1552 гг.) сообщал, что «приходили к нему люди из Грузии («Квердж»). Очевидно, имеются в виду грузинские ремесленники, которых приглашал Галавдевос в Эфиопию, как и ремесленников из других христианских стран. В более позднее время известия о грузинах в Эфиопии отсутствуют, вплоть до появления в этой стране доктора Мерабишвили в 1908 г. Он был придворным врачом эфиопского императора. Написал большой труд о народной медицине этой страны, который и сегодня с пользой читают медики.

В XVI и XVII веках странствия армян в Эфиопию стали обычным явлением. Достаточно вспомнить дипломата Элиаса, который проработал в Африке пятьдесят лет и одно время был посланником императора Илсу I при дворе Людовика XIV. Элиас прожил 102 года!

Завоевание турками Константинополя и создание мощной Османской империи на время уменьшили приток мамлюков в Египет и решили участь этой страны: в

1517 г. ее завоевали турки. В Каире обосновался турецкий паша, и были расквартированы турецкие войска (янычары и др.), которые со временем влились в состав городского населения. Но и мамлюкское войско сохранилось. По-прежнему оно пополнилось невольниками черкесского, абхазского, грузинского, осетинского, чеченского, а также славянского и румынского происхождения и другими.

Мамлюкские эмиры, или беи, продолжали управлять крупнейшими провинциями, подчиненные им офицеры (каширы) — меньшими по размеру областями. Сильнейший из беев обычно приобретал должность старейшины города (шейх аль-баляд), т.е. губернатора Каира. Наряду с ним и турецким пашой значительным влиянием пользовался верховный судья (аль-калий), назначавшийся из мусульманских ученых университета аль-Азхар. Каждый бей имел собственный полк мамлюков, который набирал, покупая невольников, обычно из числа своих земляков, или нанимая их на службу. В XVIII в. среди беев начали преобладать грузины.

В середине XVIII в. исключительную власть приобрел шейх аль-баляд Али-бей, грузин или абхазец по происхождению. В 1755 г. он возглавил восстание против тогдашнего турецкого паши Каира Абдурахмана, в результате которого стал влиятельнейшим из соперничавших между собой правителей страны. С конца 1767 по 1772 г. Али-бей фактически самодержавно управлял Египтом. Он осуществлял обширную программу действий, центральными пунктами которой были реформы управления Египтом, развитие торговли, присоединение к Египту соседних арабских стран и независимость от Турции. Али-бей, действуя в союзе с некоторыми правителями Аравии и Палестины, а также с командованием русского флота в Архипелаге, подчинил Хиджаз, Палестину, Южную Сирию, взял Дамаск. Но на этом его успехи закончились. Несмотря на помощь русского флота и палестинских арабов, Али-бей в 1772 г. вынужден был бежать из Египта и в следующем году был убит. Однако эта богатейшая страна оказалась фактически потерянной для Тур-

ции, и все попытки османского правительства восстановить в Египте свою власть разбивались о сопротивление мамлюкских беев.

В 80-х годах XVIII в. сложилась парадоксальная обстановка: в то время как Грузия истекала кровью в неравной борьбе с Турцией и Ираном и доживала последние годы независимого существования, правителями Египта и Ирака стали грузины, грузинами были также верховный визирь Порты, влиятельный ахалцихский паша, многие военачальники в Сирии, Палестине, Анатолии, Европейской Турции, а могущественный капудан-паша (командующий турецким флотом) являлся армянином из горного грузинского селения Пшагели. Все они должны были принять ислам, но, превращаясь в правителей крупнейших арабских стран, наследовали их традиционную антитурецкую политику. Своих естественных союзников они видели не только в обоих грузинских царствах — Картли-Кахети и Имерети, но и в России, которая постепенно становилась главной противницей турок.

Лики истории

В создавшейся обстановке восточногрузинский царь Ираклий II и мамлюкские правители Египта Мурад-бей и Ибрагим-бей, грузины по происхождению, стремились установить более тесную связь. Случай представился в 1766 г., когда к царю обратился его артиллерийский офицер Манучар Качкачишвили с просьбой навестить своего дядю в Египте. Ираклий охотно дал свое разрешение и необходимые инструкции, а также рекомендательные письма к русскому послу в Стамбуле Я.И. Булгакову и мамлюкским беям в Египте.

О путешествии Манучара Качкачишвили в эту страну мы знаем из донесений Я.И. Булгакова, главным образом из докладов самого Качкачишвили князю Г.А. Потемкину, открытых и изданных В.Г. Мачарадзе. О Манучаре Качкачишвили сообщают и другие грузинские документы.

Манучар Качкачишвили (в России и русских посольствах за границей он именовал себя Максимом Павлови-

Ираклий II, царь Картлийско-Кахетинского царства

чем Качкачовым) отбыл из Тбилиси 21 августа 1786 г. и по Черному морю (с промежуточной остановкой в Таганроге) прибыл 2 ноября в Стамбул. Здесь он получил письмо из Тбилиси за подписью Соломона Азнаурашвили с просьбой передать его в Каир Ибрагим-бею. Письмо содержало также рассказ о положении Грузии, а в конце автор предупреждал Ибреим-бека (Ибрагим-бей) о том, что отправ-

лявшимся из Каира в Грузию надо советовать ехать обязательно через Багдад (в Багдаде сидел Сулейман-паша — грузин) или через Крым, перешедший в руки русских.

В январе 1786 г. Качкачишвили прибыл в Египет. Своего дядю в живых он не застал, однако остался в Египте на весь 1786 год: он вел полуофициальные переговоры с правителями страны, представителями Эфиопии и русским консулом в Александрии бароном Тонусом, который не оправдал надежд, возлагавшихся на него тогда грузинами. В правителе Египта Ибрагим-бее Манучар Качкачишвили признал бывшего крестьянина кахетинского села Марткоби Абрама Шинджикашвили. Ибрагим-бей стоял во главе правящей группы мамлюкских беев, считавшихся как бы побратимами. Их было 18, в том числе 12 грузин и один абхазец. Кроме того, был один черкес, два чеченца, молдаванин и один казак из Бахмута (ныне Артемовск), украинец или русский (в то время в Бахмуте русские переселенцы составляли весьма значительное этническое меньшинство среди украинского населения), которого называли в Египте Касум-беем. Кашифы (кешибы), младшие командиры мамлюкского войска, в большинстве также являлись грузинами, абхазцами, уроженцами Северного Кавказа, украинцами или русскими. Качкачишвили упоминает среди них и одного венгра. Мамлюкские беи-грузины щедро покровительствовали своим землякам, попавшим в Египет. Они приглашали в эту страну своих родственников, которым предоставляли высокие посты, выкупали из рабства пленных грузин и порой даже снабжали их средствами для возвращения на родину. Однако большинство выкупленных рабов зачислялись в египетское мамлюкское войско.

К Ираклию египетские беи обращались как подданные к своему государю, прося его освободить от крепостной зависимости их родственников, оставшихся в Восточной Грузии. Характерная подробность: формально приняв ислам, грузинские беи в Египте высылали на родину деньги для строительства церквей и жертвовали в них дорогую утварь. Их Качкачишвили прямо называл единоверцами русских, т.е. православными.

По-видимому, свидетельство Качкачишвили о том, что беи и эфиопский резидент пожелали установить более тесные связи с Россией для военного союза против Турции, заслуживает доверия. В Египте беи хотели основать независимое государство, которое пользовалось бы покровительством России и получало бы от нее военную помощь.

Однако русская дипломатия, опасаясь обострения отношений с Турцией (чего все же не удалось избежать), весьма холодно отнеслась к инициативе грузинского дипломата. Барон Тонус, русский консул в Александрии, отказался поддерживать связь с «мятежниками» и крайне неумело пытался примирить их с турецким капудан-пашой (который тоже был родом из Грузии, как и его приближенные).

Нужно отметить политическую дальновидность Качкачишвили в его прогнозах относительно обстановки на Ближнем Востоке и в районе Индийского океана, в оценках стратегического положения Египта, Магриба, Судана, Эфиопии и в определении перспектив национально-освободительной борьбы угнетенных народов Османской империи, особенно балканских и арабских стран. Интересно, что проект Качкачишвили о действиях российского флота в Индийском океане против англичан перекликается с аналогичным проектом знаменитого американского революционера, «первого капитана» американского флота Дж. П. Джонса.

Качкачишвили покинул Египет в январе 1787 г., имея при себе письмо египетских беев-грузин царю Ираклию, а также неподписанное письмо беев русскому правительству. Как правильно заметил В.Г. Мачарадзе, частные письма беев Ираклию должны были служить рекомендацией их подателю перед грузинским и русским правительствами.

Через Стамбул, где он снова встречался и вел беседы с русским послом Я.И. Булгаковым, Качкачишвили едет в Россию и 10 мая 1787 г. подает три специальных доклада князю Потемкину о положении в Египте и Эфиопии и своем проекте посольства в эти страны. К докладам

Качкачишвили был приложен составленный им список египетских беев с указанием национальности каждого и специальной пометкой об египетских мамлюках русского (и украинского) происхождения, а также письма грузинских беев к царю Ираклию.

Позднее Качкачишвили снова подал князю Потемкину докладную записку, из которой видно, что русское правительство соглашалось послать его в Египет и Эфиопию, однако это новое путешествие не состоялось, по-видимому, в связи с новой русско-турецкой войной. Нельзя исключить и возможного воздействия английской дипломатии: англичане имели в то время очень большое влияние в Петербурге и в ставке Потемкина. Да и к какому из императоров Эфиопии следовало направлять посольство? В 1784 г. император Текле-Гийоргис был изгнан из своей столицы Гондара, и враждующие феодальные кланы провозгласили императорами сразу двух принцев: Беале-Мариама и Беале-Сыгаба, или Иясу III. Между ними завязалась борьба; не складывали оружия и сторонники Текле-Гийоргиса, вернувшие его на престол в 1788 г.

В 1789 г. в Эфиопии было пять императоров, каждый из которых считал других узурпаторами. В дальнейшем обстановка существенно не менялась, и феодальная анархия в Эфиопии продолжала расти. Очевидно, русское правительство в общих чертах представляло себе положение в Эфиопии и выжидало. Надо сказать, что проект русско-эфиопского сближения, предложенный Качкачишвили, был лишь одним из целой серии проектов, появлявшихся уже с конца XVII в.

А сами эфиопы? Путешествовали ли они в Закавказье? Эвастатевос, основатель социально-революционного движения в средневековой Эфиопии, бывал в Киликии, в Армянском царстве. Его книга «Житие Эвастатевоса» содержит важнейшие сведения о киликийской Армении. Ученики его вернулись на родину после смерти учителя и основали монастырь Фабре-Марьям.

Выходцев из Эфиопии наши соотечественники видели в Египте, Иерусалиме и в иных местах. Например, та-

кой знаменитый из них, как Афанасий Никитин. Правда, он называл «эфиопскими землями» всю Черную Африку, а на самом деле побывал только на побережье Сомали, на обратном пути из Индии в 1472 году. А вот купцу из Казани Василию Гагаре довелось около 1636 года доплыть по Нилу до Нубии!

Теперь перенесемся на Украину. В XVIII веке черниговский иеромонах Ипполит Вишенский впервые в украинской литературе упомянул об «агавешской земле» — речь явно шла об Абиссинии! Понадобилось более полувека, чтобы ростки эфиопистики укоренились на украинской почве: в 1810 году в типографии Харьковско-го университета была издана «Грамматика» Орнатовского, и в ней упоминались эфиопские языки.

А всерьез за амхарский, гэз и коптский языки взялся закарпатский просветитель Михайло Коп (позже он становится Лучкаем), но не на родине, а в Западной Европе. Осталось загадкой, откуда Лучкай черпал сведения для занятий эфиопскими языками. Может, в Лукке, столице итальянского княжества, где он жил некоторое время?

Рассказывая о том, как эфиопы открывали для себя другие земли, мы чуть не проскочили самую главную тему этого направления — о предках Пушкина. Но эта история требует отдельной книги, а здесь мы ограничимся лишь наиболее интересными деталями.

Капризы Клио

Удивительно, сколь притягательна далекая Африка для русских поэтов. Вспомним полное красоты стихотворение Николая Гумилева «Жираф»: «Послушайте: далеко, далеко, на озере Чад изысканный бродит жираф». И вот теперь стало известно, что страна Чад, о которой многие из нас мало что знают, — это родина прадеда великого Пушкина. Ранее считалось, что Абрам Петрович Ганнибал — знаменитый «арап Петра Великого» — родом из Эфиопии. Но сейчас выясняется, что прадед Пушкина появился на свет южнее озера Чад, среди песков Экваториальной Африки. В пользу этой вер-

сии свидетельствуют результаты экспедиции, которая не так давно исследовала отдаленные районы Чада и Камеруна.

Одним из первых в «эфиопской» версии происхождения Ганнибала усомнился замечательный русский писатель Владимир Набоков, который еще в 1964 году предположил, что родину Ганнибала надо искать в населенных неграми-мусульманами пограничных районах Чада и Камеруна. Версию Набокова развил французский филолог африканского происхождения Дьедонне Гнамманку, выдвинувший предположение, что родиной арапа Петра Великого является султанат Логон, расположенный на территории двух африканских государств. А вот на что указывал сам Ганнибал в своем прошении о выдаче ему диплома на дворянство и утверждении фамильного герба, написанном в 1742 году на имя императрицы Елизаветы Петровны: «Родом я низайший из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего, в городе Логоне, который и кроме того имел под собой еще два города».

Задачей отыскать родину Ганнибала занялся российский энтузиаст И. Данилов, который в дни празднования 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина обратился через МИД РФ в российское посольство в Чаде с просьбой оказать содействие в организации экспедиции. К счастью, тогдашний посол России в Чаде В.П. Воробьев, к тому же страстный поклонник пушкинского гения, загорелся предложением Данилова, решив также принять участие в экспедиции. И вот после завершения экзекуции Валерий Павлович рассказал о ее результатах, о которых также было сообщено И. Даниловым в его книге «Прагед Пушкина Ганнибал».

Но прежде напомним читателям об истории «арапа Петра Великого». Судьба Абрама Ганнибала весьма примечательна. Существуют разные версии причин, из-за которых он навсегда расстался с родными местами и оказался в Стамбуле, где его и приобрели придворные Петра I. Согласно одним предположениям, его выкрали. Но

есть версия, что отец мальчика — султан Логона — отдал его в залог туркам, с которыми он хотел поддерживать нормальные отношения. У султана было множество детей, и ему ничего не стоило пожертвовать одним из них ради того, чтобы в дальнейшем избежать вражеских нападений. А может быть, его обменяли на что-нибудь или отдали в счет погашения долга?

Но для чего понадобился негритенок русскому царю? Дело в том, что Петру Великому во время посещений Европы не раз приходилось видеть негрятят, прислуживавших тамошним монархам. И ему тоже захотелось иметь у себя арапчонка, причем не какого-нибудь, а образованного и обученного всем светским манерам. Традиция содержания при русском царском дворе арапчат была продолжена и после Петра. Вспомним хотя бы знаменитую скульптурную группу работы Б. Растрелли «Императрица Анна Иоанновна с арапчонком». Но, прежде чем стать крестником Петра, негритянскому мальчику пришлось немало пережить. Сначала его готовили в пажи султана, и он жил в серале, где также находился и старший брат Ибрагима, который предположительно родился от другой матери. В дальнейшем оба оказались в Москве.

Известно, что старший брат служил гобоистом в музыкантской команде лейб-гвардии Преображенского полка. И можно только догадываться, как сложилась его судьба после 1716 года. Интересно, что сам Ганнибал никогда не упоминал о своем брате.

Известно, что братьев, а также еще одного негритянского мальчика в 1704 году приобрел в Стамбуле С.Л. Владиславич-Рагузинский, который летом того года временно замещал русского посла П.А. Толстого. Но как же удалось ему забрать детей из серала? Ответ на этот вопрос надо искать в биографии А.П. Ганнибала, написанной на немецком языке его зятем В.И. Роткирхом. У рукописи не было названия, поэтому о ней говорили как о «Немецкой биографии». Любопытно, что даже А.С. Пушкин не знал, кто является ее автором. Так вот, немецкий биограф сообщил, что Рагузинский «познакомился с заведующим сералем, где воспитывались и обу-

чались пажи султана, заметил себе нескольких лучших из них, пригодных для его целей, и, наконец, тайным и отнюдь не безопасным способом при посредстве тогдашнего великого визиря получил трех мальчиков, расторопных и способных, как это покажут последствия».

Согласно сообщениям Рагузинского, никто из трех мальчиков к моменту вывоза их из Стамбула не стал мусульманином. Им не сделали обрезания. Вероятно, в Стамбуле все же планировали продать их или отправить в качестве подарка в какое-либо из христианских государств Европы.

Но все равно, приобретение детей оказалось незаконным. Поэтому Владиславич-Рагузинский, опасаясь преследований, не решился везти детей морским путем, а переправил их по суше. Вероятно, Ибрагима крестили в Валахии, по дороге в Россию. Он получил имя Авраам. Потом его стали называть Абрамом. Но в Москве по требованию Петра его крестили во второй раз. Царь стал крестным отцом ребенка. Он сделал его сначала прислужником-припорожником, т.е. мальчиком, жившим при пороге спальни царя, затем назначил камердинером, секретарем, хранителем чертежей, географических карт и книг, находившихся в царском кабинете. Естественно, что малообразованному, бесталанному человеку такое доверие вряд ли могло быть оказано. Царь брал арапа с собой в военные походы и заграничные путешествия, потом отправил его на несколько лет учиться в Европу.

Во Франции Ганнибалу был присвоен высокий чин капитана лейб-гвардии. В то время как тысячи соплеменников арапа превращали в рабов и отправляли на хлопковые плантации Америки, Ганнибал сделался блестящим офицером, покорителем женских сердец.

Возвратившись в 1723 году в Россию, он удивил всех своими знаниями по философии, истории, а главное — математике. И не случайно он стал первым инженер-генералом русской армии, автором труда «Геометрия и фортификация».

Но, конечно же, ни о каком родстве Ибрагима с легендарным карфагенским полководцем не может быть и

речи, тем более что до 1776 года фамилия арапа писалась с одной буквой «н».

Вот так счастливо, прежде всего благодаря покровительству русского царя, сложилась жизнь прадеда Пушкина. Но в его биографии осталось немало белых пятен, в особенности касающихся первых детских лет. Для выяснения подробностей его рождения и была организована экспедиция, которая в 50-градусную жару на двух джипах отправилась в султанат Логон. Сначала ее участники посетили город Логон-Гана, который расположен в Чаде, а затем находящийся в Камеруне Логон-Берни. К сожалению, ни в одном из этих городов точных свидетельств о рождении Ганнибала обнаружить не удалось. Но экспедиция продолжалась, причем ее участники оказались в таких глухих местах, в какие не забирался даже Гумилев во время своего знаменитого африканского путешествия.

Открытия и находки последовали после встречи со старейшинами племени котоко. Дело в том, что на сохранившихся сургучных оттисках печатей Ганнибала был выгравирован его герб, на котором просматривались контуры слона. Так вот, старейшины четко указали на то, что слон является покровителем и священным животным их племени. А дальше исследователей ожидало еще более интересное открытие. На том же гербе Ганнибала было написано по-латински непонятное слово FUMMO, которое никто до сих пор не сумел расшифровать. Когда же его произнесли в присутствии старейшин, те, не раздумывая, сразу же воскликнули: «Как же, в переводе на наш язык это слово означает «родина». Сомнений не оставалось: создавая свой герб, Абрам Ганнибал наверняка вспоминал о своем детстве, о местах, где он родился, о том, что окружало его на заре жизни и что он, конечно же, не мог забыть и к чему испытывал ностальгические чувства. Вот и появились на его дворянском гербе слон и слово «родина».

«Арап Петра Великого» наверняка помнил о своем африканском происхождении и гордился им. Все эти находки подтвердили тот факт, что Ганнибал родил-

ся в султанате Логон, расположенном на территории Чада и Камеруна. Приятно было сознавать, рассказывал В.П. Воробьев, с каким удовлетворением были восприняты результаты экспедиции в Чаде. Ведь немало людей в этой стране учились в России и хорошо знают Пушкина и его произведения. Конечно же, дело вовсе не в том, где родился предок поэта, ведь его творчество принадлежит всему миру. В ходе экспедиции хотелось просто установить историческую истину. Участники экспедиции были уверены, что, узнай Пушкин об этих поисках, он остался бы очень доволен. Ведь поэт всегда интересовался происхождением своего прадеда, рассказал журналист Никита Шевцов.

И еще несколько строк на эту волнительную тему. Как мы помним, Юрий Тынянов задумал предпослать своей эпопее о Пушкине нечто вроде пролога — роман «Ганнибалы». И в 1932 году набросал к нему вступление, которое начиналось так: «Дело идет на этот раз о Хабеше, старой Абиссинии, о самом севере ее — стране Тигрэ, где люди говорят на языке тигринья; о той горной части Тигрэ, которая называется «страна Хамасен». В этой земле Хамасен есть река Марреб, у самой реки стояло — быть может, еще и теперь — дерево сикомора, которое арабы зовут даро. Ветки его сто лет назад протягивались на тридцать шесть метров; купол дерева покрывал круг в шестьсот метров. В тени его отдыхали войска хамитов числом в тысячу пятьсот человек и больше. На верхних ветках сидели голуби — «золотистые, абиссинские». Двести лет назад, направляясь из Хабеша в турецкую Массову, нужно было непременно пройти мимо этого дерева. Тогда голуби провожали человека разговором. Речь идет о человеке, абиссинце, который не по своей воле оказался у этого дерева — его вели в турецкую неволю.

Тынянов, увы, не написал романа о Ганнибалах, но из далекой России угадал, увидел этот африканский перекресток, услышал шелест крыльев и воркование золотистых абиссинских голубей, потому что в полете фантазии он следовал за Пушкиным, который всю жизнь зачарованно вглядывался в «земли полуденной волшебные края»

*Абрам Петрович Ганнибал, русский военный
и государственный деятель африканского происхождения*

и воссоздавал в своем воображении удивительную и полную сказочных приключений судьбу черного предка.

В примечании к 1-й главе «Евгения Онегина» Пушкин писал: «В России, где память замечательных людей скоро исчезает по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала (Ганнибала. — *Ред.*) известна только по семейственным преданиям. Мы со временем надеемся издать полную его биографию».

Напомним, что это примечание (помещенное в первом издании 1-й главы в 1825 году) относилось к следующим строкам «Онегина»:

Пора покинуть скучный брег
Мне неприяженной стихии
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

«Автор, со стороны матери, происхождения африканского», — замечал Пушкин. Вряд ли, обещая издать полную биографию прадеда, он имел в виду только так называемую «Немецкую биографию» А.П. Ганнибала (записанную, как сейчас установлено, со слов старого арапа его зятем А.К. Роткирхом). Скорее всего, речь шла о труде самостоятельном и более обширном.

Биография прадеда не была издана, остался незавершенным роман о царском арапе — первенец пушкинской исторической прозы. Однако «круг пушкинских замыслов так широк, — отметил профессор Ю.М. Лотман, — что вся последующая русская литература так или иначе с ними соотносилась, продолжая и как бы реализуя... намеченный им путь духовного развития». Не является исключением и замысел жизнеописания Ганнибала — многие поколения писателей и ученых пытались выполнить пушкинский завет.

Постепенно литература о выдающемся военном инженере и сподвижнике Петра I благодаря неустанному поиску исследователей составила целую книжную полку. Но пока практически отсутствует какая-либо документальная информация о «достамбульском», детском периоде жизни Ганнибала. К сожалению, не дошло до нас и его достоверное изображение: в последнее время возобновились споры вокруг предполагаемого ганнибалова портрета, хранящегося во Всесоюзном музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

В свое время в Московском Кремле, сообщил А. Букалов, в помещении звонницы колокольни Ивана Вели-

кого, проходила выставка старинного русского оружия из личной коллекции Петра I. Один из залов украсила гравюра «Битва при Лесной», выполненная с картины известного французского художника-баталиста Пьера Мартена-младшего. В свите Петра изображен его крестник, юноша-арап в преображенском мундире и восточном головном уборе. Картина была написана по приказу Петра. Не исключено, что Пушкин видел ее в Эрмитаже. Существовали и другие прижизненные изображения Ганнибала. И.Л. Фейнберг полагал, например, что могли сохраниться рисунки с восковой персоны арапа, заказанной Петром для «Кунсткамеры» (скульптура погибла во время пожара).

В 1827 году Пушкин нарисовал на полях рукописи романа о царском арапе профиль Ибрагима — автопортрет с утрированными африканскими чертами. Этот набросок — не единственная графическая попытка поэта представить себя в образе Ганнибала. Попытка вполне оправданная, ибо, как заметил немецкий писатель, пушкинский современник Вольфганг Менцель, «одно зеркало важнее целой галереи предков».

Несколько неожиданным дополнением к этой теме статьи являются исследования ученых в новых областях знания — социобиологии и биосоциологии. Эти науки изучают взаимосвязь эволюции наследственного генофонда и культурных обретений, передаваемых языковыми средствами. Особенно интенсивно исследуется феномен «памяти генов». Хромосомы по-своему «помнят» физиологические предпосылки сложившихся в определенных условиях форм поведения и общения. Выяснилось совпадение зон распространения на Земле повторяющихся участков молекул ДНК и сходных элементов культуры, прежде всего мифологических сюжетов и образов.

Конечно, «память» африканских генов Пушкина была связана с пересказами воспоминаний прадедушки бабушкой Ганнибал и матерью поэта, красавицей-креолкой, говорит африканист Игорь Андреев. В частности, сюжет сказки о золотой рыбке встроен в «рамку»

скорее африканских, нежели российских, психологических реалий патриархального свойства. Разве типично для русского мужика, чтобы им повелевала выжившая из ума старуха? Другое дело — Африка. Отец Ганнибала в самом начале того века, в конце которого родился наш поэт, с оружием в руках противостоял вторжению ислама, защищая традиции, близкие сложившемуся именно в Африке матриархату. Поэтому «сказочная» властная старуха так напоминает африканцам образ царицы-матери, не упускающей случая поруководить сидящим на троне супругом.

Разумеется, это не отрицает социальной почвы для похожести черт характера. Российская артельность, близкая по духу африканской общинности, объясняет созвучие русского фольклора с африканским эпосом. Например, мандингское сказание о богатыре Сундиате и превратившемся в кукушку колдуне Сумаоро напоминает противоборство Ильи Муромца и Соловья-разбойника. Оба сюжета появились на свет в XIII веке, когда в этих регионах местные племена создавали и «на ощупь» осваивали самобытную государственность: одни — на границе саванны с пустыней Сахарой, вторые — там, где сошлись муромские леса и степная мещерская низменность. Обоим сказаниям созвучна пушкинская поэма «Руслан и Людмила».

* * *

Вовсе не обязательно, что загадки задают только древность и Средневековье. Много тайн хранят архивы о временах не столь отдаленных. Фонды министерств юстиции, иностранных и внутренних дел, контор великих князей, Александро-Невской лавры, Синода — там находятся материалы о том, как зарождались русско-эфиопские связи в середине позапрошлого века главным образом на основе общей религии. Но не только это было поводом для тесных контактов. В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, в фондах Военно-медицинской академии, Красного Креста, Военно-учетного архива и Главного артиллерийско-

го управления имеются послужные списки врачей, работавших в Эфиопии, отчеты о деятельности санитарного отряда Шведова. Трехтомное дело департамента полиции Центрального государственного архива Октябрьской революции хранит обширные данные об экспедиции Ашинова в 1899 году. Да мало ли еще уникального, нетронутого материала! Давайте обо всем по порядку.

С чего же все-таки начать рассказ о систематической, постоянной работе наших прадедов в Эфиопии? Со времени обмена дипломатическими миссиями 1895 и 1897 годов? Пожалуй, с более раннего времени. Первой российской экспедицией, которой довелось побывать на территории этой страны, была экспедиция Егора Петровича Ковалевского. В 1847—1848 годах ему удалось проникнуть лишь в западные области страны, туда, где жили племена галла. Ковалевский оставил подробные характеристики этого народа. Прошло несколько десятилетий до следующей поездки — казака Николая Ашинова. Того самого, из архивного трехтомного дела.

Жизненная драма Николая Ашинова состояла в том, что родился он не в то время и не тем, кем ему хотелось бы. Появившись на свет в 1857 году в семье мелкого царицынского купца, переселившегося на Терек, Ашинов с детства бредил подвигами терского казачества. Семнадцать лет от роду он ушел из дома — «казачить». Во время скитаний по Закавказью он встретился с профессиональными контрабандистами и нелегально отправился с ними за кордон. В Батуме

Николай Ашинов, терский казак, авантюрист и путешественник

(тогда еще принадлежавшем Турции) Ашинов сошелся с Мишкой Дзулобым, одним из предводителей так называемых вольных казаков, состоявших частью из осевших в Турции потомков российских казаков-некрасовцев, частью — из вольных сынов Кавказа, подавшихся в абрики. Главным их промыслом было вождение через границу караванов с контрабандой и прочие лихие дела.

Жизнь вольного казачества пришлось Ашинову по душе. Вступив в одну из «гулевых сотен», он вскоре выдвинулся и сделался есаулом у атамана Дзулобого. Накануне русско-турецкой войны жизнь вольных казаков осложнилась: турецкие власти все настойчивее стали наступать на их свободу. Часть казаков решила перебраться из Турции обратно на российские земли. Ашинова, как хорошо грамотного, направили в Россию ходатаем, чтобы просить о выделении вольным казакам земли на Кавказе, но поездка успехом не увенчалась. В 1883 году Ашинов предпринял повторную попытку, на этот раз более удачную. Предложенный им проект создания на восточном побережье Черного моря шестисотверстной полосы русских поселений — от ставшего российского Батума до Новороссийска — с образованием отдельного причерноморского казачества нашла поддержку во влиятельных славянофильских кругах.

Издатель «Московских ведомостей» Катков устроил Ашинову встречу с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе князем Дондуковым-Корсаковым. Тот согласился выделить полторы сотни десятин в Кутаисской губернии, в местечке Цебельда, разрешив заселить ее. Но не выходцами из Турции, а крестьянами из русских и малороссийских губерний.

Вскоре новое поселение было создано. Ашинов назвал его «станцией Николаевской» (не то в честь себя, не то в честь наследника престола), а сам назвался «станичным атаманом», заявив поселянам, что они должны знать в качестве начальника только одного его. Поселянам-то было все равно, но самоуправство Ашинова не понравилось местной администрации. Та обратилась к князю Дондукову-Корсакову за разъяснениями по поводу

статуса ашиновского поселения. Сразу же выяснилось, что, выделяя Ашинову землю под заселение, князь-главноначальствующий вовсе не предполагал образовывать новые казачьи станицы. И приказал «в устройстве ашиновских поселян не делать никакой разницы с остальными поселенцами округа».

Станицу переименовали в «село Николаевское», а поселенцам предложили выбрать органы местного самоуправления. Ашинова же не прельщала перспектива стать деревенским старостой. Он мечтал об атаманстве и надеялся, что его станица станет ядром, из которого затем вырастет новое казачье войско. Ашинов отправился в Петербург искать правды и надеясь дойти, если надо, до самого императора. Однако в столице все его прошения в высшие инстанции остались без ответа. Неудавшийся атаман собирался уже вернуться в Турцию, но тут произошло событие, круто изменившее его дальнейшую жизнь. Резкие критические высказывания Ашинова в адрес кавказской администрации привлекли к атаману внимание английских спецслужб. Англичане встретились с ним в Петербурге и предложили ему поддержку взамен на согласие немного поработать в британских интересах. От Ашинова требовалось завербовать в Турции некоторое число добровольцев из числа вольных казаков для диверсий на Закаспийской железной дороге, которую строили в Туркестане. Еще следовало наладить тайную доставку оружия на Кавказ. Англичане готовы были отвалить за это два миллиона фунтов. Ашинов немедленно выехал в Константинополь.

Однако англичане просчитались. Ашинов при всех его амбициях и тщеславии остался патриотом России. В Константинополе он, стоворившись с Двулобым и его людьми, артистически разыграл перед британским военным атташе сцену вербовки наемников. Но, взяв задаток, не только ничего не предпринял в пользу англичан, но еще и негласно, через третье лицо, уведомил русское посольство в Турции.

Потом он исчез из Константинополя и через некоторое время «всплыл» в Египте. Ашинов явился к россий-

скому консулу Хитрово, с которым успел познакомиться в Москве, в доме известного славянофила Аксакова. Хитрово, лично оказавшийся свидетелем ашиновской аферы с англичанами (он находился в тот момент в Константинополе), на время предоставил атаману укрытие.

В Александрии, однако, англичане чувствовали себя, как дома, и Ашинову потребовалось на время совершенно исчезнуть. И убыл он в Абиссинию (так тогда называли Эфиопию). Посоветовать это мог лишь Хитрово: у него были свои резоны желать поездки Ашинова в Эфиопию. Будучи крупной фигурой в славянофильских кругах, он искал возможности вовлечь исторически тяготеющую к православию Абиссинию в орбиту русского влияния, а для начала хотел отправить туда кого-нибудь на разведку. Министерство же иностранных дел, возглавляемое тогда Гирсом, проект консула в Египте отклонило. Но Хитрово не смирился с отказом и продолжал искать возможности осуществить свой план. Кандидатура вольного казака была вполне подходящей. Ашинов являлся лицом неофициальным, и его, Хитрово, он никак не мог скомпрометировать. Но на всякий случай Хитрово в донесении в Петербург утаил от министерства свое участие в решении Ашинова отправиться в Эфиопию.

Посетив Абиссинию и будучи там неожиданно хорошо встречен, — кажется, его приняли за какое-то высокопоставленное лицо — Ашинов сам загорелся идеей Хитрово, причем пошел в своих планах гораздо дальше своего вдохновителя. Он решил, что Абиссиния как нельзя лучше подходит для его проекта создания нового казачьего войска, который ему не дали осуществить на Кавказе.

Вернувшись в Россию, Ашинов перво-наперво предложил отправить в Эфиопию русскую духовную миссию для подготовки воссоединения русской и эфиопской церквей и одновременно начал набор добровольцев для заселения якобы уже основанной им на побережье Красного моря станицы «Новая Москва». Станица существовала пока только в его воображении. (Когда привезенные Ашиновым добровольцы высадились на песчаном афри-

канском берегу, они увидели, что разрекламированная Ашиновым станица — это лишь старый полуразрушенный египетский форт, почти не подходящий для жилья, а гавань, которой Ашинов соблазнял морских чинов, мелководна и непригодна для стоянки и бункеровки судов.)

Его предприятие было задумано с размахом. Ашинову поверили даже умудренные опытом государственные деятели, такие, как управляющий Морским министерством адмирал Шестаков и обер-прокурор синода Победоносцев. Лишь Министерство иностранных дел сохраняло свой неизменный скепсис и даже оказывало противодействие его планам. За что Ашинов называл это ведомство исключительно уничижительно Гирска и К°, а его главу — «немец-перец».

Замысел у Ашинова был действительно масштабный. Духовная миссия являлась скорее предлогом, дабы прикрыть политическую подоплеку проекта и привлечь пожертвования. Главное было — занять на красноморском побережье какую-нибудь свободную бухту и создать на ее берегу казачье поселение со стоянкой и угольной станцией для российских судов. Далее атаман предполагал расположить к себе императора Йоханныса IV поставками русского оружия, утвердиться со своими казачками в Эфиопии и образовать там самостоятельное казачье войско из русских выходцев, которое, служа эфиопскому негусу, стало бы одновременно гарантом его лояльности к России.

В марте 1887 года Ашинов обратился в Священный синод с прошением о посылке духовной миссии в Эфиопию. Ашинов в роли духовного начальника миссии желал бы видеть лицо, ему вполне послушное. Поэтому он предложил петербургскому митрополиту Исидору поставить во главе миссии своего старинного приятеля Писисия, состоявшего ключником при православном Пантелеймоновском подворье в предместье Константинополя. Правда, будущий глава духовной миссии был неграмотен и едва мог написать свое имя. Но Ашинова это не смущало, скорее было даже на руку — ничего лишнего не напишет. Однако митрополиту этот выбор показался стран-

ным, и он вызвал Паисия в Петербург на собеседование. Благообразный и бесхитростный Паисий произвел на Исидора благоприятное впечатление, и назначение последовало. Духовный сан Паисия — инок — для такого серьезного миссионерского дела оказался слишком мал. Положение решили исправить: 6 августа 1888 года Паисий был рукоположен Исидором в иеродиакон, 7 августа — в иеромонахи, а 13 — в архимандриты. Немногим монахам удавалось делать столь быструю карьеру. Итак, первый успех был Ашиновым достигнут. Вместе с вполне преданным ему главой будущей духовной миссии Ашинов получил возможность легального сбора пожертвований на миссионерское дело. Сбор пошел споро. Бедствия абиссинских братьев по вере, терпящих от происков католиков, не оставляли русских жертвователей безразличными.

Убедить гражданских чиновников оказалось сложнее. Для успеха плана Ашинову требовалась поддержка Военного и Морского министерств. Военное министерство проект Ашинова о привлечении в союзники абиссинцев не вдохновил. Генерала, к примеру Обручева, изумила просьба атамана отпустить тридцать тысяч винтовок Бердана с миллионом патронов для вооружения абиссинской армии. Управляющий Морским ведомством адмирал Шестаков тоже не хотел воспринимать вольного казака всерьез и долго отказывался встретиться с ним. Однако летом 1887 года их знакомство в конце концов состоялось. Ашинов сумел нащупать чувствительные струнки адмирала: их сблизила общая нелюбовь к англичанам. Кроме того, в некотором содействии проекту Ашинова Шестаков увидел возможность решить ряд задач, стоявших перед его собственным ведомством. «А не поздоровится Джону Булю, коли там и сям крейсерам можно будет запастись углем», — записал он в дневнике после встречи с Ашиновым.

В октябре 1888 года Шестаков и Ашинов договорились о том, что духовная миссия с Паисием и казачья сотня, сопровождающая ее для охраны, будут доставлены на таджурское побережье бесплатно, на пароходе добро-

вольного флота «Россия», капитану которого адмирал дал отдельное задание — осмотреть бухту у ашиновской станицы и оценить ее пригодность для стоянки и бункеровки судов.

К осени 1888 г. все приготовления, по существу, завершились. Было отобрано свыше 150 добровольцев, готовых отправиться в неведомую Эфиопию и ждавших в Одессе погрузки на «Россию». Но внезапно судьба отвернулась от Ашинова. В ноябре 1888 г. адмирал Шестаков скорпостижно скончался. У нового управляющего Морским министерством вице-адмирала Чихачева планы атамана поддержки не встретили, тем паче что в печати появились сведения, опровергавшие заявления Ашинова о якобы основанной им в Африке казачьей станице. Источником этих разоблачений стал некто Степан Самусеев, наемный человек Ашинова. Он был завербован атаманом во вторую поездку в Эфиопию, но, когда эта поездка не состоялась, Ашинов оставил его в числе еще семи человек на берегу Таджурского залива — ожидать возвращения Ашинова с пополнением, охранять оставленное имущество, а заодно олицетворять собой основанное атаманом «поселение».

Прождав несколько месяцев возвращения хозяина, люди мало-помалу стали разбегаться. Двое из них, Самусеев и Шелипенко, добравшись осенью до Константинополя, рассказали в российском посольстве, что Ашинов якобы бросил их без денег и продовольствия на пустынном африканском берегу. Посол Нелидов счел своим долгом сообщить об этом в Петербург.

Министерство иностранных дел немедленно воспользовалось этими фактами, чтобы положить предел агитационной деятельности Ашинова и Паисия. Газетам было предписано прекратить публикацию воззваний архимандрита Паисия к хрестолюбивым жертвователям и благотворителям. Морское министерство отменило фрахт бесплатного парохода для нужд миссии, а Военное министерство, которое, глядя на флотских, уже тоже было готово «подмогнуть» ашиновцам списанным оружиешком, быстренько аннулировало свои прежние решения.

Но Ашинова, вошедшего в азарт и уже видевшего себя новым Ермаком, оказалось не так-то просто остановить. Увидев, что от правительства ждать помощи больше нечего, он полностью взял дело в свои руки, причем столь стремительно, что многие люди, ехавшие с ним с полной уверенностью, будто все предприятие поддерживается государством, даже не успели ничего понять. Ашинов решил во что бы то ни стало выполнить свой план, рассчитывая на то, что победителя, который подарит России африканскую колонию, уж, верно, не осудят. На собранные церковные пожертвования и собственные средства Ашинов купил для всех членов миссии билеты на рейсовый пароход Российского общества пароходства и торговли «Адмирал Корнилов», шедший до Египта, надеясь дальше добраться до места на каком-нибудь попутном судне. Небольшую часть оружия и амуниции, которую он успел получить со складов Морского министерства еще при Шестакове, ему удалось спрятать и перед отплытием тайно погрузить на пароход.

В начале декабря 1888 года «Корнилов» с духовной миссией на борту вышел из Одессы, провожаемый теплыми напутствиями жителей города. Перед отплытием сам контр-адмирал Зеленый, градоначальник Одессы, провел проверку отъезжающих. Ашинову удалось договориться с властями Одессы о том, чтобы члены духовной миссии были выпущены за границу по общему списку, без оформления загранпаспортов — по примеру едущих на российский Дальний Восток. Часть членов миссии значилась богомольцами, следующими к святым местам, часть — переселенцами на Дальний Восток. Если целью Ашинова при этом было не привлекать к своей экспедиции излишнего внимания Министерства иностранных дел, то план его вполне удался. Причем удался настолько, что внешнеполитическое ведомство узнало об отплытии ашиновской миссии лишь из газет. А узнав, сначала не придавало этому особого значения. Первыми всполошились итальянцы, не желавшие появления русских в Красноморье: у них были свои цели в Эфиопии.

19 декабря русская духовная миссия прибыла в Порт-Саид, дальше которого рейсовые российские суда не ходили. Почти недельное пребывание ашиновцев в главном пункте Суэцкого канала, где им пришлось ждать попутного парохода, не могло не привлечь к русской миссии внимания европейских держав. Европейские газеты наперебой обсуждали цели миссии и отношение к ней российского правительства. Между тем последнее пребывало в состоянии некоторой растерянности, не успев даже своевременно уведомить об отъезде миссии свои консульские службы на Востоке. Германский консул в Порт-Саиде, выполнявший по совместительству и обязанности российского вице-консула, на основании отсутствия у него инструкций отказал «духовной миссии» в официальном покровительстве.

24 декабря Ашинову наконец удалось посадить миссию на австро-венгерский пароход «Амфитрида», который согласился доставить экспедицию в Таджуру. Но, немедленно по выходе «Амфитриды» из порта, ее начал преследовать итальянский военный корабль, которому было поручено следить за передвижением русской экспедиции и воспрепятствовать высадке русских на итальянской территории. Одновременно итальянский посол во Франции потребовал от Парижа запретить высадку экспедиции во французские владения, так как, по сведениям итальянцев, русские везли с собой большое количество оружия и тем якобы нарушали конвенцию о запрете ввоза оружия в Африку. Впрочем, итальянской канонерке не удалось помешать высадке миссии: бурной штормовой ночью итальянцы потеряли из виду быстроходную «Амфитриду». Ашиновцы, два дня наблюдавшие за назойливым преследованием итальянцев, ликовали. Атаман по этому поводу устроил даже банкет для капитана и команды корабля.

6 января около 9 часов утра «Амфитрида» благополучно бросила якорь в Таджурском заливе, в нескольких милях южнее французского порта Обок. Будущие колонисты с нетерпением высыпали на палубу, надеясь увидеть на берегу некое подобие малороссийских мазанок или до-

бротные курени русской станицы. Но их взгляд не встретил ничего, кроме убогих шалашей данакильцев (местное племя), сгрудившихся под редкими, чахлыми пальмами. Стало ясно, что рассказы о станице — это блеф и начинать придется на пустом месте. Неудивительно, что некоторые сразу заскучили и стали подумывать о возвращении. Впрочем, надо отметить: данакильцы встретили русских дружелюбно. Ашинова приветствовали, как старого знакомого.

Из семи русских, которые должны были дожидаться Ашинова в Таджуре, осталось трое. Остальные разбежались. Да и эти трое сумели продержаться до возвращения атамана лишь благодаря помощи данакильцев, которые подкармливали, как могли, ашиновских «станичников». Поначалу переселенцы устроились прямо на берегу, возле сваленных ящиков со скарбом. Немногочисленные палатки были отданы семейным. Остальные соорудили себе временное жилье из досок и другого стройматериала, который благодаря предусмотрительности Ашинова и отставного капитана Нестерова был взят с собой в достаточном количестве.

Первые дни после высадки Ашинов с небольшим отрядом стрелков неустанно совершал рекогносцированные вылазки по побережью, подыскивая место для устройства постоянного поселения. Остальные томились в неопределенности и, пребывая в безделье, потихоньку уничтожали запасы привезенного спиртного, проигрывали в карты свое имущество. Некоторые, менее стойкие, столкнувшись с реалиями африканского быта, воспользовались длительными отлучками атамана и попытались бежать в Обок, чтобы оттуда вернуться в Россию. Но они не знали верной дороги и были перехвачены и возвращены в лагерь. Беглецов на первых порах решили не наказывать, а ограничиться строгими увещеваниями.

Вероятно, уместно сказать несколько слов о людях, которые отправились с Ашиновым в Африку. Контингент добровольцев состоял в основном из людей неустроенных в жизни, не имевших зачастую ни надежно-го крова, ни гроша за душой, ни перспектив на будущее.

Поэтому многие на экспедицию Ашинова смотрели как на шанс поправить свое материальное положение. И когда впоследствии Ашинова упрекали за то, что он набрал в свою миссию всякий сброд, одна влиятельная русская газета мудро заметила по этому поводу, что упреки эти мало им заслужены, потому что «едва ли можно думать найти в России охотников колонизировать абиссинские пустыни между тайными советниками и институтками».

Ашинов еще до отплытия пытался привить своей «золотой роте» понятие о дисциплине, поручив Нестерову, не предавая дело огласке, заняться с добровольцами военно-строевой подготовкой. Но эти тайные занятия будущих казаков продолжались недолго: вскоре домовладелица потребовала от Нестерова прекратить «домашнюю маршировку». В конце концов вопросы военно-дисциплинарного характера было решено отложить до прибытия на место. Но еще по дороге, в промежуточных портах, экстравагантность ашиновских волонтеров создала Ашинову немало проблем и сильно дискредитировала «духовную миссию». Особенно непростой оказалась в этом отношении неделя пребывания в Порт-Саиде, где временным пристанищем ашиновцев стали три пришвартованные к пирсу грузовые баржи. «Четырехсуточная стоянка в Порт-Саиде, — вспоминал Нестеров, — произвела дурное впечатление на наш отряд... Бездеятельность развила пьянство и мотовство». Еще резче высказался капитан парохода «Нижний Новгород», которому довелось встретиться с ашиновцами в Порт-Саиде: «Вся команда состоит положительно из каких-то оборванцев, пьяных и шумящих на весь город. Пароход Российского общества пароходства и торговли высадил их всех на две баржи, а вот эти баржи стоят у пристани в самом бойком и чистом месте набережной, а так как ночью все 150 человек не помещаются для сна на барже, то часть их спит прямо тут же, на улице, на земле. Днем и поздно вечером дружина вся бродит по улицам в невозможных костюмах, притом рваных и грязных от сна на земле... Все в веселом, бесшабашном настроении духа, кричат и поют песни днем и ночью...»

Надо сказать, что среди волонтеров было десятка полтора интеллигентов: врачей, учителей, отставных офицеров, священников, которые ответственно отнеслись к задачам миссии и, прибыв на место, начали изучать местные языки и обычаи. К несчастью, не они определяли общее лицо этой так называемой духовной миссии.

Для местных жителей приезд русских был настоящим событием. Всю неделю, пока колонисты оставались в Таджуре, данакильцы навещали русский лагерь. Отношения установились самые дружеские. Ашинов каждый вечер принимал у себя с угощениями туземного султана Магомет-Сабеха. Из Таджуры Ашинов отправил в Эфиопию «к Негусу Иоанну» (императору Иоханнысу IV) трех приехавших с ним абиссинских монахов с сообщением о прибытии русских и просьбой прислать к побережью караван.

Вся эта деловая суэта русских происходила на глазах у французов, считавших себя законными хозяевами этих мест. Однако, к изумлению хозяев, гости и союзники почему-то проигнорировали визит вежливости, а от приглашения французов прибыть в Обок для объяснений сам Ашинов всякий раз уклонялся: ведь тогда ему пришлось бы представить объяснения по поводу пребывания его людей на чужой территории. Это начало тревожить французскую администрацию. Французского губернатора Лагарта в особенности настораживали тесные и, по-видимому, вполне дружеские контакты русских с местными данакильскими шейхами, давая почву подозрениям: а не намерен ли Ашинов играть здесь роль параллельной власти?

Через неделю Ашинову удалось отыскать подходящее место для будущего поселения. Выбор пал на местность Сагалло, где сохранилось полуразрушенное укрепление, брошенное много лет назад египтянами. От него, по существу, мало что осталось, но рядом был источник хорошей питьевой воды — главное богатство этих знойных и засушливых мест.

Несколько более или менее пригодных для жилья помещений форта заняли Ашинов с женой и Архимандрит

Паисий с иеромонахами Ювеналием и Антонином. Рядом, в большой палатке, оборудовали походную церковь. Всем прочим было указано строить шалаши и землянки по периметру форта.

Свою деятельность колонисты начали с разборки развалин и благоустройства форта. Постепенно брошенное укрепление, которое переименовали в станицу «Новая Москва», стало обретать жилой вид. Во внутреннем дворе крепостицы устроили пороховой и продовольственные склады, кухню, пекарню и мастерские (портняжную, сапожную и оружейную). Здесь же, в стенах форта, разместились семейные — кто в палатках, кто в восстановленных на скорую руку помещениях. Рядом с крепостью поставили кузницу и плотницкую мастерскую. Вокруг посадили привезенные из России фруктовые деревья. Поход в Абиссинию планировали на март-апрель, так как, по расчету Ашинова, раньше этого срока нельзя было ждать известий от эфиопских властей и прибытия каравана. Пока же полным ходом работали портняжные и сапожные мастерские: атаман заказал обмундирование для тех казаков, которые пойдут с ним в Абиссинию. Прочие же, под командой Нестерова, должны были остаться в станице и оберегать ее.

С переездом русских из Таджуры в Сагалло у колонистов и здесь сразу установились прекрасные отношения с местным племенем данакильцев, подчинявшихся соседнему султану Магомету Лейте. Данакильцы бывали в форте частыми гостями.

«Дикари, — писал Нестеров, — стали навещать нас и привыкать к нам. Они приводили свой скот и меняли его на полотно. Скоро у нас завелось стало овец и коз. Данакильцы приносили нам молоко, мясо животных и птиц. Посещали нас вместе с мужчинами и женщины; мы принимали дикарей радушно, шутили с ними, изучали их язык и знакомили их с нашим, угощали их чаем, сахаром, сладостями и хлебом. Последний им очень понравился, и они постоянно приходили только за ним. В свою очередь, и дикари отвечали нам дружелюбием. Встречая нас в поле, на охоте или в горах, угощали молоком, мясом, яйцами».

29 января Ашинов развернул над фортом Сагалло богатое знамя, «драгоценный дар граждан града Москвы». Под этим знаменем состоялась торжественная присяга казаков на верность царю-батюшке, наследнику-цесаревичу и атаману Николаю Ивановичу Ашинову. Быту поселенцев с самого начала стали придаваться военные элементы. Из колонистов, записавшихся при поступлении в «казаки», составили сотню, которую разбили на шесть взводов. Первый, состоявший из 12 лично преданных Ашинову осетин и некоторых приближенных к нему лиц, считался «личным конвойным взводом атамана». Отставной капитан Нестеров начал регулярные строевые учения и стрельбы. На ночь выставлялись дозоры во избежание нападения недружественных племен. Но за все время ни одного такого нападения отмечено не было.

Члены собственно духовной миссии, составлявшие примерно треть от числа поселенцев и формально состоявшие под началом Паисия, значились послушниками и несли послушание также в виде различных общественных работ.

После переезда русских колонистов на новое место французы отнюдь не оставили их в покое, а еще больше обеспокоились, так как территория Сагалло хотя и считалась также под их протекторатом, но, по существу, никак не контролировалась. А местный султан был известен своей враждебностью к французам. Тем не менее французы приветствовали его контакты с русскими. Французы, подождав несколько дней, вновь, уже более настойчиво, потребовали прибытия Ашинова в Обок. Однако тот приглашение вновь отклонил... за недосугом.

Не зная, как реагировать на эту бесхитростную бесцеремонность русских, Лагард забрасывал Париж телеграммами, требуя разъяснений и инструкций. Париж запросил о целях миссии петербургские власти, которые сообщили французам, что Ашинов действует на свой страх и риск и правительством не поддерживается. Это придало французам некоторую уверенность. В конце января обокские власти направили в Сагалло новую

депутацию, в составе которой были морские офицеры с крейсера «Примоге», зашедшие в Обок по пути в Марсель. На сей раз разговор состоялся довольно жесткий. Ашинова обязали явиться в Обок к губернатору, сдать ему под охрану все лишнее оружие миссии и поднять над фортом французский флаг, естественно, сняв русский. От визита в Обок Ашинов вновь уклонился, а на требования установить над фортом французский флаг ответил, что французы, если им угодно, могут сделать это сами, но что охранять их флаг он не будет. Относительно же лишнего оружия он заявил, что лишнего у него нет, а то, что имеется, необходимо для самозащиты на случай нападения диких племен. Таким образом, Ашинов отказывался лишь в слегка завуалированной форме признать французский протекторат над Сагалло, и его поведение представлялось французам все более вызывающим.

Ашинов не случайно отказался поехать в Обок. Как он впоследствии признавался, от греков, торгующих в Обоке, он получил сведения, что французские власти собираются его арестовать и депортировать в Таджуру. А это не входило в его расчеты. К тому же он, кажется, всерьез вбил себе в голову, что Сагалло не принадлежит французам, в чем его заверил туземный султан Магомет Лейта. Но поскольку у него уже не было надежд на помощь российской дипломатии, то он решил выжидать, рассчитывая, что французы не посмеют перейти от уговоров к более решительным действиям. Однако его вызывающая и одновременно страусиная тактика по принципу «авось пронесет» в конце концов вывела французского губернатора из себя. Тот проникся враждебностью к русской миссии. Но от решительных действий Лагарда до поры удерживало подозрение в том, что Ашинову покровительствует официальный Петербург. Ситуация действительно была неясная. С одной стороны, российское правительство предложило посредничество в переговорах с Ашиновым и уже готовилось направить в Таджуру офицера со строгими указаниями Ашинову подчиниться французским законам, но одновременно Петербург пре-

доставил французам право в случае необходимости принять самостоятельные меры к водворению законности.

В ашиновском лагере между тем росла напряженность. Участвовавшие визиты французов ясно свидетельствовали, что русское поселение они в покое не оставят. К этому добавился и конфликт между самими поселенцами, постепенно назревавший оттого, что одни из них благодаря близости к атаману попали в разряд привилегированных, а другие — в разряд притесняемых. Тщеславие самого атамана росло как на дрожжах. Здесь, на далеком от России африканском берегу, Ашинов ощутил себя таким маленьким царьком, наподобие тех данакильских султанов, рядом с которыми он поселился. Он быстро усвоил привычку смотреть на своих сподвижников сверху вниз. Сознание того, что это он привез их всех сюда за свой собственный счет, вселяло в него неудержимое желание повелевать и распоряжаться, требовать беспрекословного подчинения.

К тому же стало ясно: запасов продовольствия отнюдь не хватит на пять месяцев, как ранее предполагали. Были ограничены нормы потребления, введены продовольственные пайки, распределением которых ведали приближенные к атаману лица. По словам недоброжелателей атамана, приближенные Ашинова, особенно его осетинский конвой, нередко третировали и безнаказанно притесняли рядовых колонистов. Ашинов предпочитал не вмешиваться, чтобы не ссориться со своими телохранителями, которых, кажется, сам несколько побаивался.

Участились случаи побегов к французам. Первыми подались в бегу разочарованные ловцы удачи из числа люмпенов, примкнувшие к экспедиции в надежде на легкую наживу. Скоро Ашинов стал терять свою былую популярность и у добросовестных и надежных членов экспедиции. Они выражали свое недовольство авторитарными порядками, которые насаждались Ашиновым в «станции» и которые иной раз доходили до самодурства. Так, в условиях нехватки табака атаман самолично пожелал отучить весь отряд от курения, объясняя это тем, что «...в Абиссинии строго преследуется курение табака, и слабость наша

могла вызвать к нам нерасположение абиссинского народа...» Поскольку при дворе Йоханныса IV действительно враждебно относились к курящим табак, то можно предположить, что в своих действиях Ашинов исходил из соображений целесообразности, но большинство полагало, что атаман придерживал табачок «для своих».

По мере того как число побегов из Сагалло росло, к пойманным перебежчикам стали применять все более жесткие меры: недельные каторжные работы и даже порку. Но это не остановило людей, а лишь ожесточило. Видя быстрый рост числа недовольных, Ашинов сменил тактику и стал уговаривать людей подождать до весны, когда, по его словам, из России должно было прийти новое судно с поселенцами, на котором он обещал отправить обратно всех недовольных. Однако и это не помогало. Дисциплина расшатывалась все более по мере сокращения норм продовольствия. Усилилось воровство. Было отмечено несколько случаев краж скота у туземцев, и, чтобы не испортить отношения с данакильцами, атаману приходилось каждый раз с лихвой выплачивать стоимость украденного.

Возможно, в этой обстановке «Новая Москва» прекратила бы свое существование естественным путем. Возможно, также, что колонистам удалось бы, собрав первый урожай, продержаться до весны и потом двинуться в Абиссинию. Но ни одному из этих естественных вариантов не суждено было осуществиться. В «естественный» ход событий вмешались французские власти.

По мере увеличения числа перебежчиков у Лагарда возникало все больше оснований к решительным действиям против Ашинова. Зачастую повод к этому давал сам Ашинов. Так, перебежчики сообщали Лагарду, что атаман открыто не признает власть французов над Сагалло и якобы ждет из России приезда новой партии поселенцев, за которой должно последовать признание станицы российским правительством, чего местный султан Магомет Лейта, ненавидящий французов, только и ждет. Ашинов действительно мог говорить такое, желая поддержать дух своих сподвижников, но это обстоятельство

стало поводом к переходу обокских властей к решительным действиям.

Около полудня 5 февраля (17-го по новому стилю) 1889 года французская эскадра в составе трех кораблей подошла к Сагалло. Это был уже пятый визит французов в лагерь ашиновцев. К ним и их «смешным претензиям» поставить над Сагалло французский флаг в русском лагере уже привыкли. Полагая, что предстоят новые переговоры, Ашинов распорядился сервировать стол, приготовить чай. С крейсера спустили шлюпку, в которой сидел туземец, передавший Ашинову пакет от губернатора Обока. Письмо было на французском языке, который Ашинов знал слабо. Его жена Софья, малороссийская дворянка, обычно исполнявшая роль переводчика, в этот раз отдыхала, будучи не совсем здорова. Через полчаса с крейсера раздался выстрел из орудия. Тяжелый снаряд разорвался далеко за фортом. Многие в лагере подумали, что французы салютуют, предупреждая о прибытии своих представителей. Им в ответ салютовали флагом. Но на всякий случай разбули Ашинову и показали ей письмо. Письмо содержало ультиматум, подписанный французским адмиралом Ольри. Русским предписывалось в полу-часовой срок спустить флаг и сложить на берегу все имеющееся у них оружие. В противном случае, говорилось в ультиматуме, будет применена сила.

В лагере не успели даже как следует уразуметь смысл ультиматума, как второй тяжелый снаряд разорвался на территории самого форта, попав в помещение для семейных. От взрыва и обвала стены здания погибли две женщины, трое маленьких детей и казак. Люди в панике бросились врассыпную, уходя от берега в горы. Навстречу им, полагая, что началась война между «московами» и «фарансави», мчалась на помощь русским большая толпа вооруженных данакильцев во главе с местным правителем. Данакильцы тоже попали под огонь французской артиллерии и потеряли шесть человек убитыми. В течение нескольких минут, пока русские успели опомниться и снять флаг, одиннадцать тяжелых снарядов разорвались в форте и в непосредственной близости от него, уне-

ся жизни 11 человек (5 русских и 6 данакильцев), ранив осколками и контузив еще несколько десятков. Русские не ответили на огонь французов ни единым выстрелом.

После формальной капитуляции начались переговоры. Лагард держался поначалу весьма вызывающе и на попытку отца Паисия заявить протест против обстрела мирной религиозной миссии ответил, что ему не известно ни о какой религиозной миссии, а известно лишь о банде Ашинова, от которой отступилась «ваша собственная дипломатия». Однако, узнав о значительных потерях среди русских и особенно об убитых женщинах и детях, французские моряки были, кажется, сильно огорчены, и даже адмирал Ольри, по свидетельству очевидцев, не смог сдерживать слез. По словам французских военных, в их планы входило только напугать ашиновцев и принудить их подчиниться местной французской администрации. Не на шутку испугался и Лагард, предполагая, что в Париже будут недовольны чересчур крутыми действиями по отношению к союзникам Франции. Реакцию Петербурга трудно было предсказать. Страхуясь от возможных обвинений собственного правительства, Лагард постарался собрать от перебежчиков как можно больше сведений, порочащих Ашинова и доказывавших антифранцузскую направленность его действий в Таджурском заливе. В то же время он попытался расположить к себе атамана и отца Паисия, предложив им помощь в снаряжении каравана в Эфиопию. Однако руководители миссии отвергли помощь «убийцы русских» и, кроме того, держали себя столь вызывающе, что губернатор был вынужден ограничить свободу их передвижения.

Французы не случайно опасались негативных для себя последствий бомбардировки Сагалло. Первая реакция многих влиятельных русских газет была резко антифранцузской, они сочли выходку французов пощечиной, нанесенной франко-русскому союзу. Какое-то время и вправду казалось, что речь идет о судьбе только что заключенного русско-французского союза. Даже лондонская «Таймс», не скрывавшая своего удовлетворения выдворением русских из Красноморья, высказала удивле-

ние крайне недипломатичными действиями французов, которые, вместо того чтобы «простой военно-морской демонстрацией или, по крайней мере, несколькими орудийными выстрелами в воздух принудить эту нелепую партию (русских. — А.Х.) повиноваться... подвергли форт бомбардировке и убили нескольких ашиновцев».

Парижская пресса, причем не только оппозиционная, также выступила с осуждением действий своего правительства, которое в угоду, как было заявлено, Италии «оскорбило неофициальную Россию». Дабы как-то загладить промах своего правительства, многие газеты начали сбор средств в пользу пострадавших русских.

Однако волнения французов оказались напрасными. Официальный Петербург предпочел закрыть глаза на этот инцидент, не слишком приятный для русского самолюбия, и сделать козлом отпущения одного Ашинова. Газетам было приказано замолчать и руководствоваться в освещении событий в Сагалло официальным мнением, опубликованным в «Правительственном Вестнике»: «Императорское правительство, — говорилось там, — полагает, что не представляется основания возлагать на французские власти в Обоке ответственность за происшедшее в Сагалло кровопролитие и что ответственность за это должна всецело пасть на Николая Ашинова, решившегося нарушить спокойствие в пределах территории, подведомственной державе, находящейся в дружественных отношениях с Россиею».

Таким образом, история «Новой Москвы» оказалась весьма короткой. Вмешалась большая политика, и под ее тяжелыми жерновами погибло эфемерное образование беспокойного честолюбивого человека, грезившего о славе Ермака.

В середине февраля французы доставили отошедших от шока и вновь ставших шумными русских колонистов в Порт-Саид, где их приняло на борт русское судно с символическим названием «Забияка».

В России после снятия допросов о происшедших событиях всех колонистов отпустили на все четыре стороны. К ответственности был привлечен только их атаман.

Николая Ашинова по высочайшему повелению ввиду его крайне беспокойной деятельности, выразившейся в самовольной экспедиции в Абиссинию и в занятии местности Сагалло, входящей в пределы французского протектората, выслали в захолустный городок Балашов Саратовской губернии и учредили за ним гласный надзор полиции.

Удивительные жизненные превратности атамана Николая Ашинова на этом далеко не закончились.

Помимо ашиновской акции другое запоминающееся дело русских в Эфиопии — работа наших врачей.

Эту историю можно начать с 1895 года. Италия объявила Абиссинию протекторатом и в начале 1896-го ввела на ее территорию свои войска. Но 29 февраля эфиопский император Менелик II встретил итальянцев возле городка Ддува. И произошла мировая сенсация — в этом сражении итальянцы потерпели сокрушительное поражение!

Эхо этого сражения неожиданным образом отозвалось в России. Итальянцы, жившие в Одессе довольно

Дворец Менелика в Аддис-Абебе, где проходили приемы

большой общиной, начали собирать пожертвования в пользу соотечественников, раненных в Абиссинии. Российское правительство оказалось в неловком положении. Ведь незадолго до этих событий у нас были установлены официальные отношения с Эфиопией, и Россия поддерживала политику независимости. Председатель Совета министров Российской империи Витте писал: «... Абиссиния, в конце концов, страна полуидолопоклонническая, но в этой их религии есть некоторые проблески православия, православной церкви, и на том основании мы очень желали объявить Абиссинию под своим покровительством».

Был найден поистине изящный выход, пишет Е. Цвентух. Не запрещая итальянскую гуманитарную акцию, правительство организовало русскую общественную помощь Абиссинии и послало на ее территорию медицинский отряд Российского общества Красного Креста. Для этой цели даже ассигновали 100 тысяч рублей. Посланцы были опытными военно-полевыми врачами, в основном выпускники Санкт-Петербургской военно-медицинской академии. Возглавлял миссию генерал Н. Шведов, который имел свою собственную программу деятельности в Эфиопии.

Менелик II, император

Из донесения русского консула в Египте Кояндера министру иностранных дел России князю Лобанову-Ростовскому: «Программа... заключается в том, чтобы при отсутствии всякого шума и рекламы постепенно знакомить абиссинцев с истинными целями экспедиции, подавая всем больным врачебную помощь и открывая амбулатории в тех местах, где отряду придется останавливать-

ся на более продолжительное время». В последующих докладах говорилось, что благотворительная деятельность отряда «...подняла престиж европейца, совсем упавший после войны... и установила настоящий взгляд на русских».

Это было действительно так. Поэтому, когда отряд Российского Красного Креста закончил свою работу, эфиопский император Менелик II обратился к русскому царю с просьбой прислать еще врачей. И в 1897 году вместе с первой русской чрезвычайной дипломатической миссией в Эфиопию во главе с действительным статским советником Власовым были направлены и медики: врач для командировок VI разряда Окружного военно-медицинского управления Петербургского военного округа надворный советник Бровцын (хирург), младший врач лейб-гвардии Семеновского полка Лебединский (терапевт), фармацевт для командировок по военно-медицинскому ведомству III разряда провизор Лукьянов, классный медицинский фельдшер 103-го Петрозаводского полка губернский секретарь Сасон и фельдшер Кузнецов.

Наши врачи были торжественно встречены всей администрацией, духовенством и народом, и сам негус Менелик объявил, что «русскую помощь Абиссинии никогда не забудет». По прибытии в Адисс-Абебу русские врачи открыли там амбулаторию и госпиталь. Их самоотверженный труд в самых примитивных условиях действительно «устанавливал настоящий взгляд на русских», в том числе и у императора Менелика. О характере работы врачей свидетельствует дневник хирурга Бровцына:

«26 декабря, суббота. Больных 108 человек, сделано 2 малых операции.

27 декабря, воскресенье. Во дворце сегодня большой пир, нам император все угощения прислал домой.

Члены русской миссии в Аддис-Абебе. Фото А. Кохановского

В 12 часов поехали к больному Абуне Матеусу (митрополит Эфиопии). ...По возвращении приезжали к нам многие больные. Принято около 25 человек.

28 декабря, понедельник. Рано утром делал операции, потом начал прием больных. Около 9 часов утра прислал за нами Менелик и просил приехать скоро-скоро. Оказалось, что он хотел со мною посоветоваться. На левой ноге у него маленькая язвочка, а на правой — ревматические боли... Принимал он нас на балконе в своем сторожевом доме, откуда все видно. Разговаривали с Менеликом без переводчика, и он принимал нас в самой скромной обстановке... Менелик все время рассматривал в подзорную трубу и в нашем лагере все осмотрел до подробности — видел шкуры зверей, птиц... Видел наших больных, которые толпились у амбулатории, и заметил, что больных у нас очень много... Затем император... обратился за советом по случаю насморка. Принято 132 человека, сделано операций малых 3, больших 1...»

Начальник русской дипломатической миссии в Эфиопии Власов прекрасно понимал значение этой стороны деятельности русских врачей и регулярно сообщал о ней в Министерство иностранных дел.

*Здание русской миссии в пригороде Агдис-Абебы.
Фото А. Кохановского*

Доверие императора Менелика заслужили доктора Бровцын и Лебединский, фармацевт Лукьянов и классный фельдшер Сасон. Для облегчения доверия им было разрешено выписать в Африку свои семьи. И они служили Абиссинии до 1913 года. По возвращении в Петербург наши врачи привезли удивительные обширные научные коллекции, закупленные на собственные средства. Все это было передано в дар Санкт-Петербургскому музею этнографии.

Каждый день войны приносил сотни раненых, так что санотряд пришелся весьма кстати. Относительно же обычных людей император был уверен, что его граждане отличаются крепким здоровьем и после завершения боевых действий миссии просто некого будет лечить.

Однако наблюдения русских врачей говорили об обратном. В Абиссинии XIX века здоровый человек был большой редкостью. Просто люди искренне верили в Бога и считали телесные недуги карой Господа, которую следовало вытерпеть. По-настоящему боялись только холеры и проказы, а скарлатину, сифилис, дифтерит часто вообще за болезнь не воспринимали и оставляли без внимания. Местные же знахари лечили только то, что, на их взгляд, требовало лечения. Используя различные растения, кору деревьев, отвары из мелких насекомых, они врачевали язвы, нарывы, всевозможные раны и переломы. И, несмотря на примитивные средства, помогали довольно успешно. В своих дневниках русские медики описывали даже удачные операции туземных знахрей, которые орудовали обычными ножами и бритвами. Отмечали и совершенно варварские операции. Особенно поражала врачей миссии операция женского обрезания, распространенного у некоторых племен харари. Обрезанная женщина лишалась абсолютно всех наружных половых органов, превращаясь в бесчувственное фригидное существо.

Абиссинские войска в битве при Адуа разгромили итальянскую армию, и война закончилась. Но русский

санотряд не спешили отправлять домой. Всевозможные стычки и мелкие гражданские войны уже внутри страны продолжались.

Русская миссия отправилась домой, оставив лазарет со всем инструментарием Абиссинскому Красному Кресту, учрежденному императрицей Таиту. Познакомившись с европейским представлением о здоровье человека, Менелик задумался о физическом благополучии своего народа. Уже в 1897 году правитель передал российскому императору просьбу о направлении в Абиссинию новой группы русских медиков. В марте 1898 года русской миссией в Аддис-Абебе был открыт первый в Эфиопии постоянно действующий госпиталь.

Первоначально госпиталь размещался в палатках, что создавало огромные проблемы медикам. Родственники больных вели себя в клинике, как дома. Приносили с собой продукты и устраивали общие трапезы, в период холодов и дождей оставались ночевать в лазарете и даже справляли нужду прямо в палатках. Временами от стоящего зловония врачи теряли сознание.

Вся миссия уже считала дни до отправки на родину, как в начале 1899 года пришло распоряжение Николая II, согласно которому весь состав госпиталя должен был оставаться в Эфиопии еще год. Получив это известие, врач-хирург Бровцын записал в своем дневнике: «Мы удручены, поражены, убиты; ищем крюков покрепче и веревок потолще».

С Менеликом было договорено, что русскому госпиталю построят специальное здание. Однако работу поручили местным мастерам, которые умели ваять хижин из глины и соломы. Тем не менее получившееся здание длиной в 25 метров с большой соломенной крышей и верандой смотрелось на фоне местных хижин поистине царским дворцом. Менелик гордился своим шедевром зодчества. Особое восхищение императора вызывала веранда, которая имела своеобразную колоннаду из стоящих вертикально массивных бревен, и каждому вновь появившемуся при дворе иностранцу Менелик настоятельно советовал на нее посмотреть.

Бесплатным в госпитале было не только лечение, но и питание. Поэтому рядом с новым зданием постоянно находился многочисленный лагерь нищих и бродяг. Желая получить бесплатную еду, нищие обращались к врачам с самыми невероятными болезнями. В архивах сохранились такие записи: «Они приносили с собой мешочки с кисточками, камешками, жуками или чем-нибудь в этом роде, рассказывали бесчисленные истории о том, что эти предметы знахарь извлек у них из-под кожи, и просили достать оставшиеся внутри, так как боли и зуд, хотя и уменьшились, все равно сильно беспокоят».

В 1906 году из-за сложной политической и экономической ситуации русский госпиталь в Аддис-Абебе был закрыт.

Новая история госпиталя началась в 1947 году, сразу же после установления советско-эфиопских дипломатических отношений. Император Хайле Селассие, который еще в молодости сам лично был пациентом русской миссии, попросил советское руководство организовать в столице Эфиопии новый госпиталь.

Было подписано соглашение, по которому эфиопское правительство предоставило Советскому Красному Кресту здание и территорию сроком на 50 лет. Госпиталь назвали в честь национального героя Эфиопии деджазмача Балча — участника войны 1896 года, погибшего недалеко от того места, где расположилась клиника.

Суперсовременное здание больницы из стекла и бетона, оборудованные по последнему слову техники кабинеты — все это было настоящим прорывом для Эфиопии. А первые сложнейшие операции, трепанация черепа, успешное лечение тяжелейших форм туберкулеза, отравлений, сепсисов, полиомиелита, малярии снискали славу русской клинике, как одной из лучших во всей Африке.

В 1990-х годах госпиталь попал в сложную ситуацию. С одной стороны, распад Советского Союза и прекращение какой-либо помощи с далекой родины, с другой — гражданская война в Эфиопии, отделение бывшей провинции Эритреи, смена политического курса. Жизнь

в стране переходила исключительно на коммерческие рельсы. В 2003 году госпиталь имел огромные долги, и шел разговор об изменении его статуса или закрытии. Спасать положение был призван известный специалист Российского Красного Креста, возглавлявший госпиталь с 1982 по 1987 г., доктор медицинских наук Анатолий Ермаков. Огромный опыт нового директора, его работа в Иране, Чаде, Нигерии, Камеруне, на Кубе, высочайший профессионализм помогли старейшему госпиталю преодолеть кризис и перейти на самофинансирование. Сегодня «Балча-госпиталь» (так в народе называют миссию Российского Красного Креста) вернул себе славу одного из ведущих лечебных заведений Африки.

Клиника всеми силами пытается идти в ногу со временем, отмечал А. Макеев в журнале «Путешествие по свету». Сегодня здесь уже два больших лечебных корпуса, изолированное реанимационное и инфекционное отделения. Госпиталь имеет стационар на 225 коек и поликлинику на 400 посещений в день. В клинике работают более 50 высококлассных российских специалистов самых разных специальностей, в том числе и единственный на всю Эфиопию нейрохирург. В распоряжении врачей — современная медтехника, широкий выбор фармацевтических препаратов.

На входе в госпиталь — полукруглая вывеска на русском, английском и амхарском языках. Здесь же большой железный ящик, где посетители клиники оставляют на хранение свои автоматы и пистолеты. Обстановка в Эфиопии по-прежнему остается сложной. Но одно из правил «Балчи» — никакого оружия на территории госпиталя. «Нам к экстремальным условиям было не привыкать, — сказал директор больницы Анатолий Ермаков. — Например, в Тегеране с 1974 по 1980 год я возглавлял такой же госпиталь Советского тогда Красного Креста. Исламскую революцию 1979 года видел собственными глазами. А однажды в мой дом вошли люди с автоматами и, не говоря ни слова, посадили к себе в машину. Привезли в город Кум в резиденцию Хомейни. Там меня ждали еще трое врачей: анестезиолог из Швейцарии, уролог из Ав-

стрии, кардиолог из Германии. Все попали сюда примерно таким же способом, как и я. Вождю революции нездоровилось, и нас привезли ему на помощь.

Все боялись брать на себя ответственность. Уролог готов был сделать операцию при условии гарантий со стороны анестезиолога, а анестезиолог говорил, что даст разрешение на наркоз, если кардиолог поручится за сердце пациента, и т.п. Хомейни мы, конечно, помогли, потому как прекрасно понимали, что без этого нас отсюда не выпустят. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы сделать все без операции.

После того как вождю стало легче, нас всех развезли обратно по своим больницам. На следующий день все участники этого принудительного «консилиума» бежали из Ирана со всех ног — на первом же рейсе улетели к себе на родину. Остался один я. Но госпиталь в Тегеране мы все-таки потеряли. Хомейни заявил, что «неверные не могут лечить правоверных». Советский Красный Крест был вынужден свернуть миссию, а здание госпиталя со всем оборудованием подарить иранскому народу. Примерно таким же образом мы лишились и крупной клиники в Алжире. Так что «Балча» теперь — единственный госпиталь Российского Красного Креста в мире».

«Балча» работает, чтобы помогать, прежде всего, простому народу Эфиопии. Самые бедные при наличии соответствующих документов лечатся бесплатно. Платное лечение в третьем классе стационара стоит около 3 долларов в день, а в первом классе и люксе — в десятки раз дороже. То есть система построена таким образом, чтобы богатые платили за бедных. Все врачи, медсестры и более двухсот эфиопских сотрудников работают с полной отдачей. И это действительно так.

Каждый терапевт оказывает помощь в среднем 13 тысячам пациентов в год — по сравнению с российской врачебной практикой выполняет двойную норму. Общее количество принимаемых больных — 120 тысяч в год. Нагрузка у хирургов в два с половиной раза выше, чем в России. В прошлом году в госпитале сделали более 3000 операций — для Москвы цифра немыслимая!

В 2007 году госпиталь отметил свое 60-летие. Министр иностранных дел России Сергей Лавров, побывавший в клинике, встречался с врачами, поблагодарил их за многолетнюю работу, пообещал всестороннюю помощь. Министр особо отметил, что кроме выполнения гуманитарных функций больница также играет важную роль в деле укрепления связей между Россией и Эфиопией.

С другой стороны, традиционно дружественные отношения между нашими странами оказывают неизмеримую помощь и самому госпиталю. На лечение в «Балчу» приезжали президент Эфиопии и его семья, патриарх эфиопской православной церкви, другие высшие духовные и государственные чины. В приветственном поздравлении на праздновании 50-летия госпиталя в 1997 году премьер-министр страны Мелес Зенауи сказал: «У госпиталя большое будущее, и он отметит в Эфиопии еще свое столетие».

* * *

В XIX веке число путешественников из России в Эфиопию было весьма велико. Поручику В.Ф. Машкову удалось проникнуть в глубь страны и даже побывать у императора Менелика. Вернувшись в Россию, он под псевдонимом В. Федоров опубликовал очерк «Абиссиния». В 1891 году с новой экспедицией он отправился в Эфиопию, чтобы «наладить контакт с эфиопской церковью, изучить политическое устройство страны, отношение к соседним туземным племенам и европейским государствам». Кроме этого ему поручено было передать Менелику II письмо Александра III в ответ на доставленное ему послание от Менелика. Вернувшись из поездки, Машков привез в Петербург просьбу прислать в Эфиопию артиллериста. Хотели послать офицера М. Грум-Гржимайло, но почему-то не послали никого. Эта поездка Машкова оказалась плодотворнее первой. Он привез обширный этнографический материал об амхара, галла, данакиль, харари. 85 предметов быта, доставленные им, хранятся сегодня в фондах Музея антропологии МГУ. В нескольких номерах газеты «Новое время» В.Ф. Машков напечатал свои путевые записки под

заголовком «Путешествие в страну черных христиан». В конце XIX века путешествовали много. Век словно торопился завершить намеченные историей открытия, а выпало на его долю немало!

Как уже отмечалось в вводной части «Россияне обживают Африку», в 1894 году во время экспедиции в Эфиопию А.В. Елисеев, Н.С. Леонтьев, К.С. Звягин и архимандрит Ефрем (он же — доктор Цветаев) встретили там радушный прием. Они договорились об обмене дипломатическими миссиями. Эфиопская делегация поехала в Петербург в 1895-м, и вместе с ней вернулся в Россию Елисеев с ценным этнографическим материалом — образцами оружия, сельскохозяйственным инвентарем, одежды.

Для Н.С. Леонтьева эта поездка оказалась далеко не последней. Он неоднократно бывал в Абиссинии. К сожалению, сведений о более поздних его странствиях не осталось, разве что некоторые документы в рукописном отделе Института востоковедения, которые еще ждут своих исследователей. Но был и дневник, который впоследствии превратился с помощью одного журналиста в книгу «Император Менелик и война его с Италией». По документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева». Журналист, добросовестно описавший ход войны, однако переусердствовал, оценивая «выдающуюся роль в ней Н. Леонтьева». Впрочем, у него имелись для этого кое-какие основания. Дело в том, что император назначил его ни больше ни меньше правителем присоединенных экваториальных областей. Благодаря этому Леонтьев мог совершать интересные поездки к озеру Рудольфа в 1899 году. В состав этой его экспедиции вошли помощник Н.Н. Шедевр, лейтенант Багичев, несколько казаков из конвоя миссии и драгуны. Главный отряд экспедиции обследовал область Уба, среднее течение реки Омо, а отряд Шедевра направился на запад от озера Рудольфа. Сам Леонтьев вплотную занялся делами управления в провинциях, размещал там гарнизоны абиссинских стрелков, строил крепости. Попутно собирал этнографические коллекции. Часть их сейчас находится

в Музее антропологии и этнографии: особенно много в ней оружия — и это неудивительно, ведь Леонтьев по долгу службы общался в основном с военными. Наличие русской миссии создавало благоприятные возможности для поездок в страну русских путешественников и любителей экзотической африканской охоты.

Среди довольно большого числа путешественников-любителей, посетивших Эфиопию в начале XX в., наиболее известен поэт Н.С. Гумилев, приехавший сюда дважды: первый раз — просто как путешественник-любитель, а вторично — в качестве представителя Российской академии наук для сбора этнографических коллекций и записи фольклора. Эфиопия произвела на русского поэта огромное впечатление. Он посвятил ей дневниковые очерки и множество поэтических произведений. Два его стихотворных сборника, «Шатер» и

Николай Степанович Гумилев с проводниками у палатки во время экспедиции в Абиссинию. Экспедиционное фото Н. Сверчкова. 1913 г.

«Под чужим небом», были целиком навеяны эфиопскими сюжетами.

Описывая свои эфиопские странствования, Николай Степанович Гумилев особенно подчеркивал, что последнее путешествие в Абиссинию в 1913 году он совершил в качестве руководителя экспедиции, посланной Академией наук. Помощником он выбрал своего племянника Н.А. Сверчкова, любителя охоты и естествоиспытателя, покладистого человека, не боящегося лишений и опасностей. После обсуждения в Музее антропологии и этнографии был принят маршрут из порта Джибути в Баб-эль Мандебском проливе в Харэр, один из самых древних городов Эфиопии, а оттуда с караваном по юго-западу страны. Уже в пути, делая ежевечерние записи в тетради, Николай Степанович никак не мог забыть многомесячные хождения по академическим коридорам, оформление разных удостоверений и рекомендательных писем, изматывающих закупки палаток, ружей, седел, вьюков, продуктов.

«Право, приготовление к путешествию труднее самого путешествия», — восклицал Гумилев-поэт. Но как исследователь он скрупулезно изучал район будущего путешествия, готовясь делать снимки, записывать легенды и песни, собирать этнографические и зоологические коллекции.

Благодаря трудам Николая Степановича в Эфиопии удалось собрать и доставить в Петербург богатую коллекцию. В его сборнике «Шатер» встречаются такие строки:

Есть музей этнографии в городе этом,
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.
Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез,
Слышать запах их странный, родной и зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.

Корреспонденту журнала «Вокруг света» В. Лебедеву довелось пройти по следам Н.С. Гумилева уже в наше время. Вот его рассказ.

Как только пароход «Тамбов» подошел к Джибути, к борту причалила моторная лодка. Для Гумилева это было нечто новое, ибо ранее он переправлялся на берег яликом, где на веслах сидели мускулистые сомалийцы. К тому же теперь порт был связан с глубинными районами Эфиопии железной дорогой, поезд ходил в Дыре-Дауа даже два раза в неделю.

Дыре-Дауа возник как транспортный центр во время строительства дороги, примерно на полпути между Джибути и Аддис-Абебой, и благодаря ремонтным мастерским стал главной станцией на этой линии.

Представленный в свое время к императорскому двору в эфиопской столице, Гумилев не мог не знать о появлении почты, телефонной связи. Реформы и преобразования Менелика II направлены были на развитие торговли. Но торговым связям препятствовало отсутствие удобных дорог между центральной провинцией Шоа и побережьем.

По горным тропам через Харэр караваны неделями пробирались к морю: вначале поклажу везли ослы, и лишь позднее можно было пересесть на верблюдов. Купеческие караваны часто подвергались нападению разбойничьих шаек.

Известный исследователь Эфиопии, русский офицер Александр Ксаверьевич Булатович, впервые сев на верблюда, преодолел свыше 350 верст от Джибути до Харэра. Местные жители заранее не доверяли этой затее. Но, одолев гористое, часто пустынное и безводное пространство гораздо быстрее, чем профессиональные гонцы, он стал легендарной личностью в стране, удостоился за свои курьерские подвиги прозвища Птица от самого императора Менелика. Но даже храбрый кавалерист Булатович считал этот путь далеко не безопасным и писал в своих донесениях в русскую миссию в Аддис-Абебе о волнениях в «сомалийской степи» по дороге из Джибути в Харэр. Как раз в то же время французские предприниматели начали прокладывать дорогу от Джибути и уже в 1902 году довели ее до Дыре-Дауа. Когда едешь сейчас в маленьком вагончике по этой узкоко-

лейке, нелегко представить, как долго и трудно ее вели через Данакильскую пустыню, пробивали многие туннели. Шпалы — чтобы их не съели термиты — укладывали железные. Лишь в 1917 году Аддис-Абеба увидела первый поезд.

Гумилев оставил точное замечание по поводу этой иностранной концессии: «Жаль только, что ею владеют французы, которые обыкновенно очень небрежно относятся к своим колониям и думают, что исполнили свой долг, если послали туда несколько чиновников, совершенно чуждых стране и не любящих ее». Гумилев выразился бы резче, если бы знал, что, хотя император концессию на строительство железной дороги формально передал эфиопской компании, на деле же участие эфиопов в ней было фиктивным — все предприятие находилось в руках французских акционеров.

Итак, в путь. Небольшая экспедиция усаживается в вагоны второго класса в предвкушении, что часов через десять будет уже в Дыре-Дауа. Да, путешествие в вагоне гораздо удобнее, чем многодневная качка на спине «корабля пустыни». Мелькают коричневые контуры гор, из окна вагона видно, как в отдалении проносятся крошечные газели — дик-дики. На обочине — опирающиеся на копы данакилы с всклокоченными шапками волос. Хотя паровозы носили громкие названия вроде «Слон» или «Буйвол», но, к сожалению, далеко их не оправдывали. На подъеме поезд полз как черепаха, а перед могучим паровозом два гордых кочевника посыпали песком мокрые от дождя рельсы.

Приключения еще только начинались. Примерно на полдороге поезд и вовсе остановился, впереди на десятки километров путь был размыт, рельсы буквально повисли в воздухе. Здесь путники убедились, что окрестности по-прежнему, как и во время Булатовича, небезопасны. Стоило отойти от поезда километра три, перевалив за каменистый холм, как вслед бросились ашкеры — солдаты охраны, размахивая руками и что-то выкрикивая. Оказалось, что кочевники устраивают засады и могут напасть или просто метнуть копьё, особенно в безоружного. Сол-

даты отвели путников к поезду, тщательно осматривая заросли кустов и груды камней.

Позднее путешественники могли убедиться, какой они подвергались опасности, наблюдая, как ловко и метко бросают копья кочевники, пронзая ими на лету даже самые мелкие предметы.

По рассказам верного Н.Л. Сверчкова, его спутник не всегда соблюдал осторожность, общаясь с местным населением. Эмоциональный Гумилев мог нарушить правила восточной дипломатии. Однажды он даже отобрал у местного судьи трость, полагающуюся ему по чину. Правда, вежливый судья не преминул подарить злополучную трость, чем конфликт и исчерпался.

Несомненно, Николай Степанович Гумилев был человеком мужественным — во время Первой мировой войны он стал кавалером двух солдатских Георгиев. Да иначе и не отправился бы он в африканское путешествие, полное лишений и опасностей. Но все же его поступки иногда выходили за рамки благоразумия. Так, переправляясь через реку в подвешенной на канате корзине, он забавы ради начал раскачивать корзину над кишашей крокодилами водой. Едва путешественники успели ступить на противоположный берег, как подмытое водой дерево, к которому был привязан канат, упало в реку.

Долгое ожидание было несвойственно характеру Гумилева: он сгорал от нетерпения побыстрее попасть в глубь страны. Когда для починки пути прибыл рабочий поезд, Гумилев, не дожидаясь окончания ремонтных работ, отправился вместе с почтовым курьером на дрезине для перевозки камней по неисправленному пути. Сзади для охраны поместились ашкеры, а рослые сомалийцы дружно взялись за ручки дрезины, выкрикивая в такт «Ейдехе, ейдехе» (местный вариант «Эй, ухнем»). И экипаж взял курс на Дыре-Дауа.

В наши дни в этом сильно выросшем городе неизменным остается одно: станция и ожидание из Джибути «бабура» — так по-ахмарски называется поезд. Как и много лет назад, начинают гудеть рельсы, и шумная разноязычная толпа наполняет перрон в предвкушении встречи. Не

успевает поезд остановиться, как из переполненных вагончиков высыпают попеременно с тюками и разной поклажей люди самых разных оттенков кожи и растекаются цветным потоком по пыльным улочкам с беленькими домиками.

В Дыре-Дауа не особенно ждали экспедицию Гумилева, которая к тому времени пересела с дрезины в специальный вагон. Все выглядело довольно плачевно: с волдырями на покрасневшей от беспощадного солнца коже, мятой одежде и порванных острыми камнями башмаках. Но настоящее путешествие только начиналось: железнодорожной линии на Харэр не было — следовало «составлять караван».

...Мне довелось поехать по древней земле провинции Харэр на машинах советской нефтепоисковой экспедиции. Если Гумилев добирался до Харэр с ночевкой, то теперь на «Волге» можно домчаться до столицы этого края в считанные часы. Но машинам доступны не все дороги в саванне и в горах. По-прежнему особенно непросты эти дороги для пешеходов и вьючных животных, ибо и жаркое солнце, и безлюдье, и красная пыль, несомая горячими ветрами, все те же, что и раньше.

Так же, как и прежде, к Харэру упорно идут путники с тяжелой ношей, несут детей полуобнаженные сомалийки, матери и жены кочевников. Верблюды, словно нанизанные на нитку забавные четки, — каждый привязан веревочкой к хвосту впереди идущего — везут вязанки хвороста, укрепленные на деревянных козлах-седлах. У проводников караванов Гумилев учился выбирать самых сытых верблюдов, чтобы горб — хранилище запасов жира — не свисал набок, а стоял прямо. Я видел, как перед долгой дорогой верблюд проглатывает десятки литров воды, разбухая прямо на глазах. И такой караван идет с тяжелым грузом многие десятки километров, от восхода до захода солнца. Идет, минуя застрявшие в песках грузовики.

По дороге в Харэр вспоминается деловая запись Гумилева о значении для развития эфиопской торговли железнодорожной линии на Джибути, куда будут вывозить-

ся «шкуры, кофе, золото и слоновая кость». Золото намывали в горных речках в юго-западных районах страны и вывозили его немного. Иначе обстояло дело со шкурами и слоновой костью. Шкурами, мехами и изделиями из них Эфиопия успешно торгует до сих пор. Также высоко ценилась местная слоновая кость, продававшаяся даже самим императором, который бивнями оплачивал долги. Но в начале века слоновую кость перепродавали в другие страны, в том числе и в Россию, в основном французские компании, причем по очень высокой цене. Изделия из слоновой кости и сейчас можно купить в Харэре, но слонов стало куда меньше.

Не случайно Гумилев, увидев перед домом местного купца хвосты слонов, убитых на охоте, обронил такое замечание: «Прежде висели и клыки, но с тех пор как абиссинцы завоевали страну, приходится довольствоваться одними хвостами». Теперь лишь к юго-востоку от Харэра, в узких долинах рек, можно встретить отдельные группы слонов. Напротив, плантации кофе, ставшего в наше время основным продуктом эфиопского экспорта, намного увеличились со времен путешествия Гумилева, который любил «бродить по белым тропинкам между кофейных полей». Сейчас по обеим сторонам дороги зеленеют кустарники кофе. По-прежнему собирают и дикорастущие красные ягоды, особенно в провинции Кэфа — кофейном центре страны, — откуда, как считается, и пошло название «кофе».

...Все выше поднимается серпантинном дорога на Харэр, будто выбрасывая из-за крутых поворотов навстречу нашей машине то семенящих осликов, еле видных под охапками хвороста, то переполненный автобус с торчащими из окон любопытными. На обочине мелькают деревни да бывшие итальянские казармы с зубчатыми стенами. Если бы не подбитые танки под зонтичными акациями, ржавеющие здесь со времен военного конфликта с Сомали, то можно было видеть все тот же идиллический пейзаж — синее без облаков небо, коричневые горы, густая зелень долин, — открывавшийся перед Гумилевым и его спутниками. Тогда, оставив внизу мулов, они взбира-

лись по тропинке «полузадохшиеся и изнеможденные» и наконец взойшли на последний кряж. Вид на затуманенную долину поразил поэта: «Дорога напоминала рай на хороших русских лубках: неестественно зеленая трава, слишком раскидистые ветви деревьев, большие разноцветные птицы и стада коз по откосам гор. Воздух мягкий, прозрачный и словно пронизанный крупинками золота. Сильный и сладкий запах цветов. И только странно дисгармонируют со всем окружающим черные люди, словно грешники, гуляющие в раю...»

Все достоверно в картине Гумилева, но яркие фигуры, встречающиеся нам, все же хорошо вписываются в пейзаж. Мы остановились отдохнуть у одной деревни, примерно такой же, как увиденная в пути Гумилевым, где «перед хижинами галласов слышишь запах ладана, их любимого курения». В ней тоже жили галла, или оромо, как называет себя этот воинственный народ, переселившийся сюда с юга несколько веков назад. Кочевые галласские племена, жизнью которых интересовался Гумилев-этнограф, смешались с местным населением, стали оседлыми и занялись земледелием.

...По пустой улице деревни прогуливались куры, да девочка тащила за руку голопузого парнишку. В разгар трудового дня тукули, похожие на амхарские — те же остроконечные соломенные крыши над круглыми стенами, — пустовали. За деревьями, прикрывавшими от зноя хижины, начинался желтый склон, где мужчины, высокие и крепкие, складывали связанные в снопики стебли маиса и проса. Выше по склону полуголые курчавые мальчишки выгоняли из кустов тощих коров, коз и черноголовых овец. Несколько детских фигур, согнувшись, шли по полю: резали серпами высокую стерню. Наверное, на топливо, которого здесь не хватает.

Гумилев отмечал, что вдоль дороги часто попадают базарчики, где торгуют вязанками хвороста. Лес вырублен настолько, что в конце прошлого века пришлось сюда завезти быстрорастущий эвкалипт. Мы не раз видели вдоль дорог все новые ряды саженцев эвкалиптов. Кампания лесопосадок под руководством Управления

развития лесоводства и охраны живой природы стала особенно шириться в последние годы борьбы против засухи. Крестьяне по всей стране учатся на курсах лесоводства. Теперь выходцы из Австралии очень естественно смотрятся среди местной флоры. Те маленькие эвкалипты, мимо которых проезжал Гумилев у Харэра, превратились в аллеи деревьев-колонн, подпирающих зелеными кронами высокое небо.

К сожалению, мы опоздали на сентябрьские конные игры — гукс, напоминающие кавалерийский бой. Вначале отдельные смельчаки вырываются вперед и бросают дротики в противника, а те отражают их щитом. Но вот бой делается общим: всадники скачут навстречу друг другу, в воздухе свистят дротики; иногда они щелкают о щиты, иногда сбивают всадников на землю. Дротики без наконечников, но могут пробить щит и даже ранить.

Поэт Гумилев восхищался «величавой простотой абиссинских песен и нежным лиризмом галласких» и, без сомнения, много их записал, так как ссылается в своем дневнике на приложение (оно пока не найдено), в котором текст дается в русской транскрипции, и приводит для примера галласкую песню, где воспевается «Харар, который выше земли данакилей...»

...Оставив машину на площади у древних ворот — в старом городе не везде проедешь, — я решил побродить по узким улочкам, сжатым домами и высокими стенами, сложенными из крупного камня. За ними слышались голоса, женский смех и плеск воды. В спрятанных от праздного взора жилищах была замкнута иная, непонятная постороннему взору жизнь. Сквозь приоткрытые узкие калитки мелькали в крохотных двориках обрывки будничных сцен: девушка набрасывала на веревки цветные полотна и ковры; на очаге дымился котел с пряным варевом; дети тянули ослика с огромной поклажей. Тяжелые деревянные двери вели в таинственное нутро молчаливых домов. Свернув за угол приметного дома с башенкой, я оказался в крохотном проулке: на белизне стен легкие тени разных листьев, солнце слепит глаза, сухой запах пыли, безмолвие...

Гумилев любил толкаться среди люда на площади, торговаться на базарчиках из-за приглянувшейся старой вещи. Пока его спутник Сверчков гонялся в окрестностях города за насекомыми — крошечными красными, синими, золотыми красавцами, Гумилев собирал этнографическую коллекцию. «Эта охота за вещами увлекательна чрезвычайно, — помечал он в дневнике, — перед глазами мало-помалу встает картина жизни целого народа — и все растет нетерпенье увидеть ее больше и больше». Гумилев копался в закоулках в поисках старья, не дожидаясь приглашения, заходил в дома посмотреть утварь, старался понять назначение того или иного предмета. Как-то купил прядильную машину. Чтобы понять ее устройство, пришлось заодно разобраться и в ткацком станке.

В записях Гумилева есть сценка с юмористическими и психологически точными деталями, которую можно было бы назвать так: «Как меня пытались обмануть при покупке мула». Специальных «мулиных ярмарок» нет, но на базарах продают все — от коров и лошадей до блинов из муки теффа, которыми угощали Гумилева гостеприимные галласы. Правда, поэт пробовал толстые черные блины, а нас усадили перед плетеным столиком, на котором лежали белейшие и тонко раскатанные блины. На харэрских базарах мастера нам предлагали раскрашенные столики, корзинки, шкатулки, подносы весьма искусной работы. Такие изделия из соломы, тростника, лозы известны по всей стране.

Узнав, что католическая миссия готовит переводчиков из местных жителей, Гумилев познакомился с ее воспитанниками, чтобы выбрать помощника для экспедиции. Раскланиваясь на чистеньком дворе, напоминавшем уголок французского городка с тихими капуцинами в коричневых рясах, беседуя с монсеньором, епископом галласким, мог ли предполагать Гумилев, что ранее тут уже побывал другой поэт? Вряд ли. В «харэрской тетради» поэта упоминается лишь имя Бодлера, между тем в Харэре долгие десять жил не менее знаменитый француз Артюр Рембо.

Есть некая предопределенность судеб двух поэтов: оба стремились в Африку; у обоих пересеклись пути в крошечной точке великого континента, в Харэре, хотя с разницей в двадцать лет; оба увлеклись судьбой одного и того же народа — галла, причем Рембо даже написал исследование о жизни галла и представил его в Географическое общество в Париже.

Но какие разные цели они преследовали! Гумилев отправился в Африку как ученый-исследователь, а двадцатичетырехлетний Рембо, начитавшись книг о конкистадорах и африканских сокровищах, покинул Францию, чтобы нажить «свой миллион».

Истинный поэт Рембо, стихи которого увидели свет лишь после его смерти, бросает поэзию и превращается в авантюриста, торговца слоновой костью и кофе. В погоне за призрачным «золотым миллионом» он пересекает на верблюде пустыню, живет в палатке. У него десятки слуг-эфиопов, свой торговый дом, бойко меняющий дешевые бусы и материи на золото. Но сказываются тяжесть африканской жизни, тропические болезни. Начинает болеть нога — из-за опухоли Рембо не может ходить, и рабы носят его на носилках. Изнурительная под тропическим солнцем дорога идет к побережью, дорога, оказавшаяся для Рембо последней.

В Харэре того времени, имевшем столько же населения, что и в наши дни, всякая врачебная помощь отсутствовала. Лишь спустя несколько лет после отъезда Рембо туда прибыл вслед за упомянутой выше разведкой Булатовича первый санитарный отряд русского Красного Креста.

С трудом добравшийся до Марселя, перенеся тяжелейшую ампутацию ноги, писал Рембо из больницы родным: «Какая тоска, какая усталость, какое отчаяние... Куда девались горные перевалы, кавалькады, прогулки, реки и моря!..»

В последние дни жизни тридцатисемилетний Артюр Рембо ни разу не вспомнил, что был когда-то поэтом. В своем юношеском произведении «Лето в аду», единственной книге, изданной при жизни, он, прощаясь с

поэзией, писал: «Я покидаю Европу. Морской ветер сожжет мои легкие, климат далекой страны выдубит мне кожу... Я вернусь с железными руками, смуглой кожей, бешеным взглядом... У меня будет золото».

В марсельской больнице записали, что скончался неготиант Рембо. Никто из окружающих не подозревал, что не стало большого поэта Артюра Рембо...

Наблюдая за размеренной жизнью католической миссии, Гумилев даже не мог предположить, что сюда нетерпеливо вбегал Рембо, чтобы поделиться сомнениями и надеждами со своим единственным другом — монсеньором Жеромом, будущим епископом Харэра и учителем сына раса Мэконнына. Это известное по всей Эфиопии имя Гумилев сразу же по прибытии в Харэру заносит в дневник: «После победы Менелик поручил управление Харэром своему двоюродному брату расу Мэконныну, одному из величайших государственных людей Абиссинии».

Лишь один Мэконнын из всего императорского окружения согласился стать правителем столь отдаленной окраины, неселенной непокорными мусульманами. И успешно справился с этой задачей, завоевав у населения огромной провинции авторитет не меньший, чем императорский. Заинтересовавшись такой выдающейся личностью, Гумилев не мог не знать мнения о нем при императорском дворе и отношения к нему в русской миссии. Все европейские путешественники и дипломаты, побывавшие в Харэре, центре пересечения караванных путей, отмечали дипломатические способности Мэконнына, его умение управлять провинцией, где жило столько племен, мусульмане и христиане. От искры национального, религиозного столкновения огонь войны мог там вспыхнуть в один момент. Однажды это чуть не произошло...

Мне вспомнилась та давняя история, когда по извилистым улочкам старого Харэра я выбрался на круглую площадь и сразу заметил старую церковь. Она просто резала глаза в глухо замкнутом белыми стенами мусульманском городе. До захвата Харэра войсками Менелика там высились только минареты мечетей. Но теперь, когда в

городе появились архаровцы из центральной провинции Шоа, Мэконнуну пришлось задуматься о строительстве христианских храмов. Но смирятся ли с этим мусульмане? Рас не хотел применять силу, чтобы не раздувать религиозный конфликт.

Искушенный дипломат разрешил эту отнюдь не мало важную проблему удивительно простым, не лишенным остроумия способом.

Мэконнын пригласил на совет мусульманских старейшин и заявил, что отказывается от строительства церкви, идя им навстречу. Но так как христиане должны где-то общаться с богом, то он предлагает разделить мечеть на две части: одну оставить мусульманам, другую отдать христианам из Шоа. Старейшинам ничего не оставалось, как согласиться со строительством церкви.

Может, эта древняя церковь на площади и была тем первым храмом, возведенным хитроумным расом?

Много неожиданных встреч, полезных и приятных, подчас забавных или огорчительных, было у Гумилева во дворцах и на улицах старого Харэра. Внимательный и доброжелательный к незнакомым нравам и обычаям, он всегда возмущался, видя несправедливый суд и прямое рабство. К унижению человеческого достоинства Гумилев не мог оставаться равнодушным. Об этом есть пометки в его дневнике, но самое удивительное, что до сих пор в Эфиопии жива память о «гуманисте Гумилеве». Из далекой Африки пришло и было напечатано письмо О.Ф.Е. Абди. Вот что он пишет: «В день отъезда поэта из нашего дома (Гумилев останавливался на ночлег в доме своего проводника) в Харэр местный землевладелец привязал своего работника за ногу к дереву. Гумилев отвязал его и привел в Дыре-Дауа...».

Кончается тетрадка «харэрского дневника» Николая Степановича Гумилева, но мы знаем, что его путешествие не окончилось: «Восемь дней из Харара я вел караван сквозь черчерские дикие горы. И седых на деревьях стрелял обезьян, засыпал средь корней сикоморы»...

Африка — неизведанная земля, где в глубине джунглей обитают таинственные племена, — издавна притя-

гивала к себе взоры и помыслы путешественников и поэтов. Но почему целью поездок Н.С. Гумилева была именно Абиссиния? Вряд ли это случайный выбор.

Не связана ли отчасти тяга Гумилева-поэта к Эфиопии с именем Пушкина? Но в «Африканском дневнике» Гумилев уточняет побудительную причину предпринятого им путешествия. В начале тетради он пишет о «мечте, живущей при всей трудности ее выполнения». Гумилев намеревался отыскать в Данакильской пустыне «неизвестные загадочные племена». Он был уверен, что они свободны, и жаждал «их объединить и, найдя выход к морю, цивилизовать». «В семье народов прибавится еще один сочлен» — так мечталось Гумилеву.

В Эфиопии в те годы бывали и титулованные любители африканской охоты — князь Н.И. Демидов, граф Потоцкий, граф Стенбок-Фермор и другие представители петербургской золотой молодежи.

Привлекаемые слухами о деджазмаче Леонтьеве и об особом покровительстве, якобы оказываемом императором Менеликом русским, в эту страну потянулись русские добровольцы, надеявшиеся найти здесь свою удачу. Для многих из них имя Леонтьева было маяком и надеждой на благоприятные перемены в жизни. Даже после его отъезда из Эфиопии в 1902 г. туда продолжали приезжать русские. В течение всего первого десятилетия XX в. в русскую миссию в Аддис-Абебе продолжало поступать большое число писем из России от граждан различного звания и положения, рассчитывавших обосноваться в Эфиопии. Для таких писем в миссии было даже заведено отдельное дело: «Прошения желающих поступить на службу в Миссию, на строящуюся ж/д или к Эфиопскому правительству».

Среди писем встречались обращения врачей и фармацевтов, имевших намерение устроиться на работу в русский госпиталь, телеграфистов, инженеров и путейцев, ищущих вакансии на строительстве железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. Довольно типичным можно

было бы назвать и письмо «дворянского сына» Виталия Семеновича Трофимова из Вятской губернии от 27 января 1911 г. о стремлении поступить на службу в Эфиопии к какому-нибудь частному коммерсанту из русских.

Встречались среди русских желающие стать земле-владельцами; они запрашивали здешнюю дипломатическую миссию о возможности «купить в Абиссинии землю». Один из них, некий акцизный чиновник Т.А. Григорьев из Воронежской губернии, сообщал, что хотел бы «купить 500—1000 дес. земли», а если повезет, то устроиться на службу к Леонтьеву или в миссию. Он дотошно выспрашивал о ценах на землю, о стоимости проезда в Абиссинию от Одессы, «в каком месяце лучше выезжать, чтобы избежать дождливого периода», «какие товары русского производства можно привезти для продажи, чтобы сбыт им был обеспечен», «здоровый ли климат» для русского и «дорога ли жизнь в Энтото», а также «жив ли господин Леонтьев, знаменитый русский путешественник, и где он», каков его адрес.

Хотя ответы, которые давали на эти письма чиновники миссии, мало кого обнадеживали, некоторое число русских в 1901—1914 гг. все же перебралось на жительство в Эфиопию. Так, в начале века добровольно прибыли казачий хорунжий М.В. Трофимов, поселившийся в Харэре, казак Е.П. Клименко и несколько осетинских (братья Хаджиевы), армянских (Геворкяны/Кеворковы) и других семей.

Новую волну русских переселенцев принесла в Эфиопию Октябрьская революция в России. После нее здесь осело несколько десятков бывших офицеров царской армии, эмигрировавших из России вместе с семьями. Среди них были и представители известных фамилий: адмирал Д.Л. Сенявин, полковник Ф.Е. Коновалов, большая семья графа П.Н. Татищева, переехавшая сюда из Франции, и другие.

Еще одно русское имя в плеяде путешественников по Эфиопии — Л.К. Артамонов. Известный исследователь Кавказа, Персии и Средней Азии, он находился в Эфиопии в составе первой дипломатической миссии. По за-

данию Менелика совершил путешествие к Белому Нилу, обследовал площадь в целом около 5 тысяч квадратных километров! Собрал огромную коллекцию насекомых, растений, этнографический материал. За свои географические работы по возвращении был награжден золотой медалью имени Ф.П. Литке.

В 1899 году Артамонов обратился в совет Географического общества с ходатайством наградить его помощников по экспедиции Василия Щедрова и Василия Архипова, которые «оказали широкое содействие при сборе разного рода сведений о стране и населении», а также участника первой русской дипломатической миссии К.Н. Арнольди. «В период с марта по декабрь мы считались погибшими, — писал Артамонов, — на розыски наших следов вызвались отправиться в Абиссинию некоторые из офицеров, уже бывших в этой стране». В их числе находился и Арнольди.

Просил Артамонов отметить и отставного казака Ивана Демченко и переводчика галла Ато Фаиса. И все они были награждены.

Артамонову удалось напечатать только одну короткую работу — «Русские в Абиссинии» — в журнале Общества ревнителей военных знаний в 1899 году, а вот Арнольди выпустил в 1907 году очень интересную книгу «Военные очерки Абиссинии», в которой, в частности, есть и такие строки: «Можно даже сказать, что любовь к родине и привычка гордиться своей народностью отличают абиссинцев среди всех народов Африки... Амаранань — я абиссинец! — говорит он, подразумевая всех живущих на Абиссинском плоскогорье и живущих эфиопскими наречиями, и это слово, «амара», звучит в его устах как символ всего хорошего, храброго, разумного... Недаром сложилась песня у ашкеро Менелика: «У тебя есть дочь Заудиту, у тебя есть страна Итиопия, чего же лучшего ты хочешь желать?»

А вот малоизвестная страница русско-африканских связей.

10 августа 1903 года российский министр-президент (посланник) в Аддис-Абебе К. Лишин отослал в свое ми-

нистерство телеграмму: «В стране Уаллага абиссинцами найден богатый золотоносный участок, который Менелик намерен сохранить для эфиопского правительства. Сегодня он спешно пригласил меня к себе, чтобы обратиться к государю-императору с просьбой помочь ему присылкою горного инженера для обработки и разведок в упомянутой местности».

Выбор Горного департамента пал на Н.Н. Курмакова, талантливого геолога с богатым опытом полевых работ. Перед поездкой он долго изучал сведения о золоте в Восточной Африке, правда, мало что обнаружил. Разве только то, что египтяне добывали его еще при фараонах в реках... Помощников набирал главным образом на Урале, который знал преолично.

После сборов они выехали. В Джибути их встретил старший фельдшер Сергей Эрастович Сасон, работавший в Эфиопии много лет, прекрасно знавший амхарский язык. Все вместе в апреле 1904 г. прибыли в Аддис-Абебу. Там их тепло принял император.

До Уаллагы добраться было сложно — мешали проливные дожди. Но добрались и проработали там пять месяцев. По окончании работ на аудиенции у Менелика, где присутствовали все участники экспедиции, Курмаков зачитал отчет, который синхронно переводил на амхарский. Историкам повезло: его текст — рукопись на нескольких страницах — полностью сохранился.

«...В заключение считаю необходимым сказать, — отмечал Курмаков после подробного рассказа о проведенных работах, — что теперь добыча в значительной мере облегчена и увеличено пространство, где можно добывать золотые руды...» После этого инженер подарил Менелику небольшое количество платины, рассказав об этом металле. Менелик наградил орденами и медалями всех участников экспедиции. В ноябре 1904 года они уехали на родину.

Рекомендации русского горного инженера были с воодушевлением приняты эфиопским правительством, и негус стал просить у царя прислать технический персонал и оборудование дробильной фабрики. Но министр

финансов отказался выполнить просьбу Горного департамента и выделить средства, сославшись на только что закончившуюся русско-японскую войну... Курмакову не дали даже обработать материалы экспедиции, срочно назначив начальником Иркутского горного управления...

Каждый из этих персонажей мог бы стать героем отдельной книги. Вот хотя бы такой сюжет. Небольшая брошюра, оттиск «Гродненских губернских ведомостей» за 1899 год: «Жизнь русского санитарного отряда в Харэре. Из воспоминаний об Абиссинии». Автор — врач Д.Л. Глинский — писал: «Наша амбулатория была почти исключительно слепая. Трахома и все прочие глазные болезни. Сюда со всего Харэра приходили смотреть на всех знакомых стариков, которые после десятка лет полной слепоты стали ходить без провожатых и в первый раз увидели своих внуков. Глазное отделение особенно много содействовало популяризации европейской врачебной науки в Харраре и в его области.

Или судьба Булатовича. Вот о ком нужно снимать сериал! В романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» Остап Бендер рассказывает «предводителю дворянства» Ипполиту Матвеевичу Воробьянинову об удивительной судьбе гусара графа Алексея Буланова. «Граф был красив, молод, богат, счастлив в любви... — читаем в романе. — Он был дерзок и смел». О его подвигах говорил весь Петербург. И вдруг в зените славы и успеха он ушел в монахи и поселился затворником в Аверкиевой пустыне.

Сюжет этот не выдуман авторами знаменитой книги. Он имел реальную основу. Правда, в действительности герой рассказа носил другое имя — Александр Ксаверьевич Булатович, о котором мы уже упомянули в связи с поездкой Н.С. Гумилева.

Детство Булатовича (он родился 26 сентября 1870 года) прошло в богатом имении Луцыковке на Украине. Отсюда четырнадцатилетним он уехал в Петербург, окончил Александровский лицей и, следуя семейной традиции, выбрал военную стезю. Его служба началась в лейб-гвардии гусарском полку 2-й кавалерийской дивизии, одном из са-

мых привилегированных полков, куда попадали лишь избранные. Булатович был лучшим фехтовальщиком и наездником в полку да, возможно, и во всей России. Не раз брал призы на скачках. По словам одного из его сослуживцев, для Булатовича не существовало лошади, которую он не смог бы укротить. С подчиненными был строг, но справедлив. В обществе — остроумным и желанным гостем во многих аристократических домах.

Молодого корнета, несомненно, ждала блестящая карьера, и никто не подозревал, что очень скоро в его судьбе произойдет решительная перемена, что с севера ему придется отправиться на далекий юг, в Африку. Для многих знавших Александра Булатовича так и осталось загадкой, почему он, блестящий лейб-гусар, вдруг попросил прикомандировать его к «эфиопскому» санитарному отряду. Его ходатайство удовлетворили.

В России к борьбе Эфиопии за независимость относились с пониманием и сочувствием. В результате кровопролитных сражений она была переполнена ранеными и больными. Как мы знаем, Российское общество Красного Креста объявило, что отправляет в Эфиопию санитарный отряд из добровольцев — врачей, сестер милосердия, провизоров.

В середине апреля отряд благополучно высадился в африканском порту Джибути. Отсюда ему предстоял долгий путь на верблюдах до Харара — одного из самых крупных городов Эфиопии, а затем еще дальше — до Эн-тото, тогдашней столицы этой страны. Однако достать верблюдов оказалось непросто. К тому же из Харара пришла весть, что там ждут распоряжения столичных властей и ничего для русского отряда делать не собираются. Переписка с властями заняла бы слишком много времени. Ожидание могло растянуться на месяцы. И тогда было решено отправить в Харар представителя, чтобы он подготовил встречу отряда. Выполнить эту роль вызвался Булатович.

Эфиопы только с сомнением покачивали головами, узнав о рискованном плане русского. Чтобы достичь Харара, ему предстояло проехать на верблюде по безлюд-

ной местности под палящими лучами солнца 370 километров. К тому же незнание амхарского языка, непривычный климат да и опыта передвижения на «корабле пустыни» у него никогда не было. Одним словом, путешествию предсказывали самый печальный исход.

21 апреля с двумя проводниками-амхарцами, взяв минимальный запас провизии и воды, он выехал в далекий Харар. Двигались и ночью, и днем, по двадцать часов в сутки без остановки. Даже проводники удивлялись проявленной им выносливости. Солнце жгло немилосердно. Никто в Хараре не хотел верить, что русскому офицеру всего лишь с двумя проводниками удалось благополучно прибыть из Джибути и так быстро — за девяносто часов, намного быстрее профессиональных курьеров... Дней через десять русский санитарный отряд был уже в Хараре.

В Эфиопии привыкли относиться к иностранцам с подозрением. Неудивительно, что сначала и русских воспринимали так же. Отряд был снова задержан. Булатовичу поручили отправиться в Энтото и уладить недоразумение. На этот раз ему надо было преодолеть около 700 км через Данакильскую пустыню. Его сопровождали несколько амхарцев-проводников. Это путешествие едва не закончилось трагически. В пути на небольшой отряд напали кочевники-данакильцы, отобрали все вещи, мулов и бросили путников на произвол судьбы. Булатовича спасла лишь неожиданная встреча с отставным поручиком Леонтьевым, давно уже жившим в Эфиопии, и тот поделился с соотечественником своими припасами.

Весь путь до Энтото Булатович одолел за восемь дней. Император, узнав о прибытии русского курьера, пригласил его к себе во дворец. Александр Ксаверьевич впервые увидел негуса Эфиопии. Он сидел под шелковым балахином, со всех сторон обложенный подушками, — добродушный смуглый человек с широким лицом, черными усами и небольшой бородкой. Булатович сразу же вызвал у Менелика доверие. Недоразумение было улажено. Менелик даже просил ускорить прибытие отряда.

Русский госпиталь работал в Эфиопии до осени. Затем медперсонал его отбыл на родину. Булатович же остал-

ся в Эфиопии, намереваясь совершить путешествие в ее неизученные районы. Менелик II считал, что такое путешествие грозит русскому офицеру неминуемой гибелью, и все же дал согласие. По Эфиопии уже ходили легенды о смелости и выносливости русского. Новый поход Булатовича продолжался около шести месяцев, до апреля 1897 года. Он изучил амхарский язык, быт, обычаи, уклад жизни амхарцев, природу и географию Эфиопии. Он прошел путь длиной около тысячи километров — от Энтото до реки Баро на западе.

Прощание Булатовича с Менеликом II было дружеским. В знак уважения император пожаловал своему русскому другу боевой плащ из львиной шкуры и головную повязку с львиной гривой. 21 апреля 1897 года на французском пароходе «Амазон» Александр Ксаверьевич отправился на родину, не подозревая, что его новая встреча с Африкой произойдет гораздо скорее, чем он надеялся. Булатович был повышен в чине, произведен в поручики. За помощь отряду Красного Креста и успешное путешествие его наградили орденом Св. Анны 3-й степени. Вскоре вышла его книга «От Энтото до реки Баро», в которой впервые были описаны не только земли Эфиопии, до того никем не исследованные, но также все стороны жизни этой страны.

А тем временем в Петербурге спешно шла подготовка к отправке в Африку миссии для установления дипломатических отношений с Эфиопией. Булатович был включен в состав миссии почти без обсуждения. Кто же лучше его знал эту африканскую страну и ее правителей! Предполагалось, что миссия выедет в середине октября, однако возникла мысль послать Булатовича первым с тем, чтобы он заранее известил негуса Менелика о скором прибытии русских дипломатов. Кроме дипломатической, у него была и своя цель: продолжить изучение Эфиопии и особенно побывать в таинственной Кафе — стране, в глубь которой не проникал ни один европеец. Она была совсем недавно присоединена к Эфиопии.

В те дни Менелик готовил военный поход для завоевания еще не подвластной ему территории. Булатович

был несказанно рад, когда император предложил ему сопровождать войско под командованием Вальде Георгиса. Тридцатитысячной армии следовало, двигаясь на юго-запад, дойти до озера Рудольф и водрузить там флаг империи. В конце декабря 1897 года Булатович сообщал в Петербург: «Что касается до меня, то я уже попрощался с Менеликом. У меня уже все уложено и завтра надеюсь выступить. Надо быть, конечно, на все готовым».

Выступление войска было назначено на 24 января 1898 года. Булатович с небольшим отрядом вышел на несколько дней раньше, чтобы не торопясь сделать съемку местности, нанести ее на карту. Войско Георгиса догнало его в начале февраля. Многочисленная колонна воинов растянулась на несколько километров. «Замечательно красивое зрелище представляло это войско! — писал Булатович. — В каждом из солдат видно было сознание собственного достоинства, гордости... Как мужественны были выражения лиц этих закаленных в боях воинов, как непринужденна и величественна их осанка!»

Рискуя, Булатович с разведывательным полком уходил далеко вперед. Жестокость эфиопских воинов, резня, грабежи покоренных деревень были ему, конечно же, чужды. Он, как мог, противодействовал бессмысленному убийству туземцев. «Дух абиссинского войска страшно высок, — писал он в дневнике, — и каждому солдату понятно его назначение — убить противника. Он не делал на этот счет никаких иллюзий».

Армия продвигалась все дальше на юг, а озера Рудольфа, конечной цели похода, все не было. Солдат мучили жажда и голод. Некоторые начали роптать и косо поглядывать на белого офицера. Им казалось, что это он завел их в бездонную пустыню. Но Булатович твердо знал: озеро Рудольф существует, оно было открыто раньше.

21 марта Александр Ксаверьевич записал в дневнике: «Колонна наша остановилась. Шашками порубали мы в кустах узкую тропинку и медленно втягивались в нее. Жара стояла невыносимая. Солнце было почти в зените и прожигало нас своими отвесными лучами. Всех томила невыносимая жажда».

И вдруг впереди раздался крик: «Вода!». Это была река. «Мы поспешили к реке и без конца пили ее тепловатую воду, — писал Булатович. — Я черпал ее своим шлемом и чем больше пил, тем больше чувствовал жажду». До озера оставалось несколько дней пути. Наконец утром 26 марта проводник из местных туземцев вывел воинов к берегу желанного озера. Тяжелый четырехмесячный рейд был завершен. Все воины принесли по два больших камня, сложили из них пирамиду, а в центре ее установили высокий столб. На вершине его заколыхался шелковый зелено-красно-желтый эфиопский флаг.

Главкомандующий Вальде Георгис взял в руки ружье — для салюта. Все смолкли, все напряженно ждали первого выстрела. «Наконец выстрел грянул, — вспоминал Александр Ксаверьевич, — и пять тысяч ружей отсалютовали новым владениям Менелика и его флагу. Забили литавры, затрубили трубы, засвистели флейты, раздались боевые песни... Умиленный Георгис обнял меня, и я его горячо и от всей души поздравил».

Возвращение было легким от ощущения победы. В знак боевых заслуг и отваги Булатовича Георгис подарил ему золотую саблю, щит, украшенный серебром, серебряное копье и лошадь с дорогим убором. Они сердечно простились. «1 июля, — писал Александр Ксаверьевич, — я взошел на палубу французского парохода «Ирауади», который в тот же день отошел из Джибути». Три недели спустя Булатович был уже в Петербурге. Он получил новый чин — штабс-ротмистра и орден Св. Станислава 2-й степени. О своем походе доложил на заседании Русского географического общества. Вскоре была закончена и вышла новая книга Булатовича «С войсками Менелика II» — его основной труд. Александр Ксаверьевич признавался: «Меня лично тянет туда, где русскому офицеру есть деятельность действительная...»

В советской географической литературе его заслуги долго не признавались. Лишь в 70-х годах были переизданы труды Булатовича, научная значимость которых сохранилась до сих пор. На закате жизни известный советский историк-африканист И. Канцельсон предпринял

архивные розыски по следам третьего и четвертого путешествий Булатовича в Эфиопию. Ученый не успел довести их до конца, но собрал воедино многие документы, относящиеся к 1899—1900 годам, когда Булатович уже завершил вторую свою поездку и прочитал в Петербурге блестящий доклад «Из Абиссинии через страну Кафу на озеро Рудольф». Напутствуемый лично Николаем II, Булатович выехал 10 марта 1899 года в Одессу, а в апреле снова оказался в Эфиопии. В мае, после удачного караванного перехода, он уже въехал в Аддис-Абебу.

*Александр Ксаверьевич
Булатович (отец Антоний),
русский исследователь
Эфиопии, военный офицер,
иеросхимонах*

Булатовичу удалось с одним из отрядов отправиться в Бени-Шангул, чтобы заняться географическими съемками района — настоящего белого пятна на карте страны. Пробыл он в той поездке четыре месяца, много писал, но большинство записей до сих пор не обнаружено.

В архивах до сих пор не удалось найти документов, объясняющих, почему он летом 1900 года был направлен на Дальний Восток, в Порт-Артур, «для прикомандирования к одной из кавалеристских или казачьих частей». В то время в Китае шла война, вспыхнуло так называемое «боксерское восстание». Булатович участвовал в 27 сражениях, проявляя чудеса храбрости. Перед Александром Булатовичем, уже ротмистром лейб-гвардии гусарского Его Величества полка, открылась великолепная перспектива по службе. Его называли «баловнем аристократического Петербурга». С его именем, как писал один из журналов тех лет «соединилось представление о безудержной удали и веселой жизни богатого гвардейского офицера».

И вдруг произошло совершенно странное, необъяснимое. Булатович по «семейным обстоятельствам» увольняется в запас и... постригается в монахи. Толки об этом ходили разные. Говорили, что произошло это под влиянием проповедей знаменитого Иоанна Кронштадтского. Другие видели причину в неразделенной любви. Третьи — в психологическом срыве. После пострижения Булатович получил новое имя — отец Антоний.

По совету Иоанна Кронштадтского он отправился в Грецию, на святую гору Афон, в русский скит. Вел жизнь замкнутую, одинокую, по его собственным словам, «не зная, что делается на белом свете». А в самом начале 1911 года он неожиданно снова уехал в Эфиопию.

Еще в 1898 году во время похода с войсками Менелика II Александр Ксаверьевич подобрал у озера Рудольф израненного черного мальчика лет трех, доброго и кроткого. Он назвал его Васькой. Вылечил, привез в Россию, крестил и обучил грамоте. Но Васька скучал по родине, и Булатович в конце концов отправил своего воспитанника обратно в Эфиопию. Теперь отец Антоний решил повидать Ваську. Была у него еще одна цель: основать в Эфиопии православный монастырь со школой для детей. Строить монастырь он собирался на добровольные пожертвования, а главным образом на собственные средства. Сделать это не удалось, никто его не поддерживал, и он покинул Эфиопию уже навсегда, возвратившись на Афон.

Два года спустя в газетах появились сообщения о бурных событиях, разыгравшихся в тихой обители на святой горе. Среди русских монахов разгорелся ожесточенный спор об имени Господнем. Спор между так называемыми «имяславцами» и «имяборцами» был догматическим, но привел к непримиримой борьбе и бунту. Отец Антоний, стоявший на стороне бунтовщиков, «имяславцев», был осужден за еретические взгляды и изгнан с Афона вместе со своими единомышленниками. Он, однако, не смирился.

Живя в Петербурге, в пустыне за Невской заставой, Булатович писал полемические статьи и брошюры. В нем

по-прежнему жил неукротимый дух борца, в любую минуту готового броситься в бой. И правда, когда началась Первая мировая война, он отправился на фронт священником передового отряда Красного Креста. Отряд действовал в Польше. Грязь, холод, обстрелы. Раненые поступали непрерывно. Потом Булатович воевал в Карпатах, где было еще тяжелее и опаснее. Участвовал в боях. Не однажды отец Антоний сам поднимал солдат в стремительную атаку. «За самоотверженную деятельность под огнем неприятеля» он был представлен к награждению боевым орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. Лишь окончательно расстроенное здоровье вынудило его вернуться в Петроград.

После революции отец Антоний отправился в родную Луцковку. К этому времени большое имение его матери уже было сожжено. В саду он построил скромную келью, где проводил свои дни в молитве и чтении. Утром 6 декабря 1919 года отца Антония нашли зверски убитым на пороге его обители. Преступление, по-видимому, было совершено с целью ограбления, но грабить было нечего. Убитого похоронили на местном кладбище. Со временем могила пришла в запустение.

Кацельсону удалось выяснить, что после трагической гибели Булатовича, в ночь с 5 на 6 декабря 1919 года, бумаги из его имения пропали. Архивы русского посольства в Эфиопии оказались в Париже и в 1940 году сгорели после налета фашистской авиации.

Одним из русских, оставивших свой след в истории Эфиопии, был поручик 25-го Казанского драгунского полка Иван Филаретович Бабичев. Величавый старик-европеец с седой бородой, владелец одного из лучших домов в Аддис-Абебе, речью, привычками и манерами мало чем отличавшийся от местных аристократов. Он приводил в изумление редких иностранцев, побывавших в эфиопской столице. Бабичев считал себя коренным местным жителем, у него было эфиопское гражданство, и его нисколько не привлекали европейские столицы...

В 1898 году юный офицер Ваня Бабичев был командирован в Абиссинию. Он вошел в военное сопровождение русской дипломатической миссии. Вдохновясь романтикой африканских приключений, молодой поручик самовольно покинул воинскую службу и отправился с экспедицией на совершенно не известный европейцам юго-запад страны, к берегам озера Рудольф.

Воинская дисциплина не терпела такого самоуправства. Бабичева уволили из армии и повелели возвращаться домой. Но Иван Филаретович решил остаться. Он женился на знатной местной красавице, перешел на абиссинскую службу, получил крупный чин — фитаурари («атакующий во главе»), равный русскому полковнику, и счастливо зажил в африканской столице. В 1904 году вышло прощение от императора Николая Второго: Бабичеву официально разрешили остаться в Абиссинии и считаться полноправным членом русской колонии.

После 1917 года о возвращении в Россию не могло быть и речи. Бабичев не питал к коммунистам симпатий. Русский фитаурари навсегда остался в Аддис-Абебе, где и умер в 1955 году в возрасте 84 лет.

Однако не Ивану Филаретовичу суждено было прославить род Бабичевых в истории Абиссинии. Среди его пятерых детей самым знаменитым стал его сын Мишка (именно так его именовали соотечественники) — национальный герой Эфиопии. Михаил Бабичев вырос в аддис-абебской аристократической семье. Окончив школу, поступил в танковое училище. Но затем Эфиопия закупила самолеты, и он стал первым абиссинским летчиком. Последний император Эфиопии Хайле Селассие так любил Мишку Бабичева, что даже назначил его своим личным пилотом.

Во время итало-абиссинской войны 1935—1936 годов Михаил Бабичев командовал всей авиацией страны — двенадцатью старыми одномоторными самолетами с деревянной рамой и фюзеляжем, обшитым брезентом. За всю войну он не потерял ни одного самолета. Мишка ненадолго пережил своего отца. В 1964 году его похоронили в центре Аддис-Абебы, возле собора Святой Троицы, на

Хайле Селассие I (по-амхарски имя значит «Сила Троицы»), последний император Эфиопии. В сентябре 1974 г. низложен. В августе 1975 г. убит (задушен военными армии Менгисту Хайле Мариама)

кладбище Героев. На могиле сделана надпись: «Здесь покоится первый эфиопский летчик».

Иначе сложилась судьба удивительного человека — Белого Эфиопа, как его называли, — Евгения Всеволодовича Сенигова. Он окончил Петербургское реальное

училище и Московское кавалерийское военное училище. Служил в Ферганской области в Туркестанском линейном батальоне в чине подпоручика. В 1898 году Сенигов, соблазнившись красочными рассказами об Абиссинии известного петербургского путешественника Леонтьева, отправился в Эфиопию, да там и остался. Сам он писал почему-то, что это была политическая эмиграция, хотя политическим преследованиям в России не подвергался, не задерживался полицией, не находился под арестом или под судом. Среди живших в абиссинской столице европейцев Евгений Всеволодович слыл умницей и пьяницей-социалистом.

Некоторое время Сенигов, как и старший Бабичев, провел в экспедициях. Затем, будто по тому же сценарию, был представлен при дворе негуса Менелика, женился на знатной ахмарской девушке. Командовал крупным отрядом у одного из значительных провинциальных военачальников — раса Вольде Георгиса — и даже сам управлял провинцией. Потом завел ферму в Западной Абиссинии, на реке Баро.

*Евгений Всеволодович Сенигов с женой-африканкой.
Фото А. Кохановского*

Современников поражало, что Сенигов хоть и не бедствовал, но выглядел и одевался, как настоящий эфиоп, более того, ходил босиком, тогда как местная знать уже стала носить обувь.

В первые годы своей эфиопской жизни Сенигов активно занимался созданием коммуны, отдавая этой затее все деньги, которые зарабатывал как художник. Его называли русским Гогеном. Отличный рисовальщик, долгое время не имевший никаких конкурентов в Аддис-Абебе, он пользовался большим успехом как среди придворной знати, так и среди европейцев, живших в эфиопской столице. Сенигов пытался добиться самоокупаемости коммуны путем разведения и продажи табака. Но в островной коммуне что-то не заладилось, и вскоре Сенигов расстался со своей утопией. Он начал много ездить по стране, питая особое пристрастие к Кафе, ее древней культуре: собирал легенды, записывал со слов стариков рассказы об обычаях и традициях кафичо и рисовал, рисовал, рисовал... Он писал в своем дневнике: «...Лунные радуги играют при восходе и закате солнца, и ярко блестят белые стволы темнолиственных гигантов, изредка мягкими пятнами выступают зелено-желтые и светло-зеленые породы...».

Душевная чистота оберегала его от многих нравственных опасностей. Она удержала его от участия в нечистоплотных авантюрах некоторых соотечественников, в интригах эфиопского двора, европейских посольств и многочисленных заезжих искателей счастья. Хотя его толстовские прожекты кончились полной неудачей, но она не озлобила его. Сенигов во всем был человеком честным и бескорыстным.

В 1921 году он выехал из Эфиопии в Россию, был задержан англичанами в Египте. В апреле 1924 года Сенигов писал секретарю отдела Ближнего Востока Наркоминдела Пастухову, «я жил с 21-го по 23 год в дороге, с 23-го бедствую в Москве». Однако Сенигов остался верен себе — он сообщал в Наркоминдел: «Цель моего приезда — связать мою вторую родину, Абиссинию, с государством, которое по принципам III Интернационала может дать бескорыстную... поддержку ее...».

Он стучался во многие двери, но не нашлось чиновника, который выслушал бы его. Не до Эфиопии было! Дальнейшая судьба этого человека неизвестна. И в 1937 году его акварели неожиданно были переданы Ленинградскому музею этнографии женщиной, которая назвалась женой Сенигова.

Еще более двух лет после Октябрьской революции и фактической потери связи с родиной российская дипломатическая миссия в Эфиопии под началом поверенного в делах России Н.И. Виноградова продолжала функционировать. Она просуществовала до конца 1919 года, исполняя по преимуществу консульские обязанности и оказывая разного рода помощь российским подданным.

В целом, если судить о работе российской миссии в Эфиопии после 1917 г., по сохранившимся (далеко не полным) ее документам, следует по достоинству оценить деятельность ее начальника Н.И. Виноградова. В этот период безвременья, когда роль России в мире упала почти до нуля, он показал себя человеком долга, считавшим своей обязанностью защищать интересы россиян в Эфиопии, даже когда его собственный статус здесь сделался более чем неопределенным. До последнего дня своего пребывания в стране он продолжал оказывать им содействие. И весьма часто его заступничество играло не последнюю роль.

* * *

Из старожилов «леонтьевской» волны эмиграции можно упомянуть бывшего хорунжего Уральского казачьего войска Михаила Васильевича Трофимова, прибывшего в Эфиопию в 1902 г. Вот что докладывал о нем Б.Н. Чемерзин (русский поверенный в делах в Эфиопии в 1911—1914 гг.) в своем донесении в Первый департамент МИДа 20 июня 1911 г.: «Окончив в 1896 г. классическую гимназию в г. Уральске, М.В. Трофимов поступил в Оренбургское юнкерское училище, каковое и окончил в 1898 г. В том же году был зачислен в Уральскую учебную сотню... В конце 1900 г. он поступил добровольцем в армию, действующую против китайцев, и был назна-

чен командующим 3-й сотней 2-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска, каковою и командовал до лета 1901 г. Затем поступил в Читинское городское полицейское управление на должность пристава 1-й части. В 1902 г. покинул полицейскую службу по прошению, выехал из России по заграничному паспорту, выданному самарским губернатором 20 октября 1902 г. ... и, прибыв в Абиссинию, поселился в окрестностях Харара на участке земли, полученном от раса Маконена». Там он занимался разведением овощей.

В августе 1906 г. Трофимов возвратил каньязмачу Банти взятую у него в аренду землю и переехал в принадлежащее Бабичеву имение «Ада» близ Аддис-Абебы, где до 1908 г. был управляющим. В мае 1908 г. по предложению Тадика, министра земледелия кантибы Уольдэ, он перешел на государственную службу: в Марокко вступил в должность государственного агронома, освободившуюся из-за отъезда занимавшего ее прежде германского подданного Костянда.

Б.Н. Чемерзин писал, что «жалованья в месяц получает Трофимов 135 талеров (около 125 рублей), службой и жизнью в Абиссинии доволен и продолжает находиться в наилучших отношениях со своим начальником — министром земледелия. На обязанности Трофимова лежит разведение кофейных деревьев в указанной провинции, составляющей удельное имение императора Эфиопии...»

В заключение Б.Н. Чемерзин упоминал, что по личным своим качествам Трофимов представляется ему «человеком трудолюбивым, обладающим достаточными познаниями в огородничестве и садоводстве и вообще в сельском хозяйстве, уживчивым, но увлекающимся и несколько неуравновешенным».

К сожалению, других сведений о М.В. Трофимове почти не имеется. Известно лишь, что он оставался в Эфиопии и после 1917 г.

С 1918 г. в Эфиопию из России, а позже и из некоторых других стран потянулся ручеек эмигрантов. Это была белогвардейская волна русской диаспоры, поскольку значительная часть ее состояла из офицеров, участво-

вавших в Гражданской войне с большевиками и покинувших родину после поражения Белого движения. Случайный визитер из Советской России, побывавший в Эфиопии в начале 30-х годов, писал: «Исконными абиссинцами считают себя полсотни русских офицеров, белых эмигрантов. Появившись в Абиссинии, они стали уверять, что являются единоверцами амхарцев. Богомольная императрица Заудиту (дочь Менелика) взяла их под свое покровительство и пристроила этих тунейдцев на государственную службу».

Этот же источник, достоверность которого в настоящее время проверить весьма затруднительно, сообщал, что императрица Заудиту живет затворницей в Геби и к ней из всех иностранцев свободный доступ имеет только «белый русский адмирал Сенявин, объявивший себя министром опереточного царя Кирилла Владимировича».

Действительно, в Эфиопии конца 20-х годов среди членов русской эмигрантской колонии было немало представителей старой русской аристократии и монархически настроенного офицерства. Можно упомянуть здесь графа А.В. Татищева и его братьев В.В. Татищева и П.Н. Татищева, князя Монтвид-Морфиша, графа И.Д. Хризосколео де Платана, генерал-майоров Л. Свешникова и Л.А. Дроздовского, полковника Ф.Е. Коновалова, флотских офицеров В. Дидерихса, П. Крузенштерна, Э.Э. Петерсона и упомянутого выше Д.Л. Сенявина с двоюродным братом Д.К. Сенявиным, бывших офицеров царской армии Г.А. Турчанинова, Бенкловского, П.П. Булыгина, А.Г. Трахтенберга, С.М. Карташова, А. Фермора, В.Н. Вартенева, братьев М.В. и С.В. Банкулов. Всего вместе с членами семей и русской прислугой — более ста человек.

При этом тунейдцами эти люди в Эфиопии отнюдь не были. Например, граф П.Н. Татищев, знавший несколько европейских языков, служил при императорском дворе переводчиком. Инженерами-путейцами работали сыновья протоиерея Павла Вороновского Николай и Борис, а также механик Мельников; врачебной практикой занимались врачи Гаврилов, Гогин и А.Л. Дебберт. Доволь-

но известным адвокатом в 20—30-е годы был в Аддис-Абебе один из самых активных членов русской колонии И.С. Хвостов. Частную юридическую практику имел также Д.Н. Каплинский. Старшим инженером городского муниципалитета Аддис-Абебы состоял Ф.А. Шиманский. Частными предпринимателями стали эмигрировавшие из России коммерсанты Зайончек и Б.К. Бутаев, а также двоюродный брат А.В. Татищева В.С. Татищев; в министерстве земледелия служил агроном Земляницын.

Значительная часть русских офицеров была принята инструкторами в эфиопскую армию, а полковник Ф.Е. Коновалов в начале 30-х годов выполнял обязанности начальника штаба.

Для такой страны, какой была Эфиопия 20-х годов XX в., даже сравнительно небольшая группа хорошо подготовленных и образованных русских специалистов, принятых на службу, представляла большую ценность. Они не только выполняли свои непосредственные обязанности, но и готовили местные кадры.

* * *

В 1918—1920 гг. помимо специалистов и аристократов в Эфиопии проживали и россияне званием попроще. Весьма колоритной фигурой был некий Ефим Петрович Клименко, отставной казачий урядник Войска Донского, служивший сначала поваром в российской миссии в Аддис-Абебе, а позже поступивший на эфиопскую службу. Клименко поселился в Эфиопии в 1913 г. Обстоятельства его появления здесь нам неизвестны. Но из-за того, что за ним на родине остался долг в 677 руб. крестьянину Федору Игнатьевичу Мигунову, сведения о Клименко попали в переписку миссии, и благодаря этому стали известны некоторые подробности его жизни и занятий в Эфиопии. После отъезда Б.Н. Чемерзина, у которого он служил поваром, Клименко решил сделаться фермером. В июне 1917 г. Временный Поверенный в делах России в Эфиопии В.И. Виноградов доносил в МИД, что «Е. Клименко начал в последнее время заниматься разведением и продажей овощей

и фруктов, каковое ремесло едва ли даст ему возможность пока кое-как пропитаться ввиду неимения у него никакого имущества. Миссии едва ли удастся взыскать с него что-либо по упомянутому исполнительному листу, по крайней мере в ближайшем будущем». По всей видимости, Клименко остался жить в Эфиопии, поступив в услужение к кому-то из перебравшихся в Эфиопию состоятельных русских.

В период итальянской оккупации 1936—1941 гг. численность русской колонии в Эфиопии значительно сократилась. Часть русских офицеров во время итало-эфиопской войны 1935—1936 гг. служила в эфиопской армии в качестве военных специалистов. Полковник Ф.Е. Коновалов, капитан М. Бабичев, В. Дидерихс и некоторые другие принимали непосредственное участие в боевых действиях. После поражения эфиопов семьям русских, активно помогавших эфиопским патриотам или просто сочувствовавших им, пришлось покинуть страну. Большинство членов русской колонии выехало в Европу. Лишь немногие из них вернулись после окончания войны обратно.

События Второй мировой войны фактически привели к исчезновению той части российской диаспоры, которая сложилась на базе первой волны эмиграции. К концу 40-х годов от первой русской колонии остались лишь осколки. После Второй мировой войны из Европы по некоторым странам Африки прокатилась вторая волна русской эмиграции, состоящая из людей, освобожденных из фашистского плена или лагерей для перемещенных лиц, находившихся в западных зонах оккупации.

Из русских эмигрантов второй волны можно упомянуть Л. Лисицына, служившего начальником эфиопской метеослужбы, профессоров агрономии и юриспруденции А. Шиншина и К. Тихомирова. Архитектором в муниципалитете Аддис-Абебы работал выходец из России С. фон Клодт.

Эмигрантов второй волны сейчас почти не осталось. Они или скончались, или покинули Эфиопию (преимущественно после антимонархической революции 1975 г.).

Из людей послевоенной волны африканисту А. Хренкову удалось застать в живых и пообщаться лишь с Г.Д. Лапиным. Довольно продолжительное время он сотрудничал с эфиопским правительством по различным коммерческим проектам (создание сети зернохранилищ, организация смешанной частно-государственной паровой компании «Этиопиан шиппинг», о которой он с гордостью говорил: «Это моя компания, это я ее устроил!»). Позже Г.Д. Лапин основал в Эфиопии собственную частную техническую компанию «Мотор инжиниринг», которую лишь недавно, отойдя от дел из-за преклонного возраста, продал фирме «Тойота».

Среди представителей первой русской колонии были и литераторы. В частности, военным инструктором в эфиопской армии служил поэт Павел Булыгин. Некоторые из его стихов, написанных в Эфиопии, были посвящены Н.С. Гумилеву и И.А. Бунину. Позже часть их вошла в поэтический сборник «Янтари», изданный в Риге в 30-е годы. Много стихов об Эфиопии написал также Б.Н. Волков. В 1930—1931 гг. в Аддис-Абебе русская колония выпускала даже свой журнал, который назывался «Наш отдых».

Центрами культурной жизни и общения русских в Аддис-Абебе были большие городские виллы Турчаниновых, братьев Сенявиных, Татищевых, дом Ханефи Магомет-оглу. Дети русских воспитывались в русских культурных и православных традициях, в то же время они с детства усваивали местные языки и приобщались к эфиопскому этикету и традициям. Своих детей русские из привилегированных классов, как правило, отдавали во французские лицеи, где они учились вместе с детьми эфиопских аристократов и крупных чиновников. Практически все молодые россияне свободно говорили на трех языках: русском, французском и амхарском. Многие знали также английский и немецкий. Однако языком семейного общения оставался по преимуществу русский, или, точнее, своеобразный русско-амхарский сленг, когда в русскую речь вставляются местные понятия и выражения.

Теперь в Эфиопии, по официальным данным российского консульства, проживает около 155 человек бывших и нынешних российских подданных (включая детей). Однако собственно русской эмигрантской общины в Эфиопии уже не существует. Сегодня подавляющее большинство живущих в Эфиопии русских — это жены бывших эфиопских студентов, обучавшихся в разные годы в СССР (России). Именно по этой причине нынешнюю русскую диаспору в Эфиопии нельзя признать полноценной, поскольку ее представители (точнее, представительницы) не составляют самостоятельной национально-культурной общины в стране проживания. Диаспора такого рода, если ее все же назвать таким словом, — явление недолговечное. Дети от смешанных браков довольно быстро ассимилируются, и новое поколение будет полностью осознавать себя уже эфиопами, а не русскими... А жаль!

(По материалам кандидатки исторических наук А. Хренкова).

ЮЖНАЯ АФРИКА: ИЗ РОССИИ — С ЛЮБОВЬЮ

Первые русские люди должны были отправиться «официально» к берегам Южной Африки еще в конце 1723 года, когда Петр Первый приказал снарядить в Ревеле два фрегата — «Амстердам-Галлей» и «Кронделивде» — для похода на Мадагаскар и Индию. Корабли даже вышли из ревельской гавани, но вынуждены были вернуться: на флагмане «Амстердам-Галлей» открылась течь, и его пришлось килевать. А в январе 1725-го Петр умер. Экспедиция так и не состоялась. Но за несколько десятилетий до этого царь завел дружбу с Голландией. А Кейптаун (тогда он назывался по-голландски — Капстад) принадлежал ей. Правильнее голландской Ост-Индской компании. Она владела всей Капской колонией (колонией на мысе). На верфях этой компании в Амстердаме в 1697 году проходили выучку Меншиков, Апраксин и другие птенцы гнезда Петрова. Царь Петр Алексеевич, как известно, начинал работы с плотника под именем Петра Михайлова. Учились они у опытных голландских корабельщиков — тех, кому был уже хорошо ведом путь в Капстад. И даже еще дальше — в Голландскую Индию, в Батавию, которая именуется теперь Джакартой.

Петр пригласил в Россию девятьсот голландских моряков, от адмирала до корабельного кока. Разумеется, не новичков, «морских волков». Они уже ходили тем главным путем голландского флота. Ближайшим другом Петра в Голландии был Никлас Витсен. Он совмещал в одном лице бургомистра Амстердама и директора Ост-Индской компании. У него имелись особые причины для близости с русскими людьми. Три десятилетиями раньше, еще при царе Алексее Михайловиче, он целый год прожил в Московском царстве. Издал три тома впечатлений. А по-

том делом его жизни стала подготовка фундаментального описания Московии, Сибири и ряда близких стран. Для него появление большого числа русских в Голландии стало неоценимым подарком. Он мог их расспрашивать о традициях, обычаях, новейших событиях — о том, чего не узнаешь из книг. В 1707 году труд Витсена — два огромных тома, переплетенных в свиную кожу, — наконец увидел свет. Он открывался посвящением царю Петру Алексеевичу. Это издание давно уже стало библиографической редкостью. В Южной Африке есть два экземпляра. Оба — в Йоханнесбурге, один — в библиотеке Оппенгеймеров, королей алмазов и золота.

Сколько всего узнала тогда Голландия о России! И сколько самых свежих сведений о Капстаде и других голландских владениях получили посланцы Петра и он сам! Потому-то тогда, когда русский флот возник и окреп, Петр послал своих моряков в плавание вокруг мыса Доброй Надежды. Неудачно. Но организация, подготовка такого плавания многое значит — значит, в России уже возник интерес к тем дальним краям. А как символично, что мыс, на котором появились тогда российские поселенцы, в России именовали «Благия Надежды». На что-то была надежда!

Кто был первым жителем Российской империи, попавшим на юг Африки, установить трудно. Во всяком случае, на рубеже XVIII и XIX столетий такой человек существовал. Когда в 1808 году пришел в Южную Африку шлюп «Диана» под командой очень известного впоследствии флотоводца Василия Михайловича Головнина, моряки встретили поселенца, которого там называли Ганц-Русс, то есть настоящий русский. Жил он в Готтентотской Голландии — долине, неподалеку от Кейптауна. По словам Головнина, этот человек сказал о себе, что он Иван Степанов, сын Сезиомов, а отец его был винный компанейщик в Нижнем Новгороде, от которого Иван бежал. Став матросом, он оказался в Голландии, где его обманули, и он подался на голландский ост-индский корабль, на котором служил семь лет, ходил в Индию и был в Японии. «При взятии англичанами мыса Доброй Надежды оста-

вил он море и для пропитания пошел в работники к кузнецу, где выучился ковать железо и делать фуры, нажил деньги и поселился в Готтентотской Голландии, потом женился; имеет троих детей и промышляет продажей кур, картофеля, огородной зелени и изюма».

А вот судьба другой семьи — исторически достоверный факт, попавший даже в пятитомный «Южноафриканский словарь биографий». В 1697 году в Капстаде поселился коренной москвич Иоханнес Свелленгребель, родившийся в 1671 году. Его отец был голландским купцом и вел дела в Москве, где скончался в 1699 году. Иоханнес же поступил на службу в Ост-Индскую компанию. Его старший сын Хендрик Свелленгребель впоследствии стал губернатором Капской колонии.

Тогда же обнаружился в Капской колонии и уроженец города Риги, хорошо знавший русский язык.

Впрочем, о том, когда и как на мысе Доброй Надежды стали появляться русские поселенцы, можно только гадать. На этот счет, правда, существует несколько полупелендарных историй. По семейному преданию одного из известнейших африканерских (бурских) родов Илоффов (который, кстати, был в родстве с семьей президента Трансвааля Крюгера), его родоначальник — некий русский невооразраценец, посланный Петром учиться в Голландию корабельному делу. Он же вместо учебы решил жениться и переселился с молодой супругой в Капстад.

Описания Южной Африки в русских книгах появились намного раньше. Они содержались уже в первой петровской географии, изданной в 1710 году под названием «География, или Краткое земного круга описание» и включавшей даже сведения о средневековом южноафриканском государстве Мономотапа. А первым русским, составившим собственное описание южной оконечности Африки, был В.М. Головин.

21 апреля 1808 года русский шлюп «Диана» подошел к Саймонстауну — порту, который находился рядом с Кейптауном и в наши дни является важнейшей военно-морской базой всей Южной Африки. «Диана» направля-

лась в научную экспедицию из Петербурга на Камчатку. Моряки мечтали об отдыхе после трудного пути.

Василий Михайлович Головнин принадлежит уже к следующему после Коковцова поколению российских моряков: он родился в том самом 1776 г., в котором капитан-лейтенант Коковцов совершил свое первое плавание к побережью Северной Африки. Биографы Головина единодушно отмечают, что родительское решение о посылке двенадцатилетнего Василия в Морской корпус было совершенно неожиданным для родни и соседей, поскольку семейные традиции Головниных, дворян Пронского уезда Рязанской области, были сугубо «сухопутными». Но выбор оказался правильным: из мальчика, поступившего в 1786 г. в корпус, вырос достойный представитель той блестящей плеяды мореплавателей и воинов, которые вызывали восхищение всей Европы своими победами во время Второй архипелагской экспедиции Сенявина, совершали первые русские кругосветные плавания и в труднейших условиях исследовали арктическое побережье нашей страны.

Корпус Головнин окончил в 1792 г., еще гардемаринном получив медаль за заслуги в русско-шведской войне 1788—1790 гг. Но мичманского чина ему пришлось ждать еще целый год — по молодости лет. В 1793 г. Головнин был выпущен на Балтийский флот, а в 1795 г. в составе эскадры адмирала Ханыкова отправился в Англию, где прожил довольно долго. В 1802 г. он снова оказался в Англии, на этот раз уже в качестве стажера на британском флоте. Этот период службы Головнина длился до 1806 г. Ему пришлось участвовать в боях с французским и испанским флотами, за что он получил блестящие аттестации от командиров кораблей его величества.

В 1806 г. лейтенант Головнин возвратился на родину одним из лучших в русском морском ведомстве знатоков британского флота, имея к тому же завидную репутацию умелого моряка и храброго солдата. Неудивительно, что, когда потребовался офицер, способный возглавить экспедицию в Русскую Америку и на Камчатку, выбор пал на Головнина.

Весной 1807 г. он принял под свое командование лесовозный транспорт, который в это время переоборудовался на Охтинской верфи в военный шлюп и получил название «Диана». Перестройка корабля и снаряжение экспедиции проходили под непосредственным руководством Головнина, и результаты подготовки оказались убедительными свидетельствами организаторских способностей и немалого опыта командира: за три года плавания на «Диане» практически не было ни одного случая серьезных заболеваний — явление по тем временам исключительное.

«Диана» отправилась в плавание в на редкость неблагоприятное с политической точки зрения время. Летом 1807 г., после поражения русской армии при Фридланде, наметилась тенденция к русско-французскому сближению, нашедшему свое оформление в Тильзитском мире. Правительство Александра I оказалось вынуждено сменить союзников и перейти во враждебный Англии лагерь. В условиях неоспоримого господства британского флота на морях в областях земного шара, куда направлялась «Диана», эти политические перемены создавали серьезную угрозу для экспедиции.

Головнин ощутил это уже во время стоянки в Портсмуте, где в течение лета 1807 г. «Диана» доукомплектовывалась для дальнего и опасного вояжа. Британские моряки и таможенные власти чем дальше, тем откровеннее чинили препятствия снаряжению экспедиции. Однако отличное знакомство ее начальника с нравами и порядками тамошнего морского ведомства помогло завершить эту стадию подготовки более или менее удачно. К тому же Головнин сумел добиться от адмиралтейства письменных заверений в том, что, поскольку «Диана» направляется на Дальний Восток с исследовательскими целями, британские корабли не будут ее рассматривать как вражеский корабль даже в случае начала войны между Россией и Англией.

Эти заверения, однако, оказались малодейственными, когда в апреле 1808 г. Головнин пришел в Симансштадт (нынешний Саймонстаун) в Южной Африке.

Правда, на «Диане» остался Андреевский флаг, и англичане не предпринимали серьезных попыток захватить шлюп, но из порта его категорически отказались выпустить и, так сказать, «на всякий случай» окружили военными кораблями, да к тому же заставили снять часть рангоута. Теперь невозможно было даже попытаться незаметно поставить паруса. В довершение всего, когда у Головнина начались трудности с продовольствием (никто из местных купцов не рискнул принимать от командира русского корабля векселя на Лондон), вице-адмирал Барти, начальник британской морской станции в Южной Африке, попытался предложить ему поставить матросов «Дианы» на работы по ремонту английских кораблей. Понятно, что Головнин с негодованием отверг это предложение.

Однако время шло. Никаких надежд на улучшение положения шлюпа и его команды не оставалось. Твердость и достоинство, с какими держались Головнин и его подчиненные, рисковали остаться бесполезными: англичане рассчитывали, что рано или поздно затруднения с продовольствием заставят командира «Дианы» согласиться на их условия. И тогда Головнин принял отчаянно смелое решение — уйти из гавани на глазах у всей британской эскадры.

После долгой и тщательной подготовки, особенно трудной из-за того, что нельзя было дать англичанам что-то заподозрить, «Диана» 19 мая 1809 г. в сильную непогоду покинула Саймонстаун. Для англичан это оказалось столь неожиданным, что ни один из кораблей эскадры даже не успел поднять паруса.

В сентябре 1809 г. Головнин благополучно пришел в Петропавловск, выполнив первую часть программы экспедиции. В 1810 г. «Диана» ходила к побережью Русской Америки, а в 1811 г. отправилась исследовать Курильские острова. Здесь, на острове Кунашир, Головнин с шестью офицерами и матросами был захвачен японцами и провёл в плену больше двух лет — с июля по октябрь 1813 г. Благодаря энергии друга и помощника Головнина лейтенанта Рикорда, оставшегося после него командиром «Ди-

аны», весной 1814 г. Головнин после семилетнего отсутствия возвратился в Петербург.

В 1817—1819 гг. Головнин совершил кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка», в 1821 г. стал помощником директора Морского корпуса, а в 1823 г. был назначен генерал-интендантом флота и оставался им до самой своей смерти в 1831 г.

Перу Головнина принадлежат несколько книг, которые и сейчас читаются с живейшим интересом (см.: Василий Головнин. Сочинения и переводы. Т. I—V. — СПб., 1864). Среди этих книг наибольшим вниманием и у современников мореплавателя, и у нас, и за границей пользовалось, пожалуй, описание пребывания в плену у японцев. Однако нас в данном случае интересует вышедший в свет в 1819 г. отчет о первом плавании на «Диане» (во время экспедиции на «Камчатке» Головнин в африканские порты не заходил).

Эта книга содержит первое в русской литературе свидетельство очевидца о Южной Африке.

Подробно рассказывая о жизни буров в Кейптауне, Головнин отмечал: «Главнейший из их пороков есть, по мнению моему, жестокость, с каковою многие из них обходятся со своими невольниками, невольников содержат в здешней колонии очень дурно...». В 1807 г., за несколько месяцев до прибытия Головнина на мыс Доброй Надежды, британский парламент принял акт о завершении работорговли. Головнин свидетельствовал, что с этого времени рабов «стали лучше содержать и более пеклись о их здоровье», но проникательно замечал, что «скупость, а не человеколюбие, без всякого сомнения, была причиною такой перемены: невозможность заменить дешевою покупкой умерших негров заставила господ обходиться лучше со своими невольниками».

В начале 1841 года в Кейптауне побывал русский транспорт «Або», совершавший кругосветное путешествие. Интересные заметки об этом оставил Г.К. Блок — один из офицеров «Або». Свое описание мыса Доброй Надежды он начинает так: «По приходе на рейд нас окружило мно-

жество лодок с плодами и предложением разных услуг; более всех поразила нас одна из них, с которой кто-то приветствовал на ломаном русском языке и, объявляя, что он кронштадтский, просил позволения взойти на палубу.

В Капштадте, в Африке, услышать русское слово, к тому же из уст кронштадтского жителя! Признаться, нехотя пришло на ум: как его нелегкая сюда занесла?.. Наш земляк рассказал, что он сын бывшего консула в Кронштадте... был в Нью-Йорке, Рио и попал в Капштадт; здесь женился, обзавелся торговлею и, разумеется, детьми... Так до Кронштадта ли и своих родных!..»

Блок подробно писал о крупнейших народах южноафриканского банту и, прежде всего, о зулусах и коса. В целом же южноафриканские банту, по его словам, — «это народ рослый, сильный, отличающийся соразмерностью членов», «наравне с телесною силою» они «соединяют мужество, ловкость и проворство». Они чрезвычайно остроумны, хитры, веселы нравом, терпеливы. Язык кафров очень благозвучен, богат и гибок; у южных племен встречаются, однако, звуки, очевидно, заимствованные из языка готтентотов».

В Кейптауне Блок познакомился с капитаном бостонского брика, который когда-то был в Петербурге и сохранил теплое отношение к русским. Разоткровенничавшись, он поведал Блоку историю своей службы на американском невольничьем корабле.

Блок воспризвел целиком этот редкий по откровенности рассказ — ведь в то время работорговля была уже осуждена международными конвенциями, объявлена позорным промыслом и велась тайно. Перед читателем проходят образные, живые описания: «...Смесь гнусных бродяг, составлявших экипаж судна. Тут были французы, итальянцы, англичане, сардинцы, американцы, негры и индийцы». Достойны Киплинга сцены боя двух невольничьих кораблей из-за «живого товара», а затем морского сражения с преследованием этих пиратов военной шхуной, которая оказалась слабее «разбойничьего судна» и была взята на абордаж. Ее экипаж перерезали, а шхуну продали в Бразилии как «удачный приз».

В 1865 году в порту Кейптауна бросил якорь русский фрегат «Дмитрий Донской», приписанный к Кронштадту и совершавший плавание по Атлантике. Согласно судовому журналу, два матроса с «Дмитрия Донского» были похоронены на кладбище в Саймонстауне.

В марте-апреле 1853 года у мыса Доброй Надежды стоял фрегат «Паллада» под командованием капитана И.С. Унковского. Он шел из Кронштадта в Нагасаки. На его борту находилось посольство во главе с вице-адмиралом Е.В. Путятиным, направлявшееся для переговоров с Японией о торговле и о правах на остров Сахалин.

Дипломатическим секретарем этого посольства был классик русской прозы Иван Александрович Гончаров. И в то время как герой романа Гончарова, развалиясь на петербургском диване, Илья Ильич Обломов, не мог одолеть книгу об Африке, его создатель исколесил в тряских каретах глухие дороги Капской колонии.

Как поэтически описал Гончаров южноафриканскую ночь! «Южная ночь таинственна, прекрасна, как красавица под черной дымкой: темна, нема; но все кипит и трепещет жизнью в ней под прозрачным флером. Чувствуешь, что каждый глоток этого воздуха есть прибавка запасу здоровья; он освежает грудь и нервы, как купанье в свежей воде. Тепло, как будто у этой ночи есть свое темное, невидимо греющее солнце; тихо, покойно и таинственно; листья на деревьях не колышутся».

А вот одно из его высказываний о жителях колонии: «Англичанин — барин здесь, кто бы он ни был: всегда изысканно одетый, холодно, с пренебрежением отдает он приказания черному. Англичанин сидит в обширной своей конторе, или в магазине, или на бирже, хлопочет на пристани, он строитель, инженер, плантатор, чиновник, он распоряжается, управляет, работает, он же едет в карете, верхом, наслаждается прохладой на балконе своей виллы, прячась под тень винограда.

А черный? Вот стройный, красивый негр финго или мозамбик тащит тюк на плечах; это — «кули», наемный

слуга, носильщик, бегающий на посылках; вот другой, из племени зулу, а чаще готтентот, на козлах ловко управляет парой лошадей, запряженных в кабриолет. Там третий, бичуан, ведет верховую лошадь; четвертый метет улицу, поднимая столбом красно-желтую пыль».

Гончаров констатирует: «Природных черных жителей нет в колонии как граждан своей страны. Они тут слуги, рабочие, кучера, словом, наемники колонистов, и то недавно наемники, а прежде рабы».

Описанию этого путешествия по югу Африки посвящено больше трети первого тома гончаровского «Фрегата «Паллады». Книга слишком хорошо известна, чтобы останавливаться на ней подробно. «Паллада» после своего пребывания в Кейптауне так больше и не вернулась в родной Кронштадт. Это плавание оказалось для нее последним. К тому времени фрегат считался уже ветераном российского флота. Первый командир «Паллады» — прославленный Нахимов — поднялся на ее капитанский мостик еще в начале 1830-х годов.

Шторм возле мыса Доброй Надежды (недаром его когда-то называли мысом Бурь) сильно потрепал уже обветшавшую «Палладу». А затем — ураган в Южно-Китайском море. Корабль все же пришел к месту назначения. Но вскоре разразилась Крымская война, и, опасаясь, что фрегат будет захвачен англо-французской эскадрой, команда затопила его в Татарском проливе. Предварительно были сняты пушки и мачты, а палубные строения разобраны.

Гончарову предстоял трудный путь на запад — через сибирскую тайгу. А экипаж «Паллады», построив собственными руками шхуну, тоже в тяжелых лишениях пробивался домой, и офицерам приходилось таскать дрова, а адмиралу — мыть посуду и накрывать на стол. И не всем удалось добраться до родных краев.

В 1904 году мимо Кейптауна прошла самая большая в тот момент военная эскадра, когда-либо огибавшая Африку. Среди кораблей были броненосцы «Суворов», «Бородино», «Ослябя», крейсера «Аврора», «Дмитрий Донской», «Адмирал Нахимов» и многие другие. Тысячи рус-

ских моряков во главе с адмиралом З.П. Рожественским шли на Дальний Восток, к Цусиме, сражение при которой стало одной из самых трагичных страниц в истории русского флота. Из-за сложных дипломатических отношений с Англией в порт Кейптауна зашел только морской госпиталь «Орел». В Кейптаунском военно-историческом музее хранится копия с записки, найденной в бутылке, сброшенной с одного из судов эскадры адмирала Рожественского: «Идем умирать, просим помолиться за нас».

* * *

Но не только моряки знакомились с далекой Южной Африкой. Российские читатели узнавали об этом континенте из книг и журналов — о его племенах и странах, расположенных на далеком юге.

Прислушайтесь к сегодняшней Африке — свисту ветра над бескрайней саванной, реву водопадов, гулу больших городов, — и вы почувствуете ее пульс, неровный, но мощный, пульс огромного континента, полного загадок и нерешенных проблем. И, может быть, разберете среди ритмов Африки еще один — голос боевых тамтамов и воинственный клич зулусов, доносящийся к нам из глубины столетий.

...Пальцы наборщика привычно сновали, подбирая нужные литеры. Раз-два — и вылетали свежие пахучие полосы, страницы будущей журнальной книжки. За двадцать лет работы у пожилого наборщика выработалась привычка читать то, что он набирал, это было свойственно далеко не каждому работнику типографии.

Подслеповатыми глазами он пробежал по первым строчкам статьи: «С мыса Доброй Надежды уведомляют от 3 августа, что армия короля Чаки идет на владения каффров. Подполковник Сомерсет выступил для прикрытия границы и для содействия каффрам». Эвон о чем! Знакомое дело. Кабы был я помоложе, непременно подался б в те далекие земли, матросом хотя б...». И наборщик показал отчеркнутое ногтем место на гранке своему напарнику-мастеровому. То была давнишняя и несбыточная, конечно, мечта старого типографского мастера.

Читать об Африке, точнее об Африке Южной, ему доводилось и ранее: издавали в типографии и учебники географии, и лоции, и переводы записок иностранных путешественников. Да и в журнальных статьях встречалось это жаркое словечко — Африка, и еще — мыс Доброй Надежды, и племя зулусов...

Не знаем мы имени того наборщика, да и неважно это: внуки его шагнули в век двадцатый — им досталось много повидать, о многом услышать, поболее деда! Но не станем заблуждаться и утверждать, что в начале прошлого века о народах Южной Африки и знать не знали! Знали! Правда, не так хорошо, как сейчас.

И не одна воспаленная душа рвалась потом в далекую Африку, чтобы помочь справедливой борьбе тех самых зулусов, которые привлекли внимание старого наборщика в далеком 1828 году, в сырой полутемной петербургской типографии.

В огромной снежной России рождался свой образ Южной Африки. Из крошечных окошек кто-то пристально вглядывался вдаль, пытаясь разглядеть просторы африканских саванн, крааль зулусов, длинные караваны бурских фургонов, уходящие на север... Не потому ли в далеком уголке Рязанской губернии появилась когда-то деревенька с таким названием — Мыс Доброй Надежды?

А там, на другом конце земли, новый, XIX век нес Африке неслыханные перемены. На юге континента рождалась «империя» зулусов — мощный союз племен и кланов южных банту с единым могущественным полководцем и вождем — Чакой!

О Чаке и его государстве написаны сотни книг и статей, нередко слишком возвеличивающих, а иногда и незаслуженно преуменьшающих его роль в истории Африки. Образ Чаки — «кровавого деспота и тирана» — наиболее част в английской колониальной литературе. Колонизаторам был выгоден именно такой Чака — жестокий, безжалостный истребитель целых народов. Тем самым европейцы могли объяснить свою «цивилизаторскую» миссию: они-де принесли народам Африки свободу от тирании монарха!

И всегда авторы «разоблачительных» статей и книг приводили число жертв Чаки — оно якобы составило два миллиона. То есть превышало численность населения всей страны, где разворачивались события тех десятилетий. Названия многих книг о Чаке говорят сами за себя: «Копья, залитые кровью», «Тропою крови» и так далее. В художественной литературе наиболее ярко Чака-безумец описан в малоизвестном у нас романе Райдера Хаггарда «Нада».

Сам Чака прожил слишком короткую жизнь, едва перевалив за тридцать. Ему не довелось бороться против буров и англичан — это стало уделом его преемников. Но он сделал другое, не менее важное дело. Реформы, проведенные им в социально-политической и военной областях, поставили его в ряд крупнейших фигур африканской истории. Выдвинувшись из рядов родного клана Зулу, Чака ввел в полках новое вооружение — короткий ассегай для ближнего боя вместо нескольких метательных копий, которые можно было использовать только один раз. Полки обучались новой тактике в наступлении: их «рога» окружали противника с флангов, а «грудь», основные силы, наносила мощный лобовой удар. Чака упразднил сандалины, ибо они затрудняли быстрое передвижение войск. Армия при Чаке стала центром социальной и политической жизни. Он завершил реформы, начатые его предшественником Дингисвайо, который ликвидировал так называемые «возрастные классы» среди населения (характерные для всей традиционной структуры африканских народов), создав полки по возрастному типу. Молодым воинам не разрешалось жениться до тех пор, пока те не отличатся на поле боя...

Конечно, все эти изменения назрели и начали осуществляться еще до Чаки. Он лишь усилил и ускорил этот процесс. Поражают масштабы его преобразований! Главной целью политики Чаки было вовлечь в армию представителей всех окружающих племен. Это была интернациональная армия в прямом смысле этого слова, причем все военные считали себя детьми одного народа. Сделать такое было нелегко, но какую силу представляли

зулусские отряды позже — перед лицом британского военного вторжения в их земли!

Как жаль, что реформы Чаки, безвременно ушедшего из жизни, не нашли должного развития впоследствии. Кто знает, как сложились бы исторические судьбы южноафриканских народов, противопоставь они англичанам не раздробленные очаги сопротивления разлагавшейся зулусской «империи», а мощный антиколониальный фронт.

На рубеже 70—80-х годов позапрошлого века трем крупным народам Южной Африки — коса, зулусам и басуто — были нанесены сокрушительные удары, от которых они уже не смогли оправиться. Шел империалистический раздел Африки. Европейские державы старались побольше урвать от «сытного пирога» — африканского континента. Бесконечные колониальные войны очень дорого обходились африканцам, однако в Европе мало кто относился к ним всерьез.

Сохранились описания одного боя, когда инкоси (вождь) Кечвайо выставил против англичан 25 тысяч хорошо тренированных воинов — лучших сынов зулусского народа. Они наголову разбили британцев. Некоторые такие победы даже повлияли на ход европейской политики! В Англии, например, из-за этого раньше времени пало правительство Дизраэли. Но в порты Южной Африки прибывали новые транспорты с войсками и огнестрельным оружием, а сам народ был обескровлен междоусобицами, инспирированными зачастую британскими агентами. Силы оказались неравными.

В России внимательно следили за событиями в Южной Африке. Петербургский журнал «Нива» сообщал в 1879 году: «Только что получена депеша о том, что будто бы 28 августа отважный вождь Сетевайо (Кечвайо. — *Авт.*), столько раз доблестно отражавший нападения англичан, взят в плен... Теперь остается его привезти в Европу как зверя и мелким газетам начать глумиться над его привычками и странностями». В материалах российских изданий сквозили неприязнь и презрение к британцам, к «всепожирающим английским интересам». А вот

строчки из «Голоса» за тот же год: «Сетевайо со своими зулусами оказывается противником, с которым лучше было бы не начинать войны».

Есть свидетельство, что за событиями в Южной Африке внимательно следил Лев Николаевич Толстой.

А потом, на рубеже веков, грянула англо-бурская война.

Конечно, симпатии прогрессивной общественности всего мира были на стороне буров, как называли жителей Трансвааля и Оранжевой. Вот почему, как только в Южной Африке началась война — а это произошло 11 октября 1899 года, — туда устремились добровольцы из разных стран Европы, чтобы помочь бурам в их справедливой борьбе. Не остались безучастными и наши соотечественники. На стороне африканцев воевало примерно 2200 волонтеров-иностранцев, в том числе более 200 российских добровольцев. Среди них — Николай Еврафович Попов, будущий первый авиатор России, и братья Гучковы — Федор Иванович и Александр Иванович, будущий председатель Третьей Государственной думы, военный министр в первом составе Временного правительства.

* * *

Примечательна судьба россиянина Евгения Яковлевича Максимова. Ему было уже пятьдесят лет, когда на юге Африки полыхнула война.

Родился он в семье русского офицера, учился в Технологическом институте и на юридическом факультете Петербургского университета. Потом последовал примеру отца и, сдав экзамен на офицерский чин, вступил в ряды лейб-кирасиров. Вскоре он прославился на всю гвардию как непревзойденный стрелок и военный писатель-публицист.

По семейным обстоятельствам Максимов уволился из гвардии и перевелся в корпус жандармов. Там он прослужил несколько лет, получил чин подполковника и в качестве военного корреспондента участвовал во многих военных экспедициях — в Боснии и Герцеговине, Сер-

Подполковник Евгений Яковлевич Максимов, русский доброволец, ставший в мае 1900 г. бурским генералом

бии, где вспыхнули восстания против турецкого ига, в Болгарии, Туркестане, Абиссинии.

Приехав из Оранienбаума, где он проживал, в Петербург, Максимов начал хлопотать об отправке в Южную Африку — там он мог быть весьма полезным русскому военному ведомству. И оно согласилось командировать Евгения Максимова на этот континент в качестве своего официального корреспондента-наблюдателя. Но вмешалась Англия, внимательно

следившая за всеми проявлениями сочувствия к бурам. Она заявила решительный протест. По приказу военного министра Куропаткина Максимов вынужден был вернуться из Одессы в столицу, а затем снова отправиться в путь, но уже как частное лицо.

Однако английская разведка не упустила Максимова из виду, что не могло укрыться от него. В середине декабря 1899 года он приплыл на русском пароходе в Александрию и, сойдя на берег, переправился затем в Порт-Саид, намереваясь сесть там на германский пароход «Канцлер», прибывший из Неаполя. Этим же пароходом в Южную Африку следовали члены санитарного отряда, созданного на общественные пожертвования. Он состоял из русских и голландцев. (Здесь уместно напомнить, что буры — это потомки голландских переселенцев.)

Капитан «Канцлера» отказался взять на борт Максимова. Тогда русский офицер понял, что ни на одно судно, проходящее через Суэцкий канал в сторону Красного моря, доступа ему не будет. Недаром англичане гордятся своими спецслужбами.

Максимов отправился по железной дороге в Суэц, оттуда — в Джибути. Далее его путь лежал в Занзибар, затем на остров Мадагаскар и уж с Мадагаскара — в Лоренсу-Маркиш, главный город португальского Мозамбика. Снова поезд — и вот, наконец, Претория, столица Трансвааля, — тихая, старомодно-провинциальная, поражающая прежде всего простотой нравов и патриархальностью, от которой европейцы давно уже отвыкли. Так, например, можно было свободно подойти к президентскому дворцу и потолковать, словно с соседом по ферме, с главой государства Паулем Крюгером, который, отдыхая, любил выходить на балкончик подышать свежим воздухом. Убеленного сединами почетного старца любой мог увидеть и поприветствовать.

Максимов ехал из Претории в Блумфонтейн — столицу Оранжевой республики, располагающейся к югу от Трансвааля. В вагоне было полно народу и очень шумно. Внимание многих привлек высокий европеец — единственный среди них иностранец, да еще из такой далекой таинственной страны, как Россия. Они охотно вступали с ним в разговор.

— А вы кто — дипломат? — поинтересовался один из спутников, когда беседа стала особенно оживленной.

— Нет. Я корреспондент.

— Корреспондент?! Это что же значит — писатель? Да разве во время войны такое занятие достойно мужчины?

Максимов не обижался на грубоватость случайных попутчиков. Ведь это были главным образом фермеры, привыкшие к тяжелому повседневному труду, и для них писательство — все равно что безделье. А многих из них война отрывала от дела — пришлось взяться за оружие, а фермы оставить на попечение женщин и подростков.

— Глядите! Глядите! — воскликнули одновременно несколько человек, тыча пальцами в открытые окна вагона. Там, в поле, изящной тенью летела антилопа. Тут же раздались выстрелы. Некоторые пассажиры не преминули воспользоваться моментом, чтобы продемонстри-

ровать свое мастерство. Завзятые наездники и охотники, буры были известны как самые меткие стрелки. Но, увы, ни один выстрел не достиг цели: антилопа лишь понеслась еще быстрее.

— Дайте мне винтовку, — попросил Максимов у одного из пассажиров.

— Берите. Только теперь-то уж и вовсе не попасть — слишком далеко.

— Посмотрим! — Максимов передвинул планку прицела, быстро вскинул винтовку и выстрелил. Антилопа упала.

Сперва в вагоне воцарилась тишина: так поражены были буры. Этот европеец оказался лучшим стрелком, чем они! Но тишина взорвалась столь же неожиданно, как и наступила. Послышались восторженные возгласы, поздравления и приглашения вступить в бурскую армию.

— Такому стрелку стыдно заниматься изводом чернил! — убеждали Максимова. — Вы же настоящий солдат!

— Позвольте вашу записную книжечку, — обратился к нему один из тех, кто стрелял в антилопу. — Я хотел бы сделать в ней отметку.

Максимов недоуменно пожал плечами.

— Это очень важно, — продолжал бур. — Вы даже не представляете, что вы сделали своим выстрелом!

И в записной книжке Максимова появилась такая фраза, скрепленная несколькими свидетельскими подписями: «*Had een springbock geshoten af 800 yards*», то есть: «Он убил антилопу с 800 ярдов» (ярд — чуть меньше метра).

Выйдя на одной из станций подкрепиться и не найдя там никакой горячей пищи, Максимов за толпой направился к столовой неподалеку от вокзала. Однако у входа его остановила хозяйка:

— Сударь, это не гостиница, а почти даровой стол — у нас только для своих, так что не обессудьте.

Максимов хотел было уйти, но тут один из ехавших в вагоне что-то сказал хозяйке, и та, переменив тон, немедленно пригласила его к столу, добавив, что такому

стрелку она всегда счастлива предложить обед. Вот только жаль, что гость не принадлежит к числу защитников ее родины.

— Что поделаешь, — развел руками Максимов. — Еще все впереди.

Пообедав, он хотел расплатиться, но хозяйка категорически воспротивилась.

— Нет-нет. Для меня большая честь накормить такого выдающегося стрелка. Мы умеем ценить людей за их подлинные достоинства. Счастливого вам пути, сударь.

Первое время своего пребывания среди буров Максимов посещал различные пункты, интересные с военной точки зрения, участвовал в объездах боевых позиций, завязывал знакомства в высших правительственных сферах обеих африканских республик. Роль стороннего наблюдателя, однако, ему быстро наскучила. Его деятельная натура требовала большего, и он решил примкнуть к одному из бурских отрядов, лишь бы заниматься настоящим делом. Но в городе Кронстаде судьба свела Максимова с другим офицером-волонтером — полковником графом де Вильбуа-Марейлем, ветераном французских колониальных войск.

Он занимался формированием так называемого Европейского легиона из французов и голландцев. Вильбуа предложил Максиму стать его помощником.

— Вдвоем мы быстрее продвинули бы дело, — сказал граф. — А то тормозят со всех сторон.

Максимов согласился. Ему удалось благодаря своим связям быстро уладить все затруднения, и уже на следующий день состоялось его официальное назначение в Европейский легион. Оба офицера, француз и россиянин, не мешкая, взялись за работу. Надо было учить людей военному делу, налаживать дисциплину и порядок.

«Впрочем, самому Вильбуа, — писал очевидец, — недолго пришлось повозиться с этим неприятным делом. Хлопоты выпали на долю главным образом второго по командованию, то есть Максимова, так как Вильбуа, как только первые поступившие под его начальственные отряды успели несколько отдохнуть, переформи-

роваться и обзавестись всем необходимым, выбрал лучшую, наиболее надежную часть людей и увел их с собой в столь несчастно кончившуюся экспедицию под Кимберли (почти все, включая Вильбуа, погибли. — *Авт.*), предоставив Максимову, собрав и организовав возможно большее число вновь прибывших европейцев, двинуться ему на поддержку по установленному ранее направлению».

Так Максимов стал во главе Европейского легиона, в который вошли около ста пятидесяти человек. В военные действия формирование втягивалось постепенно. Сперва участвовали в мелких стычках с противником, лишь потом начались серьезные бои. В конце апреля 1900 года развернулось сражение под Табанчу, который был захвачен англичанами. Этот город восточнее Блумфонтейна, столицы Оранжевой республики. В десяти милях от него гора Туба, лучшая боевая позиция во всем районе, тоже была занята неприятелем. Решили вернуть ее. Выполнение этой задачи бургский генерал Кольбе возложил на Европейский легион, хотя в распоряжении Максимова к тому времени находились всего с полсотни человек, поскольку часть легиона осталась для охраны лагеря в районе Кронстадта — временной столицы Оранжевой республики. И вот эта-то горстка храбрецов во главе с Максимовым и бросилась на штурм Тубы, которую обороняли несколько сот англичан, и благодаря своей дерзости и меткой стрельбе, необыкновенной удали и стремительности добились ошеломляющего успеха.

Англичане были выбиты с Тубы, они оставили на ней более двухсот трупов. Часть неприятельского войска сдавалась в плен. Потери же легионеров оказались просто мизерными: двое убитых и пятеро раненых. Три раны — и тяжелые! — пришлось на долю Максимова: раздроблена плечевая кость, перебита пулей лопатка да еще височная рана с трещиной и отщепом.

Несмотря на рану и потерю крови, Максимов, перевязанный врачом, тоже русским добровольцем, продолжал под огнем английской артиллерии руководить действи-

ями легиона. Это позволило осуществить главную цель всей операции — соединиться двум группировкам бурских войск, которые и нанесли удар по врагу.

Максимова доставили в госпиталь русского санитарного отряда. Но только завязался бой под Кронштадтом, Евгений Яковлевич, не слушая увещаний врачей, вскочил на коня и с еще незажившими ранами помчался на встречу неприятелю. Вместе с военачальниками он объехал позиции, а затем сам произвел рекогносцировку, на которую не решился никто из буров.

Возвращаясь из разведки, Максимов сперва подвергся преследованию со стороны ландсеров (сельских ополченцев), принявших его за англичанина, от которых, впрочем, он быстро ушел, а потом угодил под огонь буров из Вакерстромской команды, также посчитавших, что с той стороны может ехать только неприятель.

К счастью, на сей раз ни одна пуля Максимова благодаря его ловкости не задела. Но, пробыв в седле почти целый день без отдыха и пищи, он дошел до полного изнеможения и буквально свалился с лошади, когда вернулся на брандвахту.

Его снова отправили в госпиталь, однако Кронштадт опустел: жители спешно покинули город. Чтобы не угодить в плен, Максимов вынужден был снова сесть верхом на лошадь и ехать в столицу Трансвааля — сто с лишним километров.

Добравшись до Претории, он поселился в гостинице, куда перебрались и медсестры русско-голландского санитарного отряда. Но уложить в постель этого неутомного человека им так и не удалось. Оставаясь все время на ногах, Максимов находил в себе силы постоянно заниматься делами. Европейский легион продолжал оставаться главной заботой храброго офицера: шло пополнение его рядов, необходимо было экипировать и обучить новичков. К русскому полковнику, ставшему знаменитым, потянулись даже буры, желавшие служить под его командованием.

И тут произошло одно весьма примечательное событие. В самом большом военном лагере, близ Претории,

состоялось собрание команданте, фельдкорнетов и наиболее отличившихся рядовых, которые представляли различные бурские отряды. Собрание провозгласило Евгения Максимова фехт-генералом, то есть, дословно, боевым генералом или, точнее — фельд-генералом. Он стал первым и единственным европейцем, удостоенным столь высокого звания.

Сообщить Максиму о его избрании явилась в гостилицу депутация. При ней было знамя Европейского легиона. Максимов, еще весь перебинтованный, в сопровождении конного эскорта и под своим знаменем торжественно проследовал через весь город в лагерь. Там он поблагодарил собрание за оказанную честь, но заявил, что по состоянию здоровья не может сохранить за собой командование легионом (который к тому времени насчитывал уже около четырехсот человек) и вынужден передать его другому. Бойцы приняли заявление своего начальника в штыки.

— Тихо! — властно потребовал Максимов. — Ваш первый долг по отношению ко мне как к вашему командиру — безусловное повиновение. Вы поклялись в этом.

— Да, мы готовы повиноваться! — слышались возгласы. — Мы готовы идти за вами куда угодно!

— Так вот. Слушайте теперь мой последний приказ. Я требую, чтобы вы признали своим новым начальником генерала Блихнота!

Снова воцарилась тишина.

Молодого Блихнота — сына статс-секретаря Оранжевой республики — Максимов сам наметил в свои преемники. Он тут же послал за ним и представил его легиону. Затем, поцеловав знамя, передал его генералу Блихноту и замер по стойке смирно...

Оставалось несколько минут до торжественного открытия сессии нижней палаты фольксраада. Зал был переполнен. Внизу, где находились только депутаты (места для публики — на галерее), всеобщее внимание привлекал фельдгенерал Максимов, все еще в бинтах и повязках, занимавший кресло почетных гостей. Вот-вот дол-

жен был показаться президент Крюгер. И тут произошло неожиданное.

К председателю фольксраада генералу Лукасу Мейеру, уже занявшему свое место на возвышении, подошел генерал Смутс и обратил его внимание на что-то в зале. Тогда Мейер встал, спустился со своего возвышения, подошел к Максимову и обратился к нему от себя лично и от имени своих товарищей с выражением благодарности и признательности за те большие услуги, которые он оказал их стране, за кровь, пролитую при ее защите.

Максимов был очень смущен. Он с волнением произнес несколько слов о том, что его заслуги ничтожны перед лицом тяжчайших испытаний, выпавших на долю бурского народа. Затем по указанию председателя в зал были приглашены члены второй (высшей) палаты фольксраада, вошли президент республики и пастор — для произнесения молитвы. Статс-секретарь Рейц прочел речь президента, и заседание парламента пошло своим чередом. А женщины Претории пригласили Максимова на свой митинг. Он охотно согласился выступить с речью. Представляя его собравшимся, Анни Бота, супруга команданте-генерала, заявила под аплодисменты сотен женщин:

— Фельдгенерал Максимов — самый храбрый человек в Трансваале и весьма даровитый предводитель воинов...

А вот что писал историк англо-бурской войны Виноградский вскоре после ее завершения: «Максимов за короткое время сколотил дисциплинированную, боеспособную тактическую единицу, на которую вполне можно было положиться». Дальнейшие действия Европейского легиона полностью подтвердили это.

Еще не до конца оправившись от ран, Максимов на борту французского парохода «Жиронда» летом 1900 года отплыл из Лоренсу-Маркиша в Марсель, держа путь на родину.

Когда грянула русско-японская война, Максимов — а ему было уже пятьдесят пять лет! — немедленно отправился добровольцем на поля сражения в Маньчжурию,

откуда, увы, уже не вернулся. Он погиб в сражении под Мукденом 1 октября 1904 года.

«Обидно, что имя нашего достойного соотечественника знакомо в основном лишь узкому кругу специалистов», — заметил «Военно-исторический журнал», рассказавший недавно об участии русских офицеров-добровольцев в англо-бурской войне 1899—1902 годов. Надеемся, положение теперь исправляется...

(По материалам В. Сашонко.)

Незримыми и в то же время весьма заметными нитями были связаны наши страны и в годы другой войны — Второй мировой. Вот какой материал удалось добыть доктору исторических наук профессору А. Давидсону, долгое время работавшему в ЮАР.

Тяжелые бои, которые вели южноафриканские войска в Восточной Ливии, под Тобруком и Аламейном, совпали по времени с решающими сражениями на советско-германском фронте. В газетах всего мира сводки из России и Северной Африки шли рядом. Появились книги под названием «От Тобрука до Смоленска» и «К Сталинграду и Аламейну». В южноафриканских частях было немало выходцев из России, вернее их сыновей и внуков. Ведь еще до 1914 года в Южную Африку эмигрировали из России около тридцати тысяч человек, в подавляющем большинстве евреи, бежавшие от погромов и дискриминации.

Однажды в Центр российских исследований в Кейптауне пришел ветеран Второй мировой войны, известный кейптаунский архитектор Хиллел (Илья) Турок. Его отец сражался в русской армии в Первую мировую, был георгиевским кавалером. Пришли также Френк Бедлоу, Уолфи Кодеш, Лу Вулф, Брайен Бантинг — все, кто родился в России или у кого родители были нашими соотечественниками.

Сохранилось свидетельство русского офицера о схватках с войсками немецкого фельдмаршала Роммеля,

начавшими 26 мая 1942 года наступление в Ливии: «В течение пяти дней ожесточенных боев нам удалось отогнать Роммеля и укрепиться в Айгеле, в трехстах милях от Газали, где наша линия фронта установилась несколько месяцев назад. Задачей нашей части было защищать 25-футовые южноафриканские орудия, и мой взвод занимал позицию на левом фланге».

Роммелю, как известно, удалось организовать очень мощное наступление. «Линия обороны была полностью прорвана, и южноафриканские орудия были выведены из строя, но мы оставались в своих траншеях еще час или два, пока я не получил приказ: все, кто еще остался на передовой, должны отступить, стараясь сохранить как можно больше военной техники, поскольку передовые немецкие танки уже зашли нам в тыл». Русский офицер отнюдь не винил южноафриканцев. Наоборот, восхищался ими.

Широко известно, что британские корабли провозили в Архангельск и Мурманск вооружение, боеприпасы, продовольствие.

Это называлось *Russian Convoys* — русский конвой. В этих конвоях принимали участие и моряки-южноафриканцы. Первый конвой — большой караван судов — отправился в Россию в сентябре 1941 г. В его составе был минный тральщик «Гусар», который прошел невредимым весь путь до Архангельска — редкое везение для «русских конвоев». В Архангельске он оказался затертым льдами. С помощью русского ледокола он добрался до Мурманска. Там ему, как и нескольким другим судам британского королевского флота, пришлось задержаться надолго. Лишь в январе 1942 года «Гусар» отправился в обратный путь. На его борту были английские летчики из сопровождения самолетов «Спитфайр». Передав самолеты советским летчикам, они возвращались на родину.

В Англии «Гусару» пришлось отдыхать недолго. Вскоре его опять послали в Мурманск. На этот раз немецкие самолеты его обнаружили, преследовали и атаковали. Но все же он снова добрался до Мурманска. И пробыл там до июля.

Там, на Севере, в экипаже минного тральщика, оказался один офицер, представляющий для нас интерес. Он вырос в южноафриканском городе Порт-Элизабет. На флоте служил с 1935 года. Тогда он был лейтенантом (вскоре стал капитаном) восьмой британской армии. Бригадный генерал дал ему кличку Сорбо (газель). А фамилия его — Соболев. Родился в Сибири в 1901 году. В молодости сражался против большевиков в войсках Колчака. Затем был в русском отряде китайской армии. Решил совершить кругосветное путешествие, чтобы встретиться с общинами русских эмигрантов, разбросанными по всему свету. И сперва на велосипеде, а затем на мотоцикле с флагом Российской империи проехал всю Азию и Европу, переправился в Америку, пересек ее. Затем переплыл в Японию и оттуда вернулся в Шанхай. С 1932 года обосновался в Англии. С началом мировой войны вступил в британскую армию.

Жизнь свела его не только с южноафриканскими солдатами, но и с самой Южной Африкой. Его часть была отправлена из Шотландии в Египет через Кейптаун. А за участие в боях на севере Африки он был награжден военным крестом и удостоился краткой беседы с английским королем Георгом VI.

С августа 1941 по май 1945 г. в Мурманск и Архангельск прошли 35 караванов — 715 кораблей. В самом отчаянном сражении из 36 кораблей конвоя погибло 23.

Во время войны в британском флоте было три тысячи южноафриканцев. Никто не подсчитывал, сколько из них участвовало в «русских конвоях». Но сохранилось немало свидетельств. Например, письмо южноафриканского лейтенанта Питера Филипа к родителям с описанием его участия в этих опасных плаваниях. Он был награжден медалью, как и лейтенант-коммодор Энтони Трю, коммодор А. Помрой.

Крупнейшая в Южной Африке газета «Аргус» по предложению российского центра обратилась к читателям с просьбой сообщить обо всех южноафриканских морях, которые участвовали в помощи России. Газета дала этому обращению заголовок «История му-

жественных арктических моряков должна быть рассказана».

Что к этому можно добавить? Архангельск и Мурманск не были тогда для южноафриканцев такими уж неизвестными местами. И не впервой им получать российские ордена и медали. Еще в 1918—1920 годах в Гражданской войне в России, по неполным данным, участвовали 49 южноафриканцев. Они были в составе английских войск при Добровольческой армии Деникина на юге России, а также в Сибири, Прибалтике. И на Севере, в районе Архангельска.

Наиболее известна история подполковника Кеннета фан дер Спая — одного из первых южноафриканских летчиков. Его самолет потерпел аварию к северу от Вологды. Фан дер Спай попал в плен к большевикам. Его привезли в Москву. С ним встречался заместитель иностранных дел Максим Литвинов. Затем он провел несколько месяцев в Бутырках — известной московской тюрьме. После освобождения вернулся в британскую армию. Воевал и во Второй мировой войне, уже генерал-майором.

За участие в действиях на севере России он был награжден орденом Св. Владимира и Георгиевским крестом. Капитан У.Д. Элбе и подполковник У.Д. Кларк получили ордена Св. Станислава, подполковник Х.Х. Дженкинс — орден Св. Анны. Еще больше южноафриканских офицеров было награждено русскими орденами в войсках Деникина и Врангеля. Сражались ли южноафриканцы тогда и на стороне красных? Вполне вероятно, особенно выходцы из Российской империи.

Они эмигрировали, протестуя против царского режима. И, естественно, многие из них симпатизировали большевистской революции. Среди них должны были найтись и такие, кто вернулся, чтобы поддержать близкие им идеи. Но прямых свидетельств об этом пока найти не удалось. Ведь в России эти люди считались не южноафриканцами, а соотечественниками.

В военном музее, что в старой кейптаунской крепости, хранится маленькое зеркальце. На оборотной его сторо-

не старательно нацарапана надпись: «От советских летчиков — лучшему другу Wolhuter, sergeant S. G. За оказанную помощь. Герой СССР Козуля. 5.12.43».

Эта надпись была сделана Героем Советского Союза южноафриканскому сержанту, который помог выжить находящимся в плену в Германии четырем советским летчикам. Вальи Вольхютер, также военнопленный, был одним из переводчиков в лагере для военнопленных в Германии возле Мюльберга — Stalag 4B.

Однажды к нему подошел молодой русский парень Фрол Козин и попросил помочь четырем советским летчикам — заключенным тюремного барака. После наступления темноты пленным запрещалось выходить из своих бараков. Но Вольхютер пошел за Козиным. Это было вызвано сочувствием к русским пленным. Как известно, Советское правительство отказалось подписать Женевскую конвенцию о военнопленных, а поэтому они не получали посылок и другой помощи от Международного Красного Креста, голодали. Но дело не только в этом. Поскольку Красный Крест не защищал их интересы, гитлеровские власти обращались с ними неизмеримо хуже, чем с американцами или англичанами.

«С того самого момента как они попадали в плен, подавляющее большинство из них оказывалось в таком аду, который невозможно описать, и вряд ли когда-нибудь можно будет иметь о нем реальное представление... Почти у всех русских пленных отнимали обмундирование и вместо него давали самую безобразную и унижающую одежду, которая делала их изгоями. У них отнимали сапоги и давали им деревянные башмаки с тряпками (так называемые Fusslappen), которыми обматывались ноги, вместо носков». Так писал впоследствии Вольхютер.

Но то, что он увидел в тюремном бараке, оказалось еще страшнее. «Там было ужасно холодно. Печь не топились, а на койках не было ни одеял, ни соломенных тюфяков. У меня сердце переполнилось жалостью. Фрол открыл дверь, ведущую в уборную с цементным полом. Тут было еще холоднее. Здесь и находились четыре пилота красной авиации».

Их посадили туда за попытку к бегству. Козуля показал Вольхютеру медаль, которой он был награжден за 550 затыжных прыжков, и сказал, что был когда-то чемпионом мира в этом виде спорта. А в этот тюремный карцер его посадили не только за попытку к бегству, но и за отказ выступить по немецкому радио с осуждением Советского Союза.

На следующую ночь Вольхютер пришел к летчикам вместе с английским сержантом Биллом Дэвисом. А затем они стали собирать у других пленных из присылаемых им посылок по чайной ложечке сахару, по кусочку печенья, по ломтику мяса. Так был создан в лагере «Комитет взаимопомощи». Помогать больше всего пришлось русским, а также пленным итальянцам, которых содержали еще хуже русских, поскольку считали их предателями.

Летчики сумели выжить. Свидетельство их благодарности и хранится в Музее старой крепости в Кейптауне.

Премьер-министр ЮАС (Южно-Африканский Союз) Ян Сметс никогда не был поклонником советского режима. Но, как умный и весьма практичный политик, он видел в СССР главную силу в борьбе против гитлеризма и радовался успехам советского оружия.

В декабре 1941 г., после первого же поражения немцев под Москвой, Сметс писал своим друзьям: «Германия потерпела поражение в наступлении на Москву и Ленинград и теперь вынуждена ретироваться на зимние квартиры, а медведь наступает ей на пятки».

Наиболее важным показателем улучшения отношений между СССР и Южной Африкой стало соглашение об установлении консульских отношений. Переговоры об этом начались в октябре 1941 г. Вел их посол СССР в Великобритании И.М. Майский и верховный комиссар ЮАС в Лондоне С.Ф. Уотерсон. В ходе этих переговоров было решено создать советское генеральное консульство в Претории и консульство в Кейптауне. 21 февраля 1942 г. Майский и Уотерсон подписали документ об установлении консульских отношений.

И 17 апреля Уотерсону представили список первого состава работников советских консульств — 18 фамилий. В июне 1942 г. эти люди прибыли в Преторию и Кейптаун.

Установление консульских отношений с СССР вызвало бурю возмущения в наиболее правых кругах ЮАС. Резко осудил этот шаг Й. Стрейдом — один из будущих премьер-министров ЮАС.

Смэтс вряд ли радовали красные флаги над советскими консульствами, а когда в войне наступил перелом и поражение фашизма стало очевидным, Смэтс оказался среди тех, кого особенно встревожила опасность усиления СССР. В августе 1945 г. он с горечью писал своим друзьям: «Я считаю, что мы возложили на Россию слишком тяжкую ношу военного бремени. Нам не послужит на пользу, что англо-американский союз не взял на себя более значительной доли. Нам не послужит на пользу, что мы оказались не на высоте в своих военных усилиях. Может стать трагедией, если впоследствии окажется, что это Россия выиграла войну».

Установление консульских отношений произошло под сильным давлением южноафриканской общественности. И помощь, посылавшаяся в Россию, была организована не на государственные, а на общественные средства.

Центром организации помощи явилось общество «Друзья Советского Союза». Оно возникло в 1931—1932 гг. сперва в Кейптауне, а потом и в ряде других городов.

После 23 августа 1939 г., когда был подписан пакт Молотова—Риббентропа, ряды общества заметно поредели, но с 22 июня 1941 г. приток новых членов возобновился.

Кампания по сбору медикаментов для СССР началась сразу же. Было создано общество «Медицинская помощь для России», тесно связанное с «Друзьями Советского Союза». В начале сентября 1941 г. в поддержку этой кампании состоялся настолько большой митинг в Зале городского собрания Йоханненсбурга, что приветствия ему послали премьер-министр Смэтс, министры, члены парламента.

«Медицинская помощь для России» действовала так эффективно, что, по сведениям советского консульства, только с 1942 г. по июнь 1944 г. среди населения Южной Африки было собрано около 700 тысяч фунтов стерлингов. Из них 130 тысяч было переведено на имя советского посла в Лондоне Майского, а 20 тысяч — в фонд британской организации помощи СССР, возглавляемой женой Черчилля. Товаров отправили в СССР более чем на 426 тысяч фунтов стерлингов: продуктов — на 200 тысяч, медикаментов — на 129,5 тысячи, теплой одежды и одеял — на 80 тысяч, крови для переливания — на 13,3 тысячи, витаминов — на 3,5 тысячи. Кроме того, Советскому Союзу присылались такие подарки, как, например, изобретение южноафриканских ученых, основанное на применении рентгеновских лучей для удаления инородных тел из глаза. Специальные подарки шли Сталинграду — на помощь его детям.

«Друзья Советского Союза» развернули кампанию за признание Советского Союза. В первой национальной конференции общества «Друзья Советского Союза» в 1943 г. участвовали делегаты из Йоханнесбурга, Кейптауна, Дурбана, Претории, Боксбурга, Джермистона, Бенони, Кимберли, Спрингса, Потчестрома и даже из Родезии. Наряду с журналом «Советская жизнь», который выходил с декабря 1941 г. (позднее под названием «Советская Россия»), и «Бюллетенем новостей», который стал выходить вслед за журналом, общество выпустило немало брошюр как самого общего характера, так и специальных информационных — об отдельных сторонах жизни в СССР. Выходили брошюры и на языке африкаанс, издавались даже художественные произведения русских авторов. Пик активности и влияния общества — 1943-й и 1944 годы. 10 июля 1943 г. руководители общества писали, что активное участие в нем принимают 16 профсоюзных организаций, объединяющих 75 тысяч человек.

Вскоре число профсоюзов стало еще больше. Обществу активно помогал один из членов правительства Колин Стайн, министр юстиции. В поддержку военных уси-

лий Советского Союза выступили клубы левых в Йоханнесбурге и Кейптауне.

Просоветская позиция еженедельника «Гардиан» в немалой степени содействовала увеличению его тиража: с 12 тысяч — в 1940 г. до 33 тысяч в июне 1942 г. и до 42 400 — в 1943 г.

Вторая национальная конференция, состоявшаяся 6—9 июля 1944 г. в университете Витватерсранда, была подлинным триумфом общества. Одно лишь перечисление покровителей общества заняло в программе-приглашении две страницы убористого текста. Министры во главе с премьер-министром Смэтсом, сенаторы, члены парламента, мэры Йоханнесбурга, Претории, Дурбана и Питермарицбурга, генералы, ученые, церковные деятели, послы многих стран, аккредитованные в Южной Африке.

Конференция призвала правительство Южной Африки принять срочные меры для направления в Советский Союз дипломатических и консульских представителей.

* * *

У многих из нас в памяти закрепилось: русский Харбин, русский Берлин, русский Париж... Во времена наших дедов эти слова отражали живую, бурлящую жизнь. В Харбине жили сто тысяч выходцев из России. В Берлине в начале 1920-х годов имелось больше русских издательств, чем немецких. Париж был немыслим без имени Дягилева и Шаляпина. Сейчас в Харбине русских нет. Русский Берлин кончился во времена Гитлера. Париж? Да, там еще есть скудные остатки того, что связано с понятием «русский Париж».

Конечно, в последние годы появилась новая эмиграция. В Харбине — нет, а в Париже и Берлине — заметная. Еще большая — в Америке. Но это уже другая тема.

Ну а в Африке? «Русская Африка» чем-то напоминает «Черную Колыму». Помните: Врангель увел когда-то русский флот из Крыма, и этот флот кончил свои дни в Северной Африке. Тысячи россиян жили в Марокко до середины пятидесятых. А остальная Африка? Та, что

раньше называлась Черной? В Аддис-Абебе в 1929 году императрица Заудиту восхищалась конным парадом, который устроили русские офицеры и их жены, одевшись в костюмы XVIII века. В Конго-Заире жили семьи русских аристократов. В Монровии, что в Либерии, приближенные Распутина основали ресторан, назвав его именем своего патрона.

Но больше всего выходцев из России оказалось на юге, в самой далекой от России части Африки. И они не уехали отсюда, как из Харбина. Вот перепись населения Южно-Африканской Республики (тогда Южно-Африканский Союз) в 1921 году. Лиц, родившихся в Российской империи: 28 тысяч. Десятью годами раньше, в 1911 году, 25 тысяч. Только в Кейптауне и Капской колонии в 1875 году было 82 иммигранта из России, в 1891-м — больше тысячи, в 1904-м — уже больше двенадцати тысяч.

Крупная эмиграция началась с 1881-го, с воцарением Александра III. Уже в апреле — еврейский погром в Елисаветграде. А затем — во многих украинских губерниях: Херсонской, Киевской, Екатеринославской, Черниговской, Волынской, Полтавской, Подольской. Конечно, такое происходило не впервые. Во времена Богдана Хмельницкого случались куда более кровавые погромы. Да и в XVIII столетии тоже. Но тут, в конце XIX века, средства сообщения, знания о мире — все уже стало иным. Появились новые возможности. С 1880-х до Первой мировой войны, за три-три с половиной десятилетия, Российскую империю покинули три миллиона евреев. Главный поток шел в Америку, но заметный ручеек — и на юг Африки. Для Южной Африки ручеек был вполне заметным — около сорока тысяч человек. Способствовал он и началу экономических связей Российской империи с Южной Африкой.

Вот уже более столетия южноафриканское направление — одно из важных для российской эмиграции. В конце XIX — начале XX века сюда из России ехали в основном евреи, привлеченные новыми возможностями и экономическим подъемом, охватившими Капскую колонию

и бурские республики после открытия богатейших золотых и алмазных месторождений. В результате большая часть южноафриканских евреев может похвастаться российскими предками!

В начале 1930-х годов иммигрантское законодательство Южно-Африканского Союза (ЮАС) было ужесточено. Бурный поток россиян, намеревавшихся поселиться в этой стране, превратился в ручеек. Через препоны, воздвигнутые южноафриканским законодательством, могли прорваться только самые отчаянные. Алмазный и золотой бум сошел на нет, и эмигрантов из России привлекали уже другие страны.

Так продолжалось вплоть до перестройки, когда советские граждане получили право более свободного выезда за границу. К тому времени правительство белого меньшинства Южно-Африканской Республики (ЮАР) уже начало осуществлять политику активного привлечения иммигрантов к делам своей страны, и немало наших бывших сограждан, даже в отсутствие дипломатических отношений между СССР и ЮАР, правдами и неправдами получали вид на жительство в этой стране.

Ныне количество наших соотечественников в Южной Африке исчисляется тысячами, но официальных данных на этот счет, к сожалению, нет.

А что же происходило в промежутке между двумя этими мощными волнами российской эмиграции в Южную Африку? Сведения о русских в Южной Африке вплоть до конца 1980-х годов довольно скудны. Русская диаспора в эти годы была малочисленной. До перестройки в СССР и связанной с ней крупной волны российской эмиграции общее число русских в Южной Африке вряд ли превышало несколько сотен. По приблизительным оценкам, перед Второй мировой войной в Йоханнесбурге, важнейшем городе ЮАС, проживало около 20 русских, к концу 1950-х годов их там было уже около 50. В дальнейшем число русских в ЮАР только сокращалось, несмотря на небольшой приток их из бывших африканских колоний. В 1973 г. в «Южно-Африканской энциклопедии» русская диаспора страны названа «вымирающей».

Там не издавались русские газеты и журналы, а эмигрантская пресса из Европы и США приходила с большим опозданием. Но все же ее ждали с большим нетерпением, читали от корки до корки. В Южную Африку доставлялась русская пресса, выходившая не только в Западной Европе и США, но и в Прибалтике (например, рижская газета «Сегодня»). Эмигранты ходили друг к другу в гости, обменивались экземплярами газет и журналов, читали статьи, а затем обсуждали их. Некоторые сами посылали корреспонденции в газеты русского зарубежья. Статьи с юга Африки можно было прочитать в «Новом русском слове», «Русской мысли», «Сегодня», «Православной Руси».

Русские эмигранты, оказавшись в Южной Африке, не хотели быть в изоляции и стремились всеми силами поддерживать связи с мировыми центрами русской диаспоры. После окончания Второй мировой войны роль и влияние русской общины Южной Африки возросли. В предыдущие десятилетия здесь знали лишь отдельных русских эмигрантов, достигших успеха и заслуживших уважение в новой для них стране.

Среди первых, кто достиг успеха на новой родине, был петербургский профессор геологии, специалист по металлам платиновой группы Павел Ковалев.

В 1930-м в Южной Африке поселился другой известный геолог и горный инженер — Павел Назаров, долгие годы проработавший в Сибири и Средней Азии. В 1918 году большевики приговорили Павла Степановича к расстрелу, но ему удалось бежать в Китай, затем в Индию. До переезда в Южную Африку он работал в Родезии и Анголе.

Но это все же были одиночки, не связанные друг с другом организационно, не объединенные групповой необходимостью сохранить свое национальное самосознание. После войны, когда русских в ЮАС стало больше, чем в предыдущие годы, возникли условия, необходимые для создания общины как альтернативы ассимиляции, и южноафриканские русские воспользовались этим моментом.

В первые предвоенные и первые послевоенные годы в ЮАС приехали русские из таких важных центров российской эмиграции послереволюционной волны, как Франция, Германия, Югославия. Они знали способы объединения русских беженцев в этих государствах. Некоторые из них, возможно, принимали участие в деятельности эмигрантских организаций. В любом случае им была знакома и близка идея сохранения в себе и в своих детях русского и православного начал как способа избежать ассимиляции и сберечь свою идентичность. Без таких «подготовленных» кадров создание «Общества русских эмигрантов» в Южной Африке (оно было основано в 1952 году) оказалось бы невозможным. Большинство его организаторов принадлежало ко второму поколению эмигрантов из России, и, пока они были сравнительно молоды и полны энергии, т.е. в 1950—1970-е годы, русская община, по крайней мере в Йоханнесбурге, процветала. Но передать «эстафету» своим детям они не смогли. Третье поколение по большей части считали себя не русскими, а стопроцентными южноафриканцами. А значит, для них не было нужды поддерживать и культивировать в себе русское начало. «Русское общество» оказалось им не нужно.

К концу 60-х годов русская община в ЮАР заметно ослабела. С установлением после Второй мировой войны в Южной Африке режима апартеида русские старались не афишировать свое происхождение. Власти с подозрением относились к нашим соотечественникам независимо от их политических взглядов.

Старики доживали свой век в доме для престарелых, который создало «Русское общество». У общины не хватало денег даже на оплату труда православного священника. Архимандриту Алексею Черному, назначенному в 1959 году главой всех приходов Русской православной церкви за границей в Южной, Центральной и Восточной Африке, пришлось отбыть в Америку. С его отъездом общинная жизнь переместилась в «Русский дом» в Йоханнесбурге. Община продолжала находиться в лоне зару-

бежной церкви, но постоянного священника так и не обрела. Иногда богослужения совершались сербскими и греческими клириками.

В 1988 году верующие обратились в Московскую патриархию с просьбой о помощи в создании православной общины. И уже на следующий год в ЮАР для открытия там временного домового храма был направлен священник из Петербурга протоиерей Сергей Рассказовский. Приход, настоятелем которого его назначили, получил в небесные покровители преподобного Сергия Радонежского.

Весной 2000 года в пригороде Йоханнесбурга Миндранде на средства, собранные прихожанами и благотворителями, был приобретен участок земли для строительства православного храма. Собрали церковную утварь и иконы. В сентябре того же года в городскую управу подали проект здания будущей церкви, сделанный петербургским архитектором Юрием Кирсом, известным своим участием в реставрации собора в честь Владимирской иконы Божией Матери и часовни блаженной Ксении Петербургской в Санкт-Петербурге.

В апреле 2001 года к Пасхе вышел первый в Южной Африке православный журнал на русском языке «Вестник», учрежденный приходом Сергия Радонежского и адресованный главным образом выходцам из России и сопредельных государств, проживающих ныне в ЮАР. В мае 2001 года к настоятелю обратились прихожане «Русского дома», принадлежавшего Русской православной церкви за границей с просьбой принять их в свою общину вместе с часовней и домом, находившимися в одном из самых престижных районов города.

Пятнадцатого декабря 2001 года по благословению предстоятелей двух поместных православных церквей — блаженнейшего папы и патриарха Александрийского и всей Африки Петра VII и святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Йоханнесбурге состоялась закладка первого на юге Африки русского православного храма. На церемонии присутствовало множество верующих. В основание храма торжественно заложили капсу-

лу с памятной грамотой, в которой, в частности, сказано, что по благословению патриарха Александрийского и Московского «начинается создание русского православного храма в честь и память преподобного Сергия Радонежского». (Второго февраля 2003 г. в храме прошло первое богослужение. — *Ред.*)

Лики истории

Архимандрит Алексей (Чернай Александр Николаевич, 1899—1985).

Род Чернай происходит от тевтонских рыцарей. Его дед переехал в Россию из Чехии, отец Николай Львович — действительный статский советник, председатель Ковенского окружного суда. С началом Первой мировой войны семья Чернай переезжает в г. Лугу, где их духовником становится протоиерей Анатолий Остроумов. В это же время Александр учился в одной из столичных гимназий и подиаконствовал у епископа Гдовского Вениамина (Казанского), будущего Петроградского митрополита и священномученика.

В 1918 г. А. Чернай вступил в Белое движение, службу проходил в формированиях генерала Юденича, в 5-м артиллерийском Георгиевском полку. Благодаря помощи архиепископа Литовского (Богоявленского) А. Чернай устраивается в Вильнюсе, затем переезжает в Каунас, женится в 1924 г. Имя жены Татьяна (1944 г.). По окончании Виленской духовной семинарии Александр Чернай был рукоположен в священный сан (1925 г.), служил на приходах в Литве, Сергиевский приход в Утяны, с 1931 г. — в г. Векшни. Пережил советскую и немецкую оккупации. Священник Александр Чернай возведен в сан протоиерея в 1943 г.

С 1944 г. о. Александр в эмиграции в Германии (гг.Эрфурт в Тюрингии, Наугейм, Ганау, Арользен, Гутенберг). Основал православную миссию в Наугейме в 1946 г. и ряд храмов в лагерях Ди-Пи. С 1948 г. проживал в г. Цинциннати, штат Огайо, США, где организовал православную миссию, помогал русским в переезде из европейских

Архимандрит Алексей (Чернай Александр Николаевич)

беженских лагерей в Америку. С 1950 г. — миссионер в г. Хьюстон, штат Техас. В 1957 г. протоиерей Александр принял монашество с именем Алексий и удостоен сана архимандрита.

В конце октября 1958 г. архимандрит Алексей (Чернай) получил назначение на должность администратора русских православных общин в Южной Африке. Указ был подписан первоиерархом РПЦЗ, митрополитом Анастасием (Грибановским).

Русский приход, образованный в ЮАР за семь лет до этого и посвященный в честь святого князя Владимира, не имел собственного помещения — богослужения совершались в боковом приделе английского собора. В 1960 г. русским пришлось покинуть это помещение и временно воспользоваться гостеприимством пастора шведской протестантской церкви. Русская колония в Йоханнесбурге состояла приблизительно из 50 человек. В основном это были представители первой волны эмиграции.

Священнику предоставили небольшую квартирку в центре города. В одной из комнат на следующее же утро по прибытии архимандрит Алексий устроил часовню. С 1969 по 1975 г., дабы не обременять общину, архимандрит Алексий работал в представительстве британской библейской миссии и часть своего жалованья употреблял на нужды русского храма и общины.

В ЮАР русские эмигранты создали прекрасный хор, который, по отзыву прибывшего батюшки, не уступал в мастерстве лучшим русским церковным хорам в США.

В тесном контакте с русскими находилась более многочисленная сербская община — в основном это были люди, вынужденные эмигрировать в результате Второй мировой войны. В ЮАР имелась большая греческая община, церковной жизнью руководил экзарх митрополит Никодим. Архимандрит Алексий находился с ним в близком контакте, как и со сменившим его митрополитом Павлом. Дружеские отношения поддерживались с настоятелем греческого собора о. Кириллом.

В 1961 г. община арендовала у одного эмигранта литовского происхождения дом, в котором разместились русский храм в честь святого князя Владимира и квартира священника. В связи с этим поступила телеграмма со словами приветствия и благословения от митрополита Анастасия, что воодушевило русскую паству в ЮАР. Начались работы по оборудованию помещения для нужд православного богослужения, храм стал духовным оплотом для всех русских и сербов от мыса Доброй Надежды до Кении. Греческие иерархи Александрийского патриархата в ЮАР неоднократно совершали службы в русской церкви. Дважды посещавший ЮАР по случаю закладки, а затем освящения греческого собора в Претории Александрийский патриарх Николай IV также дважды совершал божественную литургию в русской церкви. В свою очередь, на торжества греческой колонии (около 40 000 человек в Йоханнесбурге) приглашался архимандрит Алексей с членами приходского совета. Русский священник совершал также богослужения в Кейптауне, где использовалась англиканская часовня в приюте для мальчиков, и в Претории, где проживало всего 4 русских, — в греческой церкви, англиканском, или католическом, храмах.

Поездки в отпуск в США архимандрит Алексей использовал для посещения других мест в Африке. Он специально делал остановки по пути следования. Таким образом, русский священник навещал свою паству в Родезии, Бельгийском Конго и в г. Найроби (Кения).

Возвратившись из Америки после совершения паломничества в Иерусалиме и Каире, батюшка имел остановку в Аддис-Абебе, где служил в русской церкви, устроенной на участке земли, подаренном женой абиссинского императора. Постоянного русского священника тогда в столице Эфиопии не имелось, поэтому для нескольких семей наших соотечественников богослужение, совершенное архимандритом, было истинным утешением. Далее архимандрит Алексей посетил г. Виндхук, столицу протектората Юго-Западной Африки.

В связи с сокращением русской общины, ухудшением здоровья и преклонным возрастом архимандрит Алексей в 1975 г. вернулся в США, где жили его дети. Последним местом служения до 1980 г. был приход св. Иоанна Кронштадтского в Лос-Анджелесе. Далее он проживал в Сан-Диего, где оформил книгу своих мемуаров.

Наверное, самый известный «русский южноафриканец» — это художник Владимир Григорьевич Третчиков. По мнению влиятельного южноафриканского журнала *Leadership*, Третчиков — самый знаменитый художник ЮАР. Он родился в 1913 году, после революции с родителями эмигрировал в Китай, а в 1946 году оказался в Кейптауне. В 1952 году передвижную выставку Третчикова в Кейптауне, Йоханнесбурге и Дурбане посетили более 100 тысяч человек. С тех пор выставки Владимира Третчикова в Южной Африке побивали все рекорды по сборам и посещаемости. Репродукции произведений Третчикова можно было приобрести во всех книжных и художественных магазинах Кейптауна. Его картины стали хорошо известны в США, Канаде, Англии. Впоследствии художник занялся изготовлением репродукций своих полотен, и этот бизнес принес ему немалый капитал. К 2001 г. Третчиков провел в разных странах (кроме России) 52 персональные выставки. Сейчас художник живет в фешенебельном пригороде Кейптауна Бишопс-Корт. Он до сих пор говорит по-английски с сильным русским акцентом, а по-русски говорит, постоянно сбиваясь на английский.

Другим популярным в ЮАР художником, одним из корифеев южноафриканской карикатуристики был Виктор Архипович Иванов (1909—1990). Сын донского казака, он обучался в кадетском корпусе в Югославии, выступал в хоре донских казаков Сергея Жарова. В 1936 г. во время гастролей хора в ЮАР Иванов решил остаться в этой стране. В 1930—1960-х годах он активно работал в различных южноафриканских изданиях и стал одним из самых известных карикатуристов этой страны. В 1946 г.

художник составил и издал альбом своих работ, ранее опубликованных в разных газетах, — «Вторая мировая война в карикатурах». Кроме этого он писал картины, многие из которых были приобретены южноафриканскими музеями и галереями, а также выступал в оперном театре Претории, исполняя басовые партии. В 1960—1970-е годы В.А. Иванов был председателем «Общества русских эмигрантов» в ЮАР и регентом церкви св. Владимира в Йоханнесбурге, в 1968 г. стал одним из создателей «Русского дома», общинного центра выходцев из России в Йоханнесбурге.

В часовне при «Русском доме» Иванов расписал стены, а также написал иконы для домового храма св. Владимира в том же городе. Согласно завещанию, урну с прахом художника опустили на дно водохранилища, разлившегося на месте его родной станицы на Дону.

* * *

В судьбе Ксении Бельмас (1890—1981), этой удивительной женщины, создавшей школу пения в Дурбане, много загадочного. Она родилась в России и училась в Киевской консерватории. В годы революции ее родители погибли, и Ксения нелегально перебралась в Европу. Со сменой белья в чемодане, мелочью в одном кармане и рекомендательным письмом в другом юная особа отправилась покорять Париж. И ей это удалось.

За первые три месяца Бельмас дала 16 концертов. Она пела с ведущими оркестрами Франции. На Парижской выставке 1926 года певица дала 17 концертов в Гранд-Пале. После этого ошеломительного успеха ее пригласили в Гранд-опера: просили петь в «Фаусте», но она предпочла «Аиду» — и добилась своего. Это был невероятный взлет карьеры. Мадам Бельмас гастролировала в Германии (там было записано большинство ее пластинок), Польше, Скандинавии, Австралии, снова во Франции... Полгода выступала вместе со знаменитой балериной Анной Павловой. Но долгие международные гастроли не позволили ей получить французский паспорт — для этого певице нужно было несколько лет безвыездно про-

жить во Франции. Кочевая жизнь Ксении Бельмас закончилась в Южной Африке, где она с невероятным успехом выступила в 1934 году.

Перед Второй мировой войной она поселилась в Дурбане. Здесь она создала школу оперного пения Мадам Бельмас (так ее звали ученики и знакомые). В годы войны Ксения Бельмас активно участвовала в благотворительных концертах, сборы от которых направлялись на поддержку Советского Союза. После открытия «Русского дома» Бельмас стала одним из его членов и исправно платила членские взносы. Согласно завещанию, урна с ее прахом была захоронена на Байковом кладбище в Киеве.

* * *

Другой блестящей русской женщиной, обретшей новую родину под южноафриканским солнцем, была Евгения Петровна Ладыженская. Она родилась в 1893 году в Саратовской губернии в семье предводителя дворянства, воспитывалась в Институте благородных девиц в Петербурге. После революции семья бежала в Батум, где Евгения работала секретарем азербайджанского консула. Потом чередовались Константинополь, Берлин, Ницца. Она познакомилась с казацким офицером, который направлялся в Америку, чтобы приобрести нефтяную скважину в Техасе. Для этого требовались немалые деньги. Ладыженская отдала этому человеку все оставшиеся у нее фамильные драгоценности. Но корабль, на котором плыл офицер, пошел ко дну, а с ним и мечты Ладыженской о богатстве. Тогда она, как многие русские аристократы, открыла бутик, а потом и Дом моды для богатых американских туристов. Быстро преуспела, купила роскошный автомобиль и стала одной из первых женщин-автомобилисток Европы.

В Ницце Ладыженская дружила с такими знаменитостями, как Сомерсет Моэм, Сергей Дягилев, Иван Бунин и Ян Сибелиус. Она была молода, красива и любила приключения. Однажды, во время завтрака в шикарной лондонской гостинице «Савой», Евгения Петровна позна-

комилась с женой генерал-губернатора Южной Африки сэра Патрика Данкэна, уговорившей ее попытать счастья на краю света.

Оказавшись в Йоханнесбурге, Евгения Петровна снова занялась изготовлением модной одежды. Ее бизнес процветал, она еще больше разбогатела. Не было отбоя от клиентов, желавших заказать модные платья у русской дворянки. В Европе мастериц с такой биографией было много, а в Южной Африке она оказалась единственной. Ладыженская быстро овладела языком африкаанс и завела знакомства в среде тогдашних южноафриканских сановников. Среди ее друзей были премьер-министр Южно-Африканского Союза генерал Ян Сметс и королева Греции Фредерика, которая в годы Второй мировой войны жила в Южной Африке со своей семьей.

Однако Ладыженская на этом не успокоилась. В 1941 году она закрыла процветающий Дом моды и купила плантацию в Восточном Трансваале. Но тут дела у нее пошли не столь успешно. Чернокожие африканцы, работавшие на ее ферме, решили убить свою хозяйку. Евгения Петровна была вынуждена посреди ночи босиком бежать с собственной плантации. Вскоре она окончательно разорилась. Пришлось вернуться в Йоханнесбург, где она начала преподавать русский язык в университете.

Ладыженская поселилась в «Русском доме», став его хранительницей. Там она принимала учеников, чувствовала себя хозяйкой и вновь была в центре всеобщего внимания и уважения. В конце жизни Евгений Петровна переехала в Кейптаун, где вела курсы русского языка для научных работников при местном университете, давала частные уроки, выполняла технические и юридические переводы.

Русские иммигранты были и среди крупных южноафриканских бизнесменов. Например, сестры Тумановы, приехавшие в ЮАС в 1951 г. из Италии и преуспевшие в производстве косметики.

Крупным русским бизнесменом в ЮАР в 1960—1970-х годах был Константин Михайлович Лащин, владелец компании по продаже автомобилей.

Нина Александровна Швецова в 1960—1970-е годы возглавляла одну из крупнейших в стране компаний по добыче асбеста.

Выпускник Петроградского института гражданских инженеров Михаил Сергеевич Свиридов был владельцем большой инженерной компании, существующей и по сей день.

Константин Константинович Владыкин в Южной Африке занимал пост директора нескольких важных горнодобывающих предприятий.

Михаил Дмитриевич Бибиков, старейшина русского дворянства в ЮАР, стал в этой стране первым, кто начал профессионально готовить собак-поводырей для слепых. Впоследствии он около двух десятилетий возглавлял PR-службу южноафриканского отделения компании IBM.

Русские эмигранты в ЮАР достигли успеха и в научной сфере.

Елизавета Григорьевна Кандыба-Фокскрофт основала в Университете Южной Африки первую в стране кафедру славистики, которую возглавляла около 20 лет.

Борис Иванович Балинский в 1960—1970-е годы занимал должность заведующего кафедрой зоологии в крупнейшем в стране вузе — Витватерсрандском университете.

Николай Константинович Мосолов, живший в Юго-Западной Африке, в то время фактически провинции ЮАР, был видным археологом и историком.

Доктор Юрий Стефанович фон Зоон, крупный энтомолог, многие годы работал в Трансваальском музее.

Список наших соотечественников, игравших важную роль в разных сферах жизни южноафриканского общества, будь то культура, образование, наука или бизнес, можно продолжить. Но даже приведенных примеров достаточно для иллюстрации того факта, что малочисленность и изолированность русской диаспоры ЮАР в период до конца 1980-х годов не помешала мно-

гим ее представителям добиться успеха в новых и непривычных для себя условиях и при этом не лишиться национальной идентичности, не раствориться в принимающем обществе. Эти люди, оставаясь русскими не только по происхождению, но и по своему самосознанию, тщательно оберегали свой язык, свою культуру, активно участвовали в делах русской общины. И, как это ни горько, они понимали, что передать «эстафету» своим детям им не удастся, потому что новое поколение, несмотря на усилия своих родителей, в большинстве случаев не ощущало своей принадлежности к России, к русской культуре.

Новые эмигранты из России стали появляться в ЮАР в 80-х годах. Туда потянулись прежде всего ученые и высококвалифицированные специалисты. Однако среди переселенцев оказалось немало и тех, кто решил заняться бизнесом. Сколько их сейчас в стране, точно неизвестно, статистические подсчеты отсутствуют, тем более что большинство вновь прибывших не получило еще южноафриканского гражданства. По оценкам посольства ЮАР в Москве, сегодня в этой стране проживают и имеют свой бизнес около 270 тысяч россиян. За эмигрантскими визами в консульский отдел посольства обращаются до восьмидесяти человек ежемесячно.

Новейшая иммиграция — очень пестрая. Немало прекрасных специалистов в различных отраслях науки и техники: математики, физики, микробиологи... А также артисты, режиссеры, музыканты, преподаватели балетной школы — люди с хорошей профессиональной подготовкой. Южноафриканские университеты держатся за новых сотрудников. Среди «новых русских», должно быть, есть и криминальные элементы. Как же без них? Хотя в печати упоминаний о русской мафии вроде бы пока не появлялось. Новейшие иммигранты очень активны. Умеют работать и хотят работать. Во всяком случае, большинство из них. Больше всего на виду действия Марка Семеновича Волошина. Статьи о нем можно найти во всех крупных газетах ЮАР — и сенсационные: что он купил четыре виллы в Клифтоне, самом фешенебельном

районе Кейптауна, и выстроил на их месте мраморный дворец; и вполне деловые: что он построил завод солнечных батарей и может давать свет в африканские поселки, до сих пор живущие без электричества; что он разработал проект — как поставить самые современные российские двигатели на устаревшие южноафриканские самолеты; что, вслед за традициями российских меценатов, организовал Центр российских исследований и Русскую картинную галерею.

Новейшая иммиграция, как и все предыдущие, рассеяется по городам. Но с Россией связана одна из самых известных ферм Южной Африки. Называется она «Старый нектар». Находится возле Стелленбоша, в часе езды от Кейптауна.

«Старый нектар» принадлежал генералу Кеннету фан дер Спаю — одному из первых южноафриканских летчиков. Выйдя в отставку после Второй мировой войны, генерал занялся самым мирным делом — выращиванием роз. И написал книги о том, как выращивать розы в Южной Африке и как выращивать розы в Южном полушарии. Умер он 26 мая 1991 года, не дожив нескольких месяцев до ста лет. Но пора сказать, при чем тут Россия.

Во время Гражданской войны подполковник фан дер Спай командовал летным отрядом в английских войсках, высадившихся в Архангельске. Под Вологдой попал в плен. Потом просидел почти год в Бутырках. Познакомился там и с Феликсом Юсуповым, убившим Распутина, и с министрами царского и Временного правительства. Воспоминания об этом он писал уже в старости, на этой ферме. Оказалось, что благодаря судьбе за тот тюремный год он повидал ряд интересных людей. Да и большевики относились к нему неплохо. Во всяком случае, никакой дискриминации по сравнению с другими арестантами он не испытывал.

— Мне очень хотелось познакомиться с этим человеком, — рассказывал Аполлон Давидсон. — И я попал на его ферму, но, увы, лишь через несколько месяцев после его смерти. Вдова, Юна фан дер Спай, подарила мне ко-

пию дневника, который он вел в России. И букет роз, на который потом заглядывались все встречные.

С апреля 1994-го у одной из ферм, также под Стелленбошем, возникла прямая связь с Россией. Марк Волошин купил винодельческую ферму Хазендал, основанную в 1704 году. Почти полтора гектара. В доме, построенном в 1790-м, решено создать музей. С урожая 1996 года, после установки новейшего оборудования, ферма должна, как обещают, давать прекрасное вино. Крепкие напитки в Южной Африке уже давно носят русские имена. Не только «Смирнофф», «Толстой», «Граф Пушкин» (для пущей важности добавили Пушкину титул). Но все эти славные сорта появились не в Южной Африке и не в России. А вино Хазендал — исконно южноафриканское — изредка появляется в России.

...Сохраняют ли иммигранты какие-то связи друг с другом и со своей, как принято теперь говорить, исторической родиной? Формы этих связей менялись. В тридцатых-пятидесятых годах существовало общество «Друзья Советского Союза». Оно имело отделения во многих городах. Пик его активности приходился на годы Отечественной войны, когда СССР и британский доминион Южная Африка были союзниками по антигитлеровской коалиции. Возникло тогда и общество «Медицинская помощь России». В Россию отправлялись медикаменты, одежда, кровь для раненых и больных. Только с 1942 по июнь 1944 г. эти общества собрали у населения Южной Африки 700 тысяч фунтов стерлингов — по тем временам сумма немалая. Выходцы из России играли в этих обществах важную роль. Но с введением политики апартеида с конца сороковых, ассоциировать себя с Россией стало опасно. Конечно, среди русских эмигрантов были люди разных взглядов — от коммунистов до монархистов. Но власти с подозрением смотрели и на самых лояльных.

Поскольку между СССР и Южной Африкой десятилетиями не было не только дипломатических, но и торговых, общественных, культурных отношений, лица с южноафриканскими паспортами в Россию не допускались.

Так что не могли приехать и те, кто мечтал повидать родину отцов. Все это вело к ослаблению связей этих людей с Россией да и к разобщенности между ними. Но какие-то ниточки все же сохранились. Не было русского священника у православных Кейптауна и Йоханнесбурга — собирались на молебны у греческого или у сербского. Центр российских исследований, созданный в Кейптаунском университете в 1994 году, понемногу стал одной из точек притяжения. Когда мы устраивали «Русский вечер», собралось шестьдесят человек. Помогла нам их найти Мари Торрингтон. (Ее бабушка — Мусина-Пушкина, а мать — графиня Кочубей, но, в отличие от многих отпрысков знатных семей, Мари, кажется, и в голову не приходило этим кичиться.)

Впрочем, у русских в ЮАР есть свои законы и сложности. По мнению одного преуспевающего в ЮАР выходца из России, «Южная Африка — страна обывателей и снобов, где презируют тех, кто не уделяет внимания собственной респектабельности». Приехав на прием в машине чуть дешевле, чем в среднем у других гостей, можно быть уверенным, что никто с вами больше не захочет знаться. А если, приглашая к себе в гости, вы произносите название не самого престижного пригорода, где поселились экономии ради, не сомневайтесь: никто к вам не придет, а ваша «экономия» обернется крахом всего дела. Обосновавшись же в престижном районе, надо поддерживать быт своего дома на принятом у соседей уровне.

Согласитесь, возникают параллели с нынешней московской тусовкой предпринимателей. Конечно, русский человек может преуспеть везде, но современная Южная Африка уже перестала быть раем для иммигрантов.

* * *

Завершая страницы этой книги, надо еще раз сказать слова уважения и восхищения предками наших соотечественников, мужественными людьми. Попав в незнакомую среду, они вращались в нее, уважая и чтя обычаи

страны, в которой оказались волей судьбы, изучали ее язык и местные наречия. Присутствие свое на древнем континенте они воспринимали как путешествие в прошлое, но при всей своей любви к этой земле тосковали по России, стремились донести на родину знания о своих удивительных открытиях и в то же время сохранить свою культуру.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Африка: встречи цивилизаций. — М., 1970.
- Африка глазами наших соотечественников. — М., 1974.
- Африка глазами современников и историков. — М., 1998.
- Африка еще не открыта. — М., 1967.
- Булатович А.К. Третье путешествие по Эфиопии. — М., 1987.
- Вальская Б.А. Вклад Русского Географического общества в изучение Африки. В сб.: Страны и народы Востока. — М., 1969.
- Голованова И.Н., Пугач З.Л. Африканские коллекции братьев Соломенцевых в Тарту // *Africana*. Африканский этнографический сборник. — Л., 1975.
- Городецкий В.В. В джунглях Африки. — Киев, 1914.
- Давидсон А.Б. Муза странствий Николая Гумилева. — М., 1992.
- Давидсон А.Б. Зов дальних морей. — М., 1979.
- Догель В. Натуралист в Восточной Африке. — СПб., 1916.
- Золотая книга эмиграции. — М., 1997.
- Изучение Африки в России. — М., 1977.
- Итоги и перспективы исследований по истории медицины. — Кишинев, 1973.
- Князева В.П. Зинаида Евгеньевна Серебрякова. — М., 1979.
- Лебедев Д., Есаков В. Русские географические открытия и исследования. — М., 1971.
- Лейкинг О., Махров К. Художники русского зарубежья 1917—1939. — М., 1999.

Мусатова Т.Л. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. — М., 1990.

Немирович-Данченко В.И. Край золотого заката. — М., 1912.

Ольгеротте Д.А. Астраханец в Томбукту // *Africana*. Африканский этнографический сборник. — Л., 1971.

Пугач З.Л. Культура народов верховьев Нила. — М., 1985.

Русаков Ю. Петров-Водкин. — Л., 1975.

Савинов А.Н. Павел Григорьевич Щербов. — Л., 1969.

Сумароков А. Картины Африки и Азии. — СПб., 1883.

Хренков А. Конец «Новой Москвы» // Путешествие вокруг света, 2001. — № 5, 6.

Юнкер В.В. Путешествия по Африке. — М., 1949.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	3
Закавказское интермеццо.....	6
Украинское интермеццо.....	20
Эстонское интермеццо	36
Триколор над алжирскими песками	88
На земле Древнего Карфагена	140
Не только апельсины и сардины.....	175
«Где-то за высью чужих плоскогорий...»	251
Южная Африка: из России — с любовью	343
Список использованной литературы	394

Научно-популярное издание
Русские за границей

Автор-составитель

Николаев Николай Николаевич

РУССКАЯ АФРИКА

Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*

Корректор *Л.Г. Сафарян*

Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.10.2008. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «BalticaС». Печать офсетная. Бумага Lux Cream.
Печ. л. 12,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 0826590.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

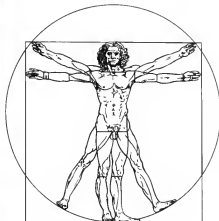

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

Лучшие книги серии изданы в подарочном
исполнении в серии

Золотая коллекция
«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной
бумаге
- Оригинальное оформление

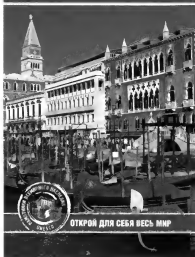
ОТКРОЙ ДЛЯ СЕБЯ МИР

СЕРИЯ КНИГ

«ЮНЕСКО.

Памятники всемирного
наследия»

ВЕНЕЦИЯ

- Увлекательное повествование о происхождении каждого города
- Рассказы о создателях, о знаменитых исторических деятелях и заметных событиях, связанных с далеким и недавним прошлым
- История золотого фонда всемирного наследия человечества в яркой и увлекательной манере

ИСТОРИЯ + ГЕОГРАФИЯ

СЕРИЯ КНИГ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

- Более 25 книг о разных странах мира и регионах России
- Исторические экскурсии о самых посещаемых туристических местах
- Авторы книг — кандидаты и доктора исторических наук, журналисты
- Серия «Исторический путеводитель» — лауреат 6 премий
- Книги широко иллюстрированы

1
3-20-1

РУССКАЯ АФРИКА

Кто первым из россиян ступил на жаркую африканскую землю? Кем были эти люди и что заставило многих из них покинуть родные места и навсегда поселиться на африканском континенте? Для кого-то поездка в Африку была делом обычным: артисты выезжали на гастроли, художники — на этюды, археологи — в экспедицию. Но после революции 1917 года в Африку не ездили, а бежали. Большинство попавших туда россиян было изгнано не только из России, но и из Европы. О русских африканцах, или африканских россиянах, многие из которых в разное время заслужили уважение и известность в принявшей их стране, пойдет речь в этой книге.

ISBN 978-5-9533-3477-8

9 785953 334778

